

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣва и И. В. Лучицкаго.

Вернеръ Зомбартъ.

ИСТОРІЯ
ЭКОНОМИЧЕСКАГО РАЗВИТІЯ ГЕРМАНИИ
въ XIX вѣкѣ.

ПЕРЕВОДЪ СО ВТОРОГО ПРОСМОТРѢННАГО НѢМЕЦКАГО ИЗДАНІЯ

СЪ ПРЕДСЛОВІЕМЪ И ПРИМѢЧАНІЯМИ

М. А. ЛИХАРЕВА

И СО ВСТУПИТЕЛЬНОЮ ЗАМѢТКОЮ ПРОФ. АЛ. АРК. КАУФМАНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ „БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“.

Zbiory specjalne

P K-216/73

BIBLIOTEKA UNIWERSYTECKA
im. Jerzego Giedroycia w Białymstoku

FUW0439523

40684

Типография Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Спб., Прачешный пер., № 6.

Предисловіе переводчика.

Выпуская въ свѣтъ переводъ „Die deutsche Volkswirtschaft im Neunzehnten Jahrhundert“ берлинскаго (бывшаго бреславльскаго) профессора Вернера Зомбарта, переводчикъ находитъ нужнымъ предупредить читателя, что имъ переведенъ полный текстъ нѣмецкаго оригинала (входящаго въ капитальную серію трудовъ, посвященныхъ обзору эволюціи Германіи въ прошломъ столѣтіи, — „Das Neunzehnte Jahrhundert in Deutschlands Entwicklung“, Verlag Georg Bondi in Berlin). Отступленія отъ оригинала сдѣланы только слѣдующія: 1) мѣстами попадающаяся личная форма обращенія автора („liebe Leserin“, „lieber Leser“ и т. п.) замѣнена безлично-повѣствовательною, какъ болѣе соотвѣтствующею историческому изложенію; 2) въ концѣ гл. I выброшенъ послѣдній абзацъ съ положенною на ноты пѣсенкою ночного сторожа, какъ представляющій спеціальнѣе національно-культурный интересъ для нѣмецкаго читателя и мало интересный для русскаго; наконецъ, самое главное, 3) въ приложеніи перевода сохранены только тѣ таблицы, которыя болѣе или менѣе важны для общаго пониманія книги, причемъ за ними удержана нумерація оригинала; это послѣднее измѣненіе вызывалось необходимостью облегчить книгу отъ излишняго балласта и тѣмъ увеличить ея доступность для русскаго читателя.

Въ заключеніе переводчикъ не можетъ рѣшиться пустить въ обращеніе свой трудъ, не выразивъ искренней благодарности своему уважаемому и ученому другу Александру Аркадьевичу Кауфману. Профессоръ Кауфманъ не только благосклонно согласился снабдить скромный трудъ переводчика своей авторитетной замѣткой, но явился при появленіи нѣмецкой книги на свѣтъ какъ бы литературнымъ воспріимникомъ ея русскаго перевода: ему принадлежала самая идея перевести книгу на русскій языкъ, и даже тяжкая болѣзнь послѣдняго года не помѣшала ему съ теплымъ, дружескимъ участіемъ издалика интересоваться исполненіемъ переводчикомъ этой идеи; ему же пере-

Предисловіе переводчика.

водчикъ обязанъ наиболѣе цѣнными совѣтами при работѣ, а самый переводъ — своими болѣе удачными отдѣльными выраженіями и терминами.

Не менѣе искрення и глубока признательность переводчика многоуважаемому профессору Николаю Ивановичу Карѣеву, спасшему переводъ отъ кораблекрушенія на морѣ литературно-научнаго рынка, столь богатомъ „скалами, и тайными мелями и бурями“. Благодаря внимательной отзывчивости ко всякому мало-мальски серьезному научно-литературному предпріятію, которую проф. Карѣевъ неизмѣнно проявляетъ со свойственными ему простотою и сердечностью, книга Вернера Зомбарта нынѣ появляется въ серіи „Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время“.

М. Лихаревъ.

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМѢТКА

проф. Ал. Арк. Кауфмана.

Книга, подписанная именемъ Зомбарта, въ сущности не нуждается въ рекомендаціи передъ русской читающей публикой. Едва-ли кто изъ современныхъ нѣмецкихъ и вообще западно-европейскихъ экономистовъ пользуется такой популярностью среди русскихъ читателей, какъ этотъ оригинальный мыслитель-теоретикъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, блестящій изслѣдователь-историкъ, одинаково подкупающій какъ своеобразиемъ мыслей и построений, такъ и увлекательной красотой изложенія.

Одинъ изъ вопросовъ, которымъ Зомбартъ посвятилъ особенно много интереса и вниманія, какъ извѣстно, это — вопросъ о происхожденіи и эволюціи современнаго капиталистическаго строя. Извѣстный двухтомный трудъ Зомбарта, „Der moderne Kapitalismus“, имѣющійся, между прочимъ, въ нѣсколькихъ русскихъ переводахъ, представляетъ собою теоретическій и историко-философскій анализъ вопроса о происхожденіи, эволюціи и значеніи современной хозяйственной организаціи. Предлагаемая нынѣ вниманію русскаго читателя книга — написанная сочными мазками картина эволюціи народнаго хозяйства въ странѣ, которая сто лѣтъ тому назадъ была безконечно далека отъ капитализма, въ настоящее же время стремится вырвать у Англіи первенство въ міровой народно-хозяйственной конкуренціи; это — какъ-бы реальный примѣръ или образецъ, на которомъ читатель можетъ прослѣдить и провѣрить начертанную теоріей схему развитія капитализма, эволюція и вліяніе котораго прослѣживаются Зомбартомъ во всѣхъ областяхъ народно-хозяйственной жизни, начиная отъ крупной обрабатывающей промышленности и кончая домашнимъ потребленіемъ. Необыкновенная яркость красокъ, блескъ изложенія, живость образовъ и параллелей, несомнѣнно, привлекутъ къ этой книгѣ вниманіе читающей публики.

А. Кауфманъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Картины изъ хозяйственной жизни Германіи сто лѣтъ тому назадъ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Путешествіе по Германіи сто лѣтъ тому назадъ.

I. Какимъ образомъ тогда путешествовали?

Сто лѣтъ тому назадъ путешествіе было не такимъ простымъ дѣломъ, какъ теперь. Кто не хотѣлъ странствовать пѣшкомъ (что обыкновенно предпочиталось людьми крѣпкаго сложенія, которымъ незначѣмъ было спѣшить), тотъ бывалъ вынужденъ или надѣтъ сапоги со шпорами и ѣхать верхомъ, или запречь собственную лошаденку въ дорожный экипажъ и править самому. Кто былъ лишенъ всѣхъ названныхъ возможностей передвиженія, тому оставалось одно—почтовая карета. Но этотъ послѣдній способъ перемѣщенія требовалъ отъ людей, прибѣгавшихъ къ нему, значительной затраты душевныхъ и тѣлесныхъ силъ. I. Н. Гэхтъ (I. N. Hecht)—«Бедеккеръ» того времени—относитъ къ числу свойствъ, необходимымъ для «порядочнаго пассажира», прежде всего крѣпкое тѣлосложеніе и христіанское терпѣніе; особенно необходимо было послѣднее. Впрочемъ, человѣкъ, лишенный этого свойства, не могъ, по мнѣнію компетентныхъ судей, не пріобрѣсть его послѣ болѣе или менѣе долгой ѣзды на почтовыхъ. «Человѣку не женатому, а, слѣдовательно, мало знакомому съ терпѣніемъ,—сказалъ одинъ изъ много путешествовавшихъ людей того времени (авторъ «Записокъ смѣющагося философа»—«Pariege eines lachenden Philosophen»),—совѣтую отправиться на сѣверъ», то-есть, на сѣверъ Германіи, который пользовался особенно дурной славой у путешественниковъ. Нѣсколько лучше было путешествовать по южной Германіи, и наиболѣе благоприятны были отзывы о путешествіи по австрійскимъ землямъ. Наилучше были поставлены почтовые сношенія по ту сторону Дуная. Какъ времена-то перемѣнчивы!

Многочисленныя жалобы на трудность путешествія, слышавшіяся во всѣхъ путевыхъ очеркахъ того времени (которымъ посвящено почти столько же книгъ, сколько теперь пишется фельетоновъ въ формѣ «путевыхъ писемъ»),

являются слишкомъ понятными, если ознакомиться съ условіями, при которыхъ совершались тогдашнія путешествія.

Дороги! О, Боже мой! Что это было за мученіе! Шоссе или мощенныя дороги имѣлись только на очень маломъ протяженіи. Во всемъ Прусскомъ королевствѣ въ 1816 году было всего лишь $523\frac{3}{8}$ миль шоссе (теперь на томъ же пространствѣ болѣе 10000 миль); изъ этихъ $523\frac{3}{8}$ миль три пятыхъ приходилось на Вестфалію и Рейнскую провинцію, между тѣмъ какъ въ провинціяхъ Помераніи и Познани еще совсѣмъ не было шоссеиныхъ дорогъ, а въ Пруссіи имѣлась такая дорога на протяженіи всего одной мили. Такимъ образомъ, въ видѣ общаго правила приходилось ѣхать по песку, суглинку и красной глинѣ, то-есть, лѣтомъ по пыли, а зимой по трясинѣ; кромѣ того, дороги перерѣзывались глубокими рытвинами, повсюду торчали пни и валялись камни. Благодаря этому, въ отчетахъ того времени мы встрѣчаемъ въ изобиліи извѣстія о завязнувшихъ экипажахъ, а иногда и объ утонувшихъ въ болотѣ почтаряхъ. Нерѣдко дороги умышленно не исправлялись съ той цѣлью, чтобы почта и обозы съ товарами, проходя по странѣ медленно, доставляли хорошую наживу мѣстнымъ трактирщикамъ и ремесленникамъ.

Экипажи вполне соответствовали дорогамъ. Почтовые кареты служили одной изъ самыхъ излюбленныхъ и неистощимыхъ темъ для остроумныхъ современныхъ журналистовъ. Многочисленныя выдержки изъ литературы того времени, трактующія о недостаткахъ почтовыхъ каретъ а) въ остроумно-юмористическомъ и б) въ желчно-сердитомъ тонѣ, могли бы послужить достаточными матеріалами для докторской диссертациі по неогермановѣдѣнію. Напомню лишь слова Лихтенберга: «почтовые кареты окрашиваются въ красный цвѣтъ (вѣроятно, здѣсь имѣлись въ виду почтовые кареты компаніи Таксиса)—цвѣтъ боли и мученія; онѣ покрываются клеенкой, но не для того, чтобы, какъ принято думать, защищать путешественниковъ отъ солнца и дождя (вѣдь враги путешественниковъ—дороги и почтовая карета—грозятъ имъ не сверху, а снизу); это дѣлается по той же самой причинѣ, по которой людямъ, идущимъ на висѣлицу, надѣваютъ на лицо фуражку, а именно, чтобы окружающіе не могли видѣть ихъ искаженныхъ ужасомъ лицъ». Однако, Людвигъ Бёрне написалъ еще въ началѣ третьяго десятилѣтія девятнадцатаго вѣка свои классическіе «Матеріалы для естественной исторіи моллюсковъ и слизняковъ»—«монографію нѣмецкой почтовой улитки», гдѣ онъ говоритъ слѣдующее: «я уже во время прежнихъ поѣздокъ попалъ на мои лучшія сатирическія мысли относительно почтовой кареты, но потомъ растерялъ ихъ. Складъ моихъ идей слишкомъ тѣсенъ для накопленія урожая въ мысли; поэтому я сейчасъ же потребляю ихъ, т.-е. записываю и обрабатываю. Мысли же относительно почтовой кареты я никогда не могъ тотчасъ записать, потому что толчки послѣдней постоянно совпадали съ появленіемъ первыхъ».

Но неистощимымъ источникомъ для всякаго рода остроумъ и сатиры служила скорость передвиженія на почтовыхъ. Желаящій получить свѣдѣнія

по этому предмету можетъ найти ихъ въ томъ же сочиненіи Людвигъ Бёрне, заключающемъ въ себѣ много интересныхъ анекдотовъ. Журналисты того времени еще занимались своимъ дѣломъ основательно и съ большимъ усердіемъ. Поэтому въ «монографіи» нашего автора нѣтъ недостатка и въ «статистическомъ матеріалѣ»; онъ самъ называетъ статистику почтовой кареты «теоріей стоянія на мѣстѣ». Вотъ путевая вѣдомость поѣздки изъ Франкфурта въ Штуттгартъ. Время путешествія равнялось 40 часамъ; остановки были слѣдующія:

	Часы.	Минуты.
въ Шпрендингенѣ	—	12
» Лангенѣ	—	50
» Дармштадтѣ	—	45
» Бикенбахѣ	—	30
» Геппенгеймѣ	1	15
» Вейнгеймѣ	—	30
» Гейдельбергѣ	3	15
» Неккаргемюндѣ	1	15
» Визенбахѣ	—	12
» Зинцгеймѣ	—	15
» Фюрфельдѣ	—	30
» Гейльброннѣ	3	10
» Безигтеймѣ	1	5
» Людвигсбургѣ	1	—

Итого 14 час. 44 минуты.

Что Бёрне не выдумывалъ, это явствуетъ для насъ изъ другихъ свѣдѣній, совпадающихъ съ его показаніемъ, а также изъ тогдашнихъ путеводителей. Изъ Берлина въ Лейпцигъ путешествіе совершалось въ теченіе полутора сутокъ, въ Бреславль—въ четыре дня, въ Кёнигсбергъ—въ теченіе цѣлой недѣли. Путешествія изъ Берлина требовали такой же затраты времени, какъ и путешествія изъ Франкфурта-на-Майнѣ, что видно также изъ слѣдующаго описанія въ юношескихъ воспоминаніяхъ Людвигъ Рельштаба.

«Конечно, въ то время путешествовали нѣсколько иначе, чѣмъ теперь. Мы выѣзжали изъ Берлина съ ординарной почтой (официальное выраженіе того времени). Мы садились въ карету крытую, что уже являлось признакомъ сибаритской роскоши при ординарной почтѣ. Сидѣнья и спинки были снабжены кожаными подушками; карета была безъ рессоръ; въ глубинѣ ея задняго мѣста для сидѣнья былъ наваленъ багажъ, служившій спинкой. (По окольнымъ дорогамъ ходили, по большей части, лишь полукрытыя кареты, а то и совсѣмъ открытыя). Сидѣнья, хотя и не отличавшіяся мягкостью, казались чудесными такому молодому любителю путешествій, какимъ былъ тогда я, а сильныя толчки и тряска были, вѣроятно, здоровѣе, чѣмъ нынѣшнее дрожаніе въ желѣзнодорожныхъ вагонахъ, притупляющее нервную чувствительность. Находилось также время для ознакомленія со страной и людьми. Рысью, даже умѣренной, ѣхали рѣдко, да и то лишь по совершенно ровному

шоссе; при малѣйшемъ подъемѣ почвы плелись самымъ тяжелымъ шагомъ. Время ѣзды до Целендорфа—мы ѣхали чрезъ Потсдамъ по дорогѣ къ Виттенбергу—равнялось тремъ часамъ; въ Потсдамѣ останавливались на полтора часа, потому что на каждой станціи пересчитывались тюки, и, такимъ образомъ, перегружалась вся почтовая карета. Вслѣдствіе этого, выѣхавъ въ восемь или девять часовъ утра, мы уже позднимъ вечеромъ добирались благополучно до Белитца, городка, лежащаго въ трехъ миляхъ за Потсдамомъ».

Такимъ образомъ, могла возникнуть идея о выдачѣ путешественникамъ денегъ за простой, а также представленіе, что почтовые кареты компаніи Турна и Таксиса, двигающіяся съ торжественной медленностью, везутъ на похороны не плачущихъ родственниковъ умершихъ, а самые трупы «для того, чтобы у нихъ было время очнуться отъ мнимой смерти; ибо если только въ угасающей жизни теплится еще хоть одна ея искорка, то тряска кареты должна раздуть ее въ пламя».

Причиной невыносимой медленности почтовой кареты былъ не только, какъ думалъ Бёрне, вредъ, будто бы, приносимый лошадямъ внезапной пере-мѣной шага отъ медленнаго къ быстрому и обратно, благодаря чему медленная ѣзда, обязательная въ городахъ и деревняхъ, сохранялась и на столбовой дорогѣ. Для объясненія этой медленности путешествія существовали еще и другія болѣе важныя основанія. Мы уже упоминали о непроѣздныхъ дорогахъ той эпохи. Но, кромѣ того, много времени отнимала возня съ таможенными и заставными городскими пошлинами. Такъ, напримѣръ, въ концѣ восемнадцатаго столѣтія между Дрезденомъ и Магдебургомъ еще взималось 16 пошлинъ, отъ Вертгейма до Майнца—7; подобное же положеніе дѣла наблюдалось повсюду. Вспомнимъ только, что еще до 1803 года нѣмецкія земли дѣлились между 300 слишкомъ государей, и лишь позже число послѣднихъ сократилось до 38. Но и эти «тридцать-восемь монарховъ» рассматривали землю или земельку сосѣда какъ «таможенную границу» («Zollausland»), говоря современнымъ намъ техническимъ языкомъ, и на нѣмецкихъ дорогахъ стояло тогда почти столько же шлагбаумовъ, сколько стоитъ теперь телеграфныхъ столбовъ. «Однако,—жалуется въ 1819 году Фридрихъ Листъ,—нѣмцы все болѣе и болѣе сами себя ограничиваютъ. Тридцать-восемь таможенныхъ и мытныхъ линій въ Германіи парализуютъ внутреннія сношенія и дѣйствуютъ почти такъ же, какъ если бы каждый членъ человеческого тѣла былъ перетянутъ веревкой, чтобы воспрепятствовать крови переливаться изъ одного члена въ другой. Вѣдя торговлю въ Гамбургъ съ Австріею, въ Берлинъ со Швейцаріею, приходится проѣзжать чрезъ десять государствъ, изучать десять таможенныхъ и мѣстныхъ порядковъ, уплачивать десять разъ транзитную пошлину. А кто имѣетъ несчастье жить на границѣ, гдѣ сталкиваются три или четыре государства, тотъ проводитъ всю свою жизнь среди враждебно настроенныхъ таможенныхъ и мытныхъ чиновниковъ; у него нѣтъ отечества. Это состояніе представляется безотраднымъ для людей, которые хотѣли бы дѣйствовать и вести торговлю. Они съ завистью смотрятъ на великій народъ, живущій по другую сторону

Рейна, который ведетъ торговлю отъ Ламанша до Средиземнаго моря, отъ Рейна до Пиренеевъ, отъ границы Голландіи до Италіи, по свободнымъ рѣкамъ и открытымъ столбовымъ дорогамъ, не встрѣчая ни одного мытнаго чиновника».

Мало того, что измученному путешественнику, проѣзжавшему нѣсколько такихъ суверенныхъ государствъ, приходилось вести непрерывную войну съ таможенными сторожами, его еще повергала въ отчаяніе возня съ крайнимъ разнообразіемъ монетъ, которыя постоянно приходилось обмѣнивать. Кто интересуется пестрыми образцами нѣмецкой нумизматики, относящимися къ началу девятнадцатаго столѣтія, и не хочетъ раскрывать какой-нибудь скучной специальной книги по этому предмету, тому я рекомендую прочесть соответственные главы мѣстами до сихъ поръ удобочитаемой книги «Нѣмца, путешествующаго по Германіи». Эти главы находятся въ четвертомъ томѣ полного собранія его сочиненій. Въ общемъ итогѣ не удивительно, что нервный путешественникъ à la Бёрне, подвергавшійся въ теченіе нѣсколькихъ дней подобнаго рода мученіямъ, восклицалъ: «я готовъ выскочить изъ кожи, если бы только въ ней оказалось достаточное для меня отверстіе, такъ какъ я весь распухъ отъ злости».

Но и отдыхъ отъ тягостей дороги доставлялъ путешественнику мало утѣшительнаго, если только онъ не заѣзжалъ къ добрымъ знакомымъ. Гостиницы и постоялыя дворы были въ высшей степени скудны. Мнѣ припоминается описаніе путешествія одного почтеннаго деревенскаго пастора, который провелъ нѣсколько дней въ Галле и не могъ найти словъ для порицанія плохого ухода за нимъ въ гостиницѣ; для него было особенно неприятно то, что окна номеровъ этой гостиницы выходили прямо на лобную площадь, гдѣ трупы только-что повѣшенныхъ раскачивались вѣтромъ въ разстояніи всего нѣсколькихъ шаговъ отъ гостиницы. Такимъ образомъ, часто предпочитали путешествовать ночью и, конечно, тогда охотнѣе, чѣмъ теперь, совершали подобнаго рода ночныя поѣздки, вслѣдствіе продолжительности путешествія.

Wir fuhren allein im dunklen
Postwagen die ganze Nacht *).

Разумѣется, въ теченіе подобнаго рода путешествія и переживалось гораздо болѣе. Оно само являлось событіемъ. Впечатлѣнія воспринимались медленно; наблюденія переваривались, и вмѣсто писемъ, редактированныхъ въ стилѣ депешъ на карточкахъ съ видами, людямъ близкимъ отправлялись сообщенія, изложенныя въ видѣ подробныхъ посланій. Вмѣсто трехъ столбцовъ фельетона въ «Tag», бѣгло набросанныхъ въ поѣздѣ D, результаты путевого опыта, собранные въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, излагались въ солидномъ томѣ. Теперь книги пишутся, пожалуй, только о путешествіяхъ черезъ Сибирь или въ Африку. Сохранились цѣлыя серіи томовъ того времени,

*) Мы ѣхали цѣлую ночь одни
Въ темной почтовой каретѣ.

посвященныхъ описанію путешествій на Рюгенъ или изъ Берлина въ Дрезденъ, или же воспоминаній о странствованіяхъ по Бранденбургу или какому-нибудь другому подробно описанному уголку Германіи. Такимъ образомъ, это ввело въ жизнь технику передачи извѣстій и ихъ опубликованія.

Зато какъ глубоко чувствовалъ путешественникъ ту природу, по которой онъ проѣзжалъ въ экипажѣ или верхомъ или проходилъ пѣшкомъ. Какъ тѣсны бывали его сношенія съ людьми всѣхъ сословій! Прекрасную картину съ настроеніемъ представляетъ собою слѣдующее мѣсто въ «Путешествіи по Помераніи» («Reise durch Pommern», 1797 года) Иоганна-Фридриха Цельнера.

«До сихъ поръ мы ѣхали всю ночь, и передъ самой деревней насъ ждало очень пріятное пробужденіе отъ утренней дремоты, подготовленное чувствительнѣйшей деликатностью (Empfindsamkeit — излюбленное слово той эпохи, вспомнимъ Циммермана!) нашего почтаря. Рядомъ съ сельскимъ правленіемъ возвышается башня съ древними по вѣншему виду стѣнами. Добрый человѣкъ остановилъ лошадей противъ башни и сыгралъ на своемъ рогѣ хорошенькую пѣсенку. Эхо отъ стѣны повторяло полно и отчетливо каждую трель ея. Въ ней чередовались болѣе краткія фразы съ болѣе длинными, и почтарь такъ правильно соблюдалъ промежутки времени, необходимые для произведенія отзвука, что мы вполнѣ наслаждались рѣдкой красотой этого эхо. Мнѣ особенно нравится то, что музыкантъ ни единымъ словомъ не старался вызвать одобренія съ нашей стороны, а вполнѣ отдавался своему чувству, предоставляя и намъ дѣлать то же. Онъ соблюдалъ также извѣстное повышеніе голоса; это меня убѣдило въ томъ, что онъ, вѣроятно, произвелъ много опытовъ, прежде чѣмъ достигъ удовлетворительнаго исполненія. Нѣсколько минутъ послѣ того онъ ѣхалъ молча и медленно по направленію къ восходящему солнцу. Когда при разставаніи мы прибавили ему на чай за эту сцену, онъ сказалъ намъ съ довольной улыбкой: «да, это дивное эхо»!

II. Что переживали тогда въ пути?

Итакъ, представимъ себѣ, что мы нѣсколько разъ странствовали описаннымъ образомъ верхомъ и въ экипажѣ по различнымъ областямъ германскаго отечества, отзываясь душой и обращая взоръ на все, что представлялось зрителю, и, слѣдовательно, не уподобляясь мадамъ де Сталь; вѣдь она, собственно говоря, не видѣла въ Германіи ничего; она черпала свои свѣдѣнія изъ книгъ и рассказовъ и потому, естественно, не узнала главнаго.

Я воображаю себѣ далѣе, что мы сначала набрасываемъ поверхностныя замѣтки о нашихъ впечатлѣніяхъ въ томъ видѣ, какъ воспринимаемъ ихъ; быть-можетъ, мы оживляемъ и подкрѣпляемъ ихъ нѣкоторыми указаніями, которыя можно найти въ обычныхъ руководствахъ по географіи, и, только вернувшись домой къ теплomu очагу, мы разбираемся въ нашихъ путевыхъ впечатлѣніяхъ и стараемся придать имъ глубину основательнымъ изученіемъ политико-экономическихъ сочиненій. Тогда мы видимъ, хороши ли были наши наблюденія.

Само собою разумѣется, что мы предпринимаемъ наше путешествіе съ явнымъ интересомъ къ экономическимъ вопросамъ и къ вещамъ, стоящимъ въ самой тѣсной связи съ послѣдними. Въ противномъ случаѣ слѣдовало бы обратиться къ естествоиспытателю, или литератору, или, наконецъ, антикварію, чего, однако, здѣсь, очевидно, не имѣется въ виду.

Пусть путешествіе было утомительно, зато оно, навѣрно, не было скучно. Правда, нельзя было убивать время за чтеніемъ газетъ, какъ теперь, но въ этомъ и нужды не было, такъ какъ половина большой дороги проходила по населеннымъ мѣстностямъ, гдѣ передъ нами развѣтывалась пестрая жизнь.

Само движеніе путешественниковъ по дорогамъ создавало своеобразные промыслы, начиная съ нищенства, которое особенно разрослось въ двадцатыхъ и тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, послѣ эпохи военныхъ походовъ. Нищенство существовало во всѣхъ формахъ, часто въ видѣ выставки на продажу всякаго рода бездѣлушекъ и предложеній мелкихъ услугъ, въ родѣ того, какъ это дѣлается на дорогѣ изъ Неаполя въ Помпею.

Много встрѣчается на большой дорогѣ и людей, занятыхъ своими дѣлами.

Здѣсь проходятъ:

Der sorgenvolle Kaufmann und der leicht
Geschürzte Pilger—der andächtige Mönch,
Der düstre Räuber und der heitre Spielmann,
Der Säumer mit dem schwer belad'nen Ross,
Der ferne herkommt von der Menschen Ländern
Denn jede Strasse führt ans End der Welt! *).

А на главныхъ дорогахъ попадаются преимущественно тяжелыя грузовыя фуры, покрытыя парусиной и часто слѣдующія одна за другою длинными вереницами. Между ними шныряютъ проворные ремесленные ученики, и проходить коробейникъ съ тюкомъ на спинѣ, странствующій отъ деревни къ деревнѣ.

Вы спросите, что представляютъ собой своеобразные деревянные станки, которые возвышаются возлѣ большой дороги и подобно привидѣніямъ простираютъ въ туманѣ свои руки? Здѣсь передъ вами оптический телеграфъ. Гейстбекъ (Geistbeck) сообщаетъ относительно этого слѣдующія подробности: устроить первый оптический телеграфъ, годный для практическаго пользованія имъ, удалось французскому инженеру Клоду Шаппу (Chappe); онъ достигъ этого послѣ долготѣхъ опытовъ, при которыхъ ему помогали

*) Хлопотливый купецъ и легко препоясанный
Пилигримъ—благочестивый монахъ,
Мрачный разбойникъ и веселый музыкантъ.
Погонщикъ ведетъ тяжело нагруженнаго коня,
Онъ является изъ дальнихъ краевъ,
Такъ какъ всякая дорога приводитъ къ концу міра!

его братья. Сущность устройства оптического телеграфа заключалась въ слѣдующемъ: три бруса укрѣплялись на станкѣ, поставленномъ на мѣстѣ, видномъ издалека, и располагались такимъ образомъ, что можно было путемъ разнообразныхъ комбинацій между ними подавать множество опредѣленныхъ знаковъ. Наблюдение и передача знака требовали при благоприятныхъ обстоятельствахъ двадцати секундъ времени. Для передачи знака изъ Тулона въ Парижъ (около 300 км.) требовалось двадцать минутъ. Первая линія оптического телеграфа была открыта въ 1794 году между Парижемъ и Лиллемъ. Но, мало-по-малу, во Франціи было устроено до 5000 км. такихъ линій, которыя всѣ соединялись въ Парижѣ. Другія страны, какъ Англія, Швеція, Данія, Пруссія и т. п., скоро завели у себя подобные же телеграфы. Самая значительная линія оптического телеграфа въ Германіи шла отъ Берлина въ Кёльну.

Впрочемъ, оптическій телеграфъ страдалъ недостаткомъ, свойственнымъ столь многимъ людямъ: въ рѣшительную минуту онъ отказывался служить; ночью или во время тумана, дождя и снѣга передача извѣстій по такому телеграфу, естественно, была невозможна.

Мѣстность, по которой проходила большая дорога, представляла такую же пеструю картину, какъ и сама дорога. И пестрота эта носила совершенно иной характеръ, чѣмъ теперь. Она возникала, такъ сказать, естественно и случайно, полная неправильностей, свойственныхъ эмпирической культурѣ.

Дорога ведетъ еще между неправильно посаженными рядами деревьевъ, черезъ живописныя ущелья, въ которыя вторгается цвѣтушій терновникъ; чрезъ ручьи и рѣчки или по полуразрушеннымъ мостамъ, между обтесанными камнями, на которыхъ растутъ мохъ и травы. Мѣстность часто перемежается болотами и топями, изъ которыхъ доносится кваканье лягушекъ или крикъ выпи. Однообразіе пейзажа довольно часто прерывается каменоломней или песочной ямой, а на краю дороги стоитъ кустъ, въ тѣни котораго путникъ можетъ найти отдыхъ; или среди поля встрѣчается рощица, въ кустахъ которой пѣвчія птицы вьютъ гнѣзда. А то дикая роза охватываетъ своими вѣтвями развалины старой стѣны, происхождение и назначеніе которой никому не извѣстны. Да и вообще въ ландшафтѣ еще много такого, что не имѣетъ «надлежащаго назначенія».

Особенность, которая должна броситься въ глаза путешественнику, это изобиліе луговъ, пастбищъ и стадъ. Путнику попадаютъ на каждомъ шагѣ не только крупныя стада овецъ, но и стаи гусей, стада свиней и козъ, пасущихся лошадей и рогатаго скота.

Пашня имѣетъ видъ шахматной доски: участки земли расположены одинъ возлѣ другого крошечными полосами, и смежныя полосы засѣяны однимъ и тѣмъ же злакомъ или же остаются одинаково невоздѣланными. Лѣтомъ картина пашни представляется особенно пестрой благодаря множеству голубыхъ полосъ, которыми перемежаются поля зернового хлѣба, волнуемая вѣтромъ; эти голубыя полосы—цвѣтушій ленъ.

Путнику гораздо чаще, чѣмъ теперь, случалось вступать въ тѣнь лѣса. Вѣковые лѣсные великаны еще не были срублены; кустарникъ еще росъ въ дикомъ состояніи, переплетаясь со всякаго рода «безполезными» кустами—съ «лѣснымъ бурьяномъ», какъ называютъ теперь живописныхъ паразитовъ. Въ жизни народа той эпохи лѣсъ игралъ совсѣмъ другую роль, чѣмъ теперь; тогда народъ переносилъ еще въ него свои легенды и сказки и часто разсматривалъ его какъ единственный источникъ, доставляющій средства къ существованію. Старая нѣмецкая культура, еще сохранявшая свои основныя черты въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, возникла, въ буквальномъ смыслѣ слова, изъ лѣса; журчащій ручей, шумящій дубъ являются чувственными образами духовной жизни нѣмцевъ, которая именно въ ту эпоху, когда мы мысленно проѣзжаемъ по нѣмецкимъ землямъ, взращивала чудесный «голубой цвѣтокъ» романтики *). Задумчивость, нѣжность, чувство неопредѣленнаго ужаса, глубокая наклонность къ сентиментальности и остальные свойства, отличающія нѣмцевъ отъ другихъ національностей, все это коренилось въ лѣсу, въ не расчищенномъ, дикомъ лѣсу, гдѣ весною птицы распѣвали въ кустахъ, а осенью туманы тинулись надъ прогалинами.

Но въ лѣсу же коренилась и матеріальная культура сѣверныхъ странъ, прежде чѣмъ желѣзо и другіе виды неорганизованной матеріи вызвали къ жизни новую культуру. Это становилось яснымъ для наблюдательнаго путешественника, который повсюду наталкивался на бѣдняковъ, собиравшихъ хворостъ, ягоды, мелкія вѣтви на подстилку и другіе лѣсные продукты. Свиньи бѣдняка ищутъ въ лѣсу желудей для корма, его корова и козы щиплютъ траву на опушкѣ лѣса. А изъ лѣсныхъ запасовъ дерева онъ беретъ матеріалъ для промышленныхъ издѣлій, которыя продаетъ на ярмаркахъ и базарахъ, для разнаго рода лопатъ, кадокъ, чановъ и рѣзныхъ издѣлій. Но и городскому ремесленнику лѣсъ доставлялъ большую часть сырья—дубло и дерево. Самая культура нашихъ предковъ была «деревянною». Огонь добывался изъ дерева, изъ него же строились дома, мосты и мостики; изъ дерева дѣлались безчисленные предметы ежедневнаго обихода, изготовленіемъ которыхъ занимался въ особенности бочаръ; многіе изъ такихъ предметовъ извѣстны намъ теперь только по названію, какъ-то: деревянные ванны, деревянные молочники и пивныя кружки, деревянные лохани, ведра, пожарныя бочки, деревянные кадушки для соленья и пивныя бочки. Викторъ Гэнъ (Hehn) остроумно замѣтилъ, что родовое различіе между югомъ и сѣверомъ сводится къ противоположности между камнемъ и деревомъ. И, безъ сомнѣнія, эта противоположность имѣла, сто лѣтъ тому назадъ, болѣе рѣшающее значеніе, чѣмъ въ наше время, когда всѣ національныя и мѣстныя различія начинаютъ стираться.

Въ какой мѣрѣ вся матеріальная культура той эпохи находилась въ зависимости отъ лѣса, становилось наблюдателю еще яснѣе, когда онъ со-

*) Не передаваемая игра словъ. Въ подлинникѣ стоитъ «blaue Blume», что значитъ «голубой цвѣтокъ», а также—«мечта».

ображалъ, что множество предметовъ, сдѣланныхъ хотя и не изъ дерева, все-таки нуждались въ послѣднемъ для своего изготовленія; сюда принадлежитъ прежде всего желѣзо, которое выплавляли изъ руды посредствомъ древеснаго угля и такимъ же способомъ подвергали дальнѣйшей обработкѣ; то же самое можно сказать относительно стекла, фарфора и тому подобнаго. Надо имѣть въ виду, что тогдашнія промышленныя заведенія (небольшія) были разсѣяны по странѣ въ гораздо большей степени, чѣмъ теперь; въ особенности часто они встрѣчались среди лѣса, на берегу шумящаго лѣсного потока (силой котораго пользовались съ промышленными цѣлями, прежде чѣмъ единодержавно воцарился паръ). Мы имѣемъ недурное описаніе такого идиллическаго желѣзо-дѣлательнаго завода того времени, и читатель, безъ сомнѣнія, часто цитировалъ это описаніе, не подозревая, что въ немъ переданъ типичный образъ старой желѣзо-дѣлательной промышленности; вотъ оно:

Des Wassers und des Feuers Kraft
Verbündet sieht man hier;
Das Mühlrad, von der Flut gerafft,
Umwälzt sich für und für,
Die Werke klappern Nacht und Tag,
Im Takte pocht der Hammer Schlag,
Und bildsam von den mächt'gen Streichen
Muss selbst das Eisen sich erweichen *).

Но, даже въѣзжая въ тогдашнюю деревню, мы замѣчаемъ въ ней больше слѣдовъ промышленной дѣятельности, чѣмъ въ наше время: мы видимъ, какъ крестьянка занимается пряньемъ, слышимъ стукъ ткацкаго челнока, застаемъ крестьянина за верстакомъ и тисками, или занятымъ около дубильной ямы, находимъ сапожника и портного въ гостяхъ у крестьянъ. Наши занятія экономикой той эпохи убѣждаютъ насъ въ томъ, что эти наблюденія не основаны на иллюзіи и не случайны.

А самыя деревни, каковъ былъ ихъ внѣшній видъ? Относительно этого можно было бы написать интересную главу, но, конечно, это заняло бы слишкомъ много времени, такъ какъ особенностью той ранней эпохи были именно различія въ расположеніи деревень и въ постройкѣ домовъ. Кое-что сохранилось еще отъ того времени и теперь: ниже-саксонецъ и верхне-баварецъ селятся отдѣльными дворами; швабъ, тюрингецъ, силезецъ и представители другихъ нѣмецкихъ народностей живутъ теперь, какъ и тогда, се-

*) Здѣсь видно соединеніе
Силы воды съ силой огня;
Мельничное колесо безпрестанно вертится,
Гонимое силой теченія;
Механизмы стучатъ ночь и день,
Въ тактъ ударяютъ молоты,
И подъ дѣйствіемъ могучихъ ударовъ
Даже желѣзо становится мягкимъ.

лами. Однако, характерные типы домовъ все болѣе и болѣе исчезаютъ: со-лома и дрань вытѣснены кирпичемъ и шиферомъ, и городской домъ отвоевываетъ себѣ мѣсто и въ деревняхъ. Сто лѣтъ тому назадъ мы можемъ рѣзко различать по типу крестьянскихъ домовъ пояса культуры, области, принадлежащія отдѣльнымъ нѣмецкимъ народностямъ, границы поселеній; основными формами постройки крестьянскихъ домовъ являются дома ниже-саксонскій, алеманнскій и тюрингскій. Если читатель хочетъ получить болѣе подробныя свѣдѣнія относительно этихъ вещей, то его желанію удовлетворить книга Фридриха фонъ-Гельвальда, «Домъ и дворъ» («Haus und Hof», первое изданіе вышло въ 1888 году). Само собою разумѣется, что этимъ типамъ домовъ стараго времени, носящимъ мѣстный характеръ, соответствуютъ и различающіеся по мѣстностямъ народные костюмы.

Небольшихъ городовъ было великое множество; въ послѣдствіи я сообщу нѣкоторыя цифры по этому предмету. Часто, однако, все различіе между городами и деревнями заключалось лишь въ иномъ административномъ управленіи, тѣмъ болѣе, что всѣ самые маленькіе города еще носили характеръ полудеревенскій въ экономическомъ отношеніи, то-есть, ихъ населеніе существовало въ значительной мѣрѣ сельскимъ хозяйствомъ и садоводствомъ. Съ современной намъ точки зрѣнія, пожалуй, можно утверждать, что большая часть ихъ представляла собою уѣздные городки, приблизительно въ родѣ того, гдѣ у родителей Германа была гостиница. Читатель, безъ сомнѣнія, помнитъ картины, рисуемыя въ «Германѣ и Доротеѣ», а также и слѣдующіе стихи:

Heil dem Bürger des kleinen
Städtchens, welcher ländlich Gewerbe und Bürgererwerb paart *).

Вотъ типъ маленькаго городка, а, конечно, также и городковъ средней руки, относящихся къ той эпохѣ!

Я намѣренъ, какъ можно менѣе, обременять читателя цифрами; однако, ему не избѣжать мѣстами нѣсколькихъ «статистическихъ данныхъ», какъ мы называемъ ихъ на нашемъ напыщенномъ официальном языкѣ. Впрочемъ, я постараюсь приводить лишь такія цифры, очевидность которыхъ была бы ясна для здраваго разсудка. Итакъ, вотъ онѣ: въ началѣ девятнадцатаго столѣтія (1802—1803 года) въ городахъ Прусскаго государства числилось еще 63486 житницъ (и хлѣбныхъ амбаровъ). Какъ видно, отсюда можно заключить о широкихъ занятіяхъ горожанъ сельскимъ хозяйствомъ. Далѣе, въ городахъ того времени существовало еще 14088 «пустырей». Въ городахъ Бреславльскаго департамента**), наприм., значилось еще 4400 житницъ и 5492 скотныхъ двора, въ городахъ Глогаускаго департамента числилось 1796 житницъ и 4074 скотныхъ двора и т. д. Поэтому

*) Счастливъ житель маленькаго городка,
Соединяющій сельскія занятія съ городскимъ заработкомъ.

**) Административное дѣленіе Пруссіи того времени, введенное Наполеономъ I по французскому образцу.

12 Картины изъ хозяйственной жизни Германии сто летъ тому назадъ.

насъ не должно удивлять, что города Прусскаго государства получали въ 1801—1802 годахъ еще 10,5 миллионъ талеровъ дохода отъ земледѣлія и около 7 миллионъ талеровъ отъ скотоводства.

Въ маленькихъ и средней руки городахъ еще безусловно преобладали дома клѣтчатой постройки *); во всемъ Прусскомъ государствѣ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія приходилось только 24643 дома массивной постройки на общее число 1454475 домовъ или очаговъ, то-есть, около 17 на тысячу. Но, равнымъ образомъ, соломенные и тесовыя крыши отнюдь еще не вполне вывелись изъ употребленія въ городахъ, особенно на востокъ отъ Эльбы. Такъ, напримѣръ, въ городахъ Познанскаго департамента на ряду съ 1350 домами съ кирпично-черепичными крышами находилось 20393 дома съ соломенными и тесовыми крышами; въ городахъ Бреславльскаго департамента число первыхъ равнялось 7425, а число послѣднихъ 20342, и даже въ Падерборнскомъ департаментѣ въ городахъ насчитывалось еще 1588 соломенныхъ и тесовыхъ крышъ на ряду съ 3443 крышами изъ кирпичной и 204 изъ шиферной черепицы.

Даже большіе города имѣли гораздо менѣе «городской» видъ, чѣмъ нынѣ. Большинство нѣмецкихъ городовъ мало увеличили свою площадь къ началу истекшаго столѣтія сравнительно съ той величиной, которой они достигали въ позднѣйшій періодъ среднихъ вѣковъ. Во всякомъ случаѣ, внѣ старыхъ городскихъ стѣнъ, которыя, по большей части, еще стояли на своемъ мѣстѣ, были раскиданы среди садовъ и полей только отдѣльные дома. И часто даже сады и поля доходили до самой середины города. Представьте себѣ, такимъ образомъ, Бреславль, заключенный внутри городского рва, который образовывалъ крѣпостной валъ. Генераль Тауэнцинъ (Tautenzien), умирая, просилъ, чтобы его похоронили далеко отъ всякой городской суеты, передъ городскими воротами съ наружной стороны ихъ. Въ настоящее время его памятникъ стоитъ среди города, въ самой сутолокѣ живѣйшаго городского движенія.

А каковъ былъ видъ самаго большого нѣмецкаго города (въ современномъ смыслѣ слова—имперскаго города) Берлина, который въ 1800 году насчитывалъ у себя около 200000 жителей (въ 1800 году ихъ было 172023, въ 1804—182157 человекъ)? Читателю будетъ интересно узнать объ этомъ отъ современника, который сравниваетъ Вѣну съ Берлиномъ. Вѣна уже тогда достигла совершенно иной степени культуры, чѣмъ Берлинъ, хотя комфортъ въ ней, съ точки зрѣнія современныхъ требованій, и былъ мало развитъ. Эти свѣдѣнія сообщаетъ членъ военнаго совѣта фонъ-Келльнъ (von Colln), вотъ характерныя мѣста приведеннаго имъ сравненія, которое относится къ 1800 году.

*) Стѣны такихъ домовъ строятся изъ клѣткообразно сложенныхъ брусевъ, промезутки между послѣдними закладываются кирпичами, камнями или мелкимъ лѣсомъ и обмазываются глиною.

«Вѣна расположена въ плодородномъ саду и окружена высокими горами, среди которыхъ Шнеебергъ (Снѣжная гора) въ Штиріи (на разстояніи 6—8 почтовыхъ станцій отъ Вѣны) величественно воздымается свою вѣчно снѣжную главу.

«Берлинъ, напротивъ того, лежитъ среди песчаной аравійской пустыни. Съ какой бы стороны къ нему ни приближаться—съ востока, съ запада, съ юга или сѣвера—путешественникъ тащится по песчаному морю на задыхающихся почтовыхъ лошадяхъ. Лѣтомъ солнце жжетъ здѣсь съ сугубой силой, и только нѣсколько сосновыхъ стволовъ, обглоданныхъ гусеницами, доставляетъ скудную тѣнь. На далекомъ разстояніи глазъ не встрѣчаетъ и слѣда горъ, а вода, гдѣ она есть, представляетъ собою болото, вокругъ котораго стая чибисовъ затягиваетъ свое пріятное пѣніе. На поляхъ замѣтны лишь рѣдкіе хлѣбные колосья, сѣмена которыхъ какъ-будто были занесены сюда птицами.

«Видъ пріобрѣтаетъ еще большій интересъ, когда начинается буря, потому что тогда цѣлыя поля съ поспѣвшимъ хлѣбомъ и сѣменами поднимаются, кружатся въ воздухѣ и опускаются гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. Хотя теперь и проложены искусственныя дороги, но ихъ скудныя окрестности остаются такими же.

«Сердце радуется, когда, наконецъ, завидишь шпицы берлинскихъ башенъ; зато теперь вблизи заставы навстрѣчу путешественнику несется разительное зловоніе, такъ какъ берлинцы выгружаютъ всѣ свои нечистоты возлѣ городскихъ воротъ. На франкфуртской дорогѣ дѣло и этимъ не ограничивается: здѣсь расположился живодець со своею мастерской, и нетрудно представить себѣ, что за благовонная смѣсь запаховъ испускается отбросами Берлина и падалью издохнувшихъ домашнихъ животныхъ.

«Послѣ того какъ путешественникъ претерпѣлъ несносный осмотръ своихъ вещей акцизными чиновниками и далъ караульному офицеру отвѣтъ на сотню вопросовъ, предлагаемыхъ послѣднимъ для удовлетворенія officialнаго любопытства (ибо другого значенія эти вопросы не имѣютъ), онъ вступаетъ въ кварталы, гдѣ его окружаютъ жалкія хижины, луга и поля (если только онъ не проѣзжаетъ чрезъ ворота Фридрихсштадта); часто, однако, все скрывается изъ виду, такъ какъ малѣйшій вѣтерокъ подымаетъ такую пыль, что путешественникъ бываетъ вынужденъ крѣпко зажмурить глаза.

«Вѣна не можетъ похвалиться ни однимъ дворцомъ или общественнымъ зданіемъ, которое было бы возможно поставить рядомъ съ королевскимъ замкомъ, съ оперой, цейхгаузомъ, съ Генриховскимъ дворцомъ и другими зданіями Берлина; въ отношеніи архитектуры, правильности и широты улицъ Берлинъ далеко оставилъ Вѣну позади себя. Но послѣдняя имѣетъ въ отношеніи внѣшности улицъ одно преимущество, котораго Берлинъ лишенъ. Въ Вѣнѣ мостовая сдѣлана изъ тесаныхъ квадратныхъ камней, и на ней нѣтъ вонючихъ сточныхъ каналовъ, какъ въ Берлинѣ, потому что въ Вѣнѣ всѣ такіе каналы прикрыты. Въ Берлинѣ полиція позорно бездѣтельна въ этомъ отношеніи. Тамъ въ сточные каналы выливаются содержимое выносныхъ клозетовъ и всякаго рода кухонныя нечистоты, туда же бросаются издохшія

домашнія животныя, распространяющія несносную вонь. Въ Вѣнѣ улицы такъ же чисты, какъ коридоры обширнаго дома. Тамъ непрерывно разъѣзжаютъ повозки, изъ которыхъ однѣ собираютъ всякаго рода нечистоты, а другія—съ большими бочками воды—орошаютъ улицы и прибавляютъ пыли. Въ Берлинѣ же, напротивъ, прохожіе постоянно бродятъ по грязи и пыли.

«Вся Вѣна покрыта подземными каналами, стекающими въ Дунай; туда направляются всякія нечистоты. Улицы распределены между поденщиками, которые собираютъ нечистоты въ одно мѣсто; за поденщиками возятъ бакъ воды, съ помощью котораго нечистоты спускаются въ ближайшее отверстіе канала. Въ Берлинѣ придется, можетъ-быть, постоянно зажимать носъ платкомъ, такъ какъ поутру ты ощущаешь запахъ содержимаго выносныхъ клозетовъ, только-что опорожненныхъ въ сточные каналы; если же поселянинъ нагружаетъ на свою телѣгу навозъ, накопившійся со всего дома, то воздухъ цѣлой улицы отравляется вонью.

«Рѣдко можно замѣтить, чтобы въ Берлинѣ убирали съ улицы мертвыхъ собакъ и кошекъ, и я часто видѣлъ мертвыхъ лошадей, по полудню лежавшихъ на самыхъ людныхъ улицахъ. Тамъ существуютъ также нѣкоторыя мѣста, превращенныя въ общественныя ретирады, и горе пѣшеходу, который впотѣмахъ заблудится въ нихъ! Послѣ дождя кучи навоза плаваютъ на улицѣ, а такъ какъ нерѣдко имъ приходится оставаться цѣлыя сутки въ ожиданіи уборки, то ночью очень легко погрузиться туда по неосторожности и выпачкаться до колѣнъ».

Но особенно сильныя жалобы раздавались тогда на непроходимость улицъ, царившую въ городахъ той эпохи. Мостовой не было вовсе, или она была очень плоха; не было тротуаровъ; поэтому лѣтомъ на улицахъ утопали въ пыли, а зимой—въ трясинѣ. Надо, однако, принять въ соображеніе, что тогда въ городѣ еще не было, собственно говоря, внутреннихъ сношеній въ теперешнемъ смыслѣ этого слова. За исключеніемъ нѣсколькихъ чиновниковъ, регулярно ходившихъ изъ дома на службу и обратно и замѣнявшихъ для обитателей улицы часы, да двухъ-трехъ разсыльных, путешественниковъ и немногихъ другихъ людей, видъ улицъ свидѣтельствовалъ, что жители даже большихъ городовъ еще были въ ту пору домосѣдами, незнакомыми съ теперешнимъ непрерывнымъ движеніемъ. Рабочимъ не нужно было отправляться въ мастерскія за нѣсколько верстъ отъ своихъ жилищъ, такъ какъ въ то время первыя, по большей части, находились тамъ же, гдѣ и вторыя. Не было нужды вѣчно бѣгать по городу, чтобы пріобрѣсти тысячи вещей ежедневнаго обихода; „shopping“ *) еще не сдѣлался любимой привычкой дамъ всѣхъ сословій; послѣднимъ было слишкомъ много работы въ домѣ и саду, много времени поглощалось также уходомъ за дѣтьми; что касается прогулокъ внутри города, то объ этомъ даже не было и рѣчи. Вечеромъ горожане садились передъ домомъ въ бесѣдку или

*) «Shopping» (отъ англійскаго слова shop—лавка) значитъ бѣганье за покупками.

Прим. перев.

отправлялись по воскресеньямъ къ городскимъ воротамъ въ собственные сады, которые еще были у всѣхъ зажиточныхъ семействъ, или, наконецъ, шли въ поле и лѣсъ. Да и что за удовольствіе было бы прогуливаться по городу? На улицахъ не было «великолѣпно убранныхъ» витринъ, лишь кое-гдѣ видѣлось жалкое окно съ нѣсколькими атласными башмаками или съ нѣсколькими парами ножницъ и ножей, или, наконецъ, съ какими-нибудь принадлежностями конской сбруи; все это были выставки ремесленниковъ. Къ тому же улицы большею частью были еще узки, угловаты и отнюдь не «выровнены»; прямое направленіе линіи домовъ постоянно прерывалось каменными лѣстницами, которыя вели въ домовыя сѣни, или заваленными товаромъ «выставками» ремесленниковъ, или еще какимъ-нибудь архитектурнымъ препятствіемъ.

То же самое надо сказать и о средствахъ сообщенія въ городахъ того времени. Они или совсѣмъ отсутствовали, или были въ высшей степени примитивны. Въ Берлинѣ еще въ началѣ двятнадцатаго столѣтія не было легковыхъ извозчиковъ, и лишь у театра, по окончаніи опернаго или драматическаго спектакля, стояло нѣсколько экипажей для общественнаго пользованія. Въ остальныхъ случаяхъ приходилось заказывать наемные экипажи на дому у содержателя послѣднихъ, подобно тому какъ это дѣлается еще и теперь въ маленькихъ городахъ. Въ Бреславлѣ первые городскіе извозчики введены въ 1814 году; ихъ биржи были у Зальпринга и у Неймаркта. И даже самъ культурный феноменъ—«омнибусъ», являющійся характернымъ признакомъ нашего просвѣщеннаго времени, своеобразность котораго выражается въ этомъ учрежденіи рельефнѣе, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ (не служить ли, въ самомъ дѣлѣ, девизомъ нашей культуры: «omnibus» по таксъ въ десять пфенниговъ?), даже омнибусъ относится къ гораздо болѣе поздней эпохѣ; онъ появляется: въ Гамбургѣ въ 1843 году, въ Берлинѣ—въ 1846 г., въ Мюнхенѣ—въ 1854 году и въ Бреславлѣ—въ 1862 году. Да и какая нужда была людямъ начала девятнадцатаго столѣтія кататься по нѣскольку разъ въ день въ какомъ-то обезьяньемъ ящикѣ! Я вѣдь уже упоминалъ о томъ, что городское населеніе, въ особенности же его прекрасная половина, вело гораздо болѣе сидячій образъ жизни, чѣмъ теперь. Кромѣ того, разстоянія тогда были вѣдь такъ коротки, да и хожденіе пѣшкомъ еще не было совсѣмъ позабыто.

Къ неудобствамъ непроѣздныхъ дорогъ и отсутствію средствъ сообщенія надо прибавить еще едва замѣтное освѣщеніе улицъ. Только въ большихъ городахъ было вообще нѣчто похожее на «общественное освѣщеніе»: на главныхъ улицахъ, чрезъ нѣсколько сотъ шаговъ, водружалась на деревянномъ столбѣ или на протянутой поперекъ улицы цѣпи тусклая масляная лампа, которая даже не зажигалась, «когда по календарю значилась лунная ночь». Въ Берлинѣ было въ концѣ восемнадцатаго столѣтія 2354 фонаря, которые горѣли отъ сентября до мая. Кого такое освѣщеніе не удовлетворяло, тотъ, выходя по вечерамъ изъ дому, захватывалъ съ собою свой собственный фонарикъ или же посылалъ впередъ себя или своихъ носилокъ съ факеломъ слугу (если онъ имѣлъ таковаго)...

Какія картины развертываются предъ нашимъ мысленнымъ взоромъ! Около девяти или десяти часовъ вечера городъ съ укронными уголками и улочками, въ которые заглядываетъ украдкою мѣсяцъ, затихалъ, какъ бы вымиралъ; здѣсь въ тѣни фонтана или выступающаго изъ стѣны внутренняго балкона робко прижалась въ тѣни заповдавшая влюбленная парочка, и лишь тамъ и сямъ промелькивалъ, подобно блуждающему огоньку, какой-нибудь ночной гуляка со своимъ фонаремъ. Было крупнымъ событіемъ, когда въ этой тишинѣ раздавался глухой набатъ большого колокола, который висѣлъ на высокой башнѣ и призывалъ заспанныхъ горожанъ вскочить съ постелей и броситься къ бочкамъ съ водою и къ неуклюжимъ ручнымъ пожарнымъ трубамъ. Обыкновенно же ничто не нарушало покоя отдыхающаго города, за исключеніемъ стенаній влюбленныхъ котовъ и крика совы, летающей вокругъ церковныхъ стѣнъ. Впрочемъ, ежечасно еще доносилась избитая пѣсенка, которую медленно шествовавшій охранитель ночного порядка разыгрывалъ на своемъ рожкѣ. Можно сказать, что если omnibusъ, а въ послѣднее время электрическія уличныя, воздушныя и подземныя дороги—являются признакомъ современнаго большого города, то своего рода символомъ стараго города въ томъ видѣ, какъ онъ оставался въ Германіи до середины девятнадцатаго столѣтія, являлся н о ч н о й с т о р о ж ъ съ копьемъ и рогомъ. Это было выраженіе дѣтской безпомощности и отсталости въ техническомъ отношеніи, но зато и той еще полной первобытности и естественности, которая намъ теперь уже болѣе не извѣстна. Теперь рѣзкій звукъ трубы даетъ сигналъ, который нѣкогда давался пѣніемъ! Понимаете ли вы, что это значитъ?!

Перенесите поющаго ночного сторожа изъ той эпохи на Фридрихштрассе въ Берлинъ; пусть онъ пропоетъ свою поговорку часа въ два или въ три ночи. То-то была бы потѣха!

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Внѣшній строй хозяйственной жизни.

1. Степень богатства.

Теперь, когда у насъ уже составилось нѣкоторое представленіе о своеобразныхъ особенностяхъ нѣмецкой культуры, относящейся къ началу прошлаго столѣтія, я намѣренъ расположить матеріалъ въ такомъ порядкѣ, чтобы можно было лучше обозрѣть цѣлое; конечно, мы станемъ при этомъ на спеціально политико-экономическую точку зрѣнія.

Въ такомъ случаѣ первая мысль, которая, навѣрно, придетъ въ голову

экономисту, намѣревающемуся изобразить состояніе какого-либо хозяйственнаго строя, будетъ заключаться въ слѣдующемъ: богаты или бѣдны тѣ общество или народъ, о которыхъ идетъ рѣчь? И мы должны также задать себѣ прежде всего этотъ вопросъ, если хотимъ выяснить экономическое положеніе Германіи въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Была ли Германія богатой или бѣдной страной? Надо замѣтить при этомъ, что понятія богатства и бѣдности мы относимъ къ матеріальнымъ благамъ; послѣднія же, при обсужденіи вопроса по существу, мы должны представлять себѣ въ ихъ естественномъ видѣ, то-есть, въ видѣ пищевыхъ средствъ, одежды, жилищъ, украшеній и тому подобнаго, а не въ формѣ денегъ.

Но здѣсь мнѣ могутъ сдѣлать справедливое возраженіе, что постановка вопроса неправильна, такъ какъ богатство и бѣдность—понятія относительныя, а слѣдовательно, о данномъ народѣ никогда нельзя сказать, что онъ богатъ или бѣденъ. Это возраженіе, разумѣется, вѣрно. Но въ отвѣтъ на него я могу замѣтить, что обыкновенно мы невольно принимаемъ извѣстныя состоянія за масштабъ и затѣмъ измѣряемъ другія состоянія путемъ сравненія ихъ съ первыми. Слѣдовательно, если при нашемъ сравненіи мы исходимъ, напримѣръ, изъ современнаго состоянія богатства Германіи, то можемъ съ увѣренностью сказать, что сто лѣтъ тому назадъ Германія была бѣдною страной. И эта бѣдность не уменьшалась, а мѣстами, можетъ-быть, даже еще возрастала почти до середины столѣтія; лишь съ пятидесятихъ годовъ истекшаго вѣка начинается подъемъ національнаго богатства. Можно сказать, что до тѣхъ поръ нужда и нищета царили среди народныхъ массъ въ городѣ и деревнѣ, нерѣдко вырождаясь въ голодъ, а голодные эпидеміи принимали потрясающія душу формы. Даже зажиточные крестьяне, ремесленники, лавочники и люди одинаковаго съ ними достатка вели скудное существованіе. Въ высшихъ слояхъ буржуазіи былъ возможенъ только скромный образъ жизни; о богатствѣ, роскоши или пышности жизни могла быть рѣчь, самое большее, примѣнительно къ нѣсколькимъ семействамъ высшей знати, да еще, пожалуй, къ какой-нибудь дюжинѣ богатыхъ негоціантовъ или банкировъ.

Можетъ-быть, читатель ждетъ отъ меня цифръ для доказательства сказаннаго. Однако, на этотъ разъ я долженъ обмануть его ожиданія, что, впрочемъ, мнѣ придется дѣлать неоднократно и впослѣдствіи. Когда читатель хоть нѣсколько ознакомится съ удивительной наукой, называемой политической экономіей (которая въ сущности даже вовсе и не наука!), то онъ ясно увидитъ, что именно относительно самыхъ интересныхъ вещей мы, по большей части, въ состояніи сказать меньше всего достовѣрнаго. Такимъ образомъ, существуютъ различные методы для «научнаго» опредѣленія степени богатства народа. Однако, я уже теперь готовъ открыть читателю, что всѣ они одинаково ненадежны. Ни одинъ изъ этихъ методовъ не можетъ дать теперь нагляднаго представленія о томъ уровнѣ богатства, на которомъ стоитъ народъ въ извѣстную эпоху его исторіи. Въ самомъ дѣлѣ, если даже привести дѣйствительныя цифровыя данныя относительно «цѣнности» общаго количества земельныхъ участковъ, домовъ, улицъ, каналовъ и т. д., или если

указать, сколько быковъ, овецъ, козъ и свиней насчитывается въ какой-либо странѣ, сколько фунтовъ хлопчатой бумаги въ ней употребляется на пряденіе, сколько центнеровъ гуано въ нее ввозится, то знаніе читателя ничуть не увеличится отъ этого: онъ попрежнему не будетъ знать, можетъ-ли супруга совѣтника канцеляріи покупать себѣ ежегодно новую шляпу и не будетъ-ли для семьи профессора «выше ея средствъ» угощать своихъ гостей французскимъ шампанскимъ вмѣсто нѣмецкаго? А именно это-то и представляетъ интересъ. Существуетъ, напримѣръ, книга, въ которой собраны съ невѣроятнымъ прилежаніемъ всѣ статистическія данныя для измѣренія богатства Пруссіи въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Ея авторъ былъ даже «королевско-пруссійскій тайный регистраторъ» по имени Леопольдъ Кругъ; его двухтомное сочиненіе озаглавлено такъ: «Размышленія о національномъ богатствѣ Прусскаго государства и о благосостояніи его жителей» (въ двухъ частяхъ, Берлинъ, 1805 года). Тѣмъ не менѣе, я увѣренъ, если вы перелистуете это сочиненіе, вы не получите даже самаго слабаго понятія о томъ, что общаетъ дать заглавіе книги. То же самое происходитъ со мною; я читаю эту книгу, кажется, шестой уже разъ, и она мнѣ, все-таки, еще ничего не даетъ. При всемъ томъ, по общему признанію это книга хорошая.

Въ настоящемъ случаѣ надо ждать помощи скорѣе отъ субъективныхъ показаній и разсказовъ современниковъ, которые умѣли отдать себѣ отчетъ объ окружавшихъ ихъ явленіяхъ. Мы сами можемъ получить еще много свѣдѣній о бѣдности прежняго времени, если вспомнимъ объ образѣ жизни нашихъ родителей и дѣдовъ, объ ихъ комнатной обстановкѣ или даже объ ихъ разсказахъ, посвященныхъ этому предмету. Представимъ себѣ, каковъ былъ еще двадцать лѣтъ тому назадъ внѣшній видъ нашихъ большихъ городовъ съ ихъ жалкими витринами, скудными ресторанами и кофейнями; думая о простотѣ всего обихода ежедневной жизни въ одеждѣ и пищѣ еще во времена нашего дѣтства и о тому подобномъ, мы можемъ судить о низкомъ уровнѣ благосостоянія того времени. Итакъ, въ данномъ случаѣ, какъ я уже сказалъ, намъ слѣдуетъ руководиться разсказами и иллюстраціями; мы ихъ находимъ въ автобіографическихъ очеркахъ и воспоминаніяхъ изъ стараго времени, принадлежащихъ умершему поколѣнію, или въ специальныхъ изображеніяхъ тогдашней жизни, которыя такъ наглядно рисуетъ намъ Отто Бэръ въ его уже указанномъ небольшомъ трудѣ. Я еще разъ рекомендую прочесть эту драгоценную книжечку, что освободитъ меня отъ необходимости повторять сказанное въ ней. Я позволю себѣ только въ подтвержденіе моей собственной мысли привести нижеслѣдующія слова почтеннаго автора, въ которыхъ, какъ бы выражается основное настроеніе его маленькаго сочиненія.

«Главной характерной чертой хозяйственной жизни шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ,—говоритъ Бэръ,—являлась простота, граничащая со скудностью. Богатыми въ современномъ намъ смыслѣ слова въ то время можно было назвать вообще лишь немногихъ; но людей богатыхъ въ значеніи слова, свойственномъ той эпохѣ, тогда также было мало. Самымъ богатымъ человекомъ въ Касселѣ до пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія считался

одинъ купецъ, имущество котораго оцѣнивали приблизительно въ полмилліона талеровъ. Оклады жалованья чиновниковъ тоже были въ высшей степени ограничены и доставляли возможность вести лишь очень скромное существованіе. Въ соотвѣтствіи съ этимъ находился и общій образъ жизни. Конечно, характеръ жизни въ отдѣльныхъ семьяхъ былъ различный, въ зависимости отъ величины ихъ достатка, а также смотря по потребностямъ супруговъ и ловкости домохозяекъ. Вообще же жизнь была очень проста».

Но можно составить себѣ ясное представленіе о степени богатства какой-нибудь эпохи также иными путями. Нѣкоторые знаменательные признаки даютъ возможность узнать, живетъ ли народъ зажиточно или скудно; въ частности же по нимъ можно опредѣлить, господствуетъ ли богатство или бѣдность въ руководящихъ кругахъ, въ правящихъ классахъ, то-есть, въ тѣхъ слояхъ народонаселенія, которые имѣютъ рѣшающее значеніе для характера культуры. Я усматриваю одинъ изъ этихъ симптомовъ, пожалуй, даже самый знаменательный, въ характерныхъ особенностяхъ образованія данной эпохи. Я еще часто буду касаться этого важнаго предмета. Въ настоящемъ же случаѣ я ограничусь лишь замѣчаніями, что мы въ правѣ только на основаніи характера духовной культуры, господствовавшей въ Германіи въ теченіе всей первой половины девятнадцатаго столѣтія, непосредственно заключить объ очень низкомъ уровнѣ богатства этой страны. Эта культура носила, какъ извѣстно, явно выраженный литературно-эстетическо-философскій характеръ, или, выражаясь въ отрицательной формѣ, она была не техническая, «не матеріалистическая». Люди того времени совершенно отвернулись отъ внѣшняго міра, казавшагося имъ призрачнымъ, и создали внутри себя міръ идей; они презирали все, что отзывалось матеріальностью, отличались чувствительностью, сентиментальностью, деликатностью; они созерцали и предавались благоговѣйному размышленію. Художники ненавидѣли краски: разсматриваемое направленіе нашло въ этомъ фактѣ свое высшее выраженіе. Все получало характеръ литературный, безкровный, призрачный, духовный, идеальный. Генрихъ Гейне, который стоялъ на порогѣ новой художественно-технической эпохи германской жизни и мысленно, по крайней мѣрѣ, предвидѣлъ будущее поколѣніе людей крѣпкихъ, запечатлѣлъ настроеніе своей эпохи въ классическихъ словахъ; тогда люди были самоотвержены и скромны, преклонялись предъ невѣдомымъ, ловили тѣнь поцѣлуя и запахи цвѣтовъ фантастики, покорялись судьбѣ и хныкали. Мысль, идея, ученость царствовали какъ неограниченные властители. Искусства вообще, въ томъ числѣ живопись, скульптура и музыка, должны были имъ подчиняться. Искусство также носило умственный, а не чувственный характеръ. Это основное настроеніе было всеобщимъ и охватывало всю Германію въ продолженіе десяти-ковъ лѣтъ; старѣющій Гёте чувствовалъ себя чужестранцемъ въ своемъ народѣ, и безъ сомнѣнія, отнюдь не случаенъ фактъ, что его лишь теперь начинаютъ чтить, какъ національнаго гения, все въ болѣе и болѣе широкихъ кругахъ; это основное настроеніе, направленное противъ чувственнаго міра,

было настолько само собою понятнымъ, что его считали прямо-таки своеобразною чертой нѣмецкаго народнаго характера. «Духовная красота,—говоритъ уже часто упоминавшійся нами Юлій Веберъ,—является особенностью нѣмцевъ, подобно тому, какъ чувственная красота была особенностью грековъ». Между тѣмъ, теперь мы скорѣе склонны усматривать въ этомъ фактѣ проявление зависимости между скудною матеріальною культурой и преобладаніемъ литературно-эстетическаго образованія; подобная же связь существуетъ между богатствомъ внѣшнихъ формъ жизни и чувственною культурою художественной техники. Всѣ культурныя націи до достиженія ими богатства имѣютъ свою «литературную» эпоху; въ тотъ моментъ, когда распространяются благосостояніе и матеріальное наслажденіе, эту эпоху смѣняетъ эпоха техническая; само собою разумѣется, что эта смѣна совершается въ предѣлахъ отдѣльной народности; своеобразный характеръ послѣдней весьма рѣзко проявляется даже въ однообразіи экономическаго развитія. Какъ я уже говорилъ, мы еще встрѣтимся впоследствии съ этими мыслями.

Однако, мы не только въ правѣ судить по цвѣтамъ, производимымъ развитіемъ культуры народа, о свойствахъ самого растенія, но столь же достовѣрный выводъ мы можемъ сдѣлать относительно природы послѣдняго, если намъ извѣстна почва, въ которой оно пустило свои корни, и сѣмя, изъ котораго оно произросло. Говоря безъ метафоръ, замѣтимъ, что мы можемъ заключить о степени богатства какого-нибудь народа также на основаніи его хозяйственныхъ условій, поскольку они выражаются, главнымъ образомъ, въ степени производительности труда даннаго народа. Такъ какъ эти условія, опредѣляя весь образъ жизни даннаго общества, представляютъ интересъ и сами по себѣ, то я намѣренъ еще немного побесѣдовать о нихъ съ вами.

Я только-что говорилъ о производительности, или, выражаясь другими словами, о «плодотворности національнаго труда». Я разумѣю подъ этими понятіями отношеніе между опредѣленною затратой труда, совершаемой за годъ данною націей въ лицѣ всѣхъ ея членовъ, принимающихъ непосредственное участіе въ производствѣ благъ, и количествомъ готовыхъ благъ, представляющихъ собою результатъ этой работы. Подумаемъ, напримѣръ, о производствѣ хлѣба: нѣкоторое количество людей должно пахать, боронить, собирать жатву и молотить, чтобы произвести готовый хлѣбъ. Если мы теперь выразимъ всю эту затрату труда въ нѣкоторомъ количествѣ рабочихъ часовъ, а количество произведеннаго хлѣба—въ гектолитрахъ, то мы сможемъ опредѣлить производительность труда, затраченнаго на добычаніе хлѣба, цифрами, означающими отношеніе числа рабочихъ часовъ къ числу добытыхъ гектолитровъ. Если, напримѣръ, въ одинаковое число рабочихъ часовъ когда-нибудь раньше добывалось вдвое меньше гектолитровъ хлѣба, то мы скажемъ, что теперешняя производительность труда вдвое больше прежней.

Теперь спрашивается, чѣмъ опредѣляется степень производительности труда въ извѣстное время? Очевидно, двумя путями: во-первыхъ, плодородіемъ природы, среди которой народъ ведетъ свое хозяйство: если одно поле вдвое

плодоноснѣе другого, то при одинаковой затратѣ труда первое доставляетъ вдвое больше дохода, чѣмъ второе; не правда-ли?

Во-вторыхъ, степень производительности труда опредѣляется также дѣятельностью, вносимою человѣкомъ, а именно: большей или меньшей степенью искусства, съ какою люди занимаются производствомъ благъ; когда изобрѣтается болѣе совершенная машина, то одинаковое количество продуктовъ также можетъ быть произведено въ болѣе короткій срокъ (хотя бы естественныя условія и оставались тѣ же самыя), то-есть, какъ читатель видитъ, производительность труда можетъ возрастать въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, людямъ удастся повышать послѣднюю двумя путями.

Производительность труда повышается прежде всего путемъ совершенствованія того, что можно назвать способами производства или экономической техникой. Человѣкъ научается пользоваться для своихъ цѣлей все большимъ и большимъ количествомъ веществъ и силъ природы (вспомнимъ о техническихъ завоеваніяхъ послѣдняго столѣтія, объ эксплуатаціи силы пара и электричества!); онъ придумываетъ все болѣе и болѣе искусные способы, чтобы стать дѣйствительнымъ хозяиномъ матеріи и силъ; онъ изобрѣтаетъ орудія, машины и тѣмъ самымъ непрерывно увеличиваетъ свое искусство, свою рабочую силу.

Другимъ средствомъ повышенія производительности труда является улучшеніе способа производства работы; иными словами, слѣдовательно, это средство заключается въ организаціи труда. Я могу вамъ здѣсь лишь указать на всѣ эти вещи; болѣе же подробныя разясненія по этому предмету вы найдете въ моемъ «Капитализмѣ». Здѣсь достаточно установить, что усовершенствованіе организаціи труда основывается на все болѣе и болѣе искусномъ примѣненіи двухъ началъ: коопераціи, то-есть, соединеннаго дѣйствія многихъ для достиженія одного результата, и специализаціи, то-есть, ограниченія дѣятельности отдѣльнаго работника какой-нибудь опредѣленной частью нѣкогда сложной работы. Если для кого-нибудь привычнѣе приравнивать усовершенствованіе организаціи труда къ возрастанію дифференціаціи и интеграціи отдѣльныхъ функцій работы, то я не имѣю ничего возразить противъ этого. Аналогія изъ области естествознанія не вполне подходитъ къ соціальной жизни, но, во всякомъ случаѣ, она оказывается достаточной для нашихъ цѣлей.

Вернемся къ нашему исходному пункту; мы искали точекъ опоры для правильнаго опредѣленія уровня богатства Германии сто лѣтъ тому назадъ, и желали достичь этого именно путемъ выясненія тѣхъ условій, отъ которыхъ тогда зависѣла степень производительности труда. Мы видѣли эти условія въ природныхъ свойствахъ хозяйственной области и въ искусствѣ, съ какимъ люди, занятые хозяйственною дѣятельностью, открываютъ наилучшіе методы работы, усовершенствуя то технику, то организацію труда. Я буду имѣть случай въ дальнѣйшихъ главахъ этой книги подробно разсмотрѣть какъ природныя условія Германии, такъ и ходъ развитія экономической техники въ девятнадцатомъ столѣтіи. Поэтому мнѣ остается здѣсь сообщить лишь кое-что

относительно формы организаціи труда въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ; я долженъ прибавить къ этому, въ цѣляхъ ограниченія своего предмета, что прежде всего я останавливаюсь на такой именно организаціи труда, которую по справедливости можно назвать внѣшней; тогда какъ внутреннюю организацію хозяйственного труда въ ту эпоху я имѣю въ виду представить позже. Родъ и способъ внѣшней организаціи труда образуетъ хозяйственную ступень страны, какъ я ее называю, и выражается существеннымъ образомъ въ степени дифференціаціи, обнаруживаемой общимъ хозяйственнымъ процессомъ. Но такъ какъ эта экономическая дифференціація должна быть обсуждена сама по себѣ, то я предпочитаю говорить о ней въ особомъ отдѣлѣ.

II. Территориальная и профессиональная дифференціація труда.

Прежде всего можно быть твердо увѣреннымъ въ томъ, что степень дифференціаціи труда, о которой я намѣренъ вести рѣчь, была относительно низка въ Германіи того времени.

Мы въ правѣ сдѣлать это заключеніе уже на основаніи того, что количество населенія областей Германіи въ то время было не велико, а слѣдовательно, не велика была плотность народонаселенія. Вѣдь совершенно ясно, что чѣмъ большее количество людей живетъ вмѣстѣ на данной площади земли, тѣмъ больше, по крайней мѣрѣ, возможность сильной дифференціаціи и интеграціи ихъ хозяйственной дѣятельности.

Запомнимъ же твердо слѣдующій важный фактъ, имѣющій рѣшающее значеніе: сто лѣтъ тому назадъ въ пространствѣ нынѣшней Германской имперіи не жило и половины того количества людей, что теперь, а именно: населеніе ея составляло немного болѣе 24 милліоновъ, тогда какъ теперь оно равняется 56 милліонамъ. Если опредѣлять число жителей на одномъ квадратномъ километрѣ, то это составитъ 45 человѣкъ сто лѣтъ тому назадъ и 104 человѣка теперь. Для отдѣльныхъ частей Германіи разница между обѣими послѣдними цифрами еще значительнѣе. Такъ, сто лѣтъ тому назадъ на одномъ квадратномъ километрѣ въ провинціи Силезіи жило 48 человѣкъ, теперь—115 человѣкъ; въ Рейнской провинціи въ то же время жило 70 человѣкъ, теперь—213; въ королевствѣ Саксоніи тогда 78 человѣкъ, въ настоящее время—280 и т. д.

Но обратимся теперь къ самой степени дифференціаціи, поскольку мы въ состояніи съ ней ознакомиться. Я намѣренъ сейчасъ же воспользоваться приведенными цифрами и указать на то, что мы можемъ изъ нихъ вывести заключеніе о незначительной степени той дифференціаціи, которую я называю территориальной.

Если внимательно разсматривать только-что приведенныя числа, придется заключить изъ нихъ, что различныя области Германской имперіи уве-

личивали свое населеніе въ теченіе девятнадцатаго столѣтія съ различной степенью интенсивности. Въ самомъ дѣлѣ, тогда какъ во всей Германіи народонаселеніе возросло въ отношеніи 45 къ 104, то-есть, немного болѣе, чѣмъ удвоилось, въ нѣкоторыхъ частяхъ страны цифра народонаселенія утроилась (Рейнская провинція) или увеличилась въ два съ половиною раза (Саксонское королевство); отсюда, конечно, слѣдуетъ, что цифра увеличенія народонаселенія въ другихъ частяхъ имперіи меньше общеимперской средней цифры, выражающей подобное же увеличеніе народонаселенія всей имперіи. И это дѣйствительно такъ. Напримѣръ, народонаселеніе правобережной рейнской Баваріи возросло лишь въ отношеніи 46 къ 75, народонаселеніе Бадена—въ отношеніи 66 къ 123, народонаселеніе Вюртемберга—въ отношеніи 72 къ 112. Основаніемъ такого различія въ скорости возрастанія населенія отдѣльныхъ областей Германіи является различная степень интенсивности промышленнаго развитія. Однѣ части страны все болѣе и болѣе превращались въ области преимущественно промышленныя, тогда какъ другія сохранили свой земледѣльческій или смѣшанный характеръ. А это обстоятельство имѣетъ слѣдующее значеніе для вопроса, занимающаго насъ въ настоящую минуту: сто лѣтъ тому назадъ промышленная дѣятельность распредѣлялась по германскимъ странамъ равномернѣе, чѣмъ теперь; другими словами, тогда она была въ меньшей мѣрѣ территориально дифференцирована, чѣмъ въ настоящее время.

О вѣрности подобнаго утвержденія говорятъ также и другіе факты, напримѣръ, цифры, показывающія количество рабочихъ, которые были заняты въ отдѣльныхъ важныхъ вѣтвяхъ индустріи, какъ, напримѣръ, въ желѣзодѣлательной промышленности; сто лѣтъ тому назадъ число рабочихъ, занятыхъ послѣднею (исключая добычи желѣзной руды) въ главныхъ районахъ производства Силезіи, Вестфалии и Рейнскихъ земель равнялось приблизительно только двумъ третямъ общаго числа рабочихъ, тогда какъ теперь почти все количество рабочихъ, занятыхъ желѣзодѣлательной промышленностью, работаетъ въ трехъ перечисленныхъ выше районахъ (въ 1895 году ихъ здѣсь было 95% общаго числа ихъ). Выражаясь иначе, мы скажемъ, что въ началѣ девятнадцатаго столѣтія желѣзо добывалось и обрабатывалось во многихъ такихъ мѣстахъ, гдѣ теперь эта промышленность совершенно вымерла. Она сосредоточилась въ отдѣльныхъ пунктахъ и территориально дифференцировалась. А теперь вспомнимъ также и о сдѣланномъ нами во время нашего путешествія наблюденіи, а именно, что мы часто наталкивались на промышленныя предприятия тамъ, гдѣ въ настоящее время напрасно стали бы искать ихъ.

Хотя приведенныя замѣчанія относительно «территориальной дифференціаціи», какъ мнѣ кажется, и не имѣютъ для читателя большого значенія, зато другія точки зрѣнія, съ которыхъ мы намѣрены разсматривать дифференціацію хозяйственной жизни, гораздо лучше выяснять ему этотъ вопросъ. Въ данномъ случаѣ я ставлю на первый планъ дифференціацію хозяйственного производства и потребленія. Я скажу слѣдующее: сто лѣтъ тому назадъ раздѣленіе между хозяйствами, производя-

щими блага, и хозяйствами, потребляющими послѣднія, было гораздо меньше. Теперь мы уже не въ состояніи представить себѣ, чтобы все необходимое для нашего пропитанія и для удовлетворенія нашихъ жизненныхъ потребностей можно было достать помимо покупки этого вѣдома, на рынкѣ. Сто лѣтъ тому назадъ дѣло обстояло совсѣмъ иначе. Тогда еще тѣ, кто нуждался въ какихъ-либо необходимыхъ для потребленія благахъ (какой бы нуждѣ послѣднія ни удовлетворяли, то-есть нуждѣ въ пищѣ ли, въ одеждѣ ли, или въ жилищѣ), изготовляли или, по крайней мѣрѣ, завершали ихъ обработку дома. Въ моемъ «Капитализмѣ» я доказалъ на основаніи источниковъ, что собственное производство достигало широкихъ размѣровъ еще около середины девятнадцатаго столѣтія (собственнымъ производствомъ я называю производство тѣхъ благъ, которыя потребляются въ томъ же самомъ хозяйствѣ, гдѣ они производятся). Такъ какъ въ настоящемъ случаѣ дѣло идетъ объ обстоятельствахъ, своеобразность которыхъ особенно ясно характеризуетъ прежнюю хозяйственную жизнь, то я хочу здѣсь сообщить нѣсколько болѣе точныя свѣдѣнія о родѣ и способѣ собственного хозяйственного производства. Читатель, благодаря настоящему изложенію, впервые получитъ правильное объясненіе многимъ фактамъ, которые удивляли насъ въ теченіе нашего путешествія; предметомъ нашего удивленія являлись способъ хлѣбной культуры въ деревнѣ, поля льну, ткацкіе станки въ крестьянскихъ домахъ и многое другое. Если нѣкоторыя выраженія или понятія въ послѣдующемъ изложеніи будутъ не вполне ясны, то я прошу поискать ихъ объясненія въ ближайшей главѣ этой книги.

Если мы обратимъ наше вниманіе на крестьянское хозяйство, то мы, конечно, прежде всего увидимъ, что нужда въ пищѣ почти цѣликомъ еще удовлетворяется собственными средствами. Ремесленный трудъ со стороны прилагается лишь въ ограниченныхъ размѣрахъ для превращенія продовольственныхъ средствъ изъ ихъ натурального состоянія въ состояніе, годное для пользованія ими; мѣстами предлагаетъ свои услуги странствующій рѣзникъ; довольно часто, однако, въ немъ нѣтъ нужды, такъ какъ количество убиваемаго скота невелико въ хозяйствѣ крестьянина, это можно сказать даже относительно крупнаго скота, для убиванія котораго требуется больше искусства. Крупный размолъ и перемеливаніе хлѣба поручается хозяевамъ водяныхъ и вѣтряныхъ мельницъ, разбѣянныхъ по всей странѣ. Мельникъ работаетъ, получая или натуральное вознагражденіе въ видѣ части смолотаго хлѣба (обыкновенно—шестнадцатый шеффель), или изрѣдка денежную плату. Съ мукой же поступаютъ слѣдующимъ образомъ: приготовленный изъ нея хлѣбъ или печется дома, или же сырое тѣсто передается для печенія деревенскому пекарю. Ли, наконецъ, этотъ послѣдній беретъ муку и взаменъ ея обязывается вернуть опредѣленное количество хлѣбовъ, получая въ вознагражденіе за свой трудъ по нѣскольку пфенниговъ отъ хлѣба. Потребность въ жилищахъ ограничивается несложными постройками. Все еще господствуютъ дома деревянные и землянки на ряду съ домами, выстроенными въ клѣтку; всѣ они крыты соломой или тесомъ. Случай возведенія

новыхъ построекъ, естественно, являются событіями, о которыхъ память сохраняется въ теченіе долгаго времени. Сырые матеріалы добываются въ чертѣ деревенской общины: общинный лѣсъ даетъ дерево; камень, глину и песокъ добываютъ изъ собственного грунта и почвы или изъ грунта и почвы сосѣда и общины; солому доставляетъ собственное хозяйство. Крестьяне строятъ сами или съ помощью нѣсколькихъ односельчанъ, которымъ при случаѣ оказываютъ взаимныя услуги. Плотникъ, каменщикъ и стекольникъ, переходящіе изъ одной деревни въ другую, предлагаютъ свои услуги, гдѣ въ таковыхъ оказывается нужда, за натуральное продовольствіе или за опредѣленное денежное вознагражденіе. Знакомое явленіе, особенно въ восточной Германіи, представляютъ собою странствующие кровельщики соломенныхъ крышъ и специалисты по исправленію послѣднихъ; тѣ и другіе часто бывають русскаго происхожденія. Кромѣ того, болѣшую часть нужной для крестьянина одежды доставляетъ собственное хозяйство и работа семьи. Повсюду культивируются ленъ или конопля (это объясняетъ намъ происхожденіе многочисленныхъ голубыхъ полей, которыя мы могли наблюдать во время нашего путешествія), а также марена, идущая на окраску тканей. Тамъ, гдѣ господствуетъ овцеводство, какъ, на примѣръ, на сѣверо-западѣ Германіи, шерсть обыкновенно идетъ на изготовленіе собственной одежды. Ленъ несутъ къ канатчику, который его расчесываетъ за плату, а иной разъ ткачъ приходитъ чесать ленъ на дому. Шерсть передается чесальщику или готовится для пряжи дома же. Затѣмъ она подвергается дальнѣйшей обработкѣ; деревенская прядильня, которую одинаково часто восхваляли и поносили, представляетъ собою мѣсто, гдѣ болѣшая часть льна и шерсти подвергается дальнѣйшей обработкѣ соотвѣтственно своему назначенію. Пряжа поступаетъ въ крестьянскую избу, на собственный ткацкій станокъ; тамъ, гдѣ послѣдняго нѣтъ, она отдается деревенскому ткачу, который и обрабатываетъ ее за плату. Еще въ 1846 году 12,6% общаго числа владѣльцевъ шерстобитныхъ станковъ и цѣлыхъ 86,1% всего числа владѣльцевъ холстобитныхъ станковъ занимались ткачествомъ, только какъ побочнымъ занятіемъ; они были, слѣдовательно, ткачами, ведущими сельское хозяйство, или сельскими хозяевами, занимающимися домашнимъ промысломъ (кустарами). Если у крестьянина не оказывалось собственныхъ приспособленій для окраски, онъ бывалъ принужденъ нести куски готовой ткани къ наемному красильщику, который занимается своимъ ремесломъ въ ближайшемъ маленькомъ городѣ, и болѣею частью живетъ именно этимъ заработкомъ. Затѣмъ часть принадлежностей одежды и, разумѣется, все болѣе приготовляетъ женская половина крестьянской семьи. Тамъ, гдѣ ея искусство оказывается недостаточнымъ, появляется проворный портной—типъ Розегера, который нѣсколько дней недѣли ѣстъ, спитъ и работаетъ въ крестьянскомъ домѣ, починаетъ, въ случаѣ надобности, одежду семьи или снабжаетъ послѣднюю новой одеждой—событіе, случающееся разъ въ нѣсколько лѣтъ.

Какъ въ крестьянскомъ, такъ и въ помѣщичьемъ хозяйствѣ той эпохи нужда въ промышленныхъ продуктахъ покрывается, главнымъ

образомъ, еще собственнымъ производствомъ. Постройка, а въ особенности починка зданій, изготовленіе утвари и тому подобнаго въ помѣщичьей усадьбѣ лежатъ на обязанности нанятыхъ по прочному контракту дворовыхъ ремесленниковъ; таковыми являются дворовые: кузнецъ, каретникъ, шорникъ, мельникъ, кирпичникъ и т. д. Послѣдній изъ вышеназванныхъ ремесленниковъ напоминаетъ намъ о томъ, что тогда, какъ отчасти еще и теперь, въ имѣніяхъ строительная потребность удовлетворялась средствами собственного хозяйства. Для этой цѣли служили повсюду существовавшіе кирпичные заводы и заведенія для обжиганія извести, между тѣмъ какъ остальные матеріалы доставлялись самимъ сельскимъ и лѣснымъ хозяйствомъ. Еще проще было собственное производство клѣточныхъ построекъ: строевой лѣсъ дешевле; его можно было доставать обыкновенно изъ своихъ лѣсовъ, а остальные строительные матеріалы—отовсюду. Помѣщичьи поденщики исполняютъ то небольшое количество имѣющейся при этомъ работы, которое требуетъ искусства каменщика, а также плотника; часто даже на службѣ у помѣщика въ деревнѣ живутъ настоящіе плотники, которые работаютъ за низкую задѣльную плату. Большая часть хозяйственныхъ строеній состоитъ изъ построекъ въ клѣтку съ глиняными стѣнами и соломенной кровлей. Подобно ремесленникамъ, находящимся на службѣ у деревенской общины, эти помѣщичьи ремесленники получаютъ натуральное продовольствіе и небольшое денежное вознагражденіе, взаменъ чего они обязаны исполнять всѣ работы, которыя могутъ оказаться необходимы.

Но потребности въ пищѣ и одеждѣ у рабочихъ, по крайней мѣрѣ помѣщичьихъ, очень скромны и удовлетворяются, по большей части, безъ помощи посторонняго промышленнаго труда. Пряденье, тканье, а также шитье одежды и обуви, и ужъ само собой разумѣется, печенье хлѣба и убой скота—все совершается дома.

Естественно, что въ городскихъ домашнихъ хозяйствахъ собственное хозяйственное производство было гораздо болѣе ограничено; въ особенности это касается производства пищевыхъ средствъ и постройки жилищъ. Несмотря на то, мы должны считать количество благъ, производившихся на дому, гораздо болѣе значительнымъ, чѣмъ въ наше время.

Хлѣбъ и, особенно, тѣсто для пироговъ, конечно, еще во многихъ семьяхъ готовились дома и передавались пекарю лишь для печенья, за что полагалась денежная плата. Равнымъ образомъ домашнее убиваніе скота отнюдь еще не вышло изъ обыкновенія даже въ домахъ болѣе зажиточныхъ круговъ большихъ городовъ. «Вздорожаніе мяса въ лавкахъ мясниковъ,—разсказываетъ намъ Гофманъ еще въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія,—даетъ поводъ зажиточному среднему сословію удовлетворять своей нуждѣ въ мясѣ, производя убой скота у себя дома, и чаще употреблять кушанья изъ солонины и копченнаго мяса».

Кромѣ того, сюда же надо отнести значительное количество приправъ, которыя изготовлялись въ собственномъ хозяйствѣ и сохранялись въ погребѣхъ и кладовыхъ; соленье хранилось въ большихъ бочкахъ на погребѣ, ма-

ринады въ банкахъ, стоявшихъ въ кладовой. Отто Бэръ сообщаетъ о двадцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, что въ Касселѣ у многихъ жителей были садики передъ городскими воротами, въ которыхъ культивировались овощи, фрукты и даже ягоды для собственныхъ нуждъ. Городская домохозяйка еще варить въ кухнѣ мыло и дѣлаетъ свѣчи. Одежда и кухонная утварь съ полвѣка тому назадъ еще производились, по большей части, въ собственномъ хозяйствѣ. Извѣстно наглядное описаніе жизни въ «городскомъ домѣ бюргера или чиновника добраго стараго времени», которое даетъ Киссельбахъ (Kiesselbach) въ своемъ сочиненіи «Три поколѣнія». «Веретено, сельбахъ (Kiesselbach) въ своемъ сочиненіи «Три поколѣнія». «Веретено, говорится тамъ, все еще являлось символомъ домохозяйки; ходить въ самопрядномъ бѣльѣ считалось для нея честью и гордостью; во всѣхъ кругахъ господствовалъ прекрасный обычай, въ силу котораго считалось, что дѣвушка, собственно говоря, не имѣетъ права идти подъ вѣнецъ, пока она не справила себѣ приданаго изъ самопряднаго полотна. Пряжа передавалась домашнему ткачу, который долженъ былъ приготовить полотно; бѣленое полотно лежало опять-таки на обязанности хозяйки дома. Но у хозяекъ имѣлись тщательно приготовленные и подобранные запасы не только полотна, а и сукна, и даже кожи; шкафы должны были быть биткомъ набиты. Бѣлье, платье, даже обувь (?) должны были готовиться дома; портной или сапожникъ оказывали лишь дополнительную техническую помощь. Подушки и перины готовились подобнымъ же образомъ. Перья убитой дома птицы выбирались толпой женщинъ, нарочно нанятыхъ для этой цѣли; конскій волосъ тщательно очищался; специалисты по набиванію подушекъ, перинъ, матрацовъ и дивановъ должны были находиться подъ наблюденіемъ хозяйки въ большей мѣрѣ, чѣмъ какой-либо другой рабочей, чтобы для набивки употреблялся именно избранный матеріалъ, и чтобы онъ клался въ желательномъ количествѣ».

Но даже тамъ, гдѣ хозяйственная дѣятельность являлась уже профессіею, непосредственно удовлетворяющею нужды не самого производителя, а постороннихъ людей, слѣдовательно, въ хозяйствахъ, которыя производятъ для обмѣна, мы застаемъ меньшую дифференціацию, чѣмъ теперь. Такъ, мы часто встрѣчаемся съ фактомъ (который опять-таки подтверждаетъ вѣрность нашего наблюденія во время путешествія), что ремесленники въ небольшихъ и средней руки мѣстечкахъ попутно занимаются сельскимъ хозяйствомъ; это, конечно, нерѣдко бываетъ еще и въ наше время. И обратно: своеобразно-характерною чертою прежняго времени, сдѣлавшеюся теперь гораздо болѣе рѣдкою, было соединеніе самыхъ различныхъ профессій наемныхъ рабочихъ съ сельско-хозяйственною дѣятельностью. Такъ, напримѣръ, матросы были почти сплошь сельскими хозяевами; они выходили въ море только лѣтомъ, что соотвѣтствовало исключительному въ то время господству паруснаго судоходства. Горные, заводскіе и фабричные рабочіе нерѣдко представляли собою подобнаго рода гермафродитовъ изъ сельскаго хозяина и наемнаго рабочаго, которые часто посвящали своей промышленной профессіи только часть года. Насколько еще всѣ виды профессиональныхъ занятій были связаны съ сельско-хозяйственною дѣятельностью, доказываетъ статистика

округа Золингена въ третьемъ десятилѣтіи девятнадцатаго вѣка, которую легко понять при болѣе подробномъ разсмотрѣніи. Въ то время изъ 9718 семействъ жило:

Только сельскимъ хозяйствомъ	3055
Исключительной торговлей, содержаніемъ лавокъ и гости- ницъ, ремесломъ	1763
Поденнымъ заработкомъ	1599
Тѣмъ же, но въ соединеніи съ земледѣліемъ	933

(слѣдовательно, почти двѣ трети!)

Нѣсколькими изъ перечисленныхъ промысловъ безъ земле- дѣлія	346
Нѣсколькими изъ перечисленныхъ промысловъ съ земле- дѣліемъ	2167

Довольно часто торговлей (подъ нею, въ противоположность производству, мы разумѣемъ сбытъ благъ) занимаются еще не какъ самостоятельной профессіей, а опять-таки въ соединеніи съ производственной дѣятельностью; другими словами, производители благъ (сельскіе хозяева, промышленники) сами заботились также о сбытѣ своихъ продуктовъ. Наконецъ, приходится считать, что гораздо менѣе развита и въ сущности менѣе дифференцирована, чѣмъ въ настоящее время, была и обработка сырыхъ матеріаловъ, превращающая ихъ въ предметы, годные для употребленія (мы обыкновенно называемъ эту послѣднюю дѣятельность индустріей, въ противоположность сельскому хозяйству и лѣсному промыслу, которые получаютъ отъ земли сырые матеріалы, а также горнопромышленности, которая занимаетъ особое положеніе). Теперь у насъ всегда есть цѣлые ассортименты различныхъ предметовъ всякаго рода товаровъ, тогда какъ прежде имѣлось лишь немного видовъ этихъ послѣднихъ. Иначе говоря, нашъ запасъ индустріально произведенныхъ потребительныхъ благъ безконечно богаче, чѣмъ онъ былъ прежде.

Всѣ эти своеобразныя черты внѣшней организаціи хозяйственной жизни въ прежнее время имѣютъ, однако, то важное значеніе, что онѣ опредѣлили собою внѣшнее строеніе тогдашняго общества. Читатель долженъ привыкнуть къ мысли, что внѣшняя и внутренняя структура общества сто лѣтъ тому назадъ была совершенно иная, чѣмъ та, которая ему теперь извѣстна (а можетъ-быть, даже и не извѣстна!).

Прежде всего, разсматривая ряды цифръ, которыя даютъ намъ картину раздѣленія народонаселенія по профессіямъ, мы наблюдаемъ тотъ важный фактъ, что сто лѣтъ тому назадъ гораздо большее количество людей занималось сельскимъ хозяйствомъ, чѣмъ теперь. Въ самомъ дѣлѣ, намъ вѣдь извѣстно, что сельскіе хозяева еще нерѣдко изготовляли въ собственномъ хозяйствѣ продукты индустріальнаго труда, которые теперь изготовляются самостоятельными ремесленниками; ремесленники же, наемные рабочіе и т. д. большей частью занимались тогда и сельскимъ хозяйствомъ. Сюда надо еще прибавить, что Германія того времени отчасти

кормила продуктами своей почвы еще и за границу (относительно этого обстояательства я сейчасъ поговорю подробнѣе). Поэтому никого не удивитъ извѣстіе, что сто лѣтъ тому назадъ около двухъ третей населенія занималось сельскимъ хозяйствомъ, и только одна треть—индустріей, торговлей и другими профессіями, тогда какъ теперь это отношеніе почти обратное. Эту мысль можно также выразить слѣдующими словами: сто лѣтъ тому назадъ, людей, занимавшихся промышленнымъ производствомъ и торговлею, было гораздо меньше по сравненію съ совокупностью населенія, чѣмъ теперь (въ особенности мало занимались торговлей, потому что профессиональное занятіе ею, какъ мы видѣли, еще не было настолько распространено, какъ въ настоящее время). Это преобладающее значеніе сельско-хозяйственной профессіи оставалось неизмѣннымъ до середины девятнадцатаго столѣтія, и лишь съ этихъ поръ отношеніе промышленной и торговой части населенія ко всему населенію начинаетъ быстро возрастать. Между тѣмъ я хочу здѣсь указать лишь на нѣсколько цифръ, которыя сдѣлаютъ еще болѣе нагляднымъ различіе между положеніемъ дѣлъ въ то время и теперь. Такимъ образомъ, напримеръ, въ Прусскомъ королевствѣ въ 1843 г. на 10000 жителей приходилось всего лишь 97 людей торговаго промысла (слѣдовательно, людей, для которыхъ торговля была профессіей), тогда какъ въ 1895 году ихъ было 240. То же самое можно сказать и объ индустріальной дѣятельности. Еще въ 1846 году на 122 жителя приходилось 10 человѣкъ, занятыхъ промышленностью, а теперь то же количество послѣднихъ приходится на 65 жителей; другими словами, еще пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ изъ каждыхъ двѣнадцати жителей Германіи едва одинъ занимался въ теченіе всей своей жизни индустріальнымъ производствомъ, то-есть, обработкою благъ; теперь же изъ каждыхъ шести нѣмцевъ одинъ посвящаетъ себя этой профессіи. Впрочемъ, я еще неоднократно вернусь къ этому измѣненію въ отношеніи между профессіями по другому поводу. Въ дальнѣйшемъ изложеніи мы сможемъ дополнить сообщенныя здѣсь цифры.

Однако, есть еще явленіе, которое находится въ тѣснѣйшей связи съ только-что упомянутыми фактами: это общій перевѣсъ сельскаго населенія надъ городскимъ; его причины опять-таки понятны, такъ какъ нѣсколько численный перевѣсъ рабочихъ склонялся въ пользу сельскаго хозяйства, настолько же люди жили больше въ деревнѣ, чѣмъ въ городахъ. Можно принять, что сто лѣтъ тому назадъ едва лишь четверть народонаселенія жила въ городахъ, а три четверти — въ деревнѣ. И я уже показалъ выше, что даже городское населеніе еще въ значительной степени занималось полевой культурой. Теперь я хочу обратить вниманіе читателя только на величину тогдашнихъ *soi-disant* городовъ. Можно удивляться, какъ малы были, по большей части, германскіе города того времени, какъ немного было большихъ или даже только значительныхъ городовъ въ современномъ намъ смыслѣ слова. Въ слѣдствіе я сообщу цифры, касающіяся городовъ нашего времени, которыя слѣдуетъ сравнить съ вышеприведенными числами. Мы располагаемъ самой точной городской статистикой для Пруссіи, и мои цифры относятся къ Прус-

скому королевству въ составъ его территоріи около 1800 года (въ то время сюда принадлежала Польша съ Варшавой). Мы вправдѣ, однако, принять съ полной увѣренностью, что остальная часть Германіи не представляла собой картины, существенно отличающейся отъ Пруссіи; вспомнимъ лишь о томъ фактѣ, что большая часть германскихъ государствъ имѣла сто лѣтъ тому назадъ меньшую плотность населенія, чѣмъ средняя плотность народонаселенія въ Прусскомъ королевствѣ. Итакъ, вотъ эти цифры! Общее число «городовъ» Пруссіи того времени было 1016. Изъ нихъ въ одномъ (въ Берлинѣ) было свыше 100000 жителей (153128); въ трехъ другихъ — свыше 50000: въ Варшавѣ 64421, въ Бреславлѣ 60950, въ Кенигсбергѣ 56410; затѣмъ слѣдовали еще четырнадцать городовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ болѣе 10000 жителей; это были въ порядкѣ численности ихъ населенія: Данцигъ, Магдебургъ, Эльбингъ, Штеттинъ, Потсдамъ, Эрфуртъ, Познань, Гальберштадтъ, Галле, Мюнстеръ, Гильдесгеймъ, Эмденъ, Бранденбургъ, Франкфуртъ. Такимъ образомъ, всѣ остальные города были небольшими городами средней руки, или городишками или не могли считаться даже послѣдними съ современной намъ точки зрѣнія. Изъ остальныхъ 998 городовъ:

37	имѣли	отъ 5000 до 10000	жителей
65	»	» 3000 » 5000	»
502	»	» 1000 » 3000	»

Въ остающихся городахъ жило меньше 1000 человекъ, въ 107 меньше 500, въ 32 меньше 300, а городъ Бельхатовъ (Belchatow) имѣлъ всего 59 жителей. Вы видите, что понятіе «городъ» употреблялось тогда въ существенно иномъ значеніи, чѣмъ теперь. Если даже принимать въ расчетъ только величину города (а еще отнюдь не его внутренній строй), то въ Прусскомъ королевствѣ той эпохи существовала едва сотня мѣстъ, которыя заслуживали названія города, и врядъ-ли три-четыре большихъ города, даже въ томъ случаѣ, если мы станемъ раздавать это названіе весьма щедро.

III. Національная дифференціація труда.

Теперь я долженъ коснуться одного пункта, разъясненіе котораго представляетъ нѣкоторыя трудности. Дѣло нерѣдко идетъ о правильной оцѣнкѣ цифръ, отъ приведенія которыхъ въ большемъ размѣрѣ я на этотъ разъ не могу избавить читателя, хотя и отношу ихъ, главнымъ образомъ, въ приложенія. Предметъ моей предполагаемой бесѣды съ читателемъ имѣетъ еще отношеніе къ содержанію предыдущаго отдѣла. Это — такъ называемая національная дифференціація нашей хозяйственной области, то-есть, степень и характеръ зависимости экономической жизни Германіи отъ заграницы сто лѣтъ тому назадъ; другими словами, это — размѣры удовлетворенія нуждъ жителей Германіи при

обмѣнѣ на продукты труда чужихъ народовъ; если угодно, національная дифференціація германской экономической области означаетъ утрату послѣдней самостоятельности, причемъ подобнаго рода утрата, относящаяся къ той эпохѣ, подвергается количественной и качественной оцѣнкѣ; приведенное опредѣленіе должно быть правильнымъ, такъ какъ вѣдь всякая дифференціація сводится къ нѣкоторой утратѣ самостоятельности.

Ближайшія затрудненія въ настоящемъ случаѣ заключаются въ невозможности составить себѣ представленіе или, говоря точнѣе, въ невозможности найти единую германскую хозяйственно-экономическую область, которую можно было бы противопоставить заграничѣ, какъ нѣкоторое замкнутое цѣлое. Въ теченіе первой трети девятнадцатаго столѣтія извѣстно только множество хозяйственныхъ областей отдѣльныхъ государствъ, областей, изолированныхъ другъ отъ друга таможенными преградами; послѣднее мы могли наблюдать въ другомъ мѣстѣ. Эти области въ теченіе вѣковой обособленности развились въ хозяйственныя единицы, насколько то было возможно при ихъ небольшихъ размѣрахъ. Пруссія сдѣлалась заграницей по отношенію къ Саксоніи, Баварія — по отношенію къ Вюртембергу, Баденъ — по отношенію къ Гессену и такъ далѣе; такимъ образомъ, вся «національная дифференціація» состояла лишь въ дифференціаціи отдѣльныхъ нѣмецкихъ областей другъ съ другомъ; это случилось потому, что не существовало экономической связи, соединявшей всѣ государства въ такой же мѣрѣ тѣсно, какъ связь, которая объединяла каждое изъ нихъ въ отдѣльности. Мы, конечно, не можемъ положить въ основу нашего изслѣдованія подобное состояніе экономическихъ отношеній, такъ какъ на основаніи этого изслѣдованія мы должны составить себѣ представленіе о степени національно-германскаго или, употребляя современную терминологию, германско-имперскаго участія въ міровыхъ экономическихъ отношеніяхъ, существовавшихъ сто лѣтъ тому назадъ. Въ самомъ дѣлѣ, для насъ тогда сдѣлалось бы невозможнымъ именно то, что представляется важнымъ: непрерывное проведеніе сравненій между современнымъ намъ экономическимъ положеніемъ и тѣмъ, которое было сто лѣтъ тому назадъ. Мы въ такомъ случаѣ получили бы лишь «міровыя экономическія» отношенія отдѣльныхъ государствъ, входящихъ теперь въ союзную Германскую имперію, а до этихъ отношеній намъ нѣтъ никакого дѣла.

Въ концѣ концовъ, эти соображенія заставляютъ насъ перенести наше изслѣдованіе національной дифференціаціи германской экономической области, именно на ту эпоху, когда эта область уже существовала, приблизительно, только въ теперешнихъ размѣрахъ, то-есть, на эпоху, наступившую за основаніемъ Германскаго таможеннаго союза. Въ мою задачу не входитъ распространяться о его возникновеніи. Оно является чисто-политическимъ событіемъ и излагается въ большинствѣ общихъ историческихъ трудовъ, подробнѣе же всего въ «Германской исторіи», Трейтчке, гдѣ, въ случаѣ надобности, можно прочесть соотвѣтственныя главы. Намъ здѣсь интересуетъ только тотъ фактъ, что въ одинъ прекрасный день различныя нѣмецкія государства выступили изъ своей хозяйственно-политической изо-

лированности, уничтожили раздѣлявшія ихъ таможенныя преграды и признали общую таможенную границу по отношенію къ иностраннымъ государствамъ. Этимъ самымъ осуществилось единство Германіи и въ частности Германской имперіи, поскольку оно входитъ здѣсь въ кругъ нашихъ интересовъ (Австрія съ этого времени остается въ сторонѣ, и ея дальнѣйшее развитіе слѣдуетъ совершенно инымъ законамъ), была создана германско-имперская экономическая область, составъ которой былъ почти тотъ же, что и въ наше время. Отсюда, слѣдовательно, можно начать производить сравненія. Но этотъ моментъ относится къ годамъ 1834-му и 1835-му, во время которыхъ произошло сліяніе въ Германскій таможенный союзъ слѣдующихъ государствъ: Пруссіи, Баваріи, Вюртемберга, Саксоніи, обоихъ Гессеновъ, Бадена, Нассау, Тюрингіи и города Франкфурта-на-Майнѣ. Какъ можно видѣть, здѣсь еще нѣтъ нѣсколькихъ значительныхъ областей, а именно: Ганновера и Брауншвейга, которые присоединились къ Германскому таможенному союзу только въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія (Ганноверъ лишь съ 1-го января 1854 года); среди перечисленныхъ государствъ отсутствуютъ также оба Мекленбургскихъ великихъ герцогства (хотя они для насъ представляютъ мало интереса), а также оба ганзейскіе города—Бременъ и Гамбургъ, которые присоединились къ германской таможенной области послѣдними—лишь 1-го октября 1888 года. Несмотря на это обстоятельство, я возьму отправнымъ моментомъ для будущаго изложенія послѣдніе годы четвертаго десятилѣтія, то-есть, время, наступившее непосредственно за соединеніемъ первой изъ названныхъ группъ государствъ. Я поступаю такимъ образомъ потому, что основная характеристическая черта германской хозяйственной жизни начала девятнадцатаго столѣтія, а въ особенности своеобразныя отношенія къ заграничѣ, существовавшія у нѣмецкихъ государствъ той эпохи, оставались безъ измѣненія только до сороковыхъ годовъ этого вѣка, между тѣмъ, какъ послѣ этого времени произошло крупное измѣненіе; въ срединѣ этого процесса совершилось присоединеніе къ таможенному союзу сѣверо-нѣмецкихъ государствъ. Кромѣ того, хотя тогда часть государствъ еще не присоединилась къ союзу, но отсутствіе ихъ имѣетъ слишкомъ мало рѣшающаго значенія для общаго характера германской хозяйственной жизни, чтобы обращать на себя чрезчуръ много вниманія.

Итакъ, передъ нами является слѣдующій вопросъ: какова была та національная дифференціація, въ которую вступила объединенная германская таможенная область въ срединѣ тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія? Выражаясь популярнѣе, спросимъ себя, каковъ былъ характеръ отношеній германской внѣшней торговли въ концѣ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка?

Въ такомъ случаѣ слѣдуетъ опредѣлить прежде всего степень дифференціаціи; этимъ я хочу сказать, что надо изслѣдовать, какова была съ количественной стороны доля участія внѣшней торговли въ общей германской хозяйственной жизни, напримѣръ, по сравненію съ нашими

временемъ. Однако, подобное опредѣленіе въ высшей степени затруднительно, такъ какъ у насъ нѣтъ необходимыхъ точекъ опоры для простой установки фактовъ, не говоря уже о сравненіи прошлаго времени съ настоящимъ. Общепринятое мнѣніе таково, что роль Германіи на мировомъ рынкѣ была гораздо менѣе значительна, то-есть, ея національная дифференціація въ началѣ девятнадцатаго столѣтія была гораздо ниже, чѣмъ теперь. Это, разумѣется, вѣрно, если мы примемъ во вниманіе только абсолютныя цифры вывоза и ввоза. Согласно вычисленію Рау, цѣнность ввоза въ нѣмецкія государства (въ 1842 году) равнялась 188,67 милліонамъ талеровъ, то-есть, въ круглыхъ числахъ—566 милліонамъ марокъ; цѣнность вывоза составляла 162,9 милліоновъ талеровъ или—488,7 милліоновъ марокъ. Въ настоящее время цѣнность ввоза свыше шести милліардовъ марокъ, тогда какъ цѣнность вывоза достигаетъ почти пяти милліардовъ.

Но даже въ томъ случаѣ, если вычислить цѣнность внѣшней торговли, приходящуюся на единицу народонаселенія, то и тогда, конечно, получится огромное повышеніе: такъ, напримѣръ, вывозъ удесят�ился, а народонаселеніе за этотъ періодъ времени едва успѣло удвоиться. Однако, всѣ эти цифры совершенно не затрагиваютъ вопроса, поставленнаго нами въ началѣ нашего разсужденія, а именно: когда участіе германской народно-хозяйственной жизни во внѣшней торговлѣ было больше—раньше или теперь? Для отвѣта на этотъ вопросъ, очевидно, слѣдовало бы знать цифры общаго производства и общаго потребленія благъ, опираясь на нихъ, измѣрять участіе въ томъ и другомъ цѣнностей ввоза и вывоза. Между тѣмъ, у насъ совершенно нѣтъ подобнаго рода статистики, относящейся къ прежнему времени. Намъ говорятъ, что вывозъ удесят�ился; прекрасно; но, можетъ-быть, общее производство благъ возросло за тотъ же промежутокъ времени въ двѣнадцать разъ? Въ такомъ случаѣ вывозъ представлялъ бы меньшую долю общаго производства, чѣмъ раньше; степень національной дифференціаціи была бы теперь ниже прежней. Я утверждаю, что мы не сможемъ рѣшить вопросъ, что соответствуетъ дѣйствительности—приведенное ли предположеніе, или общепринятое мнѣніе. Я еще разъ коснусь этого въ одной изъ слѣдующихъ главъ.

Но зато для насъ совершенно очевидно измѣненіе качества характера внѣшней торговли Германіи, которое произошло въ девятнадцатомъ столѣтіи. Я намѣренъ попытаться обрисовать общій характеръ германской торговли въ концѣ тридцатыхъ годовъ прошлаго вѣка и отсылаю читателя къ четырнадцатой главѣ этой книги, гдѣ изображено современное положеніе дѣлъ; это изображеніе полезно сравнить съ содержаніемъ настоящей главы.

Германское народное хозяйство въ теченіе всей первой половины девятнадцатаго столѣтія, безъ сомнѣнія, отстало на нѣсколько десятилѣтій по сравненію съ западно-европейскими странами, особенно же—по сравненію съ Англіей; доказательствомъ можетъ служить все сообщенное мною въ предыдущей главѣ: незначительная плотность населенія, недостатокъ профессиональной дифференціаціи и другое. Дальнѣйшій матеріалъ для доказательства

нашего положенія заключается въ ближайшей главѣ, гдѣ я попытаюсь набросать картину внутренней организаціи германской хозяйственной жизни. Но изъ низкаго состоянія экономическаго развитія съ необходимостью вытекаютъ нѣкоторыя явленія, особенно ярко опредѣляющія характеръ внѣшней торговли страны. Это, съ одной стороны, дешевыя цѣны на землю и потому низкія цѣны на продукты сельскаго хозяйства—пищевыя средства и сырые матеріалы, а съ другой—относительно высокія цѣны на продукты промышленнаго труда; изготовленіе послѣднихъ въ странахъ болѣе высокаго экономическаго развитія производится уже посредствомъ болѣе совершенной техники, напри- мѣръ, при помощи машинъ. Я прошу читателя повѣрить логической необходи- мости приведенныхъ выводовъ, не требуя отъ меня здѣсь ихъ доказа- тельствъ. Равнымъ образомъ, пусть читатель приметъ на вѣру существованіе общаго экономическаго закона, по которому товары имѣютъ тенденцію пере- мѣщаться изъ области, гдѣ издержки ихъ производства низки, туда, гдѣ цѣны на эти товары высоки. Если изготовленіе тонны хлѣба въ одномъ мѣстѣ обо- дится въ 100 марокъ, а въ другомъ—въ 150, то потребители, живущіе во второмъ мѣстѣ, окажутъ притягательное дѣйствіе на хлѣбъ, производящійся при издержкахъ производства, равныхъ 100 маркамъ.

Изъ этихъ посылокъ можно сразу вывести заключеніе относительно характера германской внѣшней торговли, присущаго послѣдней лѣтъ сто или шестьдесятъ тому назадъ; для этого вовсе нѣтъ нужды въ статистическихъ цифрахъ, которыя служатъ лишь подтвержденіемъ правильности теоретическихъ заключеній. Я полагаю, что для насъ будетъ достаточно обратить вниманіе въ послѣдующемъ изло- женіи на тѣ товарныя цѣнности, которыя представляютъ перевѣсъ ввоза или вывоза, такъ какъ своеобразный характеръ связи данной страны съ міровымъ хозяйствомъ выражается всего яснѣе именно въ этихъ цѣнностяхъ. Теперь пусть читатель обратится къ приложенію этого сочиненія.

Цифры даютъ намъ указанія относительно средней величины вывоза и ввоза за годы 1837—1839. Начну мой обзоръ съ вывоза. Мы видимъ въ данномъ случаѣ, что въ круглыхъ числахъ четверть вывоза состояла изъ пищевыхъ средствъ и сырыхъ матеріаловъ. Въ частности же Германія той эпохи могла еще вывозить значительныя количества хлѣба за границу. Если мы перенесемъ отношенія, господствовавшія въ Пруссіи, на таможенно-объеди- ненную Германію, то по вычисленію статистиковъ, заслуживающихъ довѣрія, въ то время еще вывозили приблизительно отъ одной четверти до одной пятой общаго сбора пшеницы и около 60%, то-есть, почти одну семнадцатую часть сбора ржи; слѣдовательно, таковъ былъ излишекъ производства хлѣба за по- крытіемъ нужды собственнаго населенія; это положеніе вещей оставалось, впрочемъ, безъ измѣненія еще нѣсколько десятилѣтій. Что касается другихъ сырыхъ продуктовъ, то Германія въ тридцатыхъ годахъ истекшаго столѣтія вывозила за границу еще большія количества лѣса и древесной коры (дубла), въ то время какъ ввозъ древеснаго угля сталъ недавно только превосходить его вывозъ. То обстоятельство, что ввозъ скота превышалъ его вывозъ, имѣетъ

свои особыя причины, которыя намъ не зачѣмъ здѣсь подробно объяснять; этотъ излишекъ ввоза скота наполовину почти уравнивается избыткомъ вывоза овечьей шерсти. Слѣдовательно, шерсть также еще производилась свы- ше собственной потребности въ ней—признакъ, въ высшей степени характер- ный для состоянія развитія въ странѣ индустріи. Впрочемъ, въ концѣ трид- цатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія расцвѣтъ вывоза шерсти уже мино- валъ, частью потому, что Англія, являвшаяся главнымъ покупателемъ ея, стала ввозить къ себѣ болѣе дешевыя австралійскіе и южно-африканскіе сорта шерсти, частью же потому, что возросъ спросъ на шерсть въ самой Германіи.

Другіе предметы вывоза Германіи въ концѣ тридцатыхъ годовъ ми- нувшаго вѣка состояли въ готовыхъ фабрикатахъ различныхъ отраслей инду- стріи: хлопчато-бумажной, шерстобитной, текстильной, шелко-ткацкой, мелкой желѣзо-дѣлательной, токарной, галантерейной и горшечной промышленности и другихъ. Это въ сущности такіе продукты, для которыхъ сырые матеріалы доставались въ Германіи; технические перевороты еще не успѣли оказать существеннаго вліянія на ихъ цѣны; такимъ образомъ, при ихъ изготовленіи болѣе дешевая, по сравненію съ болѣе экономически-прогрессивными странами, заработная плата, которая естественно существовала въ тогдашней Германіи, имѣла рѣшающее значеніе, благоприятное для германской индустріи.

Состояніе вывоза и ввоза было прямо противоположно для тѣхъ про- дуктовъ индустріи, которые мы называемъ полуфабрикатами, среди которыхъ главное мѣсто принадлежитъ разнымъ сортамъ пряжи, а также чугуну и к- ванному желѣзу. Въ этой области въ теченіе первыхъ десятилѣтій девятнад- цатаго столѣтія совершилось полное преобразование способовъ производства, особенно въ Англіи; послѣдствіемъ этого было неудержимое паденіе цѣнъ на полуфабрикаты, которое еще не успѣло осуществиться въ Германіи. Благо- даря этому, она стала ввозить ихъ въ большемъ количествѣ изъ-за границы, въ особенности же изъ Англіи; это обстоятельство является второй важной характерной чертой тогдашняго положенія вещей. Почти четверть всего из- бытка ввоза надъ вывозомъ приходится на хлопчато-бумажную пряжу; сово- купность ввезшихся полуфабрикатовъ составляетъ по своей цѣнности около одной трети всего избытка ввоза надъ вывозомъ. Борьба за освобожденіе ткацкой и желѣзо-дѣлательной промышленности, отдѣльныхъ фазъ развитія ко- торой я не могу здѣсь описывать, составляетъ значительную часть экономи- ческаго развитія ближайшихъ къ намъ десятилѣтій, и самымъ явнымъ обра- зомъ оказываетъ вліяніе на всю народно-хозяйственную, особенно же на та- моженную политику Германіи. Въ самомъ дѣлѣ, представители текстильной и металлургической промышленности, стремясь къ освобожденію отъ загранич- ныхъ конкурентовъ, естественнымъ образомъ старались прежде всего защитить себя отъ послѣднихъ; другими словами, они домогались покровительственныхъ пошлинъ на пряжу и желѣзо. Еще и теперь наше таможенно-политическое положеніе испытываетъ существенное вліяніе своеобразнаго состоянія обѣихъ названныхъ великихъ отраслей индустріи; послѣднія должны шагъ за шагомъ отвоевывать почву у заграничной конкуренціи. Сторонниками индустріально-

покровительственной таможенной политики въ Германіи до настоящаго времени остаются представители текстильной и металлургической промышленности.

Остальные товары, получавшіеся Германіей изъ-за границы, заключались въ колониальныхъ продуктахъ, какъ ихъ можно назвать однимъ именемъ; среди нихъ первенствующее мѣсто принадлежало сахару. На сахаръ падаетъ около одной седьмой части общаго избытка ввоза надъ вывозомъ. Теперь, какъ мы увидимъ, положеніе вещей существенно иное; свекловичный сахаръ вытѣснилъ тростниковый, и Германія является одной изъ значительнѣйшихъ странъ сахарнаго экспорта. Это измѣненіе тоже рельефно отразилось на исторіи германскихъ таможенныхъ пошлинъ, а въ особенности на исторіи косвеннаго обложенія.

Достаточно-ли читателю этихъ указаній, чтобы у него составилаь хоть сколько-нибудь отчетливая картина положенія германской народно-хозяйственной жизни по отношенію къ заграничѣ? Я надѣюсь, что да. Продолженіе нашихъ бесѣдъ, какъ я полагаю, выяснитъ еще многое, что пока представляется лишь въ неопредѣленномъ видѣ. Однако, я еще разъ повторю слѣдующіе два факта: въ девятнадцатомъ столѣтіи Германія, во-первыхъ, получаетъ еще отъ своего сельскаго хозяйства больше продуктовъ (пищевыхъ средствъ и сырыхъ матеріаловъ), чѣмъ сама ихъ потребляетъ, и, во-вторыхъ, она еще безусловно зависитъ отъ заграницы въ сферѣ двухъ самыхъ важныхъ отраслей индустріи (текстильной и металлургической промышленности).

Въ заключение я намѣренъ упомянуть также о слѣдующемъ: страна, положеніе которой въ отношеніи заграницы аналогично положенію Германіи въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, и земледѣльческое населеніе которой выражается столь крупной дробью, какъ въ Германіи названной эпохи,—такая страна обыкновенно называется «аграрнымъ государствомъ» («Agrarstaat»). Это выраженіе не особенно удачно, какъ-то часто случается съ ходячими словами. Но такъ какъ въ нашемъ распоряженіи нѣтъ термина болѣе подходящаго для опредѣленія однимъ словомъ характера вышеозначенной ступени экономического развитія, то примемъ данный. Нѣкоторые говорятъ, вмѣсто «аграрное государство», «кормовое государство» («Nahrungsstaat»), но это выраженіе еще менѣе пригодно. Впрочемъ, въдѣ главное заключается въ томъ, чтобы вѣрно понять суть дѣла, а названія можно давать какія угодно...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Внутренняя организація хозяйственной жизни.

І. Земельный строй.

Въ настоящей главѣ я намѣренъ изобразить внутреннюю структуру германской экономической жизни вѣкъ тому назадъ; я изображу эту структуру, поскольку она выражается въ хозяйственной системѣ, какъ я это называю. Я разумѣю подъ этимъ, главнымъ образомъ, духъ, проникающій хозяйственную жизнь, своеобразное направленіе воли, мыслей и чувствованій, принадлежащихъ людямъ, которые оказываютъ вліяніе на хозяйственные отношенія. Но я включаю сюда также всѣ тѣ многочисленныя связи, которыя устанавливаются между подданными государства, преслѣдующими свои хозяйственные цѣли, слѣдовательно, то, что можно назвать укладомъ экономической жизни. Я полно и пространно изслѣдовалъ всѣ эти вещи съ теоретической точки зрѣнія въ моемъ «Капитализмѣ»; тому, кто интересуется систематически ознакомиться съ указанными явленіями, я вновь рекомендую обратиться къ названному сочиненію. Въ настоящей же книгѣ теоретическія тонкости не должны утруждать читателя. Я хочу лишь просто рассказать о томъ, какъ обстоитъ дѣло въ указанныхъ отношеніяхъ въ Германіи сто лѣтъ тому назадъ; я снова попытаюсь дать читателю конкретное представленіе объ излагаемыхъ вещахъ.

Попробуемъ обнаружить единую основную черту въ хозяйственной организаціи прошлаго вѣка, отличающую эту послѣднюю отъ современной намъ организаціи, съ которой намъ предстоитъ еще ознакомиться; этой чертой, какъ мнѣ кажется, является группировка всѣхъ хозяйственныхъ предпріятій вокругъ живой личности, испытывающаго нужду и дѣйствующаго, человека. Хозяйственная жизнь съ реально-раціональной точки зрѣнія еще не представляетъ собою искусно устроеннаго механизма, а является въ сущности безсознательнымъ проявленіемъ человека, живущаго подъ вліяніемъ естественныхъ чувствованій. Смыслъ этого утвержденія станетъ понятнымъ лишь послѣ обозрѣнія нами отдѣльныхъ сферъ экономической жизни въ ихъ своеобразной организаціи. Читатель будетъ часто удивляться страннымъ формамъ, въ которыхъ намъ представляется хозяйственный строй, существовавшій всего сто лѣтъ тому назадъ. Въ своихъ основныхъ чертахъ это все еще тотъ строй, который былъ водворенъ въ странѣ германскими племенами, когда они, тысяча пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, стали переходить къ осѣдлому образу жизни; феодализмъ и появившееся въ теченіе послѣднихъ столѣтій помѣстное хозяйство измѣнили

и развили, но не упразднили его. Въ городахъ господствовалъ тотъ порядокъ вещей, который обыкновенно называютъ цеховымъ; послѣдній медленно и постепенно складывался въ продолженіе тысячелѣтія, дополнялся, подвергался измѣненіямъ, но сохранялъ цѣликомъ свою основу, являясь величественнымъ памятникомъ косной, неподвижной, консервативной исторической эпохи!

Я начну съ изображенія деревенскихъ отношеній и прежде всего—съ картины крестьянскаго хозяйства стараго типа. Прошу читателя не удивляться, если я при этомъ завожу рѣчь издалика; это облегчитъ мнѣ потомъ выполненіе моей цѣли! Но понять своеобразие хозяйственной жизни, существовавшей сто лѣтъ тому назадъ, нельзя, не обнаруживъ ея корней. А корни земельного строя, какъ я уже указывалъ, относятся къ эпохѣ, когда германскія племена стали переходить къ осѣдлому образу жизни. Мы должны допустить, что прежде чѣмъ осуществился этотъ переходъ, группы родственныхъ по крови семействъ, ведущія кочевую жизнь, эксплуатировали сообща значительныя дачи, которыя охватывали многія квадратныя мили; онѣ пользовались этими дачами то какъ пастбищами, то иногда какъ пашнями. Впослѣдствіи эти дачи, служившія мѣстопребываніемъ и доставлявшія пропитаніе нѣсколькимъ тысячамъ людей, продолжали существовать въ видѣ общихъ «марокъ» или «общихъ лѣсныхъ дачъ», между тѣмъ какъ на нѣкоторыхъ изъ нихъ болѣе мелкіе союзы перешли къ осѣдлому состоянію. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ поселеніе происходитъ деревнями, то-есть, въ наибольшей части Германіи, эти соединенныя группы семей образуютъ сельскія общества; мѣстами же—особенно въ Нижней Саксоніи—отдѣльные крестьяне селятся изолированно, по такъ называемой подворной системѣ. Но такъ какъ своеобразные признаки первобытнаго крестьянскаго хозяйства соединяются вмѣстѣ при деревенской системѣ селенія, то я изображаю эту послѣднюю. Затѣмъ можно легко самому установить, какіе признаки системы селенія деревнями исчезаютъ при подворной системѣ.

Такимъ образомъ, и послѣ того, какъ небольшія группы семействъ въ отдѣльныхъ деревняхъ сдѣлались самостоятельными, взаимная связь сосѣднихъ деревень оставалась нерушимой; эта связь сохранилась, поскольку семейныя группы въ качествѣ членовъ марки, одномарковцевъ, *consortes*, совместно владѣли пространствами, которыя находились между деревенскими полями, и эксплуатировали ихъ; первоначально эти пространства состояли, главнымъ образомъ, изъ степи, болота и топи. Этотъ фактъ важенъ: онъ объясняетъ происхожденіе многихъ сервитутныхъ правъ, которыя часто осуществлялись еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія отдѣльными крестьянскими семьями на чужой, по большей части, на господской землѣ; это объясняется тѣмъ, что когда крупныя владѣльцы захватывали въ теченіе сотенъ лѣтъ незаселенную землю (бывшую первоначально собственностью сочленовъ марки), то притязанія прежнихъ владѣльцевъ продолжали отчасти оставаться въ силѣ подъ видомъ сервитутныхъ правъ (собираніе хвороста, уборка соломы, выпасъ коровъ и тому подобное). Такимъ образомъ, въ границахъ марки находились разныя деревенскія поля; нѣкоторыя изъ нихъ достигали величины около

четыре-пять сотъ гектаровъ. Они охватывали всю область, занятую культурой, и въ частности состояли изъ:

- 1) самой деревни, окруженной выгонами, рѣками и проселочными дорогами;
- 2) пахотной земли;
- 3) степи и лѣса.

Раздѣленіе деревенскихъ полей между сочленами марки (согласно Мейцену (*Meitzen*), превосходному знатоку этого предмета; послѣднихъ было отъ десяти до тридцати) производилось по опредѣленному принципу, который имѣлъ весьма важныя послѣдствія для общаго строя деревенскаго хозяйства, а именно: тутъ проводился принципъ идеальнаго участія въ обработкѣ земли въ томъ видѣ, какъ онъ выражается въ системѣ гуфъ. Гуфами назывались идеальныя участки отдѣльныхъ крестьянскихъ семей въ общей совокупности деревенскихъ полевыхъ угодій. Первоначально они были такъ велики и хороши, что семья могла вести на нихъ нормальное крестьянское хозяйство и жить въ достаткѣ, пользуясь доходами съ нихъ. Мы здѣсь впервые встрѣчаемся съ «идеей пропитанія», которая въ теченіе всѣхъ среднихъ вѣковъ господствуетъ надъ хозяйственной жизнью города и деревни, и которая еще является регулирующимъ принципомъ производства даже въ началѣ девятнадцатаго столѣтія; согласно этому принципу, за каждымъ хозяйствующимъ субъектомъ долженъ быть обезпеченъ комплексъ хозяйственной дѣятельности, отграниченный такимъ образомъ, чтобы субъектъ могъ сполна использовать свою рабочую силу и пропитать трудомъ рукъ своихъ себя и свою семью. Слѣдовательно, всѣ гуфы были первоначально одинаковой величины. Въ продолженіе столѣтій онѣ дифференцировались, съ одной стороны, въ участки, вдвое и нѣсколько разъ большіе, а съ другой—въ участки, равныя половинѣ, трети или четверти прежнихъ гуфъ.

Составныя части гуфы были слѣдующія:

1) Усадьба, то-есть, жилище семьи, хлѣвы, амбары, сады—все это съ самаго начала перешло въ полную частную собственность отдѣльнаго домохозяина.

2) Пахотная земля, находившаяся въ совершенно особыхъ условіяхъ, она не представляла собой цѣльной площади, расположенной въ одномъ и томъ же мѣстѣ, а была разбросана по всему полю, согласно весьма остроумному плану. Поле, сейчасъ же по заселеніи, дѣлилось на нѣкоторое количество равныхъ частей, такъ называемыхъ «коновъ или прясель»*) (*Gewappe oder Kämpfe*); послѣднихъ было отъ тридцати до сорока, и каждый такой земельный участокъ былъ приблизительно однороденъ въ качественномъ отношеніи. Въ каждомъ изъ такихъ коновъ отдѣльныя семейства крестьянъ по-

*) Эти названія мы заимствуемъ изъ терминологіи, выработанной порядкомъ общиннаго землевладѣнія средней Россіи, гдѣ они обозначаютъ понятія, почти тождественныя тѣмъ, о которыхъ идетъ рѣчь въ текстѣ нѣмецкаго автора.

лучали доли одинаковой величины, а именно: каждая доля состояла изъ такого количества земли, какое могла вспахать хоть за одно утро одна упряжка воловъ; отсюда эти доли назывались «моргенами» (Morgen=утро), а въ Австрій—«юхами» (Joch=юго, упряжка воловъ). Вѣроятно, эти участки вначалѣ, время-отъ-времени, снова передѣлялись между односельчанами; отсюда и возникло выраженіе «дѣлянки»; но уже рано появилось постоянное владѣніе, по крайней мѣрѣ пожизненное, и вскорѣ отдѣльныя полосы сдѣлались полной наслѣдственной собственностью одной и той же семьи. Такимъ образомъ, надо думать, что съ теченіемъ времени эти участки дѣлились, обмѣнивались, соединялись и т. д. Въ результатъ получалась картина, пестрая до невѣроятія. Деревенская нива распадалась на сотни и даже тысячи подобнаго рода участковъ, а каждый хозяинъ владѣлъ, такимъ образомъ, часто сотнями участковъ, разбросанныхъ по всему полю. Вспомнимъ по этому поводу, что при нашемъ путешествіи мы видѣли поля, раздробленные на крошечныя полосы, которыя располагались въ шахматномъ порядкѣ. Наше наблюденіе соотвѣтствовало дѣйствительности; мы познакомились теперь съ основаніемъ такого своеобразнаго явленія.

3) Въ составъ гуфы входили также права отдѣльныхъ крестьянскихъ семей на пользованіе нераздѣленными угодьями деревенской марки, такъ называемой «альмендой». Послѣдняя состояла изъ лѣсныхъ и степныхъ пространствъ и, какъ уже сказано, принадлежала общинѣ, которая представляла своимъ сочленамъ лишь право выгона скота и сбора хвороста въ границахъ альменды.

Этотъ своеобразный имущественный строй въ томъ видѣ, какъ онъ почти всюду развился въ германской деревнѣ, имѣлъ совершенно опредѣленные послѣдствія для образованія самой сельско-хозяйственной промышленности. То обстоятельство, что отдѣльные земельные участки каждой крестьянской семьи лежали вперемежку другъ съ другомъ (для обозначенія этого факта существуетъ техническое выраженіе, «Gemengelage» — «черезполосица»), естественно влекло за собой для крестьянина невозможность устраивать свое частное хозяйство по собственному произволу, потому что дорогъ еще не существовало на деревенской нивѣ. Слѣдовательно, владѣлецъ отдаленнаго участка могъ до него добраться, только пройдя черезъ полосы другихъ владѣльцевъ. Вслѣдствіе этого являлось невозможнымъ, чтобы одинъ крестьянинъ еще держалъ хлѣбъ на корню, въ то время какъ другіе собирались свозить его съ поля, или, чтобы одинъ приступилъ къ обработкѣ своего поля, тогда какъ другой уже посѣялъ хлѣбъ, и т. д. Однимъ словомъ, только-что указанное положеніе вещей, то-есть, такъ называемая черезполосица, влекло за собою необходимымъ образомъ веденіе хозяйства по единому плану, установленному предками членовъ деревенской общины. Этотъ планъ опредѣлялъ для каждаго члена послѣдней, какого рода хлѣбъ онъ долженъ сѣять, когда онъ долженъ обрабатывать свою пашню, когда начинать уборку жатвы; это былъ, такъ называемый, «принудительный сѣвооборотъ» (Flurzwang). Далѣе, единообразный хозяйственный планъ включалъ въ

себя опредѣленія относительно общей пастбы скота, то-есть, относительно выгона деревенскихъ стадъ коровъ, свиней, гусей и т. п. въ лѣсъ, на утилизируемую, какъ вѣчное пастбище, альменду или на жниво и паръ. Самый планъ деревенскаго хозяйства создавалъ условія, благодаря которымъ пахотное поле время-отъ-времени должно было оставаться безъ обработки и лежать подъ паромъ; такимъ образомъ, оно отдыхало и собиралось съ новыми силами. Принимая во вниманіе незначительность производства навоза, что, въ свою очередь, было тогда результатомъ чрезмѣрнаго предпочтенія хлѣбной культуры, а также считаясь съ низкимъ въ то время уровнемъ свѣдѣній объ условіяхъ роста растений, можно сказать, что паръ былъ безусловно необходимымъ явленіемъ въ тогдашнемъ полевомъ хозяйствѣ для устраненія опасности окончательнаго истощенія почвы. Замѣчу въ скобкахъ, что такого рода агрономическая система представляетъ собой ясный симптомъ весьма малой производительности земледѣлія, что, именно, и является слѣдствіемъ неразвитой земледѣльческой техники того времени. Обыкновенно въ каждые три года пахотное поле должно было лежать подъ паромъ въ теченіе одного года. Въ продолженіе же двухъ другихъ лѣтъ на полѣ культивировались послѣдовательно озимое (рожь или пшеница) и яровое (ячмень, овесъ, яровая рожь или яровая пшеница). Слѣдовательно, треть всего поля засѣвалась ежегодно озимымъ, треть—яровымъ, а треть лежала подъ паромъ и утилизировалась въ качествѣ пастбища. Вслѣдствіе дѣленія на три части пахотной площади или вслѣдствіе подобнаго трехгодичнаго сѣвооборота, сама эта хозяйственная система называлась трехпольнымъ хозяйствомъ. Такова была въ началѣ девятнадцатаго столѣтія система, господствовавшая еще повсемѣстно въ Германіи, а также и въ помѣщичьихъ экономіяхъ, о которыхъ сейчасъ будетъ идти рѣчь. Только мѣстами она улучшалась (отсюда названіе «улучшенное трехпольное хозяйство») въ томъ отношеніи, что на третій годъ, когда поле должно было лежать подъ паромъ, на немъ сѣялась кормовая трава, въ особенности клеверъ, то-есть, паръ шелъ подъ яровое. Этотъ хозяйственный приѣмъ имѣлъ то большое преимущество, что дѣлалъ возможнымъ болѣе значительное содержаніе скота и тѣмъ самымъ—большее производство навоза, а потому усиливало плодородіе почвы.

Однако, я уже указывалъ, что феодализмъ и помѣстное хозяйство многое измѣнили въ этомъ строѣ деревенскаго хозяйства. Я, конечно, не могу въ настоящемъ сочиненіи рассказывать о томъ, какимъ образомъ возникли и развились эти силы, то-есть, какъ въ теченіе среднихъ вѣковъ сложился феодализмъ, и какъ въ началѣ новаго времени—съ шестнадцатаго столѣтія—образовалось помѣстное хозяйство. Намъ достаточно знать, что дѣйствіе того и другого сводилось къ установленію зависимости крестьянина отъ крупнаго землевладѣльца, къ возложенію на перваго обязанности платить оброкъ и нести повинности въ пользу втораго; такимъ путемъ на ряду съ крестьянскими хозяйствами возникла отчасти новая форма сельско-хозяйственной промышленности. Отношенія зависимости, въ которыхъ мы видимъ

нѣмецкихъ крестьянъ (за исключеніемъ весьма немногихъ областей, оставшихся совершенно свободными отъ нихъ) въ началѣ девятнадцатаго столѣтія, представляютъ собой такъ называемыя оброчныя (grundherrliche Verhältnisse) или барщинныя (gutsherrliche Verhältnisse) отношенія.

Оброчныя отношенія состояли въ обязательствѣ отдѣльныхъ крестьянскихъ хозяйствъ доставлять землевладѣльцу ихъ округа оброкъ деньгами или натурой. Эти оброчныя тяготы совершенно ничего не измѣняютъ въ формѣ самого земельного строя. Поэтому и для насъ онѣ болѣе не представляютъ интереса. Ихъ экономическое значеніе могло состоять развѣ лишь въ томъ, что онѣ чрезмѣрно угнетали крестьянское хозяйство и, можетъ-быть, затрудняли естественное воспроизведеніе національнаго богатства. Совсѣмъ иное представляли собой тѣ повинности, или, вѣрнѣе, тяготы, которыя называютъ барщинными; эти тяготы играли роль въ отдѣльныхъ частяхъ Германіи, особенно южной. Ихъ значеніе состояло въ томъ, что онѣ образовали основу совершенно новаго устройства сельско-хозяйственнаго производства, поскольку на нихъ покоилась новая хозяйственная форма—помѣстное хозяйство.

А именно читателю должно быть извѣстно, что до девятнадцатаго столѣтія въ Германіи не существовало крупно-помѣстнаго хозяйства въ томъ видѣ, въ какомъ оно, можетъ-быть, знакомо ему на основаніи собственныхъ наблюденій; я имѣю въ виду хозяйство со значительнымъ контингентомъ профессиональных и свободныхъ наемныхъ рабочихъ, то-есть, такихъ, главное занятіе которыхъ заключается въ работѣ на поляхъ помѣщика, и которые свободно избрали себѣ этотъ родъ труда, вмѣсто какого-либо другого. Прежде не было подобнаго сословія сельскихъ рабочихъ по профессіи. Такимъ образомъ, крупный земельный собственникъ, желавшій, чтобы его земля обрабатывалась, долженъ былъ пользоваться иными рабочими силами, а послѣднія, именно, и доставлялись крестьянами сосѣднихъ деревень. Эти крестьяне стали привлекаться къ принудительнымъ работамъ на землѣ помѣстья, по большей части, лишь съ исхода среднихъ вѣковъ, потому что только съ этого времени появляется въ Германіи настоящее помѣстное хозяйство. Работа барщинныхъ крестьянъ на помѣщика принимала различныя формы: то они (сыновья и дочери крестьянъ) являлись прислугой на господскомъ дворѣ, то должны были пахать на собственныхъ упряжкахъ его землю, свозить жатву и исполнять другія упряжныя работы, то, наконецъ, они были обязаны работать для помѣщика собственными руками на его полѣ или на дворѣ (это называлось «ручными услугами» — Handdienste). Совокупность всѣхъ этихъ обязанностей носила названіе барщины. Само собою разумѣется, необходимымъ коррелятомъ такой организаціи труда являлось ограниченіе права передвиженія; крестьяне были прикрѣплены къ землѣ. А состояніе, въ которомъ находилось крестьянство, прикрѣпленное указаннымъ образомъ къ землѣ и обязанное нести барщину, называлось крѣпостнымъ (Erbuntertänigkeit = наследственное подданство).

За исключеніемъ того обстоятельства, что помѣстное хозяйство было больше крестьянскаго, и того, что оно основывалось на несвободномъ трудѣ,

вмѣсто свободнаго, по своей внутренней сущности оно врядъ ли отличалось отъ крестьянскаго.

Въ идейномъ мірѣ помѣщика также господствуетъ въ большинствѣ случаевъ мысль, что его хозяйство должно доставлять ему содержаніе, соответствующее его званію. Помѣщику требовалось содержаніе, достаточное для того, чтобы жить по-господски, то-есть, не пышно, безъ расточительной роскоши, но, во всякомъ случаѣ, такъ, чтобы имѣть возможность предаваться лѣтомъ и осенью удовольствіямъ охоты, зимой же провести, пожалуй, нѣсколько мѣсяцевъ съ семьей въ главномъ городѣ провинціи, дать за дочерью солидное приданое и доставить сыну средства для службы въ полку его величества. Это былъ міръ идей, который до сихъ поръ господствуетъ въ головахъ юнкеровъ, живущихъ на востокъ отъ Эльбы, и который представляетъ собою чисто-крестьянское пониманіе хозяйства и жизни, лишь взятое въ большомъ масштабѣ. Я еще вернусь къ этому вопросу, когда у насъ зайдетъ рѣчь объ общественныхъ классахъ.

Веденіе хозяйства, способъ обработки полей, уходъ за скотомъ въ болѣе или менѣе крупныхъ помѣстьяхъ и въ крестьянскихъ хозяйствахъ также представляютъ мало взаимныхъ различій. Это положеніе вещей вытекало уже изъ того факта, что помѣщичья земля не выдѣлялась изъ крестьянской однимъ округленнымъ комплексомъ, а переплеталась съ ней неразрывнымъ образомъ: подобно послѣдней, она дѣлилась на рядъ полосъ, расположенныхъ между участками крестьянъ. Благодаря этому весь ходъ помѣстнаго хозяйства былъ неизбежно связанъ со строемъ крестьянскихъ хозяйствъ; первое все еще образовывало вмѣстѣ съ послѣдними единое деревенское хозяйство.

Для большаго уясненія сказаннаго я еще разъ предоставляю слово нашему компетентнѣйшему въ этихъ вещахъ автору — Георгу-Фридриху Кнаппу, который слѣдующимъ образомъ рисуетъ намъ ходъ помѣстнаго хозяйства стараго стиля.

«Господскій дворъ является центромъ значительной сельско-хозяйственной работы; рядомъ съ домомъ или замкомъ, гдѣ живетъ помѣщикъ или его арендаторъ, находятся обширныя хозяйственныя строенія, большіе амбары и житницы, хлѣвы для скота, который былъ предметомъ непосредственнаго пользованія, въ особенности же—для коровъ и овецъ; но, къ нашему удивленію, мы не видимъ стойлъ для упряжнаго скота; самое большее, если мы найдемъ нѣсколько лошадей для господскаго экипажа, зато рабочихъ лошадей или воловъ очень мало, а иногда и совсѣмъ нѣтъ. Полевые угодья, принадлежащія помѣстью, хотя и велики, но не образуютъ непрерывной площади; точнѣе будетъ сказать, что полосы помѣщичьей земли разсыяны по общей нивѣ; въ одномъ и томъ же полѣ расположены участки пахотной земли, которые принадлежатъ и помѣщику, и крестьянамъ ближней деревни, такъ что тѣ и другіе земельные участки перемѣшаны другъ съ другомъ. Помѣщичьи и крестьянскіе участки обрабатываются по правиламъ трехпольнаго хозяйства, и потому нива раздѣлена на три части, имѣющія постоянныя границы—«три поля». Всякій крестьянинъ имѣетъ, подобно помѣщику, участки

земли въ каждомъ изъ полей. Лѣсъ принадлежитъ помѣщику, но крестьянинъ имѣетъ извѣстные права на получение отсюда строевого лѣса и дровъ. Еще не существуетъ раздѣленія полей, которое устранило въ послѣдствіи череполосицу земельныхъ участковъ; не существуетъ и раздѣла общихъ владѣній, который освободилъ лѣсъ отъ правъ пользованія имъ со стороны крестьянъ; люди еще осуществляютъ широкія права на чужихъ земельныхъ участкахъ; такъ что, на примѣръ, помѣщикъ пасетъ стада своихъ овецъ на пару весною и на жнивахъ осенью, и не на своихъ только земельныхъ участкахъ, а на всѣхъ вообще, не исключая и крестьянскихъ. Какимъ же образомъ совершается обработка помѣщичьихъ земель, если на господскомъ дворѣ нѣтъ рабочаго скота? Это исполняется барщинной работой крестьянъ. Управляющій, какъ мы теперь сказали бы, накануне вечеромъ указываетъ крестьянамъ, куда они должны на слѣдующее утро явиться съ лошадыю, запряженной въ плугъ или въ борону. Затѣмъ они отправляются въ поле; среди руготни и проклятій лѣнивая кляча и идущій противъ воли на работу мужикъ принуждаются къ исполненію своей каторжной обязанности и долга. Съ приближеніемъ времени жатвы бѣдняки должны, кромѣ упряжной работы, доставлять также трудъ собственныхъ рукъ; само собою разумѣется, работа на господина должна выполняться раньше всякой другой работы. Зимой бѣдные люди должны молотить хлѣбъ на помѣщика, и крестьянинъ везетъ снова на своей лошади и телѣгѣ зерно на базаръ за нѣсколько десятковъ верстъ. Такимъ образомъ, все необходимое для работы на помѣщика было распределено между крестьянами или, вѣрнѣе говоря, между жителями деревни, кто бы они ни были — настоящіе ли крестьяне или нѣтъ, то-есть, хозяева двора съ крестьянскимъ хозяйствомъ или безхозяйные. А отсюда вытекаетъ слѣдующее: подобно тому какъ помѣщикъ не держитъ на своемъ дворѣ рабочаго скота, онъ не нуждается и въ жилищахъ для рабочихъ, расположенныхъ вблизи его двора; въ самомъ дѣлѣ, у него нѣтъ особыхъ сельскихъ рабочихъ, вѣдь работа исполняется жителями его деревни, она подѣлена среди населенія послѣдней сообразно его силамъ то въ видѣ упряжной повинности, то въ видѣ ручныхъ услугъ. Эта работа, пожалуй, и очень тягостна, но зато она до извѣстной степени является лишь побочнымъ занятіемъ, въ томъ именно смыслѣ, что значительно большая часть обитателей деревни ведетъ также свое собственное хозяйство въ качествѣ то крестьянъ, то безземельныхъ, то бобылей. Таково было положеніе дѣлъ во времена барщины».

Я охотно сообщилъ бы вамъ еще что-нибудь о томъ, какимъ образомъ земледѣльческая площадь въ Германіи раздѣлялась между крестьянскимъ и помѣщичьимъ хозяйствами, если бы я самъ имѣлъ болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія относительно этого вопроса. Разумѣется, общей имущественной и промысловой статистики того времени совершенно не существуетъ. Вслѣдствіе этого намъ приходится судить объ общемъ строѣ на основаніи частныхъ свѣдѣній. Въ такомъ случаѣ выясняется, что въ теченіе девятнадцатаго столѣтія врядъ-ли гдѣ-либо происходили чрезмѣрно большія измѣненія въ имущественномъ состояніи той или другой хозяйственной формы. Можно

утверждать опредѣленно только то, что въ продолженіе девятнадцатаго столѣтія контингентъ крестьянъ-хозяевъ, во всякомъ случаѣ, уменьшился въ пользу помѣстныхъ хозяйствъ. Въ частности же это перемѣщеніе происходитъ, главнымъ образомъ, въ Пруссіи, на востокъ отъ Эльбы, въ той части страны, которую газеты прозвали недавно «Остальбіей»; дѣйствительно, помѣстное хозяйство только здѣсь и достигло значительнаго пространственнаго протяженія и, какъ было замѣчено выше, сохранило его до нашихъ дней; послѣднее обстоятельство я еще разъ докажу точнѣе съ помощью нѣкоторыхъ цифръ. Тѣмъ не менѣе, рѣчь всякій разъ идетъ только о совсѣмъ небольшихъ измѣненіяхъ: по вычисленіямъ Макса Зеринга, чистая убыль крестьянскаго хозяйства въ пользу крупнаго землевладѣнія составляла отъ 1816 г. до 1859 г. для вышеупомянутой области 1,6%. Съ тѣхъ поръ подобная убыль скорѣе уменьшилась и за послѣднее время отчасти даже вновь уравнилась прибылью, благодаря систематической колонизаціи восточныхъ провинцій Пруссіи. Такимъ образомъ, мы можемъ сказать съ увѣренностью слѣдующее: картина раздѣленія земли между крестьяниномъ и помѣщикомъ въ Германіи была сто лѣтъ тому назадъ почти такая же, какъ теперь, а эту послѣднюю, какъ уже было сказано, я изображу при случаѣ въ послѣдствіи.

Таково было приблизительно положеніе вещей въ нѣмецкой деревнѣ сто лѣтъ тому назадъ. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ я намѣренъ набросать аналогичную картину хозяйственной организаціи въ городахъ. Правильнѣе говоря, я хочу попытаться наглядно представить читателю промышленный строй стараго времени въ его главныхъ чертахъ, подобно тому какъ я указалъ ему на существенныя стороны земельного строя той эпохи.

II. Ремесло въ промышленности и торговлѣ.

Организація, которая почти полновластно господствовала въ промышленной жизни Германіи начала девятнадцатаго столѣтія, была ремесленная. Хотя ростъ этой организаціи, какъ я уже говорилъ, не былъ столь продолжителенъ, какъ ростъ деревенскаго хозяйства, однако, и она имѣла за собою почти тысячелѣтнее прошлое. Ея расцвѣтъ относится къ той эпохѣ, когда германская буржуазія въ тринадцатомъ, четырнадцатомъ и пятнадцатомъ столѣтіяхъ боролась противъ силъ феодализма, отстаивая свою самостоятельность. Процессъ образованія нѣмецкой культуры въ теченіе блестящаго историческаго періода Возрожденія совершался подъ покровительствомъ ремесленной организаціи старо-германской промышленности; эта организація создала мастеровъ-пѣвцовъ (Meistersänger), мастеровъ-художниковъ и мастеровъ-ваятелей, которые возвѣстили міру славу германской культуры; мало-по-малу, однако, эта организація подверглась старческому окостенѣнію и расслабленію. Порядокъ, въ которомъ нашелъ себѣ воплощеніе ея духъ въ лучшую эпоху ея существованія — цеховой строй — теперь пришелъ въ упадокъ подвѣянъ пустого формализма, и тамъ, гдѣ прежде нормы строя диктовались интересами городской общины, теперь царитъ трусливый эгоизмъ привилегированной

касты цеховыхъ мастеровъ. Но въ чемъ заключалась сущность этой ремесленной организаціи и такъ называемаго цехового устройства?

Если нижеслѣдующая картина мѣстами останется непонятной, то читатель найдетъ болѣе подробныя объясненія по этому предмету въ моемъ сочиненіи о «Капитализмѣ», гдѣ я трактую весьма пространно о сущности ремесленной организаціи.

Мнѣ кажется, мы можемъ лучше всего выразить, какова истинная сущность «ремесленника», если дадимъ слѣдующее отрицательное опредѣленіе: мы называемъ «ремесленникомъ» (въ болѣе узкомъ смыслѣ слова) такого промышленнаго работника, у котораго существуютъ въ распоряженіи всѣ условія, необходимыя для производства благъ и ихъ сбыта; этими условіями могутъ быть личности другихъ людей или вещи; такимъ образомъ, въ ремесленникѣ заключаются всѣ свойства промышленнаго производителя. Но такъ какъ для производства всегда необходимо соединеніе вещественнаго имущества съ личными способностями, то изъ вышесказаннаго прежде всего вытекаетъ слѣдующее: ремесленникъ, кромѣ личныхъ качествъ, располагаетъ всѣми вещественными благами, нужными для производства, то-есть, средствами производства; мы можемъ это выразить также слѣдующимъ образомъ: въ лицѣ ремесленника еще не произошла дифференціація между имуществомъ, заключающимся въ личныхъ силахъ человѣка, и вещественнымъ имуществомъ; или, выражая тотъ же смыслъ другими словами, можно сказать, что вещественное имущество ремесленника еще не получило свойствъ капитала.

Однако, нашимъ отправнымъ пунктомъ было вѣдь слѣдующее положеніе: ремесленникъ обладаетъ не только вещественнымъ имуществомъ, которое ему нужно для занятія его ремесломъ, но и всѣми для этого необходимыми личными свойствами; онъ представляетъ собой своего рода промышленный «микросмъ». Все, что впослѣдствіи развивается у многочисленныхъ индивидуумовъ въ особаго рода спеціальныя дарованія,—все это ремесленникъ соединяетъ въ своемъ лицѣ, само собою разумѣется, въ миниатюрныхъ размѣрахъ. Его посредственность необходимо способствуетъ его универсальности. Ремесленную организацію можно также опредѣлить какъ такую, въ которой посредственность является регулирующимъ началомъ производства.

Въ существѣ своемъ ремесленникъ является промышленнымъ работникомъ въ томъ смыслѣ, что онъ обладаетъ техническими средствами для выполненія пріемовъ, нужныхъ для приготовленія предмета потребленія изъ сырого матеріала. Но съ этой, какъ мы говоримъ, технической способностью ремесленникъ соединяетъ въ себѣ нужную ему художественную концепцію, чувство художественнаго знанія, требующіяся въ особенности для передачи производительной силы; въ послѣднемъ случаѣ мы отказываемся отъ употребленія термина «наука», который можетъ ввести въ заблужденіе. Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ дѣйствуетъ, какъ организаторъ и какъ руководитель производства; въ немъ одновременно соединяются главный директоръ, мастеръ, чернорабочій, а также и купецъ. Вся дѣятельность, касающаяся закупокъ и продажъ, вся организація сбыта, короче говоря, все то, что впослѣдствіи дифференцируется,

какъ спекулятивное дарованіе, въ нѣкоторыхъ личностяхъ, возвышающихся надъ среднимъ уровнемъ,—все это охватываетъ личные способности ремесленника.

Мнѣ кажется, есть двѣ главныя цѣли, на достиженіе которыхъ направлено стремленіе ремесленника—это обезпечить себѣ существованіе, соответствующее его общественному положенію, и самостоятельность. Онъ стремится достигнуть приличествующаго своему званію содержанія—не меньше, но зато и отнюдь не больше. Промысловый трудъ долженъ доставлять ремесленнику совершенно такъ же, какъ и крестьянину, матеріальную основу его жизни—его «пропитаніе»; ремесло должно «кормить» ремесленника. Это—основной тонъ, который звучитъ черезъ всѣ проявленія ремесленнаго промысла съ самаго момента его возникновенія. Это стремленіе первоначально вытекаетъ изъ наивной первобытной человѣческой природы, и лишь, мало-по-малу, оно становится сознательнымъ, получаетъ теоретическую формулировку и дѣлается основой ремесленной дѣятельности въ тѣхъ случаяхъ, когда имѣютъ въ виду выразить сущность послѣдней. Оно провозглашается съ особенной рѣшительностью тамъ, гдѣ враждебныя ему силы грозятъ поколебать эту основу ремесленнаго существованія—«пропитаніе».

Но ремесленникъ стремится поддерживать свой достатокъ и притомъ быть человѣкомъ свободнымъ, то-есть, жить въ качествѣ самостоятельнаго производителя. И именно, только эта самостоятельность и отличаетъ ремесленника въ собственномъ смыслѣ слова отъ промышленныхъ работниковъ другого экономическаго характера.

Ремесленникъ прилагаетъ всѣ свои силы для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя лежатъ въ основѣ его стремленія. Мы, однако, уже знаемъ, что эти силы состоятъ, главнымъ образомъ, въ его техническихъ способностяхъ: ремесленникъ, слѣдовательно, долженъ стремиться къ достиженію своихъ цѣлей посредствомъ собственноручной работы. Сфера его дѣятельности опредѣляется искусствомъ его рукъ и способностью захватить въ нихъ большее или меньшее количество работы, слѣдовательно, непосредственно вытекаетъ изъ личности ремесленника. Въ этомъ смыслѣ «ремесло» опредѣлили весьма удачно какъ «выраженіе извѣстной дѣятельности индивидуума, которая носитъ отпечатокъ его жизненнаго призванія и, такъ сказать, простирается настолько, насколько сила руки въ состояніи властвовать и созидать». Этой идеѣ работы, какъ проявленія всей личности, соответствуетъ расчлененіе профессій, характерное для ремесла. Это расчлененіе таково, что индивидуальность человѣка можетъ и должна распространять его силы за извѣстный кругъ дѣятельности; послѣдняя охватывается духовной связью, идеей цѣлаго; расширеніе этого круга должно раздроблять его силы; тогда какъ, съ другой стороны, если эти силы проявляются въ слишкомъ тѣсномъ кругу или даже только въ одномъ направленіи, то работникъ погружается въ оупѣніе, обыкновенное при чисто-механическомъ производствѣ. Это характеризуетъ какъ бы качественное ограниченіе отдѣльныхъ ремеслъ, между тѣмъ какъ на количественное опредѣленіе сферы дѣйствія всегда оказывало самое очевидное

вліяніе основное положеніе о «пропитаніи». Итакъ, замѣтимъ себѣ это твердо, субъективные моменты, основаніе которыхъ заключается въ личности ремесленника, имѣли руководящее значеніе въ обоихъ направленіяхъ для отграниченія различныхъ ремеслъ (длинный рядъ которыхъ извѣстенъ каждому изъ его собственнаго наблюденія).

Производственная форма, наиболее соответствующая ремесленной организаціи производства,—это индивидуальное предпріятіе во всѣхъ его видоизмѣненіяхъ: предпріятіе одного лица, семейное предпріятіе, предпріятіе, соединенное съ трудомъ помощниковъ, то-есть, мелкое производство. Тѣмъ не менѣе, иногда ремесленная организація принимала такую форму крупнаго предпріятія.

Съ другой стороны, специфической чертой ремесла является тотъ способъ, какимъ люди, соединенные въ различныхъ формахъ предпріятій для выполненія одного и того же дѣйствія, ставятся въ экономическое и правовое отношеніе другъ къ другу, другими словами—то, что можно назвать внутреннимъ расчлененіемъ ремесла; своеобразие этихъ отношеній вытекаетъ изъ высшаго принципа ремесленной организаціи въ томъ видѣ, какъ этотъ принципъ выражается въ постановкѣ цѣлей участниками послѣдней.

Взаимныя отношенія, существовавшія между руководителемъ ремесленнаго производства—«мастеромъ» и его помощниками—подмастерьями (послѣдніе носили названія: «слугъ»—Knechte, Knappen, Diener, «молодцовъ»—Knaben, Gesellen, «помощниковъ»—Helfer, Gehilfe и многія другія), а также между мастеромъ и его учениками, мы можемъ понять правильно только, когда представимъ себѣ тотъ семейный характеръ, которымъ все ремесло отличалось съ самаго начала. Семейная община является самымъ древнимъ представителемъ этой хозяйственной формы и остается имъ еще и тогда, когда къ участію въ послѣдней привлекаются лица, чуждыя семьѣ. Подмастерье и ученикъ всей своей личной жизнью приобщаются къ семейному союзу и захватываются имъ прежде всего въ общемъ проявленіи ихъ существованія. Семья вмѣстѣ съ подмастерьями и учениками представляетъ собой производственную или «домодственную» единицу. Всѣ ея члены находятся подъ покровительствомъ домохозяина и образуютъ съ нимъ нѣкоторое органическое цѣлое подобно тому, какъ дѣти составляютъ органическое цѣлое со своими родителями. Разсматривая взаимоотношенія между мастеромъ и подмастерьями съ учениками, нельзя считать, чтобы одна изъ соучаствующихъ сторонъ существовала ради другой, какъ нельзя думать, чтобы родители существовали ради дѣтей и обратно, или какъ нельзя себѣ представить, чтобы сердце функционировало для головы, и наоборотъ—голова для сердца. Напротивъ, всѣ категоріи индивидуумовъ, а потому также помощники, подмастерья и ученики являются самоцѣлями, или что то же самое,—органами, которые служатъ общему цѣлому. Ученикъ является начинающимъ подмастерьемъ, подмастерье—будущимъ мастеромъ, мастеръ—бывшимъ подмастерьемъ, подмастерье когда-то былъ ученикомъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о томъ, что называется цеховымъ порядкомъ. Это, такъ сказать, законодательная система покровительства ремесленникамъ,—система, основныя черты которой станутъ понятны на основаніи нижеслѣдующихъ соображеній.

Если всѣ усилія ремесленниковъ въ своей основѣ направлены къ тому, чтобы обезпечить себѣ достаточное пропитаніе и занять положеніе самостоятельнаго производителя, то сущность порядка, покровительствующаго ремесленникамъ, должна сводиться къ старанію обезпечить то и другое; такъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Вслѣдствіе этого основную мысль всякаго цеховаго законодательства можно представить также въ слѣдующей отрицательной формулировкѣ: это законодательство преслѣдуетъ цѣль исключить конкуренцію изъ-за клиентуры въ средѣ ремесленниковъ.

Для этой цѣли надо было прежде всего позаботиться объ обезпеченіи ремесла, какъ цѣлаго, лежащаго въ извѣстныхъ границахъ города или деревенской округи, достаточнымъ рынкомъ сбыта ремесленной работы или ремесленныхъ продуктовъ. Считали возможнымъ достигнуть этого двумя путями: во-первыхъ, сбытъ ремесленныхъ продуктовъ извѣстнаго города монополизировали, гдѣ то было возможно, все равно, въ самомъ ли городѣ, или на чужихъ мѣстахъ, и, во-вторыхъ, въ мѣстностяхъ, гдѣ монополія не могла быть совершенно проведена, тамъ старались затруднить самымъ дѣйствительнымъ способомъ проникновеніе чужеземцевъ въ собственную область сбыта. Отсюда ведутъ свое происхожденіе многочисленныя, постоянно подтверждаемыя, суровыя постановленія «права гостей», базарныя и ярмарочныя предписанія и т. д.; на основаніи ихъ чужеземцы должны были находиться въ условіяхъ сбыта, принципиально менѣе благопріятныхъ, или, по крайней мѣрѣ, лишь въ не болѣе благопріятныхъ условіяхъ, чѣмъ мѣстные жители.

Мысль о монополіи въ производствѣ, вначалѣ примѣнявшаяся только по отношенію къ ремеслу, какъ таковому, независимо отъ лицъ, принимающихъ участіе въ послѣднемъ,—эта мысль получила съ теченіемъ времени особую окраску въ томъ смыслѣ, что привилегія должна была ограничиваться опредѣленнымъ количествомъ мастеровъ; въ такой формѣ эта идея находитъ себѣ послѣдовательное выраженіе въ «закрытіи» ремесла. Это «закрытіе» начинается, мало-по-малу, распространяться и въ послѣдней стадіи развитія ремесла, то-есть, къ началу девятнадцатаго столѣтія, становится всеобщимъ.

Стремленію монополизировать сбытъ продуктовъ соответствовало также стремленіе монополизировать полученіе сырого матеріала. Отсюда—множество постановленій, которыя стремились воспрепятствовать вывозу сырья или полуфабрикатовъ изъ «естественной» области ихъ полученія для даннаго ремесла.

Однако, защищать ремесленника отъ соперничества его же товарищей представлялось еще болѣе важнымъ, чѣмъ обезпечить всю область производства за всѣми представителями ремесла. Чтобы каждый ремесленникъ могъ существовать въ достаткѣ трудомъ своихъ рукъ, за нимъ должно было быть обезпечено такое количество работы, использовавъ которое, онъ получалъ бы

возможность существованія. Слѣдовательно, если общее количество производства было строго опредѣлено для всего ремесла, то нужно было озаботиться, чтобы всякій отдѣльный мастеръ не получилъ излишней части общаго количества производства, такъ какъ это сдѣлало бы части другихъ мастеровъ недостаточными для ихъ существованія.

Этой цѣли служили:

1) Предписанія, которыя должны были создавать одинаковыя для всѣхъ ремесленниковъ условія полученія сырого матеріала; они иногда опредѣляли, что каждый мастеръ не имѣетъ права закупать сырье иначе, какъ въ базарный день и въ указанномъ мѣстѣ; иногда же цѣны на сырье устанавливались официально и были для всѣхъ обязательны; иногда ограничивалось количество сырья, которое могъ закупить одинъ человѣкъ; иногда вообще запрещалась совершенно всякаго рода «перекупка»; иногда, наконецъ, каждому ремесленнику предоставлялось право принимать участіе въ закупкѣ другого.

2) Постановленія, въ которыхъ размѣры предпріятій или количество производства подвергаются ограниченію. Сюда относится почти всюду встрѣчающаяся нормировка максимальнаго числа подмастерьевъ и учениковъ, которыхъ мастеръ можетъ держать у себя. Хотя этотъ максимумъ и колебался по различнымъ цехамъ, но онъ очень рѣдко превосходилъ цифру 4; кромѣ того, въ этомъ числѣ помощниковъ мастера должны были заключаться одинъ или два ученика. Въ тѣхъ случаяхъ, когда подобное ограниченіе было невозможно по характеру ремесла или казалось не выполнимымъ по какой-нибудь иной причинѣ, были выработаны другія средства къ тому, чтобы не давать слишкомъ усиливаться количеству производства отдѣльнаго мастера и препятствовать развитію крупныхъ предпріятій. Иногда же дозволенное количество продуктовъ, которое отдѣльный ремесленникъ имѣлъ право изготовить въ теченіе извѣстнаго времени, опредѣлялось прямо и безъ дальнихъ околичностей. Это имѣло мѣсто особенно въ тѣхъ случаяхъ, когда продукты были по существу однородны, слѣдовательно, главнымъ образомъ, въ ткацкомъ ремеслѣ, а также—въ скорняжномъ, въ кожевенномъ и т. п.

3) Опредѣленія, цѣлью которыхъ было возможно болѣе одновременное и однородное предложеніе товаровъ. Сюда относятся разнаго рода предписанія, касающіяся рода, мѣста и времени продажи, многочисленныя запрещенія отбивать у товарища по цеху его кліентовъ и покупателей или же отнимать у него часть работы; сюда же принадлежитъ также часто встрѣчающееся воспрещеніе продолжать работу, начатую товарищемъ по цеху, а равнымъ образомъ и многіе другіе запреты.

Я пытался здѣсь охарактеризовать въ нѣсколькихъ положеніяхъ духъ ремесла и его прежней организаціи—цехового строя. Само собою разумѣется, что въ теченіе столѣтій развитіе совершалось различнымъ образомъ въ разныхъ мѣстахъ и государствахъ. Въ одномъ мѣстѣ прибавлялось, устранялось или измѣнялось одно опредѣленіе, въ другомъ—другое. Въ особенности развитіе болѣе значительныхъ хозяйственныхъ областей

въ нѣмецкихъ земляхъ и возвышеніе княжеской центральной власти уничтожило многое изъ того, что въ предшествующіе вѣка порождала исключительность городской политики по отношенію къ предписаніямъ и запрещеніямъ. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ сказать, что къ началу девятнадцатаго столѣтія цеховой строй стоялъ еще непоколебимо въ своихъ старыхъ формахъ. Монополизациія и регламентациія ремесленнаго труда, вытекавшія изъ идеи о пропитаніи, еще полновластно господствовали надъ всѣми ремесленно-правовыми отношеніями.

Въ эту систему ремесленной организаціи входила въ началѣ XIX столѣтія равнымъ образомъ и такъ называемая крупная индустрія, поскольку она существовала въ Германіи того времени. Хозяйства, руководившіяся капиталистическими предпринимателями (о характерѣ этихъ послѣднихъ я скажу лишь впослѣдствіи), тоже носятъ на себѣ слѣды ремесленныхъ отношеній. Производительныя предпріятія малы; крупныхъ фабрикъ почти не существуетъ. Въ очень многихъ случаяхъ прежняя ремесленная организація производства осталась даже совершенно неизмѣнной, и предприниматель беретъ на себя только устройство того, что не совсѣмъ точно называютъ купеческой организаціей сбыта товаровъ. Это имѣетъ мѣсто, напримѣръ, по отношенію къ значительной части текстильной индустріи; даже при такъ называемой крупно-промышленной организаціи этого производства рабочіе работаютъ еще у себя, въ собственномъ помѣщеніи; это называется домашней промышленной организаціей, о которой я скажу впослѣдствіи еще болѣе. Кромѣ текстильной индустріи (прядельное и ткацкое производства), крупно-промышленная организація предпріятій существовала еще болѣе или менѣе въ горнозаводскомъ дѣлѣ (рудничная и желѣзодѣлательная промышленность). Но повсюду—замѣтимъ себѣ это хорошенько!—техника производства была почти та же, что и у мелкаго ремесленника. Врядъ ли дѣйствовала хоть единая паровая машина! Не было еще и слѣдовъ современныхъ намъ научно-техническихъ пріемовъ! Короче говоря, промышленность была ремесломъ въ увеличенномъ видѣ; «индустрія» тоже еще не представляла собой ничего другого.

Сказанное объ организаціи промысловъ относится въ сущности и къ организаціи торговли; эта послѣдняя организація также была проникнута основными идеями ремесла. Это обстоятельство обнаруживалось яснѣе всего, конечно, въ средѣ мелкихъ лавочниковъ города и деревни, которые занимались розничной торговлей. Однако, и «оптовыхъ торговцевъ» мы не въ правѣ представлять себѣ на современный намъ ладъ. Они также еще были проникнуты ремесленнымъ духомъ, а размѣры ихъ дѣла, по большей части, не выходили изъ рамокъ ремесла. Своеобразие торговли того времени заключалось въ ея кочевомъ характерѣ. Ярмарочная торговля, особенно та, которая сосредоточивалась въ слѣдующихъ мѣстахъ: во Франкфуртѣ на Майнѣ и Франкфуртѣ на Одерѣ, въ Наумбургѣ и Лейпцигѣ—имѣла для оптовыхъ сношеній то же основное значеніе, что поѣздки на базаръ и продажа въ разность для розничной торговли. Нѣсколько таблицъ, приложен-

ныхъ въ концѣ этого сочиненія подѣ № 13 и 14, даютъ свѣдѣнія относительно размѣровъ ярмарочнаго оборота въ продолженіе первыхъ лѣтъ существованія Германскаго таможеннаго союза. Для связности изложенія и сообщу болѣе точныя данныя объ организаціи торговли въ старое время въ томъ мѣстѣ сочиненія, гдѣ я буду изображать измѣненія, совершившіяся въ торговлѣ въ теченіе XIX столѣтія. Этотъ очеркъ народно-хозяйственнаго состоянія Германіи, бывшаго 100 лѣтъ тому назадъ, получить, подобно всѣмъ другимъ очеркамъ, свое жизненное значеніе только тогда, когда мы ознакомимся въ самой важной книгѣ этого сочиненія—въ третьей—съ тѣми преобразованіями, которымъ подвергались отдѣльныя экономическія области за истекшее столѣтіе.

КНИГА ВТОРАЯ.

Элементы новой хозяйственной жизни Германіи.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Движущія силы.

1. Старыя и новыя движущія силы хозяйственной жизни.

Я надѣюсь, что читатель успѣлъ на основаніи предыдущаго очерка составить себѣ довольно ясное представленіе о хозяйственной культурѣ Германіи, относящейся къ началу девятнадцатаго вѣка. Человѣкъ, располагающій хотя бы нѣкоторымъ знаніемъ современныхъ намъ условий жизни, уже теперь, вѣроятно, сдѣлаетъ одинъ выводъ даже на основаніи тѣхъ взглядовъ, которіе могутъ составить у всякаго внимательнаго путешественника по родной странѣ; этотъ выводъ будетъ состоять въ слѣдующемъ: очень много перемѣнъ произошло у насъ въ продолженіе прошлаго столѣтія. Страна, скудно покрытая небольшими поселеніями, обогатилась за указанный промежутокъ времени большими великолѣпными городами; гдѣ нѣкогда плугъ бороздилъ землю, теперь возвышаются огромныя фабричныя зданія съ дымящимися трубами; на томъ самомъ пространствѣ, которое сто лѣтъ тому назадъ едва прокармливало 25 милліоновъ людей, теперь живутъ 56 милліоновъ въ гораздо большемъ достаткѣ, чѣмъ ихъ предки; желѣзнодорожная и телеграфная сѣти, непрерывно становящіяся все болѣе и болѣе густыми, даютъ возможность поддерживать безостановочныя сношенія; тамъ, гдѣ когда-то среди цвѣтушихъ рошъ разносились звуки почтового рожка, теперь слышенъ монотонный стукъ молотилки; и гдѣ, наконецъ, нѣкогда передъ взорами наблюдателя разстилался широкій коверъ, составленный изъ маленькихъ земельныхъ участковъ, съ разбросанными по нему вперемежку голубыми полосами, тамъ теперь тянется одноцвѣтная поверхность свекловичныхъ плантацій. Думаю, что все это извѣстно ребенку. Слѣдовательно, я въ правѣ предположить уже теперь, что огромныя перемѣны въ нашей экономической жизни, совершившіяся въ теченіе прошлаго столѣтія, очевидны для всякаго, кто вмѣстѣ со мною обозрѣлъ области германскаго народнаго хозяйства, относящагося къ началу рассматриваемой нами эпохи.

Что вызвало эту перемену обстановки? Таковъ вопросъ, который я намеренъ теперь поставить. Каковы тѣ факторы, которые въ теченіе девятнадцатаго столѣтія произвели въ Германіи экономическую революцію (такъ какъ здѣсь должна идти рѣчь именно о революціи въ самомъ полномъ смыслѣ этого слова)? Этимъ самымъ я ставлю важный вопросъ о движущихъ силахъ народнаго хозяйства; я могу дать на него отвѣтъ въ настоящемъ случаѣ лишь настолько, насколько это необходимо для пониманія хода развитія экономической культуры за разсматриваемый нами промежутокъ времени.

Не знаю, есть ли у читателя какія-либо свѣдѣнія относительно общей исторіи той эпохи, которая соединяетъ средніе вѣка съ девятнадцатымъ столѣтіемъ? Если да, то ему должно быть не безызвѣстно, что было время, когда современная намъ государственная власть пролагала себѣ путь въ борьбѣ противъ мѣстныхъ и территориальныхъ силъ, когда, слѣдовательно, зарождались теперешнія государства. Этотъ процессъ совершался и въ Германіи, хотя, правда, въ миниатюрныхъ размѣрахъ (въ послѣднемъ случаѣ я, конечно, не имѣю въ виду Пруссіи). Читателю должно быть также извѣстно, что государственная власть нынѣшняго типа, чтобы восторжествовать въ борьбѣ, создала чудовищный аппаратъ самыхъ искусственныхъ мѣропріятій, регулирующихъ жизнь до мельчайшихъ подробностей; читатель долженъ знать, что между средними вѣками и нашимъ столѣтіемъ находилась эпоха всеобщей государственной регламентаціи (*Vielregierei*), какъ ее принято называть. Эта всеобщая регламентація охватывала въ значительной мѣрѣ процессы хозяйственной жизни. Новѣйшая государственная власть унаслѣдовала отъ экономической политики городовъ слѣдующую идею: въ странѣ не должно быть сшито ни одной пары сапогъ безъ вѣдома высшаго правительства и безъ полученія на то его благословенія. А изъ этой идеи съ необходимостью вытекало стремленіе государства вмѣшиваться въ процессы хозяйственной жизни, оказывая имъ по мѣрѣ силъ содѣйствіе и поддержку. Правительства такъ называемаго полицейскаго государства внимательно присматривались къ запросамъ своего времени (которые, естественно, совпадали въ представленіи государя и его чиновниковъ съ ихъ собственными интересами) и дѣйствительно, всегда поддерживали или поощряли тѣ именно элементы, отъ которыхъ можно было ожидать экономического прогресса. Въ особенности, поскольку «индустрія» (на которой въ сущности и основывалась новѣйшая экономическая культура) успѣла развиться до начала девятнадцатаго столѣтія въ европейскихъ государствахъ, она, безъ сомнѣнія, въ весьма значительной степени обязана своимъ происхожденіемъ планомѣрнымъ дѣйствіямъ и энергичной инициативѣ бюрократіи. Сложная система поощрительныхъ мѣропріятій (о которой мы не будемъ здѣсь подробно разсуждать), премій, привилегій, привлеченія иностранцевъ, торгово-политическихъ льготъ и т. п. не только намѣтила основу новообразованія хозяйственной жизни, но и произвела въ заинтересованныхъ хозяйствующихъ субъектахъ движущія силы, а эти послѣднія создали новыя формы хозяйственной дѣятельности.

Отсюда мы, можетъ-быть, выведемъ заключеніе, что радикальные измѣненія, происшедшія въ германской хозяйственной жизни въ девятнадцатомъ столѣтіи, слѣдуетъ приписывать также инициативѣ государей и ихъ чиновниковъ. Однако, это отнюдь не соответствуетъ и не можетъ соответствовать дѣйствительности, потому что какъ-разъ къ концу восемнадцатаго столѣтія въ отношеніи правительства къ процессамъ хозяйственной жизни совершилась перемена; благодаря послѣдней, вліяніе правительственной инициативы на хозяйственную жизнь сдѣлалось невозможнымъ въ наступающей эпохѣ, то-есть, какъ-разъ въ той эпохѣ, которую мы имѣемъ здѣсь въ виду.

Я говорю здѣсь о вторженіи такъ называемыхъ либеральныхъ идей, о распространеніи вѣры въ благотѣльные результаты безпрепятственной дѣятельности частныхъ хозяйствующихъ субъектовъ; это составляетъ основныя положенія политики *laissez faire, laissez passer*.

Послѣ многовѣкового процесса созрѣванія эти идеи приняли форму ясно очерченной экономико-политической программы; онѣ воплотились незадолго до наступленія девятнадцатаго столѣтія въ ученіяхъ французскихъ экономистовъ, называвшихся физиократами, а особенно—въ народно-хозяйственной системѣ одного шотландца по имени Адама Смита. Согласно этимъ доктринамъ, всеобщей регламентаціи государства долженъ быть положенъ конецъ; рамки, поставленныя хозяйственной дѣятельности индивидуума, должны пасть, вся хозяйственная дѣятельность безъ исключенія должна быть предоставлена свободной инициативѣ частныхъ лицъ. Теперь мы встрѣчаемъ эту концепцію лишь какъ карикатуру въ символѣ вѣры нѣсколькихъ захолустныхъ городскихъ совѣтовъ, но тогда она съ головокружительной быстротою овладѣла умами всѣхъ руководящихъ общественныхъ слоевъ; она одерживала всѣ тѣ побѣды, которыя выпадаютъ на долю новой и прогрессивной идеи. Съ силою догмата пролагала она себѣ путь, не минуя также правительственныхъ кабинетовъ германскихъ государствъ, въ частности же Пруссіи. Хотя здѣсь и не было того натиска народнаго движенія, который доставилъ либеральнымъ идеямъ столь скорую побѣду во Франціи, зато тутъ выступило философское доктринерство, которое въ соединеніи съ бюрократическимъ схематизмомъ, представляло собою безусловно побѣдоносную силу. «Мы должны, Ваше Величество, сдѣлать сверху то же самое, что было сдѣлано французами снизу», съ такими словами Гарденбергъ приступилъ къ проведенію въ Пруссіи либеральныхъ реформъ, на которыя я еще часто долженъ буду обращать вниманіе читателя.

«Мы, Фридрихъ-Вильгельмъ, и проч., и проч., и проч., симъ оповѣщаемъ во всеобщее свѣдѣніе. По заключеніи мира, насъ преимущественно занимала забота объ уназдѣ благосостоянія Нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, а равно о скорѣйшемъ возстановленіи послѣдняго и его возможномъ поднятіи. При этомъ Мы приняли въ соображеніе, что, вслѣдствіе всеобщаго распространенія нужды средствъ, находящихся въ Нашемъ распоряженіи, не хватаетъ для подаванія помощи каждому въ отдѣльности и для достиженія тѣмъ

самым поставленной Нами цѣли; равнымъ образомъ, непреклонныя велѣнія справедливости и основныя начала благоустроеннаго государственнаго хозяйства требуютъ удаленія всего того, что доселѣ препятствовало каждому достигнуть благосостоянія, соответствующаго его способностямъ».

Такими словами начинали прусскіе бюрократы знаменитый эдиктъ 9 октября 1807 года, касающійся облегченія владѣнія и свободного пользованія земельной собственностью, а также личныхъ отношеній между деревенскими жителями.

Въ настоящемъ случаѣ насъ интересуетъ пока лишь тотъ фактъ, что это принятіе новѣйшихъ, либеральныхъ идей было равнозначно не болѣе, не менѣе, какъ отставкѣ старой опекающей государственной власти; это былъ отказъ государства отъ регулированія въ будущемъ, слѣдовательно, и отъ споспѣшествованія и поощренія хозяйственной жизни. Это былъ своего рода переходъ наслѣдства. Вся полнота экономической инициативы, сосредоточившаяся въ правительственныхъ канцеляріяхъ, какъ бы передается изъ рукъ въ руки и поступаетъ во власть новаго господина—отдѣльнаго, частнаго хозяйствующаго субъекта. Этому послѣднему предоставляется самому толкать далѣе возъ, къ которому до тѣхъ поръ припрягали спереди лошадей бюрократіи.

Такимъ образомъ, насколько справедливо разсматривать бюрократію до девятнадцатаго вѣка, какъ движущую силу хозяйственной жизни, настолько же ложно было бы видѣть въ ней факторъ, существенно опредѣляющій экономическое развитіе въ девятнадцатомъ столѣтіи. Если мы хотимъ узнать, чья дѣятельность оказала исключительное или преимущественное вліяніе на новый хозяйственный строй, то намъ, скорѣе, слѣдуетъ обозрѣть классъ частныхъ хозяйствующихъ субъектовъ.

Въ такомъ случаѣ приходится вспомнить прежде всего о приниженныхъ классахъ населенія, о тѣхъ элементахъ послѣдняго, которымъ отведена въ удѣлъ тѣневая сторона жизни. Сюда, слѣдовательно, относятся, напримѣръ, подмастерья, которыхъ эгоистическая цеховая политика лишала возможности стать мастерами, барщинные и оброчные крестьяне, и тому подобное. Однако, мы очень скоро, какъ я полагаю, замѣтимъ, что въ этихъ слояхъ было весьма мало революціонной энергіи, а въ особенности совѣтъ не было желанія перестроить хозяйственныя формы на совершенно новыхъ основаніяхъ. Вообще у нѣмца нѣтъ призванія къ революціи; мы еще не разъ это увидимъ. Вышеупомянутые классы никогда даже не смогли подняться до совершенія какихъ-либо великихъ дѣяній. Поэтому можно вывести заключеніе, что, если бы въ дѣлѣ были замѣшаны интересы только этихъ классовъ, то, безъ сомнѣнія, врядъ ли наступило бы въ такомъ случаѣ значительное измѣненіе въ строѣ хозяйственной жизни. Но даже допустивъ, что названные классы могли бы путемъ собственныхъ усилій достигнуть удовлетворенія своихъ интересовъ, то-есть, уничтоженія цехового порядка и крѣпостной зависимости, отмѣны барщины и оброка и т. д., то и тогда мы будемъ принуждены сейчасъ же признать слѣдующее: предполагаемое событіе еще не приблизило бы ни на шагъ того коренного и всеобщаго преобразованія, которое было

пережито германской хозяйственной жизнью въ девятнадцатомъ столѣтіи. Недовольные подмастерья, лишившіеся надежды стать мастерами, достигли бы въ борьбѣ самое большее такой организациі ремесла, которая исключаетъ цеховую принудительность; крѣпостные крестьяне отвоевывали бы себѣ свободное крестьянское хозяйство. Всякому извѣстно, однако, что мы имѣемъ въ виду здѣсь перевороты совѣтъ другого рода, чѣмъ только-что названные; слѣдовательно, ихъ надо относить на счетъ дѣйствія иного рода движущихъ силъ.

Не желая долѣе испытывать терпѣнія читателя, я предпочитаю сейчасъ же сказать, въ чемъ я вижу эти движущія силы; я усматриваю ихъ въ такъ называемыхъ капиталистическихъ интересахъ. Классъ капиталистическихъ предпринимателей представляетъ собою ту революціонную силу, которой мы обязаны созданіемъ новой Германіи; этотъ классъ сперва достигаетъ у насъ довольно значительнаго развитія въ сферѣ сельско-хозяйственной промышленности и только впоследствии играетъ рѣшающую роль въ индустріи и торговлѣ.

Упомянувъ объ этой категоріи хозяйствующихъ субъектовъ, духъ которыхъ создалъ современную намъ Германію, я тѣмъ самымъ открылъ передъ взоромъ читателя міръ, о которомъ мы до сихъ поръ еще не имѣли свѣдѣній; поэтому, если мы хотимъ правильно понять дѣятельность этихъ элементовъ, намъ необходимо ознакомиться сперва съ ихъ характеромъ. Слѣдуя по этому пути, мы въ то же самое время поймемъ, что является новымъ и революціоннымъ въ хозяйственномъ развитіи современной намъ Германіи. Я, такимъ образомъ, сдѣлаю краткій анализъ понятій «капитализмъ» и «капиталистическое предпріятіе»; послѣднее является носителемъ капиталистическаго интереса.

Капитализмомъ мы называемъ такой экономическій строй, при которомъ характерной хозяйственной формой является капиталистическое предпріятіе. Такимъ образомъ, слѣдуетъ опредѣлить именно это послѣднее и указать его существенныя черты. Это какъ-разъ и составляетъ задачу послѣдующаго изложенія. Капиталистическимъ же предпріятіемъ я называю такого рода хозяйственную форму, которая задается слѣдующей цѣлью: использовать съ выгодой имущество или, другими словами, воспроизвести его съ барышомъ для собственника, посредствомъ совокупности договоровъ, относящихся къ наемнымъ услугамъ и вознагражденію за послѣднія. Эксплуатируемое такимъ образомъ имущество называется капиталомъ. Признаки, изъ которыхъ слагается понятіе разсматриваемой нами хозяйственной формы, заключаются прежде всего въ своеобразіи цѣли, поставленной передъ нею. Легко замѣтить, что послѣдняя не опредѣляется какимъ-либо отношеніемъ къ живой личности. Вѣрнѣе будетъ сказать, что въ данномъ случаѣ центромъ разсужденія становится съ самаго же начала нѣкоторый абстрактъ—вещественное имущество. Это отдѣленіе цѣлей нашей хозяйственной формы отъ тѣлесно-индивидуальной личности хозяйствующаго субъекта является строго обдуманымъ. Оно должно непосредственно выражать абстрактность самой

цѣли и въ то же время ея неограниченность, какъ главный признакъ капиталистическаго предпріятія.

Важнѣ всего знать слѣдующее: всякая дѣятельность, развиваемая въ капиталистическомъ предпріятіи, направляется уже не потребностью личности или собранія людей,—потребностью строго опредѣленной съ количественной и качественной стороны; правильнѣ разсматривать количество и качество работы капиталистическаго предпріятія только съ объективной точки зрѣнія выгоднаго использования капитала. Въ устраненіи конкретности цѣлей, преслѣдуемыхъ капиталистическимъ предпріятіемъ, заключается утрата ими ихъ ограниченаго характера. Цѣли капиталистическаго предпріятія абстрактны, а потому—безграничны. Этотъ основной взглядъ является необходимымъ условіемъ для пониманія капиталистической организаціи производства (а слѣдовательно, и для пониманія современнаго хозяйственнаго строя). Констатируя такого рода основную особенность капиталистическаго предпріятія, мы, очевидно, характеризуемъ послѣднее какъ самый совершенный типъ промышленнаго хозяйства.

Насколько, однако, самостоятельность имущества, предполагаемая при самой постановкѣ цѣли капиталистическаго предпріятія, является важной, непосредственно явствуетъ изъ слѣдующаго факта: она вообще освобождаетъ предпріятіе отъ рамокъ, налагаемыхъ на него индивидуальными, а слѣдовательно, и случайными способностями и желаніями.

Если же хозяйствующій субъектъ—капиталистическій предприниматель—является какъ бы только представителемъ своего имущества, то онъ можетъ, слѣдовательно, замѣщаться кѣмъ угодно другимъ. Направление дѣятельности, совершающейся въ границахъ капиталистическаго предпріятія (въ отличіе, напримѣръ, отъ ремесла), опредѣляется не индивидуальными способностями предпринимателя, а силами, развиваемыми эксплуатаціей имущества и дарованіями разныхъ другихъ лицъ. Это обстоятельство дѣлаетъ понятной ту огромную энергію, которую въ состояніи породить капиталистическое хозяйство.

Въ предѣлахъ капиталистическаго предпріятія размѣръ производства безгранично расширяется, и вмѣстѣ съ тѣмъ энергія, съ которою преслѣдуется цѣль, какъ бы объективируется, то-есть, опять-таки освобождается отъ вліянія индивидуальных случайностей. Въ концѣ концовъ, выгодное использование капитала, то-есть, цѣль каждаго капиталистическаго предпріятія, благодаря сложному психологическому процессу, кажется собственнику имущества, образующаго матеріальный субстратъ такого использования, объективной необходимостью; послѣдняя же имѣетъ въ глазахъ собственника значеніе принудительной власти. Вслѣдствіе этого стремленіе къ наживѣ и къ стяжанію, которое первоначально, конечно, было существенно-субъективнымъ настроеніемъ души, теперь объективируется.

Своеобразности цѣли капиталистическаго предпріятія соответствуетъ своеобразность средствъ, которыми оно пользуется. Развиваемая въ немъ дѣятельность всегда и вездѣ сводится къ нѣкоторой совокупности договоровъ,

касающихся наемныхъ услугъ и вознагражденія за нихъ; искусство руководителя частнымъ хозяйствомъ заключается, въ концѣ концовъ, именно въ умѣломъ осуществленіи этихъ условій; содержаніе послѣднихъ вліяетъ рѣшающимъ образомъ на вопросъ о томъ, достигнуты-ли цѣли предпріятія. Происходитъ-ли обмѣнъ рабочихъ услугъ на вещественныя блага, или обмѣнъ однихъ вещественныхъ благъ на другія,—всякій разъ все сводится только къ слѣдующему: въ концѣ концовъ, въ руки капиталиста поступаетъ при этомъ излишекъ имущества, который и составляетъ предметъ стремленія всей его дѣятельности. Каждое содержаніе условій, касающихся доставленія товаровъ или рабочихъ услугъ, утрачиваетъ всякую качественную различимость по отношенію къ общему эквиваленту товаровъ—къ воплощенію мѣновой цѣнности въ деньгахъ—и представляется лишь количественно; благодаря этому является возможнымъ подведеніе числового итога въ дебетъ и кредитъ. Всѣ результаты, какъ и все содержаніе операций, предпринимаемыхъ въ капиталистической организаціи, преслѣдуютъ только одну цѣль, а именно, чтобы активъ и пассивъ главной книги сводились съ балансомъ въ пользу капиталистическаго предпріятія.

Это же направленіе предпріятія опредѣляетъ частности въ дѣятельности капиталистическаго предпринимателя (или его замѣстителя). Какъ видно, эта дѣятельность всегда носитъ распорядительно-организационный характеръ. Говоря это, я разумѣю, что, она въ сущности, направляется на установленіе отношеній къ другимъ личностямъ. Индивидуально-изолированное творчество отдѣльно трудящагося работника, имѣющее въ высшей степени личный характеръ, по существу совершенно чуждо капиталистической организаціи производства. Художественное или научное творчество ищетъ одиночества; въ этомъ состоитъ его своеобразная особенность. Ремесленникъ еще не вполне утратилъ эту наклонность къ уединенію; свойственную всему творческому: въ концѣ концовъ, его наивысшее творчество имѣетъ своей основой впечатлѣніе его личности на мертвой матеріи. Напротивъ, капиталистическій предприниматель долженъ неизбѣжно погибнуть въ одиночествѣ, потому что онъ существуетъ именно благодаря связи съ другими людьми. Соціально-творческая сила капиталистическаго предпріятія, составляющая специфическій признакъ этого послѣдняго, и заключается именно въ подобной зависимости его отъ непрерывныхъ взаимоотношеній, которыя существуютъ между людьми. Вслѣдствіе этого капиталистическое предпріятіе можетъ быть также названо «мѣновымъ предпріятіемъ» (*Verkehrsunternehmung* *) , а та экономическая форма, въ которой оно господствуетъ, «мѣновымъ хозяйствомъ» (*Verkehrswirtschaft*).

*) Авторъ употребляетъ слово «*Verkehrsunternehmung*» то въ болѣе теоретическомъ смыслѣ (какъ въ данномъ случаѣ), противопоставляя означаемое имъ понятіе понятію о хозяйственномъ предпріятіи, не построенномъ на отношеніяхъ обмѣна, то въ смыслѣ болѣе практическаго противопоставленія торговаго предпріятія производительному (*Produktionsunternehmung*). Соотвѣтственно этому мы переводимъ выраженіе «*Verkehrsunternehmung*» то какъ «мѣновое предпріятіе», то какъ «торговое предпріятіе».

Далѣ, дѣятельность капиталистическаго предпринимателя руководится расчетомъ и спекуляціею. Символомъ этой экономической формы является главная книга, такъ какъ жизненный нервъ первой состоитъ въ приходо-расходномъ счетѣ, въ счетѣ, то-есть, въ вычисленіи, въ переведеніи каждаго явленія въ цифровую форму, въ подсчитываніи за и противъ, въ голой денежной оцѣнкѣ каждаго рабочаго акта. Это приводитъ къ идеѣ о необходимомъ соотвѣтствіи между рабочимъ актомъ и вознагражденіемъ за него. Мы можемъ назвать душевную способность, на которой основаны дѣйствія предпринимателя-капиталиста, вычислительной. Но благодаря разнообразію тѣхъ отношеній, которыя капиталистъ принужденъ соединять въ своихъ предпринимательскихъ интересахъ, ему приходится довольно часто производить вычисления съ неизвѣстными величинами. Вслѣдствіе этого его дѣятельность становится умозрительной. Нерѣдко въ одномъ и томъ же лицѣ проявляется совершенно своеобразная психологическая смѣсь, представляемая соединеніемъ вычисления и умозрѣнія, остроты ума и обилія фантазіи. Творецъ-предприниматель—спекуляторъ; онъ—синтетикъ и такъ же относится къ предпринимателю средней руки, являющемуся простымъ вычислителемъ, какъ гениальный мыслитель—къ ученому рутинеру. Односторонне-спекулятивное предрасположеніе порождаетъ Джоновъ Лоу, Перейровъ, Лессепсовъ—этихъ Байроновъ среди капиталистическихъ предпринимателей. Высшій цвѣтъ предпринимательскаго типа представляютъ личности, у которыхъ гениальность спекуляціи уравнивается трезвою расчетливостію; таковы Г. Г. Мейеръ, Альфредъ Круппъ, Вернеръ Сименсъ.

Въ концѣ концовъ, дѣятельность капиталистическихъ хозяйствующихъ субъектовъ всегда носитъ рационалистическій характеръ. Я хочу сказать, что ихъ дѣйствія бываютъ всегда сознательно-разумны. Для обоснованія своихъ дѣйствій вышеназванные субъекты нуждаются въ открытіи причинныхъ отношеній, то-есть, такого порядка вещей, гдѣ послѣднія располагаются по категоріи причины и дѣйствія. Эта своеобразная особенность капиталистическаго направленія мышленія, заключающаяся въ основѣ капиталистической организаціи, оказываетъ весьма могучее содѣйствіе развитію рационалистическаго и, въ особенности, каузальнаго, взгляда на міръ; специфически-современное намъ міровоззрѣніе, построенное на постулатѣ строгой причинности, является по существу продуктомъ капиталистическаго духа.

Конечно, этотъ *Spiritus capitalisticus* не носитъ исключительно нѣмецкаго отпечатка; онъ принадлежитъ западно-европейско-американской культурѣ, разсматриваемой въ ея цѣломъ. Въ настоящемъ случаѣ я долженъ былъ вскрыть его, такъ сказать, въ его абстрактной чистотѣ, безъ національной и даже, до извѣстной степени, безъ исторической окраски. Въ слѣдующемъ отдѣлѣ мы прослѣдимъ его человѣческое воплощеніе въ Германіи девятнадцатаго столѣтія, то-есть, прослѣдимъ, когда, какимъ образомъ и гдѣ именно онъ началъ обнаруживаться въ этой странѣ. Это доставитъ намъ вмѣстѣ съ тѣмъ возможность обозрѣть періоды развитія германскаго народнаго хозяйства въ девятнадцатомъ вѣкѣ или, пользуясь музыкальнымъ образомъ,—ритмъ этого развитія.

II. Ритмъ капиталистическаго развитія.

Вѣковое проклятіе тяготѣетъ надъ человѣческимъ родомъ—это проклятіе золота. Повидимому, необъяснимая, непреодолимая, демоническая жажда обладанія желтымъ, блестящимъ металломъ прирождена людямъ съ тѣхъ поръ, какъ они появились на землѣ. Всѣмъ извѣстны сказанія о походѣ аргонавтовъ, о царѣ Мидасѣ, объ Эльдorado, о Кольцѣ Нибелунга. Во всѣхъ нихъ поэтически выразилась эта ужасная страсть человѣческаго рода, приводящая къ страшнымъ, пагубнымъ послѣдствіямъ. Исторія повѣствуетъ намъ о путешествіяхъ, которыя люди предпринимали, чтобы открыть мѣсторожденія золота, о поколѣніяхъ кладоискателей и искателей золота; съ другой стороны, она намъ сообщаетъ также о странныхъ попыткахъ произвести золото искусственнымъ путемъ, объ экспериментахъ, дѣлавшихся адептами алхиміи, и объ увлекательной силѣ таинственныхъ ученій этой послѣдней.

Вѣка, называемые нами новымъ временемъ, произвели на свѣтъ также новую форму страсти къ золоту, а именно ту форму, которая выражается въ стремленіи людей достигнуть своей цѣли—обладанія золотомъ—посредствомъ хозяйственныхъ предпріятій. Въ человѣческомъ духѣ совершается въ высшей степени удивительный процессъ, происхождение котораго я не могу излагать подробнѣе въ настоящемъ сочиненіи; сущность же его такова: два далекіе другъ отъ друга порядка цѣлей—страсть къ золоту и хозяйственная дѣятельность—слились воедино; и съ тѣхъ поръ въ хозяйственной жизни стала господствовать та своеобразная основная черта, въ которой я уже раньше открылъ одинъ изъ существенныхъ элементовъ капиталистическаго духа,—стремленіе къ наживѣ, наклонность къ приобрѣтенію.

Было бы очень интересно прослѣдить, какимъ образомъ это своеобразное душевное настроеніе, которое сдѣлалось намъ теперь такъ знакомо, начинало постепенно овладѣвать культурнымъ человѣчествомъ. Если бы удалось сдѣлать это, я полагаю, мы открыли бы, что наклонность къ приобрѣтенію распространяется скачками. Какъ прежде, когда страсть къ золоту еще не выражалась въ экономической формѣ, человѣчество по временамъ испытывало острые приступы своего рода золотой лихорадки, такъ и теперь мы наблюдаемъ такую картину: стремленіе къ наживѣ время отъ времени достигаетъ сверхнормальной степени интенсивности сперва въ небольшихъ кругахъ, а затѣмъ вырождается въ страсть къ стяжанію; послѣдняя же распространяется съ быстротой и натискомъ эпидемической болѣзни. Въ этотъ моментъ зараза проникаетъ въ болѣе широкіе слои народа, которые затѣмъ долго таятъ ее въ себѣ, пока, въ концѣ концовъ, послѣ непрерывно повторяющихся приступовъ лихорадки не заразится весь народный организмъ; этому можетъ, пожалуй, помѣшать реакція организма, но она не интересуется насъ въ данномъ случаѣ.

Что, однако, представляют собою въ современной намъ хозяйственной жизни періоды стѣснительныхъ пароксизмовъ?—Естественно, тѣ времена, когда представляется значительная возможность скорого обогащенія. Въ самомъ дѣлѣ, склонность къ исканію обогащенія, которая всегда скрывается въ отдѣльныхъ, особенно предрасположенныхъ къ ней натурахъ,—въ періоды пароксизмовъ золотой лихорадки подѣ въліяніемъ подражанія, зависти и множества другихъ душевныхъ настроеній свободно развивается во все болѣе и болѣе число индивидумовъ. А такіе періоды наступаютъ всякій разъ, когда цѣны продуктовъ (по какой-либо причинѣ) быстро и твердо поднимаются, и вмѣстѣ съ тѣмъ растутъ съ непрерывною силою фонды, которые доставляютъ хозяйственной жизни нашего времени первоначальныя средства для развитія промышленной дѣятельности; въ послѣднемъ случаѣ я имѣю въ виду запасы благородныхъ металловъ.

Поднятіе цѣнъ побуждаетъ, съ одной стороны, къ закупкѣ товаровъ съ цѣлью выгодной перепродажи ихъ, а съ другой — къ производству самихъ благъ. Попытка нажиться торговлею акціями и подобными имъ цѣнностями, которыя даютъ своимъ владѣльцамъ право участія въ прибыльныхъ предпріятіяхъ, представляетъ собою лишь частный случай комбинаціи обѣихъ возможностей обогатиться. Кромѣ того, ясно, что торговля товарами и цѣнными бумагами, основаніе новыхъ производительныхъ и торговыхъ предпріятій, можетъ происходить тѣмъ въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ больше свободныхъ средствъ оказывается для этого въ наличности. Но такіе средства будутъ находиться въ распоряженіи тѣмъ обильнѣе, чѣмъ значительнѣе притокъ благороднаго металла въ данной странѣ; дѣйствительно, этотъ притокъ въ силу понятныхъ причинъ (нѣкоторыя изъ нихъ я изложу еще подробнѣе) способствуетъ созиданію имуществъ, то-есть, скопляетъ въ отдѣльныхъ рукахъ значительныя суммы наличныхъ средствъ, которыя только и ищутъ возможности быть выгодно использованы. Такое внезапное увеличеніе имущества, способнаго превратиться въ капиталъ, еще значительно усиливается; это происходитъ благодаря расширенію запасовъ наличности путемъ кредита, по мѣрѣ того какъ современное намъ хозяйство развиваетъ свои особенности. Кредитъ, всегда основывающійся, какъ указываетъ само это названіе, на довѣріи, также сильно оживляется въ періоды поднятія цѣнъ. Само собою разумѣется, что дѣйствительные или мнимые виды на увеличеніе прибылей должны повышать довѣріе публики къ реализаціи долговыхъ обязательствъ.

Всѣ эти явленія, влекуція за собою быстрый подъемъ цѣнъ и внезапное увеличеніе цѣнныхъ бумагъ, объединяются подъ общимъ названіемъ экономического оживленія. Замѣчу еще кстати, что они широко отражаются на биржѣ, которая благодаря этому получаетъ въ эти эпохи подъема экономической жизни особенное значеніе, характеризуемое усиленіемъ ея могущественнаго положенія въ послѣдней. Именно биржа и заботится, главнымъ образомъ, о привлеченіи болѣе широкихъ круговъ къ общающимся барышъ отраслямъ хозяйственной жизни; она достигаетъ этого путемъ ряда

мѣропріятій, съ которыми мы еще познакомимся (образованіе извѣстныхъ биржевыхъ аферъ, развитіе акціонерныхъ ассоціацій капиталовъ и т. д.).

Однако, эти періоды оживленія, какъ мы называемъ ихъ, имѣютъ для развитія капитализма не только то значеніе, на которое я указывалъ до сихъ поръ, а именно: они не ограничиваются усиленіемъ стремленія къ наживѣ и его перенесеніемъ въ болѣе широкіе слои населенія. Преобразовательная сила этихъ періодовъ особенно обнаруживается въ развитіи у хозяйственныхъ субъектовъ, стоящихъ во главѣ капиталистическихъ предпріятій, именно тѣхъ способностей, которыя намъ стали извѣстны какъ спекулятивныя въ собственномъ смыслѣ слова. Періоды оживленія являются поистинѣ творческими въ общей смѣнѣ экономическихъ явленій. Въ это время завязываются новыя торговыя связи, предпримчивости открываются новыя области производства. Экономическая жизнь движется скорѣе, она получаетъ болѣе размахъ, болѣе ходъ. Оптимизмъ, радостная энергія овладѣваютъ самыми широкими общественными кругами. Кажется, нѣтъ замысла столь дерзкаго, чтобы за него нельзя было взяться. Повсюду зарождаются новыя предпріятія, одно отважнѣе другого. Это лирико-драматическая эпоха въ современномъ намъ хозяйствѣ. Во главѣ предпріятій становятся спекуляторы; это—люди съ идеями, люди смѣлые, не черезчуръ совѣстливые и безъ особой склонности къ рефлексіи. Въ эти времена французскій духъ налагаетъ свою печать на экономическую жизнь. «Полетъ» (élan) является основной чертой всѣхъ хозяйственныхъ предпріятій. Типомъ людей, которые задаютъ тонъ въ спекулятивные періоды экономической жизни, является Саккаръ—герой романа Золя «L'argent» («Деньги»). Великій прозорливецъ, изобразившій такъ много сторонъ нашей общественной жизни, далъ намъ въ этомъ романѣ классическую, безподобную картину именно той стороны экономическихъ процессовъ, которую мы теперь разсматриваемъ. По сравненію съ этимъ изображеніемъ Золя, всѣ попытки охарактеризовать главныя черты великихъ періодовъ оживленія хозяйственной жизни должны быть признаны жалкими. Чтобы изучить политическую экономію, надо лишь постоянно перечитывать Золя. Мы всѣ при сравненіи съ нимъ оказываемся дилетантами въ этой наукѣ.

За эпохой оживленія экономической жизни наступаютъ періоды ея застоя: за лирико-драматическимъ настроеніемъ духа слѣдуетъ скептическое, французская эпоха уступаетъ мѣсто англійской; времена спекуляціи смѣняются временами холоднаго разсчета; экстенсивно-капиталистическое развитіе замѣняется интенсивнымъ; за расширеніемъ идетъ сжатіе, за основаніемъ предпріятій ихъ консолидація; періодъ радостнаго торжества смѣняется періодомъ спокойнаго раздумья; за масленицей наступаетъ великій постъ.

Выражаясь экономическимъ языкомъ, разовьемъ нашу мысль въ слѣдующей формулировкѣ: время поднятія цѣнъ и быстро растущаго спроса смѣняется временемъ паденія цѣнъ и затрудненнаго сбыта товаровъ и цѣнныхъ бумагъ. Такъ какъ настоящее сочиненіе не касается области экономической

теории, то намъ нѣтъ нужды изслѣдовать въ немъ причины означеннаго явленія. Достаточно будетъ понять значеніе этой перемѣны обстановки для возникновенія капиталистическаго строя. Замѣтимъ при этомъ, что другая черта, характеризующая капитализмъ, именно въ такое трезвенное время и достигаетъ своего полного развитія: я имѣю въ виду здѣсь ариметическій расчетъ и потому называю эти періоды періодами расчета. Времена расцвѣта экономической жизни оставляютъ въ наслѣдство періодамъ застоя мощно расширенный кругъ дѣятельности для капиталистическаго предпринимателя: ново-основанныя предприятия, расширенныя производства, осложнившіяся торговля сношенія. Все это должно поддерживаться и при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ. Теперь-то и приходится заниматься расчетомъ, денно и нощно думать о наиболѣе выгодной организаціи. Тогда какъ раньше не обращали вниманія на талеръ, теперь надо заботиться о пфенигѣ, который можетъ удешевить или удорожить товаръ. Затрудненность рынка заставляетъ экономизировать всѣ хозяйственные планы и примѣнять наиболѣе выгодныя техническія условія. Поэтому спокойные періоды застоя экономической жизни обыкновенно являются временемъ внутренняго усовершенствованія капиталистической хозяйственной системы, временемъ развитія техники въ крупной промышленности. Вслѣдъ за великими завоевателями идутъ спокойные администраторы.

Я рассказываю все это читателю съ единственной цѣлью выяснить ритмъ движенія германской хозяйственной жизни въ девятнадцатомъ столѣтіи; объ этомъ ритмѣ я и поведу теперь рѣчь.

Какъ обыкновенно случается, жизненные процессы не всегда точно приурочиваютъ свое теченіе къ отдѣламъ григоріанскаго календаря. Равнымъ образомъ, новая эпоха хозяйственной жизни не начинается непременно съ 1800 года. Первые годы девятнадцатаго столѣтія были въ Германіи, какъ и всюду, скорѣе продолженіемъ хозяйственнаго періода, начало котораго относится къ нѣсколько болѣе раннему времени; для цѣлаго ряда явленій этотъ періодъ начался приблизительно въ седьмомъ десятилѣтіи восемнадцатаго вѣка; что касается Германіи, то его наступленіе въ этой странѣ должно быть отнесено въ особенности къ началу послѣдняго десятилѣтія восемнадцатаго вѣка, то-есть, къ тому времени, когда вспыхнула французская революція. Въ началѣ новой эпохи германской экономической жизни рѣшающее значеніе принадлежитъ прежде всего событіямъ, которыя около 1750 или 1760 годовъ произвели переворотъ въ англійской индустріи; благодаря имъ произошли значительный подъемъ промышленнаго производства и соотвѣтственное увеличеніе индустріальнаго, а слѣдовательно, и городского населенія въ Англіи; это же послѣднее обстоятельство вызвало быстрый ростъ спроса на сырые матеріалы и пищевыя средства, а потому также повышеніе цѣнъ на эти продукты. Такъ какъ Англія уже не могла сама покрывать свою потребность въ сѣльско-хозяйственныхъ продуктахъ, то спросъ на нихъ возросъ въ экономически отсталыхъ странахъ, среди которыхъ приморскія области Германіи занимали не послѣднее мѣсто; другими словами, въ этихъ странахъ создались

благопріятныя условія для сѣльско-хозяйственной экспортной промышленности. Въ то же время съ исхода восемнадцатаго столѣтія запасъ благородныхъ металловъ въ Германіи начинаетъ сильно возрастать, а это обстоятельство должно было прежде всего вызвать новое повышеніе цѣнъ на продукты.

Упомянутое увеличеніе запаса благородныхъ металловъ было, во-первыхъ, естественнымъ слѣдствіемъ прогрессивно-активнаго торговаго баланса того времени, то-есть, слѣдствіемъ сильнаго перевѣса цѣнности вывоза надъ цѣнностью ввоза. Извѣстно, что при подобномъ совпаденіи обстоятельствъ страна съ такъ называемымъ благопріятнымъ торговымъ балансомъ получаетъ чистую денежную наличность, которая является уплатой за ея излишекъ вывоза.

Во-вторыхъ, запасъ благородныхъ металловъ увеличился за означенный промежутокъ времени вслѣдствіе возрастанія добычи серебра въ самой Германіи. Такъ, напримѣръ, добываніе серебра въ періодъ времени отъ 1767 года до 1771 года равнялось въ рудникахъ Фрейберга 131.205 серебрянымъ маркамъ (1 серебряная марка = приблизительно 40 теперешнимъ маркамъ), во всѣхъ же остальныхъ саксонскихъ рудникахъ вмѣстѣ—21.624 маркамъ; напротивъ, въ 1797—1801 годахъ эта добыча поднялась: въ первыхъ рудникахъ до 241.297 марокъ, а въ послѣднихъ до 36.397 марокъ.

Въ-третьихъ, приливъ значительныхъ денежныхъ суммъ въ Германію былъ непосредственно вызванъ совпаденіемъ ряда условій.

И въ этотъ разъ, какъ два поколѣнія спустя, оживленію германскаго народнаго хозяйства способствовали, главнымъ образомъ, французскія деньги. Прежде всего въ Германію устремились толпы эмигрантовъ, которые, какъ извѣстно, являлись не съ пустыми руками. Въ Гамбургѣ поселилось отъ восьми до десяти тысячъ французовъ, въ Альтонѣ четыре тысячи. Впослѣдствіи къ нимъ присоединилось множество богатыхъ голландцевъ. По окончаніи войнъ, значительныя суммы денегъ были выплачены Франціей Германіи въ видѣ военной контрибуціи. Одна лишь Пруссія получила въ 1815 году сто милліоновъ франковъ, то-есть, сумму, которая для хозяйственной жизни того времени имѣла почти то же значеніе, что милліарды 1871 года для этой послѣдней эпохи.

Однако, приливъ благородныхъ металловъ въ нѣмецкія страны совершался и другимъ, болѣе прямымъ путемъ. Напомню только, напримѣръ, о деньгахъ, оставленныхъ въ 1796 году въ Нижней Саксоніи англійскими войсками и ихъ союзниками, а также о другихъ случаяхъ, подобныхъ данному. Наконецъ, надо помнить также о субсидіяхъ, которыя получались изъ-за границы различными нѣмецкими государствами въ теченіе всей второй половины восемнадцатаго столѣтія. Хорошій знатокъ той эпохи (Густавъ фонъ-Гюлихъ) вычислилъ, что нѣмецкіе князья, государственные люди и ученые получили со середины восемнадцатаго вѣка въ качествѣ субсидій и подкупа отъ Франціи 137.226,152 ливра, а отъ Англіи—46.696.576 фунтовъ стерлинговъ. Это составило бы на наши теперешнія деньги больше милліарда марокъ—сумму, огромную для того времени; о ея относительной высотѣ мы можемъ

судить по тому обстоятельству, что (согласно воззрѣнію того же автора) она была немногимъ меньше цѣнности всего вывоза. Такимъ образомъ, мы должны согласиться съ заключеніемъ Гюлиха, что «массы денегъ вообще тогда страшно росли въ Сѣверной Германіи».

Между тѣмъ процессъ образованія значительныхъ имуществъ усиливался пропорціонально выше указанному росту запаса благородныхъ металловъ. Я уже говорилъ, что семьи французскихъ эмигрантовъ явились въ Германію съ порядочными состояніями. Но большія имущества скоплялись также въ рукахъ нѣмецкихъ собственниковъ; быстрое образованіе такого рода имуществъ обуславливалось частью поставками военныхъ припасовъ, частью финансовыми операціями, частью торговлей, которая была чрезвычайно выгодна вслѣдствіе монопольнаго положенія нѣмецкихъ портовъ, созданнаго военными замѣшательствами и особенно континентальной системой Наполеона I; наконецъ, большія имущества скоплялись у нѣмцевъ, отчасти благодаря доходамъ, получавшимся съ сельскаго хозяйства, которое производило предметы вывоза.

Общія благоприятныя условія пробудили во владѣльцахъ большихъ имуществъ любостязаніе, стремленіе увеличить свои денежные капиталы посредствомъ счастливой спекуляціи. Впервые со времени Фуггеровъ мы вновь наблюдаемъ въ Германіи горячку и стремленіе къ наживѣ капиталистическимъ путемъ. Однако, мы можемъ совершенно ясно распознать своеобразную особенность этого перваго грюндерскаго (какъ мы скажемъ) періода; эта особенность отличаетъ разсматриваемую нами эпоху отъ всѣхъ позднѣйшихъ спекулятивныхъ эпохъ девятнадцатаго столѣтія. Она является какъ бы предвареніемъ весны (Vorfrühling). Это время походитъ на первые теплые дни въ мартѣ, когда весна еще не наступила, но все-таки уже прекрасно чувствуется, что зимѣ пришелъ конецъ. Еще не было подготовлено почвы, въ которой имущества, годныя для использованія съ выгодой, могли бы пустить корни. Говоря безъ метафоръ, замѣтимъ, что, за исключеніемъ торговли государственными бумагами и скупки земель, еще не представлялось никакой иной возможности помѣщенія капиталовъ, которая обѣщала бы ихъ собственникамъ барышъ. Для индустріальныхъ предпріятій не хватало еще существенныхъ предусловій—въ особенности же необходимыхъ рабочихъ рукъ и соотвѣтствующаго рынка. Въ самомъ дѣлѣ, внутренній рынокъ для капиталистической индустріи существовалъ преимущественно еще за границей (какъ я уже показавъ это въ другомъ мѣстѣ настоящаго сочиненія). А это обстоятельство дѣйствовало въ то время на произведенія германской промышленности скорѣе отталкивающимъ образомъ.

Слѣдовательно, главное замѣчаемое нами дѣйствіе быстрого накопленія денегъ и поднятія цѣнъ въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ Германіи заключается въ сильной спекуляціи земельными участками, обрабатываемыми въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ. Цѣны на землю растутъ частью вслѣдствіе уже увеличившейся доходности ихъ, частью же лишь подъ вліяніемъ ожиданія такого увеличенія; а увеличившіяся цѣны

на имѣнія вызываютъ, конечно, дальнѣйшее увеличеніе интенсивности обработки земли.

Нѣтъ нужды особенно разъяснять, что войны, пронесшіяся надъ нѣмецкими землями, часто производили досадныя остановки въ спекулятивномъ настроеніи оживившейся экономической жизни. Вообще же поднятіе цѣнъ длилось въ теченіе всей наполеоновской эпохи и даже, какъ я уже упоминалъ, еще разъ повторилось вслѣдствіе военныхъ контрибуцій, полученныхъ Германіей послѣ 1815 года; этотъ вторичный расцвѣтъ экономического оживленія продолжался до 1819 года. Затѣмъ Германія пережила первый великій «крахъ» въ девятнадцатомъ столѣтіи; этотъ крахъ, находясь въ соотвѣтствіи съ общимъ движеніемъ экономического развитія, разыгрался, главнымъ образомъ, въ области сельскаго хозяйства; поэтому и говорятъ объ аграрномъ кризисѣ двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка.

Если мы спросимъ теперь, какіе постоянные результаты для развитія капиталистическаго порядка успѣли сохраниться отъ этой первой спекулятивной эпохи въ Германіи, то придется, какъ я уже сказалъ, отвѣтить, что ихъ сохранилось очень мало. Изъ прочныхъ учрежденій въ данномъ случаѣ можно, пожалуй, назвать развѣ только организаціи ипотечнаго кредита, многія изъ которыхъ возникли въ промежутокъ времени отъ 1770 до 1820 года. Сельское хозяйство сдѣлало первые шаги къ усовершенствованію техники и промышленной организаціи; впослѣдствіи я еще подробно поговорю объ этихъ первыхъ шагахъ.

Но всего важнѣе мнѣ кажется тотъ фактъ, что впервые послѣ вѣкового покоя на Германію снова пахнуло дыханіемъ чисто-капиталистической спекуляціи, и что это дыханіе почувствовали какъ-разъ тѣ общественные круги, которые были наиболѣе удалены отъ новѣйшаго предпринимательскаго духа, а именно—крупные землевладѣльцы.

Тѣмъ не менѣе, это вліяніе, въ концѣ концовъ, довольно скоро прекратилось. Движеніе вообще затронуло только разрозненные слои населенія въ отдѣльных частяхъ сѣверной Германіи. Въ началѣ двадцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія врядъ-ли какая-либо часть общаго строя германскаго народнаго хозяйства подверглась существенному измѣненію; этотъ строй сохранялся въ томъ же видѣ, каковъ онъ былъ въ 1750 и 1800 годахъ; основныя черты его я набросалъ въ первой книгѣ настоящаго сочиненія.

Поколѣніе людей, жившее отъ конца наполеоновской эры до середины девятнадцатаго столѣтія въ Германіи, мало способствовало непосредственному развитію капиталистическаго духа. Правда, оно подготовило капиталистическое развитіе, начинающееся съ годовъ реакціи, въ томъ отношеніи, что за это время создались существенныя условія этого развитія: возникъ Германскій таможенный союзъ, и появился значительный избытокъ населенія; однако, само это поколѣніе почти совсѣмъ осталось не затронутымъ вліяніемъ капитализма. Это было время медленнаго веденія хозяйства, эпоха усталости. Цѣны пали почти на всѣ предметы или—самое большее—держались на прежнемъ уровнѣ, какъ это видно изъ таблицы тогдашнихъ цѣнъ, сообщаемой мною въ прило-

женіи. Со всѣхъ сторонъ раздавались жалобы на недостатокъ денежныхъ средствъ. Запасы благородныхъ металловъ вновь утекли изъ Германіи; торговый балансъ сдѣлался пассивнымъ, потому что вывозъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, какъ мы уже видѣли, уменьшился, а промышленнымъ рынкамъ тоже грозила обострившаяся французская и англійская конкуренція, ставшая особенно энергичной по окончаніи войнъ. Зато Англія наводнила нѣмецкія государства, лишенные единообразной и достаточно сильной таможенной охраны, своими собственными товарами, за которые она получала чистую денежную наличность. Возвращеніе послѣдней въ англійскіе банки оказало весьма сильное вліяніе на состояніе денежнаго рынка. Только за одни 1821 и 1822 годы Англійскій банкъ получилъ съ европейскаго континента тридцать милліоновъ фунтовъ стерлинговъ чистоганомъ. Это было, слѣдовательно, формальное кровопусканіе! Такимъ образомъ, понятно, что германское народное хозяйство впало въ состояніе малокровія.

Великія событія міровой исторіи, совершившіяся въ 1848 году, освободили народное хозяйство Германіи отъ такого состоянія. Благодаря удивительному совпаденію, въ этотъ достопамятный годъ совершились три событія, которыя должны были положить начало новой эпохѣ всемірной исторіи; это были: открытіе богатыхъ золотыхъ россыпей въ горахъ Калифорніи и въ Австраліи, а также—открытіе изобильнѣйшихъ ртутныхъ копей въ Мексикѣ, что было равносильно соотвѣтственному поднятію добычи серебра.

Огромныя массы благородныхъ металловъ, появившіяся благодаря этому на міровомъ рынкѣ, устремились прежде всего въ Соединенные Штаты и Англію; отсюда онѣ попали затѣмъ путемъ торговли и къ намъ, такъ какъ, въ силу ряда причинъ, разъясненіе которыхъ не относится къ предмету нашего сочиненія, сумма цѣнностей вывоза германской торговли превзошла сумму цѣнностей ея ввоза за годы отъ 1848 до 1850 на значительную величину. Сперва эти массы благородныхъ металловъ еще оставались безъ употребленія. Вслѣдствіе политическихъ неурядицъ прошлой эпохи въ дѣловомъ мірѣ сохранялось недовѣріе къ общей устойчивости экономическаго равновѣсія; поэтому упомянутыя массы сберегались въ подвалахъ и сундукахъ. Въ началѣ благородные металлы даже не рѣшались класть въ банки; они стали поступать въ послѣдніе только съ 1851 года; но въ это время, правда, это поступленіе сдѣлалось столь интенсивнымъ, что банковая казна оказалась прямо-таки переполненной. Въ одномъ только Прусскомъ банкѣ добровольные частныя вклады поднялись отъ января до августа 1851 года съ $4\frac{3}{4}$ до $9\frac{1}{3}$ милліоновъ талеровъ; такимъ образомъ, банкъ, не знавшій, что ему предпринять съ деньгами, оказался вынужденнымъ 1 октября 1851 года прибѣгнуть къ безпримѣрному средству, а именно отказаться отъ частныхъ вкладовъ, сохранявшихся въ немъ въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго времени. Металлическіе запасы Прусскаго банка достигали 1 января 1851 года 10,8 милліоновъ талеровъ, а 31 октября того же года, несмотря на принятую 1 октября крайнюю мѣру—23,7 милліоновъ талеровъ.

Наконецъ, снова наступило время пробужденія промышленныхъ стремленій, погони за наживой, время предприимчивости. Весь культурный міръ Европы сильнѣе, чѣмъ когда-либо, погрузился въ состояніе какого-то упоенія. Запасъ капиталистической энергіи, сдерживавшійся въ теченіе послѣднихъ лѣтъ боязнью политическихъ волненій, разрядился теперь могучимъ взрывомъ; этотъ періодъ экономическаго оживленія начался съ того момента, когда, главнымъ образомъ благодаря государственному перевороту Наполеона III и побѣдѣ реакціи въ Германіи, во внутренней жизни странъ создались гарантіи безмятежнаго стяжанія на многіе годы.

Часто первые годы, которые слѣдуютъ за политическими событіями, налагающими оковы на какой-нибудь народъ, являются сами по себѣ эпохой раздольной наживы. Дѣлаются затраты, отъ которыхъ долго отказывались; это оживляетъ рынокъ; большое маховое колесо товарообращенія начинаетъ вращаться, цѣны поднимаются, открывается возможность скорыхъ барышей. Но въ то же время люди начинаютъ особенно тяготѣть къ погонѣ за наживой. Политическіе интересы вытѣсняются чувствомъ удовлетворенія, доставляемымъ матеріальнымъ благополучіемъ; такое чувство, въ свою очередь, рождаетъ желаніе получить въ удѣлъ обильное количество благъ міра сего. Это объясняетъ происхожденіе періодовъ оживленія въ хозяйственной жизни Европы, въ частности же Германіи—періодовъ, наступившихъ за Великой французской революціей, за войнами Наполеона I, за Іюльской революціей (для Франціи), за волненіями 1848 года и, наконецъ, за франко-германской войной (для Германіи). Если къ такому всеобщему любостяжательному настроенію присоединяется еще быстрое увеличеніе запаса благородныхъ металловъ, то результатомъ этого является эпоха оживленія, подобная эпохѣ пятидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія; въ это время страсть къ приобрѣтенію овладѣла самыми широкими слоями народа, спекуляція захватила тогда дѣловую міръ Германіи съ еще неизвѣстной до тѣхъ поръ силой и впервые наполнила его дѣйствительнымъ, неподдѣльнымъ духомъ капитализма, причемъ торжество этого духа не было мимолетнымъ, а удержалось и въ теченіе всего будущаго времени. Новая Германія родилась именно въ эти годы, спокойные въ политическомъ отношеніи.

Воцарившаяся послѣ 1851 года спекулятивная горячка, погоня за наживой, искала новаго поприща для своего проявленія—основанія прибыльныхъ предприятий; это обстоятельство налагаетъ свою печать на всю ту эпоху и сообщаетъ послѣдней уже вполне современный намъ характеръ по сравненію съ періодомъ экономическаго оживленія въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Это впервые даетъ дѣйствительный толчокъ къ пробужденію капиталистическаго интереса; въ самомъ дѣлѣ, по крайней мѣрѣ большая часть предприятий, основанныхъ въ теченіе спекулятивнаго періода, продолжаетъ свое существованіе въ качествѣ организацій капиталистическаго строя, расширенію котораго они способствуютъ.

Итакъ, пятидесятие годы дѣвятнадцатаго столѣтія являются истинно «грюндерской эпохой». Основываются, главнымъ

образомъ, банковыя учрежденія, но кромѣ того появляются также промышленныя заведенія, рудники и—въ значительной мѣрѣ—желѣзнодорожныя предпріятія. При этомъ получаетъ всеобщее признаніе новая форма образованія капиталовъ, а именно—акціонерныя компаніи и родственныя имъ типы общественныхъ ассоціацій. Какъ извѣстно всякому, принципъ акціонерной компаніи основывается на слѣдующемъ: мелкія денежныя суммы соединяются въ болѣе значительныя имущества такимъ образомъ, что владѣлецъ отдѣльныхъ частей является заинтересованнымъ въ предпріятіи какъ-разъ пропорціонально величинѣ вложеннаго имъ въ общее дѣло капитала, а потому и несетъ отвѣтственность за выданныя администраціей предпріятія обязательства тоже пропорціонально своей долѣ участія въ немъ. Акціонерныя компаніи представляютъ собою весьма дѣйствительное средство широкаго распространенія капитализма. Онѣ знаменуютъ собою его демократизацію и упроченіе, а вовсе не побѣду надъ нимъ, какъ иногда ошибочно предполагаютъ. Дѣйствительно, съ помощью акціонернаго пая, который можетъ быть приобрѣтенъ человѣкомъ, обладающимъ даже умѣреннымъ достаткомъ, я могу привлечь къ участію въ капиталистическомъ хозяйствѣ широкія массы народа; я могу заинтересовать ихъ этимъ въ капиталистической организаціи, а въ особенности—распространить на продолжительное время по всѣмъ порамъ народнаго тѣла то основное настроеніе, которое я называю капиталистическимъ духомъ.

Но спекулятивный періодъ пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія ввелъ въ германскую народно-хозяйственную жизнь еще одно новшество въ качествѣ прочнаго учрежденія, существованіе котораго также имѣло рѣшающее значеніе для развитія капиталистическаго строя; это—соединеніе предпріятій, подобныхъ банковымъ, съ индустріальными предпріятіями, иначе говоря, финансированіе банковымъ путемъ производительныхъ и торговыхъ предпріятій. Дѣло заключается здѣсь въ слѣдующемъ: создаются извѣстныя предпріятія, принимающія форму акціонерныхъ обществъ; ихъ цѣль состоитъ исключительно въ томъ, чтобы соединять вмѣстѣ средства, нужныя для основанія или поддержки какихъ-либо другихъ доходныхъ предпріятій, уже существующихъ или только могущихъ образоваться. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ мы встрѣчаемся, какъ было очень удачно замѣчено, со спекуляціей, построенной на спекуляціи. Подобнаго рода учрежденія означаютъ колоссальный подъемъ капиталистической энергіи. Дѣйствительно, основная суть этихъ учрежденій заключается въ томъ, что они постоянно толкаютъ впередъ промышленность, стимулируютъ ее, возбуждаютъ, такъ какъ само существованіе ихъ обуславливается непрерывно новымъ оживленіемъ какой-либо производительной дѣятельности. Разсматриваемыя нами капиталистическія предпріятія представляютъ собою какъ бы нѣкоторый механизмъ для осуществленія грюндерскихъ цѣлей,—нѣкоторое постоянное учрежденіе для возбужденія предпріимчивости. Понятно поэтому, что впервые они развились въ наиболѣе значительныхъ размѣрахъ именно среди народа спекулятивнаго *par excellence*—среди французовъ. Гигантское

предпріятіе, основаніе котораго является въ вышеупомянутомъ романѣ Зола дѣломъ рукъ Саккара, это—*Crédit mobilier*, возникшій въ 1852 году и явившійся прообразомъ всѣхъ позднѣе основанныхъ предпріятій такой же тенденціи. Цѣли этого величественнаго учрежденія были слѣдующія: поддержка существующихъ и основаніе новыхъ предпріятій путемъ открытія кредита, кредитное посредничество, созданіе акціонерныхъ и коммандитныхъ товариществъ, торговля рентою и акціями, поддержка игры на повышеніе посредствомъ репортныхъ операцій. Чтобы дать представленіе о могучей дѣятельности этого гигантскаго предпріятія, совершавшейся уже полвѣка тому назадъ, я приведу списокъ операцій *Crédit mobilier* за 1854 и 1855 годы (согласно указаніямъ Макса Вирта). Въ одномъ лишь 1854 году *Crédit mobilier* предпринялъ: сліяніе компаній газоосвѣтительной съ компаніей парижскихъ омнибусовъ, образованіе желѣзно-дорожной компаніи Сентъ-Рамберъ-Гренобль, ссуду Арденнской желѣзнодорожной компаніи, концессию для продолженія желѣзной дороги Парижъ-Суассонъ до бельгійской границы, чтобы захватить тамъ районъ богатыхъ каменноугольныхъ копей, участіе въ эксплуатаціи Пиренейской желѣзнодорожной сѣти и Швейцарскихъ западной и центральной желѣзныхъ дорогъ, канализацію рѣки Эбро отъ Сарагоссы до ея устья, устройство *Compagnie maritime*, субсидированіе заатлантической линіи пакетботовъ и въ особенности образованіе Общества австрійскихъ государственныхъ дорогъ, акціи котораго скоро значительно поднялись и, несмотря на неблагоприятное время, удержались на относительной высотѣ. Кромѣ основанія Общества отелей и недвижимостей на улицѣ Риволи въ Парижѣ, покровительства желѣзнымъ дорогамъ Западной, Южной и Франца-Иосифа, а также основанія Испанскаго кредитнаго учрежденія, Общество *Crédit mobilier* вело въ продолженіе одного только 1855 года ниже слѣдующія денежныя операціи. Оно прежде всего устроило національный заемъ въ 780 милліоновъ франковъ, подписало 625 милліоновъ франковъ за собственный и за чужой счетъ, но вслѣдствіе разверстки получило за свой счетъ только 1.280.920 франковъ; затѣмъ оно предприняло обмѣнъ облигацій старыхъ обществъ, слившихся въ новое общество Западной дороги, на новыя, причемъ *Crédit mobilier* приобрѣлъ самъ 65.000 облигацій, представлявшихъ собою восемнадцать милліоновъ; онъ помѣстилъ заемъ въ двадцать восемь милліоновъ франковъ общества Южныхъ желѣзныхъ дорогъ; онъ получилъ авансы акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ: Парижъ-Канъ, Парижъ-Шербургъ, Восточной и другихъ дорогъ, выпустилъ привилегированный облигаціонный заемъ Общества австрійскихъ государственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ 300.000 облигаціяхъ по 275 франковъ каждая, представляющихъ собою сумму въ 82.500.000 франковъ. Поистинѣ, кажется, будто читаешь годовую отчетъ Германскаго банка за самое послѣднее время!

Первымъ учрежденіемъ въ Германіи, наиболѣе походившимъ по всему своему устройству на *Crédit mobilier*, былъ банкъ для торговли и промышленности, основанный въ Дармштадтѣ въ 1853 году; онъ и теперь продолжаетъ существовать, имѣя центральное мѣстопробываніе въ Берлинѣ и капи-

талъ въ сто пять милліоновъ марокъ; этотъ банкъ является могущественнымъ центромъ капиталистическихъ предпринимателей. Между тѣмъ въ теченіе пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія было основано множество другихъ предпріятій подобнаго же рода, къ которымъ присоединились въ значительномъ количествѣ чисто-банковыя учрежденія. Въ теченіе чреватаго событіями шестого десятилѣтія того же вѣка было основано въ Германіи все современное намъ банковое дѣло и тѣмъ самымъ положено основаніе вообще капиталистической организаціи народнаго хозяйства. Я долженъ опять отказаться отъ намѣренія изобразить подробно всѣ эти этапы въ развитіи нѣмецкаго капитализма. Я еще вернусь къ этимъ вещамъ въ другой части моего изложенія, когда рѣчь будетъ идти о внутреннемъ новообразованіи нашей хозяйственной организаціи и объ окончательномъ утвержденіи капиталистической формы народнаго хозяйства. Въ настоящемъ случаѣ я хотѣлъ лишь дать представленіе о процессѣ образованія капиталистическаго духа, распространеніе котораго мы надѣялись прослѣдить на основаніи вышеуказанныхъ симптомовъ. Поэтому я еще разъ резюмирую мои выводы: пятидесятие годы истекшаго столѣтія представляли собой самый важный спекулятивный періодъ, когда-либо пережитый до тѣхъ поръ Германіей. Современный намъ капитализмъ окончательно становится въ эту эпоху основой народнаго хозяйства. Это происходитъ благодаря всестороннему оплодотворенію капиталомъ всѣхъ областей хозяйственной жизни; самъ же капиталъ быстро скопляется въ рукахъ частныхъ лицъ, вслѣдствіе внезапнаго умноженія запасовъ благородныхъ металловъ и повышенія цѣнъ, находящагося въ связи съ этимъ фактомъ; однако, накопленіе капитала въ значительныя суммы совершается еще быстрѣе, благодаря развитію акціонернаго дѣла и организаціи банковъ; эти суммы съ тѣхъ поръ начинаютъ стремиться къ интенсивному производительному использованию. Это создаетъ фондъ капиталистической энергіи, который какъ бы объективируется; непрерывно самъ собою возобновляясь и вырастая въ огромную дѣятельную силу, этотъ фондъ производитъ революціонное дѣйствіе.

Невозможно опредѣлить количественную оцѣнку творческой работы, которая была совершена въ теченіе этихъ лѣтъ. Мы въ состояніи измѣрить огромную продуктивную силу той эпохи только по нѣкоторымъ симптомамъ, особенно же по извѣстнымъ намъ цифрамъ вновь основанныхъ акціонерныхъ капиталовъ. Такъ, напримѣръ, въ Баварскомъ королевствѣ было основано въ промежутокъ времени отъ 1839 до 1848 года всего шесть акціонерныхъ компаній съ капиталомъ, немного меньшимъ четырехъ милліоновъ марокъ (3,99); напротивъ, въ слѣдующемъ десятилѣтіи (съ 1849 по 1858 годъ) тамъ же было основано сорокъ четыре акціонерныхъ компаніи съ капиталомъ свыше 145 милліоновъ марокъ. Число акціонерныхъ компаній Прусскаго королевства, основанныхъ въ области горнозаводской и плавильной промышленности за восемнадцать лѣтъ, съ 1834 по 1851 годъ, равнялось 14; ихъ капиталъ былъ 23,29 милліоновъ талеровъ; въ противоположность этому число подобныхъ же предпріятій, основанныхъ за шесть лѣтъ, съ 1852 по 1857 годъ, было 59 съ

капиталомъ въ 70,69 милліоновъ талеровъ. По свѣдѣніямъ Макса Вирта, одинъ лишь акціонерный капиталъ ново-основанныхъ отъ 1853 до 1857 года банковъ достигалъ 200 милліоновъ талеровъ; акціонерный капиталъ, уплаченный на сооруженіе новыхъ желѣзныхъ дорогъ, за тотъ же промежутокъ времени превосходилъ 140 милліоновъ талеровъ; между тѣмъ различныя привилегированные облигаціонныя займы, выпущенныя въ теченіе десяти лѣтъ желѣзными дорогами и промышленными компаніями, превышали 206 милліоновъ талеровъ. Въ теченіе этихъ лѣтъ возникла большая половина изъ пятидесяти страховыхъ обществъ съ капиталомъ въ 60 милліоновъ талеровъ, изъ 259 рудничныхъ, литейныхъ, пароходныхъ и машиностроительныхъ компаній, сахарныхъ и прядильныхъ заводовъ съ капиталомъ, превосходящимъ 260 милліоновъ талеровъ. Въ Пруссіи въ теченіе одного только 1856 года были выданы концессіи на учрежденіе новыхъ обществъ съ капиталомъ приблизительно въ 150 милліоновъ талеровъ, тогда какъ Австрія предприняла за одинъ лишь этотъ годъ постройку новыхъ желѣзныхъ дорогъ стоимостью больше чѣмъ въ 100 милліоновъ. Но я боюсь, что чересчуръ ужъ утомилъ вниманіе читателя вышеприведенными числовыми данными, такъ что пока я воздержусь отъ дальнѣйшаго сообщенія цифръ, которыя выражаютъ увеличеніе производства въ продолженіе этой эпохи, а также имѣютъ симптоматическое значеніе по отношенію къ силѣ капиталистическаго расширенія. Можетъ-быть, еще разъ представится случай вернуться къ этому вопросу. Остается посвятить лишь нѣсколько словъ изложенію позднѣйшихъ эпохъ германской хозяйственной жизни и ихъ значенію для развитія капиталистическаго духа, такъ какъ отнынѣ придется только повторять свѣдѣнія объ извѣстныхъ уже явленіяхъ.

Годы отъ конца шестого десятилѣтія девятнадцатаго вѣка до окончанія франко-германской войны представляютъ собой эпоху спокойнаго сосредоточенія силъ, тихой осмотрительности, упорной работы; въ теченіе этого времени укрѣпляются результаты кипучей дѣятельности послѣднихъ лѣтъ. Современное намъ раціональное сельское хозяйство завоевываетъ свое положеніе въ Германіи именно въ теченіе пятидесятихъ и шестидесятихъ годовъ истекшаго столѣтія; тогда же и крупныя массовыя производства—горная и текстильная промышленности—также получаютъ свой нынѣшній характеръ; наконецъ, въ это же время и желѣзнодорожная сѣть Германіи развивается, по крайней мѣрѣ, въ своихъ главныхъ линіяхъ.

Затѣмъ вслѣдъ за побѣдоносными войнами наступаютъ годы ликованія; они приносятъ съ собою опьянѣніе грюндерствомъ, какъ результатъ огромнаго притока денежной наличности изъ Франціи—«милліарднаго счастья» («Milliardensegen»). Теперь повторяются точь-въ-точь тѣ же самыя явленія, но только въ болѣе величественныхъ, могучихъ размѣрахъ, чѣмъ въ пятидесятихъ годахъ того же вѣка, а именно: мирное настроеніе, поднятіе цѣнъ, быстрое образованіе имуществъ, возбужденіе страсти къ наживѣ, господство спекулятивной и грюндерской лихорадки; недаромъ народъ называетъ время съ 1872 по 1874 годъ просто-таки «грюндерскими годами».

До каких размѣровъ грюндерство разрослось въ тѣ годы, указываютъ слѣдующія цифры: въ то время какъ въ двадцатилѣтній періодъ (съ 1851 года до первой половины 1870 года) было основано 295 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ въ 2404 милліона марокъ, со второй половины 1870 года до 1874 года ихъ было основано 857 съ 3306 милліонами марокъ капитала.

Послѣ этого наступаетъ продолжительный періодъ отрезвленія, который дѣлается поистинѣ эпохой испытанія для всѣхъ отраслей германской хозяйственной жизни; оба десятилѣтія отъ середины семидесятыхъ до середины девяностыхъ годовъ прошлаго вѣка, за исключеніемъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ продолженіе 1889 и 1890 годовъ, протекаютъ безъ энтузіазма, безъ лирическаго размаха, безъ спекулятивнаго опьяненія; зато тѣмъ большее значеніе въ это время получаютъ расчетъ и упорный трудъ, а техника достигаетъ наивысшей степени совершенства. Впослѣдствіи я расскажу о работахъ въ разнаго рода областяхъ, въ сельскомъ хозяйствѣ и индустріи, въ торговомъ обращеніи. Въ настоящемъ случаѣ я ограничусь установленіемъ того факта, что капиталистическая хозяйственная система получила всеобщее распространеніе въ Германіи и въ особенности подчинила себѣ такія области, которыя до самыхъ семидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія были почти исключительнымъ удѣломъ ремесленной организаци. Въ эту именно эпоху крупно-капиталистическія предпріятія развиваются также въ области производства, между тѣмъ какъ до того времени они существовали преимущественно только въ торговлѣ и въ высшей финансовой сферѣ.

Однако, періоду съ сильнѣйшей спекулятивной окраской суждено было наступить еще до окончанія столѣтія. Последнее пятилѣтіе принесло съ собой величайшее оживленіе въ области экономической жизни, особенно въ Германіи; отсюда, однако, надо исключить сельское хозяйство, которое не въ состояніи принимать участія во всеобщемъ ликованіи; съ причинами этого явленія мы еще ознакомимся.

Съ начала девяностыхъ годовъ золото добывается въ значительно большемъ количествѣ. Его добыча за 1890 годъ равнялась 464 милліонамъ марокъ, то-есть, была не только не больше, чѣмъ его ежегодная добыча въ теченіе всѣхъ лѣтъ, начиная со середины столѣтія, а даже меньше. Ежегодная добыча золота на всемъ земномъ шарѣ въ продолженіе пятилѣтій, слѣдующихъ за 1851 годомъ, опредѣлялась въ среднемъ слѣдующими цифрами: 557, 564, 516, 544, 485, 481, 404, 447 милліоновъ марокъ. Внезапно, однако, добыча золота на земномъ шарѣ сильно поднялась, главнымъ образомъ, благодаря открытію новыхъ золотоносныхъ розсыпей въ Трансваалѣ и Канадѣ, а также вслѣдствіе увеличенія его добыванія въ Австраліи. Она измѣрялась:

въ 1891 году 521 милліоновъ марокъ.

» 1892 » 581 » »

» 1893 » 632 » »

» 1894 » 720 » »

Какъ въ 1848—1851 годахъ, такъ и этотъ разъ ново-добытое золото сперва скопилось въ казнѣ европейскихъ банковъ, не возбуждая къ откры-

тію новыхъ предпріятій. Приливъ золота еще усилился благодаря ряду случайныхъ обстоятельствъ. Такъ, напримѣръ, въ началѣ девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія происходилъ непрерывный отливъ золота изъ Соединенныхъ Штатовъ; это было отчасти слѣдствіемъ того, что американская государственная казна производила значительныя закупки серебра и выдавала взаменъ «серебряныя свидѣтельства», вытѣснявшія золото изъ обращенія; отчасти же отливъ золота изъ Соединенныхъ Штатовъ вытекалъ изъ растущаго недоверія къ американской валютѣ, благодаря чему стали въ значительной мѣрѣ возвращать американскія цѣбныя бумаги. Избытокъ вывоза золота изъ Соединенныхъ Штатовъ составлялъ въ 1891 году 68 милліоновъ долларовъ, а въ 1893 году—87 милліоновъ долларовъ. Такимъ образомъ, запасъ золота въ кассахъ Германскаго Имперскаго банка изъ года въ годъ значительно поднимался. Его средняя величина, павшая въ 1890 году до 519 милліоновъ марокъ, уже въ 1892 году превышала на 616 милліоновъ марокъ наивысшій изъ существовавшихъ до тѣхъ поръ уровней (а именно, ея уровень въ 1888 году); послѣ временнаго пониженія въ 1893 году эта величина поднялась до 705 милліоновъ марокъ въ 1895 году. Золотой запасъ Имперскаго банка достигъ наивысшаго уровня 7 февраля 1895 года, а именно: онъ равнялся тогда 799,6 милліоновъ марокъ, между тѣмъ какъ вся наличность запаса достигла наивысшаго уровня 15 февраля 1895 года: она равнялась тогда 1148 милліонамъ марокъ. Это денежное полнокровіе выразилось въ соотвѣтственной скорости бѣженія «денежнаго пульса», то-есть, въ низкомъ въ соотвѣтственной скорости бѣженія «денежнаго пульса», то-есть, въ низкомъ учетномъ процентѣ. Средняя величина официальнаго учетнаго процента Имперскаго банка мѣнялась послѣдовательно: въ 1890 году она была 4,52⁰/₀, въ 1894 году—3,12⁰/₀, въ 1895 году она вернулась къ 3,14⁰/₀. Однако, «фактический дисконтъ» Имперскаго банка, являющійся истиннымъ выраженіемъ положенія денежнаго рынка, былъ еще гораздо ниже официальнаго. Въ теченіе 346 дней 1894 года средняя высота фактическаго дисконта была 2,064⁰/₀—самый низкій уровень, достигнутый имъ со времени существованія Имперскаго банка. Этотъ необычайно низкій уровень учетнаго процента держался затѣмъ до середины 1895 года; еще до августа дисконтъ на берлинскомъ рынкѣ колебался между 1¹/₂⁰/₀ и 1⁵/₈⁰/₀, а Имперскій банкъ дисконтировалъ въ теченіе всего этого мѣсяца фактически по 2⁰/₀.

Такимъ образомъ, все было готово къ тому, чтобы малѣйшій толчокъ вызвалъ могучій взрывъ сдерживаемой предпріимчивости. Этотъ толчокъ былъ данъ перемѣнами въ области электротехники; переходъ къ электрической тягѣ на фабрикахъ, къ электрическому освѣщенію и электрическимъ желѣзнымъ дорогамъ на улицахъ большихъ городовъ вызвалъ быстро растущій спросъ на предметы электрической индустріи; послѣдній вскорѣ перешелъ въ область машиностроительной и горной промышленности, а отсюда уже привелъ въ движеніе всю экономическую жизнь. Оживленію послѣдней способствовало также повышение добычи золота, наступившее послѣ 1894 года и продолжавшееся до конца этого десятилѣтія. Золото добывалось въ слѣдующихъ размѣрахъ:

въ 1895 году 817 миллионъ марокъ.

» 1896 » 836 » »

» 1897 » 985 » »

» 1898 » 1140 » »

» 1899 » 1225 » »

Несмотря на это, кассы большихъ центральныхъ банковыхъ учреждений опустѣли (наличность Имперскаго банка достигла самаго низкаго уровня—718 миллионъ марокъ—30 сентября 1899 года); хотя количество находящихся въ обращеніи банкнотъ значительно увеличилось (отъ 1000,4 милліона марокъ въ 1894 году до 1141,8 милліона марокъ въ 1899 году), дисконтъ сталъ на небывалую высоту (въ среднемъ фактическій дисконтъ на берлинской биржѣ былъ слѣдующій: въ 1896 году 3,038%, въ 1897 году 3,084%, въ 1898 году 3,548%, въ 1899 году 4,450%; въ теченіе же трехъ послѣднихъ мѣсяцевъ 1899 года фактическій дисконтъ берлинской биржи поднялся до $5\frac{1}{4}\%$, 6% и $6\frac{3}{8}\%$, между тѣмъ какъ Имперскій банкъ повысилъ свой дисконтъ 19 декабря 1899 года до 7%—уровень небывалый съ 1870 года, «года войны»). Все это доказываетъ только, что предприимчивость въ теченіе этого пятилѣтія, исключительнаго по важности для германской хозяйственной жизни, достигла колоссальнаго расширенія и напряженія. Объ этомъ ясно говорятъ также нижеслѣдующія цифры, характеризующія грюндерское движеніе. Тогда какъ въ 1894 году было открыто 92 акціонерныя компании съ капиталомъ въ 88 миллионъ марокъ, въ 1895 году ихъ было открыто 161, въ 1896 году—182, въ 1897 году—254, въ 1898 году—329, въ 1899 году—364. Въ то же время акціонерный капиталъ, вложенный въ ново-основанныя предпріятія, достигалъ въ теченіе названныхъ пяти лѣтъ величины: 251, 269, 380, 464 и 544 милліона марокъ, такъ что всего за пять лѣтъ 1908 миллионъ марокъ. Выпускъ акцій индустриальныхъ предпріятій вообще (путемъ основанія новыхъ обществъ и увеличенія капитала уже существующихъ) расцѣпляется по ихъ курсовой стоимости въ 79 миллионъ марокъ для 1894 года и въ 861 милліонъ марокъ для 1899 года. Въ теченіе всего этого времени цѣны важнѣйшихъ предметовъ крупно-промышленнаго производства, въ особенности горной промышленности, имѣли тенденцію къ сильному повышенію. Нѣмецкій чугунъ стоилъ въ Бреславлѣ въ 1894 году 50,3 марки безъ доставки, въ 1899 году 75,5 марокъ за 1000 килограммовъ; пудлинговое желѣзо въ тѣхъ же условіяхъ—49,3 марокъ и 72,1 марки; бессемеровская сталь къ Дортмундѣ 52,0 и 64,4 марки; цинкъ стоилъ въ 1894 году 29,9 марокъ, а въ 1899 году 48,1 марокъ за двойной центнеръ (dz); каменный уголь различныхъ сортовъ въ тѣ же годы: 12,6 и 13,7 марокъ, 9,0 и 10,0 марокъ, 9,0 и 9,8 марокъ, 6,9 и 9,0 марокъ, 9,7 и 10,5 марокъ, 8,2 и 9,7 марокъ за 1000 килограммовъ.

Въ сущности мы повсюду встрѣчаемся снова съ тѣми же самыми явленіями, что и въ пятидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ того же столѣтія, но только во вновь увеличившихся размѣрахъ. Что касается новыхъ формъ, въ которыхъ проявляется развитіе капитализма, то разсмотрѣнный нами періодъ

подъема экономической жизни оставилъ намъ въ этомъ отношеніи индустриальные картели (промышленные синдикаты); правда, развитіе послѣднихъ обнаружилось еще въ предшествующую эпоху, но полного расцвѣта они достигли только въ послѣдніе годы.

* * *

Такимъ образомъ, мнѣ кажется, я далъ приблизительное представленіе объ этапахъ, которые капитализмъ долженъ былъ пройти въ теченіе девятнадцатаго столѣтія, чтобы овладѣть хозяйственной жизнью Германіи. Однако, изложенное до сихъ поръ могло сообщить безпристрастному читателю еще недостаточное количество настоящихъ свѣдѣній. Пока передъ глазами читателя еще многое стоитъ въ туманѣ и приметъ осязательную форму только въ дальнѣйшемъ изложеніи.

До сихъ поръ мы ознакомились болѣе или менѣе точно только съ архитекторомъ, начертившимъ планъ зданія ново-германской хозяйственной жизни, а также и съ самимъ этимъ планомъ.

Мое намѣреніе заключается въ томъ, чтобы изобразить процессъ возведенія самого зданія, другими словами—вырастанія капиталистическаго хозяйства изъ докапиталистической организаціи, и въ томъ, чтобы заставить читателя какъ бы пережить этотъ процессъ; потому мнѣ хотѣлось бы теперь же показать ему строительные матеріалы, изъ которыхъ это зданіе возведено; послѣднее обстоятельство облегчитъ читателю пониманіе своеобразной особенности новаго произведенія искусства. Говоря безъ метафоръ, мы намѣрены поставить вопросъ объ условіяхъ, выполненіе которыхъ являлось необходимой предпосылкой побѣдоноснаго вторженія капиталистическаго хозяйства; выражаясь иначе, мы хотимъ подвергнуть обзору тѣ факторы (кромѣ сознательныхъ стремленій капиталистическихъ предпринимателей), которые должны были участвовать въ преобразованіи германскаго народнаго хозяйства въ девятнадцатомъ столѣтіи. При этомъ мы, само собою очевидно, будемъ имѣть въ виду двѣ точки зрѣнія—общую и частную. Я хочу сказать слѣдующее: мы всегда должны ставить вопросъ о томъ, что способствовало проявленію капиталистическаго развитія въ Германіи, а съ другой стороны, и о томъ, что сообщило этому развитію черты, своеобразныя именно для Германіи.

Среди этихъ условій развитія я собираюсь различать четыре разнѣющиеся другъ отъ друга группы; при этомъ я не буду, во что бы то ни стало, бороться о чрезвычайъ правильной систематикѣ; я провожу эти различія только потому, что такимъ образомъ матеріалъ располагается въ наиболѣе ясномъ порядкѣ; эти основныя группы условій слѣдующія: страна, люди, право, техника.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Страна.

Не так-то легко определить значение территории Германской империи для экономического подъема Германии в девятнадцатом столетии. В самом деле, первое, что бросается в глаза внимательному наблюдателю, когда он смотрит на карту страны, когда путешествует или проживает в разных частях великой империи, это—необычайное разнообразие географического рельефа нашей родины.

Главный признак, отличающий Германию от других стран, состоит в основном контрасте между низменностью и возвышенностью. Кутцен (Kutzen), превосходный знаток германской страны, справедливо замечает по этому поводу, что ни в какой другой этнографической или государственной области Европы нет столь своеобразного расчленения местности в вертикальном направлении; нигде не встречается такой резкой противоположности между разъединением масс и их скоплением, как именно в сочетании почти совершенно плоской половины Германии с ее другой половиной, почти сплошь наполненной горными хребтами и плоскогорьями. Россия с Польшей представляют собою единую огромную равнину, состоящую из полей, лесов и степей; внутри страны эта равнина прерывается в нескольких местах рядами холмов и волнистыми пологостями, и только на отдаленных границах она частью окружена горными цепями. Равнина, по крайней мере отчасти, преобладает и во Франции, рельеф которой расчленен как бы в шахматном порядке; хотя здесь нет недостатка и в горах, однако, из них только Севенны находятся внутри страны, остальные же расположены по ее границам. В Испании господствует пересеченная и окруженная горными цепями возвышенность, которая почти не оставляет места для широких равнин. Балканский полуостров заполнен могучими горными хребтами, которые распространяются во все стороны большими и малыми отрогами, образуя таким образом сплетение бесчисленного множества небольших хребтов и равнин. Точно также длинная горная цепь Апеннинов проходит через всю Италию, раскидывая множество ветвей направо и налево; последние, в свою очередь, часто разветвляются, и только на севере Италии разстилается довольно большая равнина. Мощная гранитная масса Скандинавии, во многих местах изоборожденная пропастями, покрыта горными хребтами и на севере и на юге; в ней мало места для значительных равнин. Наконец, что касается Англии, то хотя ее западная часть носит горный характер в гораздо большей степени, чем восточная, однако, и эта последняя почти сплошь покрыта холмами.

Вместе с тем, сравнение Германии с остальными странами Европы доказывает нам, что, тогда как в этих последних больше или меньше преобладает определенная форма поверхности, в Германии, напротив, господствует величайшее разнообразие в этом отношении. Мы встречаем здесь богатую смесь гармонически расположенных горных хребтов, плоскогорий, террас, испещренных самыми разнообразными видами потоков, затем всевозможных цепей гор средней величины, обширные плоскости и низменности. Мы находим здесь низменность славянского Востока, своеобразную смесь горной страны и волнистой равнины Британских островов, поразительное разнообразие Греческого полуострова, правильный рельеф Итальянского и возвышенность Испанского. Таким образом, Германия больше всех других стран обладает общим характером Европы; последний заключается в том, что Европа, в отличие от других частей света, соединяет на своем протяжении чрезвычайное разнообразие форм земного рельефа, и ни одна отличительная черта этого последнего не имеет в ней преобладающего значения.

Однако, для полной характеристики Германии надо прибавить, что хотя в ней соединяются особенности других стран, но все они обнаруживаются здесь в умеренной степени. Это возможно допустить, ничуть не переставая оттого любить свою родину. Самолюбь любить свою покрытую льдом и булыжником отлогость, где он извдал радость и горе, где он воспитал своих детей, несколько не меньше, а, может быть, даже еще горячее и искреннее, чем швейцарец—свои прекрасные горы или житель Кампании Лирийскую долину. Слова Теодора Фонтана, сказанные им о Бранденбургской марке, вполне приложимы и ко всем скудным пространствам земли, входящим в состав Германской империи: на них надо родиться, чтобы любить их. В нашей стране нет полной красоты, как нет грандиозной пустыни и видов природы, порождающих ужас. Нет ничего похожего на монотонную безконечность русских степей, находящихся под одинаково непреклонным, деспотическим владычеством как зимы, так и лета; ничего, напоминающего величественность северных фьордов; нет солнечного света и теплого воздуха Франции; нет пышно-спокойной красоты голубого юга. Только там, где бушует море, на безконечных дюнах и на цветущем лугу, залитом вечерним светом, пейзаж нашей родины приобретает черту величественности; последняя, однако, не является отличительной особенностью первого.

Атмосферное состояние нашего отечества носит по сравнению с другими странами тот же характер, как и его географический рельеф. Все авторы, изображающие климатические условия, существующие в Германии, согласны в том отношении, что ее климат отличается здоровой умеренностью, а эта последняя далека от всякого рода крайностей капризов северной зимы и южного лета. Это, по выражению Кутцена, «средний климат», особенности которого ведь известны читателю. Сообщение цифр, относящихся к средним температурам, количеству осадков и тому подобному,

имѣть мало значенія. Въ самомъ дѣлѣ, какая польза знать, что средняя годовая температура въ Бреславлѣ $8,3^{\circ}\text{C}$, а во Франкфуртѣ на Майнѣ $9,7^{\circ}\text{C}$, или что средняя температура за январь мѣсяцъ въ Дрезденѣ $-0,2^{\circ}\text{C}$, а средняя температура за июль тамъ же 18°C ? Запомнимъ только, что и въ Германіи вообще зимою холоднѣе, чѣмъ лѣтомъ, и на сѣверѣ страны холоднѣе, чѣмъ на ея югѣ, а также—что разстояніе между крайними температурами тѣмъ значительнѣе, чѣмъ данное мѣсто отстоитъ дальше отъ моря. Равнымъ образомъ, немного пользы и отъ цифръ, выражающихъ продолжительность солнечнаго свѣта. Чему послужить, если я опредѣлю, что солнце свѣтитъ въ Маркграбова 1742 часа въ годъ, тогда какъ въ Поппельсдорфѣ возлѣ Бонна—всего 1618 часовъ въ годъ? Конечно, цифры, выражающія процентное отношеніе, означаютъ уже нѣсколько больше; такъ, первые 1742 часа составляютъ 39% возможныхъ солнечныхъ часовъ, а вторые 1618 часовъ— 36% . Нигдѣ въ Германіи солнце не свѣтитъ даже лишь въ продолженіе половины того времени, которое оно находится на небосклонѣ; въ большинствѣ германскихъ мѣстностей оно свѣтитъ только въ теченіе третьей части этого времени. Слѣдовательно, обыкновенно міръ кажется нѣмцамъ сѣрымъ, въ облакахъ и туманѣ. Прибавимъ къ этому дождь, который у насъ также идетъ въ теченіе цѣлаго года и преимущественно лѣтомъ; въ июлѣ мѣсяцѣ дождь идетъ почти повсюду въ Германіи въ двойномъ и тройномъ количествѣ по сравненію съ зимними, весенними и осенними мѣсяцами.

Однако, спросить, пожалуй, какое отношеніе все это имѣетъ къ хозяйственной жизни страны? Во всякомъ случаѣ больше, чѣмъ кажется на первый взглядъ. Ландшафтъ и климатъ имѣютъ прежде всего значеніе въ томъ смыслѣ, что оказываютъ рѣшающее вліяніе на образованіе такъ называемой экономической энергіи.

Суровый климатъ создаетъ потребность въ большемъ количествѣ хозяйственныхъ благъ и тѣмъ самымъ вызываетъ необходимость хлопотать объ ихъ полученіи. Божественный лапцарони, прикрытый лохмотьями, грѣется на солнцѣ, расположившись на каменныхъ плитахъ Кіаи; его дневное пропитаніе—горсть каштановъ, головка луку и дыня; понятно, что жестокая борьба за существованіе гнететъ его гораздо менѣе, чѣмъ сына сѣверныхъ странъ, который принужденъ заботиться о теплой одеждѣ, о жилищѣ, оказывающемъ защиту отъ непогоды, и о болѣе питательной пищѣ. Печальная мысль о необходимости для человѣка трудиться, о томъ, что это—единственное назначеніе его жизни, пролагаетъ себѣ путь въ мозгу безпечнаго южанина съ гораздо большимъ трудомъ, чѣмъ въ мозгу сѣверянина, тяжело удрученнаго заботами о насущномъ хлѣбѣ. Послѣднему, однако, гораздо легче, чѣмъ первому, привыкнуть нести иго труда. Дѣйствительно, чтò въ теченіе большей части года остается дѣлать въ странѣ, подобной Германіи, тому, кто не хочетъ трудиться? Природа прямо-таки заставляетъ его чѣмъ-нибудь заниматься; между тѣмъ на веселомъ югѣ солнце непрерывно манитъ къ сладкой лѣни. Только тамъ, гдѣ небо постоянно голубое, существуетъ *dolce far niente*. Далѣе, умѣренные страны сѣвера усиливаютъ энергію въ томъ отноше-

ніи, что облегчаютъ непрерывную дѣятельность. Послѣдняя же образуетъ нову значительной части хозяйственного успѣха: чрезмѣрный холодъ, подобно чрезмѣрной жарѣ, создаетъ трудно преодолимое препятствіе для непрерывнаго процесса работы. Однако, климатъ еще болѣе непосредственнымъ образомъ опредѣляетъ процессъ хозяйственной жизни путемъ тѣхъ ограниченій, которыя онъ ставитъ для человѣческой дѣятельности. Какъ всякому извѣстно, климатъ ограничиваетъ количество продуктовъ (въ особенности сельско-хозяйственныхъ), которые могутъ быть производимы въ данной странѣ; этимъ самымъ, естественно, опредѣляются размѣры, а также своеобразный характеръ пропитанія, возможнаго для ея населенія.

На ряду съ климатомъ Германіи надо разсматривать также свойства ея почвы. Эти свойства почти всюду въ странѣ таковы, что даютъ возможность утверждать слѣдующее: посредственность и въ данномъ случаѣ господствуетъ почти повсемѣстно. Нигдѣ въ Германіи винодѣліе, огородничество и садоводство не охватываютъ цѣлыя провинціи, какъ во Франціи и въ Италіи; и то, и другое, и третье существуютъ въ небольшихъ размѣрахъ по Рейнской долиנѣ и мѣстами въ юго-западной Германіи; у насъ нѣтъ обширныхъ пастбищъ съ сырымъ климатомъ, дающихъ легкую возможность заниматься скотоводствомъ, потому что низины, охватывающія на сѣверо-западѣ Германіи всего-на-всего восемьдесятъ одну квадратную милю, нельзя вѣдь сравнивать съ соответственными областями Франціи или Англіи; въ Германіи нѣтъ необозримыхъ пространствъ плодородной наносной земли, изобилующихъ злаками, какія мы видимъ въ черноземныхъ полосахъ Россіи. Зато въ Германіи существуетъ такое количество неплодородной глинистой и песчаной почвы, котораго вполне достаточно, чтобы низвести среднее естественное плодородіе германскаго сельскаго хозяйства ниже уровня плодородія большинства культурныхъ государствъ. Это особенно касается того изъ нѣмецкихъ союзныхъ государствъ, которое занимаетъ наибольшую часть сѣверной Германіи, именно—Прусскаго королевства. Общая картина Германской имперіи, можетъ-быть, нѣсколько утѣшительнѣе, но врядъ-ли на много. Мы находимъ въ большомъ трудѣ Августа Мейцена и его сотрудниковъ, озаглавленномъ: «Почвы и сельско-хозяйственныя отношенія Прусскаго государства» («Der Boden und die landwirtschaftlichen Verhältnisse des preussischen Staates»), добросовѣстные свѣдѣнія относительно Пруссіи. Согласно этой книгѣ, неплодородная почва въ Пруссіи, разсматриваемой въ прежнемъ ея составѣ (то-есть, до завоеванія Ганновера, Гессенъ-Нассау и Шлезвигъ-Гольштинскаго герцогства), занимала свыше двухъ пятыхъ общей поверхности; «неблагопріятныя глинистыя, песчаныя и болотистыя почвы» составляли $42,9\%$. Въ «благословенной» Рейнской провинціи ихъ было цѣлыхъ $46,6\%$, то-есть, почти столько же, сколько въ Бранденбургской провинціи, бѣлая половина поверхности которой ($52,6\%$) состояла изъ почвы вышеупомянутой малоцѣнной категоріи. Почва почти трети ($34,4\%$) обрабатываемой площади въ Прусской монархіи была, согласно названному сочиненію, средняго достоинства («смѣшанныя песчано-глинистыя и глино-песчаныя почвы»), и только почва одной пятой части

поверхности признавалась хорошей («благоприятныя глинистыя и глиноземныя почвы»). Если, однако, раздѣлить всю пахотную землю на восемь классовъ, соответственно приносимому ею чистому доходу, то получится слѣдующее; почти половина (46,1⁰/о) общаго количества воздѣлываемой почвы (и именно въ Прусской монархіи при теперешнемъ ея составѣ) относится къ послѣднимъ двумъ классамъ, то-есть, приноситъ меньше трехъ марокъ чистаго дохода съ моргена; почти три четверти (73,8⁰/о) принадлежатъ къ послѣднимъ тремъ классамъ, то-есть, ихъ чистый доходъ съ моргена меньше шести марокъ. Если отдѣльныя категоріи почвы Прусскаго государства различать по ихъ геологической природѣ, имѣющей важное значеніе для степени ихъ плодородности, то окажется, что «паносная земля» («Vorland») и низины, слѣдовательно, главнымъ образомъ аллювіальная земля, не составляютъ и десятой части общей поверхности (7,5⁰/о), что едва-едва четверть (24,4⁰/о) представляетъ собою гористую землю, а немного больше четверти (27,9⁰/о)—дилювіальную холмистую мѣстность; напротивъ, двѣ пятыхъ (40,2⁰/о) состоятъ изъ песчаной равнины и болота; подумайте только—двѣ пятыхъ цѣлой страны!

Предположимъ, что населеніе такой бѣдной страны возрастаетъ (а мы еще увидимъ въ послѣдствіи, что расы, населяющія Германію, обнаруживаютъ весьма значительную плодовитость); въ такомъ случаѣ, если только народъ не покидаетъ своей родины и не заселяетъ своими колоніями чужихъ странъ (что, впрочемъ, нѣмцы и дѣлали въ большихъ размѣрахъ), ему не остается, помимо улучшенія селско-хозяйственной техники, ничего лучшаго, какъ употребить природу національной производительной силы такимъ образомъ, чтобы недостатки природныхъ условій до нѣкоторой степени восполнялись. Послѣднее, однако, достигается соответствующимъ развитіемъ промышленной (то-есть, обрабатывающей) дѣятельности, которая или даетъ возможность обходиться безъ продуктовъ почвы, или доставляетъ ихъ изъ другихъ странъ. Большею частью имѣютъ въ виду лишь послѣдній случай (то-есть, доставку селско-хозяйственныхъ продуктовъ изъ-за границы) и обыкновенно разсматриваютъ его въ формѣ обмѣна товаровъ; поэтому существуетъ поговорка: Германія должна вывозить или людей, или товары. Этотъ взглядъ грѣшитъ узостью! Прежде всего страна можетъ получать произведенія чужихъ земель, не посылая туда своихъ товаровъ, именно въ томъ случаѣ, когда она какимъ-либо образомъ обязываетъ эти послѣднія платить себѣ дань; теперь это достигается преимущественно посредствомъ открытія кредита. Но, съ другой стороны, страна можетъ замѣщать, по крайней мѣрѣ отчасти, свой недостатокъ природнаго плодородія такимъ путемъ: гдѣ только возможно, она удовлетворяетъ потребности въ благахъ, не обращаясь къ тѣмъ дарамъ природы, которые доставляются растеніями. Въ послѣдствіи я изложу подробнѣе, какимъ образомъ соответствующее развитіе техники дѣлаетъ возможнымъ осуществленіе этой цѣли. Пока же я поясню свою мысль нѣсколькими примѣрами. Устраивая электрическіе трамваи вмѣсто конокъ, я сокращаю количество употребляемыхъ лошадей и, слѣдовательно, могу использовать инымъ образомъ (напримѣръ,

для добычанія пищевыхъ средствъ) ту землю, которая до тѣхъ поръ затрачивалась на прокормъ и содержаніе излишка лошадей. Аналогичная экономія достигается и въ томъ случаѣ, когда я строю желѣзные корабли вмѣсто деревянныхъ или когда вмѣсто растеній я употребляю на приготовленіе красокъ каменноугольную смолу и т. д.

Теперь является вопросъ, благоприятны или неблагоприятны въ Германіи условія для развитія въ указанномъ направленіи, а именно—для перенесенія центра тяжести ея производительной дѣятельности въ промышленную область? Отвѣтъ долженъ гласить: благоприятны. Природа, надѣлившая Германію въ почвенномъ и климатическомъ отношеніяхъ со скупостью мачехи, снабдила ее, дѣйствительно, рядомъ преимуществъ другого рода; послѣднія въ состояніи въ настоящее время и въ ближайшемъ будущемъ щедро искупить скудость естественныхъ условій страны. Именно, такое положеніе вещей будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока промышленная техника основываетъ свою специфическую работоспособность на примѣненіи угля и желѣза (какъ то имѣетъ мѣсто въ настоящее время); слѣдовательно, это должно продолжаться въ теченіе всего періода времени, пока паръ составляетъ излюбленный видъ двигательной силы, а желѣзо—самый практичный строительный матеріалъ. Высшій расцвѣтъ хозяйственной жизни Германіи приурочивается именно къ этой эпохѣ, начавшейся съ полвѣка тому назадъ; расцвѣтъ этотъ закончится въ случаѣ, если электричество завоюетъ себѣ господствующее положеніе, подобное тому, какое въ настоящее время принадлежитъ пару; послѣднее обстоятельство выдвинуло бы на первый планъ исторической сцены какъ-разъ тѣ страны, которыя, подобно Швеціи, напримѣръ, располагаютъ наибольшимъ и могущественнѣйшимъ запасомъ естественныхъ водныхъ силъ. Покамѣстъ, однако, этотъ вопросъ еще не стоитъ на очереди. Нашъ вѣкъ—вѣкъ угля и желѣза, и, во всякомъ случаѣ, обозрѣваемый нами здѣсь періодъ германской жизни носитъ именно такой характеръ. Слѣдовательно, Германія обнаруживаетъ въ это время, сравнительно съ другими странами, естественныя условія, преимущественно благоприятныя.

Я, конечно, имѣю въ виду главнымъ образомъ богатые запасы каменнаго угля и желѣзной руды, скрытые въ нѣдрахъ германской почвы; эти запасы изливали на насъ въ теченіе послѣдняго поколѣнія цѣлый потокъ богатства. Я не стану докучать читателю описаніемъ отдѣльных мѣстонахожденій каменнаго угля и желѣзной руды; ему должно быть извѣстно лишь, что важнѣйшіе угольные бассейны Германіи слѣдующіе:

1) Верхне-Силезскій, отличающійся мощностью (до 15 метровъ) густо расположенныхъ другъ возлѣ друга пластовъ и чрезвычайно богатый послѣдними;

2) Рейнско-Вестфальскій или Рурскій—самый обильный въ настоящее время; онъ доставляетъ почти половину добываемаго въ Германіи каменнаго угля;

3) Заарскій бассейнъ.

Остальныя мѣста добычи каменнаго угля уступаютъ по своему значенію

тремъ вышеназваннымъ (каменный уголь добывается еще въ окрестностяхъ Аахена, въ Саксонскомъ королевствѣ, въ Вальденбургскихъ горахъ и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ). Значеніе послѣднихъ меньше значенія первыхъ, главнымъ образомъ потому, что до сихъ поръ только въ трехъ вышеперечисленныхъ бассейнахъ были найдены залежи желѣзной руды по близости каменно-угольныхъ пластовъ; а именно, подобнаго рода совмѣстное нахожденіе угля и желѣзной руды доставляетъ особенную выгоду: оно дѣлаетъ возможнымъ изготовленіе желѣза безъ затраты средствъ на подвозъ издалека сырыхъ матеріаловъ. Поэтому мы встрѣчаемъ главные центры желѣзодѣлательной индустріи въ непосредственномъ сосѣдствѣ угольныхъ и желѣзнодорожныхъ копей.

Мнѣ, конечно, незачѣмъ вдаваться въ подробныя объясненія причинъ, по которымъ это естественное совпаденіе геологическихъ условій, существующее во многихъ областяхъ Германіи, должно было оказаться въ высшей степени выгоднымъ этой странѣ въ смыслѣ индустріальнаго развитія. Германія не только вообще добываетъ уголь и желѣзо, но послѣднія, въ силу природныхъ условій, обходятся ей дешевле, чѣмъ другой странѣ, въ родѣ, на примѣръ, Италіи; это государство принуждено привозить вышеупомянутые сырые и вспомогательные матеріалы современной намъ индустріи за дорогую цѣну и издалека.

Такимъ образомъ, тотъ фактъ, что германское народное хозяйство въ теченіе послѣдняго полулѣтія столь рѣшительно направилось въ сторону промышленной дѣятельности, находитъ себѣ объясненіе въ совмѣстномъ существованіи каменно-угольныхъ и желѣзно-рудныхъ копей; это послѣднее обстоятельство объясняетъ также интенсивность капиталистическаго развитія Германіи. Дѣйствительно, горная промышленность является, такъ сказать, питомникомъ современнаго капитализма, который черпаетъ изъ нея свои главные силы. Страна, которая или вовсе не въ состояніи развить эту могучую крупную промышленность, или же развиваетъ ее въ слабой степени, въ общемъ пойдетъ гораздо медленнѣе по пути капиталистическаго развитія.

Однако, кромѣ залежей каменнаго угля и желѣзной руды, почва Германіи содержитъ и другіе минералы, которые именно въ девятнадцатомъ столѣтіи послужили основой для множества важныхъ техническихъ производствъ. Такъ, въ 1852 году въ Помераніи по обоимъ берегамъ Одера была открыта глина съ септаріями, весьма пригодная для изготовленія порландскаго цемента; въ настоящее время эта глина доставляетъ сырой матеріалъ для 140 цементныхъ фабрикъ, годовое производство которыхъ равняется тридцати милліонамъ бочекъ. Столь же важны залежи калиевой соли близъ Штасфурта, но о нихъ у насъ еще будетъ рѣчь (см. главу VIII).

Впрочемъ, не одни запасы минераловъ, скопленные въ нѣдрахъ земли, рѣшаютъ вопросъ о томъ, способна-ли страна по своимъ естественнымъ условіямъ развить въ себѣ индустріализмъ; не менѣе важна другая черта характера ея природы: это то, что называютъ собирательнымъ именемъ ея удобопрѣздности (Wegsamkeit). Очевидно вѣдь, что развитіе индустріи

необходимо предполагаетъ сперва профессиональную, а затѣмъ также территориальную и національную дифференціацію хозяйственной жизни. Спрашивается, чѣмъ природа надѣлила Германію въ этомъ отношеніи?

Отвѣтъ будетъ различенъ, смотря по тому, имѣемъ-ли мы въ виду территориальную или національную дифференціацію. Германія въ высокой степени удовлетворяетъ условіямъ, требующимся для первой; главнымъ образомъ, съ тѣхъ поръ, какъ паровая техника получила право гражданства (въ системѣ сообщеній это произошло благодаря желѣзнымъ дорогамъ), Германія, и въ особенности ея сѣверъ съ равниннымъ характеромъ своей мѣстности, сдѣлалась даже образцомъ страны съ удобными путями сообщенія. Если центръ тяжести германской хозяйственной жизни за послѣднія поколѣнія переносится все болѣе и болѣе съ юга на сѣверъ, то это явленіе обуславливается въ значительной мѣрѣ идеальными путями сообщенія послѣдняго. Между тѣмъ, естественные пути сообщенія, каковыми являются рѣки, расположены въ Германіи довольно благоприятнымъ образомъ и, благодаря искусственнымъ поперечнымъ соединеніямъ, могутъ образовать идеальную систему сообщеній.

Германія, по сравненію съ Италіей, Франціей и Англіей, должна считаться по своей природѣ скорѣе внутреннею страной, чѣмъ приморскою, вслѣдствіе богато развитой въ ней системы внутреннихъ водъ. Слабое развитіе германской береговой линіи указываетъ на то же обстоятельство. Эта слабо развитая линія береговъ и неблагоприятныя очертанія послѣднихъ (двойные берега, почти полное отсутствіе хорошихъ гаваней) дѣлаютъ Германію крайне неприспособленной къ морскимъ сообщеніямъ. Послѣдняя, по видимому, самой природой предназначена къ сухопутнымъ сообщеніямъ съ остальными европейскими государствами: будущность Германіи на сушѣ! Не даромъ назвали ее срединной имперіей. И, въ самомъ дѣлѣ, Германія образуетъ въ географическомъ отношеніи своего рода сердце въ комплексѣ европейскихъ странъ; естественный путь движенія всевозможныхъ товаровъ и людей, пролегающій между различными землями, пересекаетъ это сердце Европы. Проведемъ-ли мы линіи изъ Стокгольма въ Римъ, или изъ Лондона въ Константинополь, или изъ Петербурга въ Парижъ и въ Мадридъ,—все онѣ пересекутъ Германскую имперію, которая, такимъ образомъ, еще разъ обнаруживаетъ свою «срединность», на этотъ разъ, однако, уже въ менѣе нелестномъ смыслѣ слова.

Итакъ, развитіе внутреннихъ путей сообщенія въ Германіи щедро вознаграждаетъ за неудобство ея береговъ, хотя, какъ извѣстно, это послѣднее не могло въ наше время оставаться препятствіемъ къ развитію оживленныхъ морскихъ сношеній. Я думаю, что это соображеніе, подобно многимъ другимъ, приведетъ насъ къ слѣдующему убѣжденію: естественныя условія страны могутъ вліять на ея народное хозяйство только въ ограниченныхъ размѣрахъ; скорѣе другіе, болѣе важные факторы должны считаться опредѣляющими въ собственномъ смыслѣ слова. Не удивительно-ли въ самомъ дѣлѣ, что такая бѣдная (несмотря на находящееся въ ней нѣкоторое количество

залежей угля, желѣза и калиевой соли) страна, какъ наша дорогая родина, сдѣлалась столь могущественнымъ государствомъ, занимающимъ почетное мѣсто въ концертѣ державъ и достигшимъ такой степени развитія богатства, которая составляетъ въ послѣднее время предметъ зависти? Не удивительно ли, что среди песчаной пустыни, съ которой намъ уже приходилось имѣть дѣло, возвышается городъ, начинающій затмевать старые большіе города Европы—если не по красотѣ и культурѣ, то, во всякомъ случаѣ, по богатству и оживленности? Есть что-то трогательное въ самомъ возникновеніи такой мощи изъ столь несовершенной природы. Мнѣ хотѣлось бы видѣть символъ новой, сильной Германіи и ея развитія въ извѣстной афишѣ, нарисованной Зюттерлиномъ для берлинской промышленной выставки 1896 года; эта афиша изображаетъ нервный гигантскій кулакъ, который высовывается изъ песка и высоко взмахиваетъ титаническимъ молотомъ. Итакъ, человѣческая рука создала великую имперію какъ бы изъ ничего; то была рука, повинующаяся человѣческому духу, прибавимъ мы отъ себя. Это, однако, приводитъ насъ къ вопросу о томъ, каковы особенности людей, населяющихъ Германію, и въ какой степени этнографическій характеръ послѣдней опредѣлили собою ходъ ея экономической жизни въ девятнадцатомъ столѣтіи? Отвѣчая на поставленный здѣсь вопросъ, я смогу довести до конца развитіе нѣкоторыхъ мыслей, лишь намѣченныхъ мною въ настоящей главѣ. Я разумѣю подъ этимъ зависимость, которая существуетъ между природой страны и своеобразіемъ ея жителей.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Народъ.

Въ настоящей главѣ я хочу изслѣдовать, хотя бы въ главныхъ чертахъ, отношенія между хозяйственной жизнью Германіи и ея народонаселеніемъ; однако, этому изслѣдованію надо предпослать нѣсколько замѣчаній общаго характера.

Прежде всего является слѣдующій вопросъ: что, именно, должны намъ объяснить извѣстныя своеобразныя черты народнаго характера?—такъ какъ вѣдь понятіе о «хозяйственной жизни» слишкомъ неопредѣленно, чтобы принимать его за центральный пунктъ нашего изслѣдованія. Поэтому укажемъ точнѣе границы нашей задачи: намъ надо изслѣдовать, въ какой мѣрѣ національныя свойства нѣмецкаго народа оказывали вліяніе на быстрый экономическій подъемъ страны, то-есть, на значительное развитіе ея производительныхъ силъ въ девятнадцатомъ столѣтіи. Эта задача станетъ еще опредѣленнѣе, какъ только мы примемъ во вниманіе, что данное развитіе производительныхъ силъ произошло въ границахъ совершенно опредѣленной хозяй-

ственной системы, а именно—капиталистической. Въ такомъ случаѣ нашъ вопросъ сводится къ слѣдующему: въ какой степени нѣмецкая народность удовлетворяетъ условіямъ развитія капиталистической хозяйственной системы? Рѣзкое раздѣленіе народа на два класса—господствующій классъ хозяйствующихъ субъектовъ, предпринимателей, и зависимый классъ наемныхъ рабочихъ—является выдающейся особенностью капиталистической системы народнаго хозяйства; въ виду этого обстоятельства наша проблема распадается на два такихъ вопроса: удовлетворяетъ ли (и если да, то въ какой мѣрѣ и почему) нѣмецкая народность тѣмъ запросамъ, которые слѣдуетъ предъявлять, съ одной стороны, къ классу предпринимателей-капиталистовъ, а съ другой—къ классу наемныхъ рабочихъ, поступающихъ на службу первыхъ?

Другой пунктъ, который мы должны себѣ выяснить, состоитъ въ слѣдующемъ фактѣ: условія, которыя направляютъ опредѣленнымъ образомъ развитіе экономической жизни Германіи, зависятъ отъ своеобразнаго характера нѣмецкаго народа и являются для послѣдняго болѣе или менѣе специфическими. Въ самомъ дѣлѣ, извѣстнаго рода хозяйственные процессы принимаютъ въ Германіи опредѣленную форму (напримѣръ, происходитъ развитіе капитализма), очевидно, потому, что нѣмцы—европейцы, а не жители Востока, слѣдовательно, въ этомъ отношеніи рѣшеніе вопроса опредѣляется отличительными особенностями, общими для всѣхъ европейскихъ народовъ. Въ однихъ случаяхъ важныя черты, вліяющія на формообразование хозяйственной жизни, присущи нѣмецкому народу вмѣстѣ со всѣми остальными сѣверными и восточными европейцами—съ германцами, кельтами и славянами; въ другихъ же случаяхъ специфическая особенность нѣмцевъ является ихъ общимъ удѣломъ только съ германскими расами въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова; наконецъ, можно опредѣлить характерныя свойства, присущія только одному нѣмецкому народу.

Эти соображенія приводятъ насъ къ слѣдующему взгляду: основы народныхъ особенностей должны быть чрезвычайно разнообразны, и слѣдуетъ, главнымъ образомъ, остерегаться оперировать черезчуръ исключительно съ категоріей расовыхъ признаковъ. Насколько первоначальное физиологическое предрасположеніе расы принимаетъ участіе въ образованіи извѣстной черты народнаго характера, насколько подобное участіе принадлежитъ климату, насколько общей исторической судьбѣ,—все это вопросы столь безконечно сложные и до сихъ поръ еще такъ мало выясненные, что мы поступимъ хорошо, вводя ихъ здѣсь въ сферу нашего разсмотрѣнія лишь совершенно случайно. Поэтому для нашихъ цѣлей будетъ вполне достаточно обозрѣть своеобразныя черты нѣмецкой народности, за которыми мы можемъ признать рѣшающее значеніе въ отношеніи хозяйственной жизни недавняго историческаго прошлаго. Можетъ-быть, подобное сопоставленіе дастъ, въ свою очередь, изслѣдователямъ психологіи народовъ толчокъ къ движенію впередъ по тому пути, гдѣ столь талантливые люди, какъ Тэнъ, Брандесъ, Ганъ (Hahn), Гобино, Ферреро, Блондель и Чемберленъ, достигли прекрасныхъ результатовъ именно за послѣднее время.

Тот духовный складъ, который можно бы назвать способностью къ развитію капитализма, является для нѣмцевъ общимъ со всѣми европейцами. Я имѣю въ виду здѣсь способность идти безконечно впередъ по пути денежной наживы, способность безгранично расширять хозяйственную дѣятельность, рассматривая ее просто лишь какъ средство поддерживать человѣческое существованіе; эта способность ведетъ къ уtratѣ вѣрнаго покоя ремесленно-хозяйственной жизни, къ промѣнѣ послѣдняго на изнурительное, подверженное случайностямъ положеніе спекулятора-предпринимателя и къ превращенію самой хозяйственной жизни въ рационально устроенный дѣловой механизмъ; короче говоря, это—способность проникаться настроеніемъ, которое, какъ мы узнали, является специфическимъ для капитализма; мы напрасно стали бы искать это настроеніе въ культурахъ древне-индійской или древне-американской, а также въ китайской и турецкой, насколько всѣ онѣ извѣстны намъ. Зато оно присуще всѣмъ безъ исключенія народамъ, которые населяютъ Европу въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ тысячелѣтій. И, безъ сомнѣнія, совершенно невѣрно утверждать, какъ иногда это дѣлали, будто-бы современный капитализмъ является созданіемъ только германской расы, и будто романскіе народы лишь заимствовали его. Такое утвержденіе можно поддерживать только въ томъ случаѣ, если видѣть начало современнаго капитализма въ Англіи восемнадцатаго столѣтія; между тѣмъ въ дѣйствительности онъ возникъ на шестьсотъ лѣтъ ранѣе въ Италіи, о чемъ читатель можетъ подробно узнать въ моемъ, уже извѣстномъ ему сочиненіи. Если, однако, желательно распредѣлить непрѣнно роли въ возникновеніи современнаго капитализма между сѣверомъ и югомъ, то придется сказать слѣдующее: романскія націи создали капитализмъ, а германскія заимствовали его у нихъ и развили въ высшія формы; правда, при этомъ германскіе народы значительно превзошли своихъ прежнихъ учителей. Для достиженія этого они должны были, разумѣется, развитъ въ себѣ свойства, которыхъ не было у романскихъ народовъ, или которыми послѣдніе обладали не въ такой же мѣрѣ, какъ германскіе. Что же это были за свойства?

Прежде всего всѣ сѣверныя націи, какъ германскія, такъ и славянскія (у этихъ послѣднихъ капитализмъ, очевидно, начинается теперь тоже быстро распространяться), значительно превосходятъ южныя, то-есть, главнымъ образомъ, романскія націи въ отношеніи физиологической свѣжести. И въ самомъ дѣлѣ, мы должны, какъ мнѣ кажется, отнести на счетъ этого обстоятельства порядочную долю хозяйственнаго подъема, этническія причины котораго мы хотимъ прослѣдить въ Германіи.

Эта большая физиологическая свѣжесть влечетъ за собою прежде всего большую физическую работоспособность. Въ этомъ отношеніи нѣмецъ занимаетъ положеніе, среднее между англо-саксомъ и славяниномъ, и, конечно, превосходитъ романскія расы, особенно въ выдержкѣ. А мы уже при оцѣнкѣ значенія климата для формообразования хозяйственной жизни узнали, насколько важна для успѣшной дѣятельности именно выдержка,

такъ какъ она обеспечиваетъ непрерывность процесса работы. Впрочемъ, у насъ еще будетъ случай убѣдиться, что эта *vis durans*, которую уже Тацитъ приписывалъ современнымъ ему германцамъ, находится тоже въ связи съ психическимъ складомъ нашей расы. Если же одинъ народъ является болѣе работоспособнымъ въ физическомъ отношеніи, чѣмъ другой, то не подлежитъ никакому сомнѣнію, что при прочихъ равныхъ условіяхъ первый скорѣе достигнетъ богатства, чѣмъ второй.

Но для современнаго капиталистическаго развитія имѣетъ гораздо больше значенія другой моментъ, который тоже вытекаетъ изъ большей физиологической свѣжести народа, подобнаго нѣмецкому: это болѣе сильная степень плодovitости націи. Германія съ давнихъ поръ принадлежала къ числу странъ съ высокимъ дѣтороженіемъ. Уже древній Себастьянъ Франкъ сдѣлалъ въ шестнадцатомъ столѣтіи слѣдующее наблюденіе: «въ Германіи только и видишь ребенка на ребенкѣ, особенно въ Швабіи; швабки разрѣшаются отъ бремени два раза въ годъ». Положеніе вещей остается безъ измѣненія до сихъ поръ. Послѣ Россіи наибольшая рождаемость существуетъ въ Германіи. У насъ, нѣмцевъ, на десять тысячъ жителей приходится въ годъ 363 рожденія, тогда какъ, напримѣръ, во Франціи только 226. Вслѣдствіе этого приростъ населенія въ Германіи тоже находится на соотвѣтственной высотѣ. Какъ намъ уже извѣстно, народонаселеніе на пространствѣ теперешней Германской имперіи болѣе чѣмъ удвоилось въ теченіе девятнадцатаго столѣтія, несмотря на то, что за это время значительныя массы нѣмцевъ выселились изъ страны. На территоріи нынѣшней Германской имперіи жило въ 1816 году 24,8 милліона человѣкъ, теперь же (въ 1900 году) 53,3 милліона; это соотвѣтствуетъ ежегодному приросту въ 10/0 въ среднемъ; между тѣмъ около пяти милліоновъ нѣмцевъ покинули свою родину въ теченіе истекшаго столѣтія. Для правильной оцѣнки значенія этихъ цифръ ихъ надо сравнить съ соотвѣстственными цифрами такой страны, какъ Франція, народонаселеніе которой въ настоящее время остановилось въ своемъ ростѣ. Еще въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія народонаселеніе Франціи равнялось по численности народонаселенію Германіи: въ 1845—46 годахъ послѣднее равнялось 34,4 милліона человѣкъ, а первое—34,5 милліона (между тѣмъ какъ въ 1820 году народонаселеніе Франціи превосходило на четыре милліона народонаселеніе Германіи!). Теперь же, напротивъ, французское населеніе достигло лишь 35,5 милліона человѣкъ; слѣдовательно, оно отстало отъ населенія Германіи болѣе чѣмъ на двадцать милліоновъ человѣкъ.

Однако, въ наше время существуетъ, безъ сомнѣнія, тѣсная связь между интенсивнымъ приростомъ народонаселенія и интенсивнымъ же развитіемъ капитализма въ странѣ.

Въ сущности, основательно возрѣніе, согласно которому значительная часть экономическаго подъема Германіи, совершившагося за послѣднюю четверть вѣка, относится на счетъ сильнаго эмиграціоннаго движенія изъ этой страны (таково, напримѣръ, мнѣніе столь прекраснаго знатока

германских экономических отношений, каким является Жорж Блондель). Безспорно, каждый эмигрантъ представляет собою прежде всего нѣкоторую потерю для своей родины и въ особенности для капитализма, но несомнѣнно правильно также слѣдующее наблюдение: эмигранты съ теченіемъ времени становятся покупателями вывозныхъ товаровъ своего прежняго отечества; вывозная торговля же послѣдняго вслѣдствіе этого развивается иногда быстрѣе, чѣмъ то могло бы произойти, если бы уроженцы страны или ихъ потомки, разбѣянные по земному шару, не служили точками опоры для такого развитія. И поскольку расширение рынка — все равно, внутренняго или внѣшняго — воздѣйствуетъ оживляющимъ образомъ на капиталистическую индустрію, можно сказать, что эмиграція является средствомъ, способствующимъ капиталистическому развитію. Однако, я, все-таки, не склоненъ приписывать чрезмѣрное значеніе этому моменту по слѣдующимъ соображеніямъ: во-первыхъ, эмигрировавшіе сыны отечества отнюдь не всегда бываютъ надежными покупателями товаровъ послѣдняго; часто они превращаются даже въ ожесточенныхъ конкурентовъ отечественной индустріи или отечественнаго сельскаго хозяйства; во-вторыхъ, какъ мнѣ кажется, импульсивное вліяніе на развитіе капитализма, производимое избыткомъ населенія, который утрачивается страной, оказалось бы гораздо значительнѣе, если бы этотъ избытокъ остался на родинѣ и здѣсь отыскивалъ себѣ заработокъ.

Быстрый приростъ населенія становится могучимъ двигателемъ капитализма, скорѣе, по слѣдующей причинѣ: прежде всего онъ поддерживает и оживляетъ склонность къ наживѣ и экономическое напряженіе среди зажиточныхъ классовъ населенія и не даетъ энергичному классу предпринимателей превратиться въ сытыхъ рантье-ровъ. Слѣдовательно, быстрый приростъ населенія создаетъ непрерывное увеличеніе количества отважныхъ людей, стремящихся къ наживѣ, другими словами — творцовъ капиталистической организаціи. Въ самомъ дѣлѣ, ясно, что сыновья богатаго человѣка относятся къ трудовой жизни совершенно иначе, когда ихъ много, чѣмъ когда ихъ мало. Каждый изъ нихъ въ первомъ случаѣ получаетъ меньшую долю, чѣмъ во второмъ, хотя бы имущество, подлежащее дѣлежу, было одинаковымъ въ томъ и другомъ случаѣ; поэтому наследнику приходится употребить въ первомъ случаѣ больше усилій, чѣмъ во второмъ, чтобы удержаться на томъ общественномъ уровнѣ, который былъ достигнутъ его родителями. И у родителей, даже зажиточныхъ, является совершенно иное отношеніе къ дѣтямъ, когда число послѣднихъ значительно. Родители въ этомъ случаѣ предпочитаютъ «научить дѣтей чему-нибудь практичному», вмѣсто того, чтобы доставить имъ возможность вести бездѣятельное существованіе, благодаря большому рентѣ. Мнѣ кажется довольно вѣрнымъ слѣдующее различіе между Франціей и Германіей: французскіе родители видятъ цѣль своихъ наивысшихъ стремленій въ доставленіи своимъ дѣтямъ безпечнаго существованія, нѣмецкіе же стремятся главнымъ образомъ сколь можно лучше вооружить своихъ дѣтей для предстоящей послѣднимъ борьбы за существованіе. Вслѣдствіе этого первые какъ можно больше оберегаютъ своихъ дѣ-

тей, тогда какъ послѣдніе стараются дать имъ хорошее образованіе. Соціаль- ный идеалъ всѣхъ южныхъ націй заключается въ комфортабельномъ существованіи рантье-ра, которое въ случаѣ необходимости можетъ быть и очень скромнымъ (ужь не играютъ-ли тутъ роль опять климатическія различія); напротивъ, соціальный идеалъ сѣверянъ заключается въ улучшеніи собственнаго положенія и положенія своихъ дѣтей путемъ безостановочнаго стремленія къ наживѣ. Южанинъ хочетъ занимать самый процессъ исканія этого положенія, сѣверянинъ же предпочитаетъ самый процессъ исканія этого положенія. И не можетъ быть никакого сомнѣнія въ томъ, что это различіе въ значительной мѣрѣ объясняется болѣе большимъ количествомъ дѣторожденій у сѣверныхъ народовъ.

Между тѣмъ быстрый приростъ народонаселенія создаетъ не только субъектовъ капиталистическихъ предпріятій, но и, въ особенности, то, что можно назвать объектами капиталистической организаціи. Я имѣю здѣсь въ виду такихъ личностей, которыя могутъ поступать на службу къ предпринимателю; существованіе капиталистическаго хозяйства зависитъ отъ послѣднихъ не въ меньшей степени, чѣмъ отъ наличности соответствующаго даннымъ условіямъ класса предпринимателей. Дѣйствительно, слѣдуетъ всегда помнить, что существованіе капитализма въ данной странѣ является невозможнымъ до тѣхъ поръ, пока всѣ ея жители находятъ себѣ пропитаніе въ положеніи то самостоятельнаго производителя (крестьянина и ремесленника), то лавочника, чиновника и рантье-ра, то, наконецъ, въ какомъ-либо иномъ положеніи, которое въ состояніи доставить человѣку средства къ пропитанію. Сперва должны быть на-лицо неимущія массы, готовые при всякихъ условіяхъ зарабатывать себѣ средства къ жизни всюду, гдѣ представляется къ тому случай; слѣдовательно, должны существовать люди, которые находились бы въ положеніи лишенныхъ самостоятельности наемныхъ рабочихъ; только послѣ этого капитализмъ становится возможнымъ.

Но такіе массы — я называю ихъ излишнимъ населеніемъ — возникаютъ тѣмъ скорѣе, чѣмъ быстрѣе прирастаетъ населеніе. Ближайшимъ толчкомъ къ этому является ростъ крестьянскаго населенія. Если послѣднее возрастаетъ съ такой скоростью, какъ во Франціи (вспомнимъ о *Zweikindersystem*!), то оно не доставитъ ни одного члена для участія въ капиталистической организаціи производства, такъ какъ, оставаясь неизмѣннымъ по численности, крестьянство ведетъ образъ жизни самостоятельнаго производителя. Находящаяся въ наличности средства крестьянскаго существованія оказываются достаточными, чтобы удовлетворить нуждамъ общаго прироста населенія и удержать молодое поколѣніе въ рядахъ крестьянства. Если же каждая крестьянская семья имѣетъ въ среднемъ не двухъ, а четырехъ или пятихъ дѣтей, то ясно, что съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе процентъ дѣтей, то ясно, что съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе процентъ прироста населенія встрѣчаетъ необходимость искать себѣ заработка внѣ границъ крестьянскихъ хозяйствъ. Если этотъ приростъ не въ состояніи завести новыя крестьянскія хозяйства на чужбинѣ, и если онъ не находитъ себѣ мѣста ни въ классѣ ремесленниковъ, ни въ рядахъ чиновничества, то,

въ концѣ концовъ, ему остается лишь предложить свои услуги капиталистическому предпринимателю; такіе представители излишняго контингента поступаютъ на службу капиталиста въ качествѣ то высшихъ должностныхъ лицъ, то инженеровъ или химиковъ, то конторщиковъ или заводскихъ мастеровъ, если ихъ родители располагали достаточными средствами, чтобы ихъ чему-нибудь научить, то въ качествѣ обыкновенныхъ наемныхъ рабочихъ, если ихъ образованіе не выше начальнаго. Но, кромѣ того, ясно, что благоприятное для предпринимателя совпаденіе обстоятельствъ, создаваемое такого рода ходомъ вещей, усиливается съ увеличеніемъ прироста народонаселенія. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ значительнѣе этотъ послѣдній, тѣмъ сильнѣе конкуренція среди людей, ищущихъ мѣста, тѣмъ ниже спускается плата за рабочія руки, и тѣмъ больше шансы наживы для предпринимателя, или же тѣмъ больше возможности для послѣдняго ввести въ употребленіе свои продукты путемъ низкихъ цѣнъ; разумѣется, то и другое одинаково дѣйствуетъ, какъ средство распространенія капитализма, который вмѣстѣ съ тѣмъ какъ бы самъ собою вырастаетъ изъ наличности избытка народонаселенія.

Таково значеніе количества народонаселенія страны по отношенію къ развитію въ ней капитализма. Замѣтимъ еще кое-что по поводу количественной стороны проблемы о народонаселеніи. Я уже указывалъ на то, что всѣ европейцы, очевидно, обладаютъ общимъ предрасположеніемъ къ капитализму, въ противоположность другимъ расамъ. Однако, это предрасположеніе у однихъ европейскихъ націй выражено сильнѣе, чѣмъ у другихъ; нѣмецкій же народъ выдается среди первыхъ въ указанномъ отношеніи. У насъ долженъ явиться вопросъ о причинахъ такого факта. Откуда у насъ, нѣмцевъ, явилась такая особенная способность достиженія мощи и богатства именно во время господства капиталистической системы народнаго хозяйства? Другими словами, что лежитъ въ основѣ нашихъ специфическихъ дарованій къ капитализму?

Насколько я могу видѣть, главную роль здѣсь играетъ одна основная черта нашего народнаго характера, относительно которой я не берусь рѣшить, свойственна-ли она всѣмъ жителямъ сѣвера или нѣтъ, и если да, то вытекаетъ-ли она изъ ихъ исторической юности, изъ ихъ большей расовой однородности, или же изъ невозможныхъ климатическихъ условий, въ которыхъ имъ приходится жить; во всякомъ случаѣ, у германскихъ расъ эта черта выражена съ особенной рѣзкостью. Трудно найти названіе, подходящее для этого понятія, и потому я долженъ ограничиться лишь описаніемъ послѣдняго. Я имѣю въ виду явно выраженный недостатокъ чувственно-художественнаго духовнаго склада; этотъ недостатокъ такъ характеренъ для нѣмецкаго народа и такъ рѣзко отличаетъ его отъ всѣхъ романскихъ націй! Нетрудно показать, какъ велико значеніе этого свойства характера для хода экономическаго развитія: стоитъ лишь изслѣдовать отдѣльные симптомы, въ которыхъ проявляется вышеупомянутая специфически нехудожественная природа нѣмецкаго національнаго духа.

Къ числу этихъ симптомовъ относится прежде всего сильная этическая наклонность, которая представляетъ собою какъ бы положительную форму недостатка эстетическихъ наклонностей. Человѣкъ, настроенный художественно, разсматриваетъ міръ съ точки зрѣнія его прекрасной внѣшности, гармоническихъ формъ, внутренняго соответствія всѣхъ вещей; человѣкъ же, лишенный наклонности къ художественному, видитъ міръ съ точки зрѣнія телеологической. Для перваго всякое явленіе, какъ внѣшняго міра, такъ и міра внутренней жизни, представляетъ собою самоцѣль, для втораго—средство къ достиженію цѣли. Вслѣдствіе этого, первый видитъ свою высшую цѣль лишь въ самоудовлетвореніи, тогда какъ второй—въ подчиненіи своей личности собственной волѣ, въ преданности стоящимъ предъ нимъ задачамъ. Жизнь перваго посвящена его личности, жизнь втораго—его дѣлу. Въ центрѣ интересовъ перваго находится «*piacere*»—понятіе, для обозначенія котораго въ нѣмецкомъ языкѣ даже не существуетъ соответствующаго слова; дѣйствительно, выраженія «*Vergnügen*» или «*Lust*» (какъ озаглавленъ совершенно извращеннымъ образомъ нѣмецкій переводъ извѣстнаго романа д'Аннунціо) отнюдь не передаютъ тождественное понятіе. Для человѣка же, лишеннаго наклонности къ художественному, слово «*Pflicht*» (долгъ, обязанность) имѣетъ подобнаго рода своеобразное значеніе; языкъ романской націи, въ свою очередь, отказывается перевести этотъ терминъ; выраженія «*devoir*» и «*dovere*» не передаютъ смысла этого рѣзкаго, глубоко проникающаго слова «*Pflicht*» съ его шестью повелительными согласными звуками, которые бросаютъ далеко впередъ тонкій звукъ «*i*» на подобіе острой стрѣлы. Откуда же у насъ, нѣмцевъ, это сильное сознаніе долга? Кто въ состояніи дать на это отвѣтъ? Можетъ быть, гипотеза Ферреро относительно этого факта права въ своей основѣ: у насъ сильно сознаніе долга потому, что мы не эротичны, какъ южане; слѣдовательно, мы не такъ чувственны, какъ они, и не такъ легко поддаемся вліянію внѣшнихъ чувственныхъ раздраженій. Можетъ быть, также климатъ играетъ здѣсь роль; я уже раньше указывалъ на это обстоятельство. Мадамъ Жирарденъ говоритъ съ горькой насмѣшкой о своихъ соотечественникахъ слѣдующее: «*en France on a toujours mieux à faire que son devoir*»; въ извиненіе французовъ на это можно возразить, что разсматриваемое явленіе не должно удивлять въ такой прекрасной странѣ, какъ Франція или Италія, или югъ Испаніи. У насъ же, гиперборейцевъ, среди тумановъ, заволакивающихъ небо большую часть года, когда тепло, идетъ дождь, когда же небо ясно, то стоятъ холода; въ такой обстановкѣ поистинѣ не остается ничего лучшаго, какъ исполнять свой проклятый долгъ и нести свои обязанности. Но, какъ я уже сказалъ, у меня нѣтъ намѣренія изслѣдовать вопросъ о происхожденіи категорическаго императива, который появился на свѣтъ въ Кёнигсбергѣ (!); это фактъ въ высшей степени характерный: стоитъ лишь сравнить личность человѣка, создавшаго это ходячее выраженіе, съ личностью хотя бы, напримѣръ, Леонардо да-Винчи, и мы до наглядности ясно увидимъ передъ собой различіе между сѣверомъ и югомъ! Съ насъ достаточно того, что категорическій императивъ существуетъ и господствуетъ

надъ нашей народностью. Понятно также, что его вліяніе на строй экономической жизни должно быть тѣмъ значительнѣе, чѣмъ суровѣе, такъ сказать, формы этой жизни. Здѣсь дѣло идетъ о жизни и смерти. Времена довольнаго, обеспеченнаго ремесленнаго сословія, члены котораго могли существовать въ полномъ достаткѣ, миновали безвозвратно. Однако, въ суровой борьбѣ за существованіе, характеризующей хозяйственную жизнь нашего времени, народъ, очевидно, располагаетъ огромнымъ преимуществомъ, если значительное большинство его членовъ научилось серьезно относиться къ какому-либо дѣлу и всецѣло предаваться какой-нибудь задачѣ, какъ бы она ни была мала или велика. Южанину, путешествующему по странамъ сѣверной и особенно нѣмецкой культуры, ничто не бросается такъ рѣзко въ глаза, какъ подобное неусыпное исполненіе обязанностей, которое обнаруживается во всѣхъ слояхъ населенія; ничто не поражаетъ южанина такъ сильно, какъ вышеупомянутое выполненіе предписанной работы; необходимость этого выполненія какъ бы разумѣется сама собою; южанинъ удивляется также той пригодности ко всему и во всемъ, которая замѣтна у нѣмцевъ; его поражаетъ также ничѣмъ непоколебимая добросовѣстность, та *conscienziosità*, которою одинаково отличается какъ самый крупный предприниматель, такъ и самый послѣдній поденщикъ; можетъ-быть, нигдѣ это качество не проявляется столь энергично, какъ именно въ Германіи среди ея чиновничества.

Поэтому, если о насъ можно, пожалуй, справедливо сказать, что мы, нѣмцы, прирожденные чиновники (а люди вообще бываютъ или художниками, или чиновниками), то это выраженіе получить тѣмъ болѣе глубокий смыслъ, если мы примемъ во вниманіе еще другой признакъ нашего народнаго характера, который также вытекаетъ изъ нашего недостатка въ художественномъ духовномъ складѣ. Я назову этотъ признакъ талантомъ къ специализаціи; этотъ талантъ совершенно не существуетъ у южанина. Послѣдній, благодаря своей чувственно-художественной, антиэтической природѣ, склоненъ группировать міровыя явленія вокругъ своей личности и потому склоненъ разсматривать міръ, какъ цѣлое. Мы, нѣмцы, напротивъ, разлагаемъ индивидуальность на ея части, которыя приспособляемъ и подчиняемъ объективнымъ цѣлямъ. А такъ какъ наше чувство формы развито лишь въ очень слабой степени, то мы мало способны понимать органическую сущность живой, самодовлѣющей личности; мы равондушны какъ ко внѣшней формѣ, такъ и ко внутренней. Это доставляетъ намъ важную способность проявлять свою дѣятельность по желанію лишь въ одномъ направленіи, развивать только частицы нашего существа и становиться виртуозами-специалистами при помощи уже упоминавшейся выше *perseveranza*. Это особенно замѣтно на положеніи, занятомъ нами въ области науки. Пока задача послѣдней заключалась въ томъ, чтобы при помощи творческой интуиціи, гениальной комбинаціи создавать нѣчто изъ ничего, до тѣхъ поръ романскія націи, если и не превосходили насъ, то, по крайней мѣрѣ, были равны намъ во всѣхъ областяхъ науки; среди великихъ основателей естественныхъ наукъ мы встрѣчаемъ столько же романскихъ, сколько германскихъ именъ. Теперь же, когда за-

дача науки состоитъ въ систематическомъ, «методическомъ» возведеніи зданія на однажды заложенномъ фундаментѣ, когда побѣда выпадаетъ на долю прилежныхъ и добросовѣстныхъ специалистовъ, ученыхъ тружениковъ-исследователей. — теперь, наоборотъ, настало время для нѣмецкой или вообще для германской расы, и мы, германцы, сдѣлались «главенствующими» націями въ области многихъ наукъ. Между тѣмъ, наше выдающееся положеніе, особенно въ области естественныхъ наукъ и въ области родственныхъ послѣднимъ предметовъ технологіи, въ свою очередь, оказало крайне благоприятное вліяніе на развитіе экономической жизни нашей страны. У насъ въ настоящее время наилучшіе химики и инженеры, а это, очевидно, даетъ намъ огромное преимущество въ сферѣ индустріи. Если въ настоящее время химическая промышленность процвѣтаетъ больше всѣхъ другихъ отраслей нѣмецкой индустріи, если именно эта отрасль болѣе, чѣмъ какая-либо другая, создаетъ намъ господство на міровомъ рынкѣ, то мы, конечно, обязаны этимъ, главнымъ образомъ, высокому совершенству, достигнутому у насъ научной химіей и химической технологіей.

Нашъ гениальный даръ специализаціи, доставившій намъ побѣду въ научной сферѣ, подчинилъ также нашему господству область социальной жизни въ собственномъ смыслѣ этого слова: специалистъ въ социальномъ и ж и з н и является типомъ нѣмецкой народности, образуя *pendant* научному специалисту. При этомъ я имѣю въ виду нашу способность занимать свое мѣсто въ великомъ цѣломъ, въ могущественной организаціи, функционируя подобно маленькому колесу въ механизмѣ; это обстоятельство производитъ посредствомъ взаимодѣйствія многихъ отдѣльныхъ личностей огромное повышеніе силового эффекта. Эту способность можно назвать также талантомъ къ коопераціи (разумѣя послѣднюю въ нѣсколько болѣе широкомъ смыслѣ слова). При болѣе тщательномъ разсмотрѣніи сюда относится, главнымъ образомъ, отказъ отъ собственной личности, отъ индивидуальной цѣльности и своеобразности, а также преданность объективной цѣли; мы здѣсь изучаемъ это послѣднее качество опять-таки съ его болѣе внѣшней, физиологической стороны. Чувство долга кажется въ настоящемъ случаѣ дисциплиною. Однако, искусство повелѣвать относится къ дисциплинѣ не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ искусство повиновенія; искусство устанавливать порядокъ тоже относится къ дисциплинѣ нравнѣ съ искусствомъ подчиняться этому порядку. И нѣмецкій народный характеръ развивается въ ту и другую сторону. Благодаря этому, мы, нѣмцы, самые лучшіе школьные учителя и наилучшіе въ мірѣ организаторы военной силы; но по той же самой причинѣ и наше государственное устройство—образецъ порядка, а наша армія самая лучшая въ мірѣ.

Теперь для насъ снова очевидно, какое огромное значеніе для развитія хозяйственной жизни имѣетъ такой душевный складъ именно въ наше время, когда это развитіе принимаетъ все болѣе и болѣе сложныя формы организаціи. Каждое капиталистическое предпріятіе представляетъ собою поистинѣ чудесное сплетеніе іерархическихъ отношеній между людьми; каждое торговое предпріятіе, каждая фабрика являются искусными комплексами, состоящими

изъ специалистовъ, которые соединяются въ большое единое цѣлое по командѣ директора. Когда же нужда заставляетъ приносить свою личность въ жертву подобному механизму южнаго рабочаго, то послѣднему приходится тяжело, и онъ никогда не въ состояніи научиться своему дѣлу такъ основательно, какъ сѣверянинъ, котораго уже сама природа создала специалистомъ. Такимъ образомъ, одна изъ причинъ большей скорости развитія капитализма у насъ, германскихъ націй, заключается въ своеобразіи нашего рабочаго контингента. Эта послѣдняя черта является благоприятной для насъ также въ тѣхъ случаяхъ, когда она обнаруживается въ предпринимателяхъ, и, именно, не только когда имъ приходится повелѣвать, но и когда они должны подчиняться. Справедливо указывали, что большая дисциплинированность нашихъ предпринимателей, безъ сомнѣнія, обусловливаетъ быстрое распространеніе картелей (промышленныхъ синдикатовъ) въ странахъ германской культуры.

Въ концѣ концовъ, выдающіеся успѣхи въ области индустріальной дисциплины, достигнутые, именно, нами, нѣмцами, имѣютъ, какъ мнѣ кажется, еще слѣдующую причину: своеобразныя условія нашей государственной жизни сдѣлали насъ такими путемъ искусственного и долгаго воспитательнаго процесса; эти условія воспитывали индивидуумовъ въ строгой дисциплинѣ, особенно въ Пруссіи, гдѣ ихъ вліяніе проявлялось въ теченіе столѣтій. Въ особенности вошла у насъ въ плоть и кровь военная муштровка, которая и оказалась по странной ироніи міровой исторіи факторомъ, благоприятствующимъ индустріальному прогрессу. Но здѣсь мое изложеніе переходитъ въ область, съ которой намъ открываются новыя перспективы. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что послѣдняя идея наводитъ на размышленіе о воздѣйствіи общей исторіи народа на его характеръ (и тѣмъ самымъ косвенно опять-таки на формообразование экономической жизни).

Если мы спросимъ, какимъ образомъ государство можетъ вліять на своеобразный характеръ населенія, занимающаго государственную территорію, то отвѣтъ долженъ быть, во-первыхъ, слѣдующій: это вліяніе осуществляется уже однимъ тѣмъ фактомъ, что народонаселеніе даннаго государства живетъ въ границахъ послѣдняго и образуетъ, такимъ образомъ, нѣчто единое. Дѣйствительно, такъ какъ въ настоящее время почти всюду на земномъ шарѣ живетъ пестрая смѣсь самыхъ различныхъ расъ или, по крайней мѣрѣ, подрасовыхъ скрещеній одной и той же расы, то внутри границъ cadaго государства получается совершенно опредѣленный составъ самыхъ различныхъ этническихъ элементовъ; этотъ составъ существуетъ въ томъ видѣ, какъ онъ образовался въ теченіе тысячелѣтій подъ вліяніемъ слѣпонаго случая. Слѣдовательно, исторически сложившійся государственный организмъ представляетъ собою какъ бы рецептъ: гес. столько-то германцевъ, столько-то славянъ, кельтовъ, евреевъ и т. п. И чтобы внушить читателю должное уваженіе къ значенію историческихъ расъ, образующихъ государство, мнѣ достаточно лишь напомнить ему, какъ даже очень небольшія измѣненія въ количествѣ и качествахъ отдѣльныхъ составныхъ частей кушанья могутъ привести

къ весьма замѣтнымъ различіямъ; въ одномъ случаѣ можетъ получиться плумпуддингъ, а въ другомъ нѣмецкое пирожное съ изюмомъ.

Но какъ-разъ народонаселеніе Германии представляетъ собою необычайно сложную смѣсь всевозможныхъ народовъ; и мнѣ кажется, что ея этническій составъ, въ томъ видѣ, какъ онъ опредѣлился границами Таможеннаго союза, а впослѣдствіи границами Германской имперіи, выбранъ весьма счастливо; въ этомъ надо искать главное объясненіе быстрого экономического расцвѣта Германии въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Прежде всего, какъ извѣстно, ни въ одной странѣ нѣтъ столь сильнаго смѣшенія германцевъ, кельтовъ и славянъ, то-есть, трехъ родственныхъ индо-европейскихъ племенъ, какъ именно въ Германиі. И это—фактъ благоприятный, такъ какъ ни одно изъ этихъ племенъ, взятое въ своемъ чистомъ видѣ, не способно, насколько мы знаемъ, къ прогрессивному развитію въ такой мѣрѣ, какъ народъ, который состоитъ изъ правильной смѣси всѣхъ трехъ племенъ. Особенно же для современной намъ экономической жизни крайне благоприятны этническія противоположности, которыя содержатся въ племенномъ составѣ населенія теперешней Германиі. Швабы и саксонцы представляютъ собою какъ бы двѣ стороны капиталистической организациі народнаго хозяйства: спекуляцію и расчетливость, инициативу и ея выполненіе, синтезъ и анализъ.

Не подлежитъ, однако, никакому сомнѣнію, что вышеупомянутыя племена тамъ, гдѣ они находятся въ чистомъ видѣ, то-есть, напримѣръ, въ низменныхъ областяхъ, лежащихъ между Везеромъ и Эльбой, образовали съ теченіемъ вѣковъ довольно инертную народную массу (правда, сказанное относится къ кельтамъ и славянамъ въ нѣсколько меньшей степени, чѣмъ къ германцамъ). Употребляя излюбленный образъ, мы можемъ сравнить эти инертныя массы народа съ тѣстомъ безъ дрожжей. Подобнаго рода этническія дрожжи являются необходимыми для приготовленія хорошаго пирога изъ даннаго тѣста. И тотъ фактъ, что нѣмецкая народность получила нужное количество этихъ дрожжей въ теченіе девятнадцатаго столѣтія, мнѣ представляется важной особенностью именно этой народности.

Мнѣ кажется, что французскіе эмигранты, несомнѣнно, сыграли роль въ историческомъ процессѣ образованія смышленнаго, осторожнаго класса индустріальныхъ предпринимателей, которымъ мы имѣли счастье располагать въ теченіе девятнадцатаго столѣтія. Извѣстно, что множество очень способныхъ фабрикантовъ должны были покинуть Францію по мотивамъ религіознаго свойства, и что значительная часть ихъ поселилась въ нѣмецкихъ государствахъ. Порядочный процентъ представителей индустріальной промышленности въ Рейнской провинціи, въ Берлинѣ и въ другихъ мѣстахъ ведетъ свое происхожденіе отъ французскихъ эмигрантовъ. И, какъ мнѣ думается, не будетъ чересчуръ смѣло утверждать, что народное хозяйство Франціи еще и теперь сильно чувствуетъ утрату этого цвѣта предпринимательскаго класса.

Но введеніе романскихъ элементовъ въ германо-кельто-славянскій составъ народонаселенія Германии, все-таки, очень замѣтно уступаетъ по

значению для хода экономического развития, если мы сравним его с другим, более живым этническим элементом, вторгшимся в немецкую народность; мне кажется, что влияние последнего на развитие нашей хозяйственной жизни было колоссально; конечно, я разумно вторжение еврейских элементов. Нам даже нет нужды отрицать это влияние так высоко, как то делал величайший из евреев девятнадцатого столетия—Карл Маркс: он просто-таки считает, что «практический дух еврея сдвинулся практическим духом христианских народов», и что «истинная сущность еврея воплотилась в буржуазном обществе»; иначе говоря, современное нам капиталистическое хозяйство и еврейское хозяйство стали двумя тождественными понятиями; и все-таки, не идя так далеко в отрицание еврейского влияния, как Карл Маркс, необходимо признать, что наша экономическая жизнь, в тех формах, какие она получила в девятнадцатом столетии, была бы совершенно немыслима без участия евреев. Став на точку зрения эволюции экономической жизни нового времени, будем считать за прогресс развитие капитализма и, параллельно ему, освобождение мощных производительных сил; в таком случае, отрицая высоко настоящее положение данной страны на всемирном рынке, нельзя не признать существования еврейских хозяйствующих субъектов одним из величайших преимуществ Германии в этническом отношении: *si le juif n'existait pas, il faudrait l'inventer*. Как ни много обсуждался этот важный вопрос, мне придется, однако, обосновать его несколько подробнее, потому что вполне безукоризненная аргументация в данном случае весьма затруднительна.

Если определение свойств какого-нибудь народа или какой-нибудь расы всегда представляет собою смелый замысел, то характеристика еврейского народа кажется особенно рискованной; в самом деле, ни один народ не содержит в своем характере столько противоположностей, как эта удивительная раса, представляющая собой пеструю смесь всевозможных элементов, лишенных взаимной связи. Тем не менее, как мне кажется, мы сможем уловить некоторые типические характерные черты, если будем, выражаясь словами Карла Маркса, рассматривать не «библейского еврея» («Sabbatjude»), а «еврея действительной жизни, будничного еврея» («Alltagsjude»); только такой еврей и играет роль в хозяйственных отношениях; когда нам удастся установить типические черты еврейского характера, то будет легко определить их значение для экономической жизни. Опять-таки, изображение национального характера евреев, начертанное их великим единоплеменником, мне кажется не вполне соответствующим действительности в том месте, где он говорит следующее: «Какова светская черта еврейской народности?—Практическая потребность, своекорыстие. Каков светский культ еврея?—Мелкая торговля. Каков его земной бог?—Деньги». Я думаю, однако, что хотя эти положения выражают главные черты еврейского характера в слишком сильном стиле, но все-таки они дают правильное определение его. Мне хотелось бы в несколько иной форме

рассмотреть три стороны еврейского национального характера, которые имеют особенно важное значение для роли евреев в современной нам хозяйственной жизни: это—преобладание воли, своекорыстие и абстрактность их духовного склада.

Все внимательные наблюдатели согласны между собою в том, что воля, неуклонно направленная к преследуемой ею цели, является выдающимся свойством еврейской расы. Но упорство, с которым еврей выполняет свой замысел, делает его в высшей степени способным производить, так сказать, значительное динамическое действие в хозяйственной жизни: шаг за шагом идет он своей дорогой, не уклоняясь никуда в сторону. Еврей, как мы все знаем, начинается по большей части с самого маленького предприятия; он проходит через все ступени экономической деятельности, не минуя ни одной из них; при этом он идет от самого близкого к себе, не смущаясь каким угодно множеством превратностей судьбы и не отступая перед ними; он лезет вверх, подмывая самые незначительные преимущества, которые могут достаться на его долю. Как бы часто ни постигали его неудачи, еврей всякий раз оправляется вновь; подобно кошке, он всегда падает на ноги. Сильно развитое чувство семейственности, значительная трезвость в образе жизни (пока еврей еще не достиг цели) благоприятствуют его стремлениям; чего не достиг еврей сам, то будет достигнуто его сыном или внуком. Ничем не смущаясь, иди всегда дальше! Трудись постоянно, не покладая рук! Непрерывно толкай дело вперед!—Вот уже истинная дрожь!

Безспорная склонность еврейской расы к своекорыстию или, как говорит Маркс, ее предрасположение к практической потребности, находится у нее в тесной связи с сильной волей. Всем известно следующее изречение Спинозы, другого величайшего соплеменника евреев: «для достижения того, что способствует нашему благополучию и нашему спокойствию, нам нужно следовать только одному принципу, а именно: мы должны думать лишь о том, что приносит нам выгоду». Правда, мы встречаем столько евреев диаметрально-противоположного образа мыслей, людей с утрированно-развитым чувством альтруизма, ригористически-самоотверженных, фанатических борцов против всего эгоистического; но именно на основании этих явлений реакции мы должны заключить о существовании вышеупомянутой черты еврейского национального характера. Часто и основательно замечали, что тот истинно героический дар пророка, которым отличаются отдельные представители еврейской расы, предполагает существование в последней духовного склада, особенно сильно нуждающегося в проповеди покаяния. В настоящем случае нас интересует только связь между своекорыстием, составляющим основную черту характера еврея, и значением этого последнего для хозяйственной жизни. По мере того, как чисто-деловая мораль достигает исключительного господства в экономических отношениях, начинает признаваться самоочевидным принцип, согласно кото-

рому человекъ въ правѣ совершать все, что является для него возможнымъ (иногда даже въ предѣлахъ, весьма растяжимыхъ въ уголовномъ смыслѣ); а это въ наше время означаетъ въ сущности, что преимущества, какъ опять-таки очевидно, должны быть на сторонѣ той расы, которая обладаетъ особенно своекорыстнымъ нравственнымъ строемъ личности. Въ связи съ этимъ находится, конечно, и та черта, которую называютъ беззащитностью еврейскаго характера. Обыкновенно еврей не особенно стѣсняется въ выборѣ средствъ, ведущихъ его къ цѣли. Отсюда вытекаетъ его виртуозность въ области рекламы. Значительная же доля экономического успѣха въ настоящее время основывается, въ свою очередь, на правильномъ и обильномъ пользованіи рекламой, такъ какъ главное искусство въ достиженіи названнаго успѣха состоитъ въ привлеченіи къ себѣ покупателей.

Однако, всего этого еще недостаточно для объясненія важной роли еврея въ современной намъ хозяйственной жизни. Руководящая роль, которую еврей играетъ въ послѣдней, принадлежитъ ему, главнымъ образомъ, въ силу третьяго изъ вышеназванныхъ его свойствъ—въ силу его способности къ абстракціи. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что эта способность дѣйствительно является отличительнымъ признакомъ еврея; иудейская религія служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ вѣрности этого утвержденія. Этотъ абстрактный складъ ума совпадаетъ по своему значенію съ равнодушіемъ къ качественнымъ цѣностямъ, съ неспособностью оцѣнить конкретное, индивидуальное, личное, живое; въ примѣненіи къ міру матеріальной культуры этотъ умственный складъ долженъ былъ какъ-бы самъ собою найти свой символъ въ деньгахъ. Всѣ качества потребительныхъ благъ исчезаютъ въ деньгахъ, обнаруживаясь въ нихъ только въ количественной опредѣленности. Въ деньгахъ выражается не индивидуальная цѣнность вещи, не то что вещь стоитъ, а сколько она стоитъ. Поэтому, если мы еще теперь видимъ въ кругу евреевъ сильную переоцѣнку значенія именно денегъ и обладанія деньгами, то это нѣчто большее, чѣмъ простая историческая случайность (хотя, само собою разумѣется, эта послѣдняя также сыграла здѣсь значительную роль, поскольку занятія евреевъ, благодаря своеобразнымъ социальнымъ отношеніямъ, оставались въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ ограниченными веденіемъ денежныхъ дѣлъ). Именно въ этомъ находитъ свое рельефное выраженіе исповѣданіе земного бога, специфически-адекватнаго еврейскому народу (употребляемъ еще разъ библейскую рѣчь, которою пользуется Марксъ). Другого рода обстоятельства лишь способствовали утверженію у евреевъ этого денежнаго идолопоклонства. Я уже упомянулъ, что въ продолженіе многихъ столѣтій законодатели принудительно ограничивали занятія евреевъ денежной торговлей. Рука-объ-руку съ этимъ шло притѣсненіе евреевъ въ правовомъ отношеніи, исключеніе ихъ доступа къ занятію чиновныхъ и почетныхъ должностей въ христіанскомъ обществѣ, а также ко владѣнію земельными имуществами. Тогда-то евреи и открыли въ деньгахъ средство, въ значительной степени замѣняющее имъ силу и почетъ, которыхъ ихъ лишила законодательная власть. А отсюда, естественно, вытекала новая переоцѣнка денегъ—

этого успокоителя болѣй, цѣлителя всякихъ ранъ, утѣшителя во всѣхъ страданіяхъ.

Неутомимая энергія еврейской расы, ея не знающее покоя трудолюбіе нашли, такимъ образомъ, естественное поле для своего проявленія въ стремленіи ко владѣнію деньгами. И уже вышеочерченный практическій смыслъ еврейской націи немедленно направилъ ея силы въ сферу хозяйственной дѣятельности; такимъ образомъ, жажда денегъ превращается у евреевъ въ интенсивное стремленіе къ наживѣ, къ заработку; хотя такой душевный складъ отнюдь не ограничивается одной еврейской расой, однако, понятно, что у этой послѣдней онъ долженъ былъ по вышеупомянутымъ причинамъ достигнуть самаго сильнаго развитія. Но теперь очевидно, отчего именно въ наше время евреи получили столь важное значеніе въ хозяйственной жизни. Эта послѣдняя, какъ намъ извѣстно, въ современной капиталистической организациіи производства направлена всецѣло на денежную наживу. Всѣ хозяйственные функціи утрачиваютъ свою качественную конкретность и представляются только въ формѣ своего отношенія къ деньгамъ, то-есть, въ абстрактно-количественной опредѣленности. Всякій хозяйственный актъ получаетъ характеръ наживы; всѣ экономическія предпріятія становятся аферами. Я уже указывалъ на то, какъ всѣ сферы хозяйственной дѣятельности пропитываются рационалистическимъ духомъ, какъ вопросъ о хозяйственномъ успѣхѣ рѣшается съ точки зрѣнія въ высшей степени практической и исключительно телеологической. Что, какъ не всѣ эти процессы измѣненія въ воззрѣніяхъ и практическихъ приемахъ, можетъ быть болѣе на руку специфически-еврейскому духу и должно очищать все болѣе и болѣе широкое поле для его проявленія?

Яснѣе всего опредѣлить, насколько именно специфически-капиталистическія черты хозяйственной жизни адекватны еврейскому характеру, мы можемъ по нижеслѣдующему факту: мы видимъ, что евреи имѣютъ наибольшій успѣхъ именно въ тѣхъ сферахъ хозяйственной дѣятельности, гдѣ болѣе господствуетъ чистое, качественно-неопредѣленное, абстрактное денежное отношеніе; таковы—торговля деньгами и затѣмъ торговля товарами, а въ этой послѣдней—прежде всего посредническая или розничная торговля, тогда какъ въ области производства, особенно же въ области сельскаго хозяйства, участіе евреевъ далеко не достигаетъ той же степени развитія. Изъ десяти тысячъ евреевъ, занимающихся промышленностью въ Пруссіи, только 106 ведутъ сельское хозяйство (въ этой области промышленнаго трудъ анасчитываются 3411 лютеранъ и 3929 католиковъ), 2119 евреевъ заняты индустріей (изъ этого числа опять-таки 885 человекъ занимаются изготовленіемъ и чисткой платья, то-есть, въ сущности индустріей готового платья (Konfektionsindustrie), ставшей наполовину торговымъ дѣломъ),—въ индустріи же на 3524 лютеранъ приходится 3762 человека, принадлежащихъ къ другимъ вѣроисповѣданіямъ,—напротивъ, 5205 человекъ евреевъ занимаются торговымъ промысломъ (гдѣ на 522 лютеранина приходится 377 католиковъ)! И вышеприведенное распредѣленіе евреевъ по промышленнымъ отраслямъ существуетъ, несмотря на то, что уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній евреи пользуются полной свободой дѣятельности во всѣхъ областяхъ хозяйствен-

ной жизни. Очевидно, однако, что въ сельскомъ хозяйствѣ и индустріи, даже въ случаѣ капиталистической организаціи этихъ отраслей промышленности, сохраняется еще въ значительной мѣрѣ отношеніе къ производимымъ конкретнымъ благамъ, а равно и къ живымъ людямъ, производящимъ эти послѣднія; между тѣмъ въ торговлѣ деньгами эта конкретная опредѣленность исчезаетъ совершенно, а въ торговлѣ товарами отчасти. Что касается послѣдняго вида торговли, то сказанное мною относится въ особенности къ посреднической торговлѣ, перемѣщающей товары отъ одного торговца къ другому, и къ торговлѣ въ розницу. Между тѣмъ во ввозной торговлѣ, напримѣръ, поскольку она непосредственно доставляетъ произведенія чужихъ странъ, эта рѣзко-конкретная окраска отношеній къ своеобразнымъ культурамъ этихъ странъ опять-таки существуетъ, благодаря чему мы вновь наблюдаемъ незначительное участіе евреевъ въ названныхъ отрасляхъ торговли.

Слѣдовательно, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе чистыя формы капитализма воцаряются въ экономической жизни, все больше и больше мѣста въ послѣдней получаютъ специфическіе элементы еврейства. Это положеніе можно выразить и въ обратномъ видѣ: чѣмъ сильнѣе проникаютъ еврейскіе элементы въ экономическую жизнь, тѣмъ исключительнѣе капиталистическая организація воцаряется въ послѣдней. Теперь уже для всякаго ясно, въ чемъ заключается главное значеніе еврейства для народныхъ хозяйствъ нашего времени; евреи ускоряютъ процессъ преобразованія хозяйственного строя въ капиталистическую организацію, которая для нашего времени является самой совершенной въ экономическомъ отношеніи. Эта миссія евреевъ—ускореніе перехода къ капитализму—выражается особенно ясно тамъ, гдѣ дѣло идетъ объ устраненіи еще до сихъ поръ сохраняющихся остатковъ докапиталистической организаціи, а именно, въ разложеніи остатковъ ремесла и ремесленного лавочничества. Можно съ увѣренностью сказать, что, напримѣръ, портняжное, башмачное, столярное, строительное ремесла обязаны своимъ упадкомъ въ значительной мѣрѣ неутомимой дѣятельности еврейскихъ аферистовъ. Благодаря этому въ кругу, именно, представителей падающаго ремесла развился чисто натуральный антисемитизмъ; послѣдній, подобно всѣмъ такого рода слѣпымъ народнымъ движеніямъ, хватается за осязательную форму (еврейство), а не за внутреннее содержаніе (капитализмъ).

Теперь я прошу вспомнить о томъ, что дало поводъ къ такого рода разсужденіямъ объ экономической способности еврейства и о его функціи въ современной намъ хозяйственной жизни. Такимъ поводомъ было констатированіе нами факта, что въ Германиі, благодаря, между прочимъ, наличности еврейскаго элемента въ ея населеніи, въ теченіе девятнадцатаго столѣтія совершился экономическій подъемъ (поскольку этотъ подъемъ вообще обуславливается своеобразіемъ населенія Германиі). Однако, надо сдѣлать еще нѣсколько дополнительныхъ замѣчаній для доказательства правильности подобнаго утвержденія. Прежде всего слѣдуетъ опредѣлить, въ какой пропорціи еврейскіе элементы влились въ тѣло нашего народа.

Въ Германиі изъ десяти тысячъ жителей сто одиннадцать человѣкъ исповѣдуютъ іудейскую религію. Конечно, эта цифра не вполне выражаетъ процентное содержаніе еврейскаго населенія въ Германиі, но статистикѣ извѣстны въ этомъ отношеніи только цифры, относящіяся къ вѣроисповѣданіямъ; ими, слѣдовательно, мы и должны довольствоваться. Къ тому же, эти цифры вполне удовлетворяютъ нашимъ цѣлямъ. Мы имѣемъ въ виду лишь опредѣлить, каково отношеніе евреевъ, живущихъ въ Германской имперіи, къ остальной части населенія послѣдней, по сравненію съ подобнымъ же отношеніемъ въ другихъ странахъ, о которыхъ намъ извѣстны также только цифры, выражающія распредѣленіе людей по вѣроисповѣданіямъ. Въ такомъ случаѣ получается, что относительное содержаніе еврейскаго населенія въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки какъ-разъ то же, что въ Германиі. Можетъ-ли въ такомъ случаѣ считаться необдуманнѣмъ слѣдующее заключеніе: мы, нѣмцы, смѣшались съ евреями въ самомъ правильномъ количественномъ отношеніи, а именно въ такомъ, которое является самымъ благоприятнымъ для экономического подъема, наиболѣе интенсивнаго за послѣднее поколѣніе въ обѣихъ вышеуказанныхъ странахъ? Не въ правѣ ли мы также заключить, что Скандинавія, Италія, Испанія и даже сама Великобританія отстали отъ насъ вслѣдствіе недостатка количественнаго содержанія въ нихъ еврейскаго населенія? Дѣйствительно, въ Великобританіи на десять тысячъ жителей приходится 20 евреевъ, въ Италіи—только 15, во Франціи—14, въ Швеціи—7; въ Испаніи же нѣтъ и одного еврея на десять тысячъ ея гражданъ. И напротивъ, страны, въ которыхъ евреи черезчуръ многочисленны, отстаютъ въ своемъ экономическомъ развитіи по легко понятнымъ причинамъ. Примѣромъ такого рода страны является Румынія, въ которой на десять тысячъ жителей приходится 450 человѣкъ евреевъ. Что касается евреевъ, живущихъ въ Германиі, то для объясненія совсѣмъ особеннаго положенія, которое они заняли въ хозяйственной жизни страны, необходимо принять во вниманіе еще другое обстоятельство: я имѣю въ виду ихъ до сихъ поръ еще неполное равноправіе въ государственной жизни. Извѣстно, что еврей въ Германиі еще и теперь встрѣчаетъ преграды при выборѣ профессіи: армія и администрація для него совершенно замкнуты; учительство, судебная дѣятельность и инныя профессіи открыты еврею еще далеко не вполне. А изъ этого вытекаетъ, что значительное количество какъ-разъ самыхъ даровитыхъ въ умственномъ отношеніи евреевъ продолжаетъ отдавать свои силы хозяйственной жизни страны. Между тѣмъ, напримѣръ, во Франціи небольшое количество живущихъ въ ней евреевъ посвящаетъ себя большей частью государственной службѣ, арміи и гражданскому управленію; вслѣдствіе этого тѣсто, изъ котораго печется французское народное хозяйство, страдаетъ вдвойнѣ чувствительнымъ недостаткомъ дрожжей, какими являются въ настоящее время еврейскіе элементы, обладающіе вышеописанными возбуждательными свойствами.

Государство смѣшиваетъ элементы своего населенія въ опредѣленномъ отношеніи и потому уже однимъ фактомъ своего существованія влияетъ на своеобразный характеръ своихъ жителей. Теперь мнѣ хотѣлось бы обратить

вниманіе читателей на значеніе обстоятельства, прямо противоположнаго данному, а именно—на вліяніе факта отсутствія государства. Точнѣе говоря, мнѣ кажется, что хозяйственное развитіе Германіи въ теченіе девятнадцатаго столѣтія, въ особенности поскольку дѣло идетъ объ ея экономическомъ подъемѣ, отчасти основывается на слѣдующемъ фактѣ: могущественное государственное устройство, доставляющее своимъ подданнымъ покровительство и патріотическое самосознаніе, развилось въ Германіи только въ теченіе послѣдней трети девятнадцатаго вѣка. Нѣмецкій народъ обязанъ вѣковому отсутствію у него государственной организаціи наилучшими цвѣтами своей духовной культуры, самыми драгоценными сторонами своего національнаго характера; тому же самому обстоятельству онъ обязанъ также значительной частью тѣхъ свойствъ, которыя сдѣлали Германію конца истекшаго столѣтія одной изъ самыхъ могущественныхъ и богатыхъ экономическихъ областей на земномъ шарѣ.

Къ упомянутымъ свойствамъ я отношу прежде всего способность приспособленія; благодаря ей, главнымъ образомъ, мы завоевали наше положеніе на мировомъ рынкѣ; но, кромѣ того, она же нерѣдко оказывалась намъ очень полезной и вообще для развитія нашего національнаго народнаго хозяйства. У насъ не было государства, которое наполняло бы наши сѣрдца патріотической гордостью; фраза же: «civis germanus sum» способна была возбуждать лишь смѣхъ; вслѣдствіе этого мы научились смиренію и скромности, пониманію и переимчивости чужихъ особенностей; намъ сдѣлалось легко приспособливать свой собственный характеръ къ чужимъ потребностямъ. Не знаю, есть-ли на языкахъ другихъ великихъ народовъ столько поговорокъ, внушающихъ скромность и покорность, какъ на нашемъ нѣмецкомъ языкѣ. Напримѣръ:

«Gebückt, gebückt mit dem Hut in der Hand

Kommt man bequem durchs ganze Land»;

«Schick dich in die Welt hinein,

Denn dein Kopf ist viel zu klein,

Dass sich schick' die Welt hinein» ¹⁾.

Я хорошо помню, что такіа и имъ подобныя теоріи и предписанія опредѣляли основное настроеніе воспитательнаго искусства моего отца.

Пусть подобный рабскій духъ насъ теперь возмущаетъ; намъ не слѣдуетъ, однако, забывать, что въ экономическомъ отношеніи онъ былъ намъ очень полезенъ. Если мы въ настоящее время наносимъ удары англичанамъ на мировомъ рынкѣ и даже на ихъ родинѣ, то не послѣдняя роль въ этомъ принадлежитъ той покорности, которая привела насъ къ жертвованію на-

¹⁾ «Согнувъ спину и снявъ шляпу,
Можно удобно пройти черезъ всю страну».

«Приноравливайся къ міру,

Такъ какъ ты слишкомъ малъ,

Чтобы міръ приноравливался къ тебѣ».

шимъ своеобразнымъ характеромъ; между тѣмъ англичанинъ, напротивъ, всегда только и стремится къ тому, чтобы навязать другимъ свою индивидуальную особенность. Пока онъ оставался могущественнымъ первенцомъ среди другихъ европейцевъ, счастье ему по большей части улыбалось въ этомъ отношеніи. Теперь же наступила его очередь испытать, какъ мы перейдемъ изъ-подъ его мельницы воду, благодаря нашей болѣе развитой способности приспособленія къ желаніямъ и своеобразнымъ чертамъ чужихъ націй. Блондель собралъ въ своей интересной книгѣ объ экономическомъ подъемѣ Германіи цѣлый рядъ случаевъ, въ которыхъ вышеупомянутый талантъ нѣмцевъ—наилучше приспособляться къ потребности чужого народа—выражается вполне ясно. Приведу слѣдующій примѣръ. Въ Бразиліи покупаютъ неохотно товары, въ которыхъ есть что-нибудь черное. Англичане ввозили въ эту страну превосходныя иголки, но онѣ запакowyвались въ черную бумагу. Саксонскіе фабриканты узнаютъ о причудѣ бразильцевъ, посылаютъ послѣднимъ гораздо худшія иголки, но завертываютъ ихъ въ розовую бумагу и этимъ завоевываютъ рынокъ. Возьмемъ еще другой примѣръ. Англичане доставляли обувь въ Тринидадъ; но такъ какъ у уроженцевъ этого острова ноги плоскія, то англійскіе фасоны обуви имъ не подходили. Несмотря на это, англійскіе импортеры упорно продолжали распространять въ Тринидадѣ обувь своихъ фасоновъ. Тогда явились нѣмцы и поспѣшили доставить обувь, которая возможно болѣе соотвѣтствовала бы формѣ ногъ у туземцевъ острова; вскорѣ затѣмъ англичане не могли сбыть тамъ ни одного башмака. Правда, во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣло идетъ о мелочахъ, но мнѣ, все-таки, кажется, что ихъ симптоматическое значеніе чрезвычайно поучительно.

Между тѣмъ наша безгосударственность принесла намъ еще и другія выгоды. А именно: она не только создала въ насъ готовность удовлетворять чужимъ желаніямъ, лишивъ насъ чувства національной гордости или, если угодно, національнаго тщеславія, но и вынудила насъ сильнѣе напрягать нашу энергію, сильнѣе развивать наши экономическіе таланты. Высшей школой для этого былъ мировой рынокъ. Народъ, имѣющій могущественное представительство за границей, легко можетъ при его помощи оказывать энергичную поддержку своимъ купцамъ въ дѣлѣ распространенія ихъ товаровъ среди чужеземцевъ. Въ особенности, если данный народъ владѣетъ обширными колоніями, онъ по большей части въ состояніи обезпечить себѣ полученіе иностранныхъ товаровъ и сбытъ собственныхъ иными средствами, чѣмъ тѣ, которыя вытекаютъ изъ его чисто-экономическаго превосходства. Между тѣмъ, купцы и промышленники народа, который лишень подобной внѣшней экономической поддержки, могутъ найти себѣ «мѣсто на солнцѣ» только благодаря напряженію своихъ хозяйственныхъ силъ. Полагаю, не будетъ парадоксомъ сказать, что великая колониальная имперія Англіи сдѣлала англійскихъ предпринимателей тяжеловатыми и односторонними. Теперь судьба имъ мститъ за это. Между тѣмъ, мы пользуемся въ настоящее время прекрасными результатами той энергіи, которая

развилась у насъ подъ давленіемъ нужды въ борьбѣ за конкуренцію тогда, когда у насъ еще не было государства, имѣющаго мощное представительство за границей. Этому факту нисколько не противорѣчитъ то обстоятельство, что теперь государственное могущество и почетъ доставляютъ намъ преимущества, благодаря которымъ мы еще успѣшнѣе пользуемся экономическими силами, скопленными въ эпоху нашей политической раздробленности.

Мнѣ кажется, что остается теперь сдѣлать еще одно послѣднее замѣчаніе.

Своеобразной чертой нашей народности является въ значительной степени та отсталость въ области внутренней политики, которая до сихъ поръ еще свойственна нѣмецкому народу. Мы, нѣмцы, до сихъ поръ еще живемъ наполовину въ условіяхъ абсолютизма. Въ особенности же наши буржуазные круги все еще лишены того, что они имѣютъ въ конституціонныхъ странахъ, а именно—политической карьеры. Это, какъ мнѣ кажется, тоже производитъ дѣйствіе, благоприятное для экономической жизни, потому что творчески-способные элементы общества не поглощаются у насъ въ такой мѣрѣ политической жизнью, какъ то происходитъ въ другихъ странахъ. Политика не отбиваетъ отъ экономической жизни въ сколько-нибудь значительной степени ни богатыхъ людей буржуазнаго происхожденія, ни—что особенно важно—талантливыхъ людей. Такимъ образомъ, эти послѣдніе могутъ свободно отдавать свои силы экономической жизни въ качествѣ директоровъ промышленныхъ и торговыхъ предпріятій, инженеровъ, химиковъ и т. д. Я увѣренъ (какъ ни трудно доказать что-либо подобное на основаніи цифръ), что, напримѣръ, во Франціи и Италіи существуетъ иного рода распределеніе избранной интеллигенціи между народнымъ хозяйствомъ и политикой, чѣмъ у насъ, нѣмцевъ. Въ названныхъ государствахъ политика, навѣрное, поглощаетъ значительную часть интеллектуальныхъ силъ, которая въ Германіи служитъ промышленности и торговлѣ. Пускай это обстоятельство не имѣетъ слишкомъ важнаго значенія въ общемъ экономическомъ результатѣ, я, тѣмъ не менѣе, долженъ былъ упомянуть о немъ ради полноты изложенія.

Однако, сказаннаго достаточно для установленія связи между своеобразнымъ характеромъ народа и его экономическимъ развитіемъ; эта связь всегда носитъ отпечатокъ произвола, такъ какъ естественно, что личное впечатлѣніе каждаго играетъ при этомъ слишкомъ большую роль, и что принудительная сила логическаго доказательства лишена здѣсь всякаго участія. Тѣмъ не менѣе, если даже читатель и поставилъ вопросительный знакъ надъ многими изъ моихъ разсужденій, я, все-таки, надѣюсь, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ онъ согласенъ со мною.

Намъ съ нимъ будетъ еще легче сойтись относительно тѣхъ связей, которыя я попытаюсь теперь изложить въ слѣдующей главѣ, а именно—связей между развитіемъ экономической жизни и положительными государственными учрежденіями въ томъ видѣ, какъ послѣднія являются намъ въ законодательствѣ и административномъ управленіи.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

П р а в о.

Я долженъ начать эту главу со слѣдующаго предупрежденія: пусть читатель не переоцѣниваетъ того вліянія, которое законодательство и административное управленіе могутъ оказывать вообще и оказывали въ частности въ продолженіе девятнадцатаго столѣтія на экономическую жизнь; подобная переоцѣнка случается почти постоянно. При просмотрѣ нашихъ компе-діумовъ по исторіи аграрныхъ, промышленныхъ и торговыхъ отношеній получается впечатлѣніе, какъ-будто бы экономическое развитіе прошло черезъ столько же этаповъ, сколько было издано новыхъ законовъ и постановленій, и какъ-будто бы число тѣхъ и другихъ соотвѣтствуетъ количеству событій, которыя имѣли рѣшающее значеніе для образованія формъ хозяйственной жизни. Между тѣмъ въ дѣйствительности данный юридическій строй каждой страны не имѣетъ ровно никакого значенія для весьма многихъ областей экономической жизни, а для другихъ областей представляетъ лишь второстепенную важность. Такъ, напримѣръ, срокъ формальнаго упраздненія цехового порядка въ нѣмецкихъ государствахъ девятнадцатаго столѣтія имѣлъ относительно неважное значеніе для прогресса промышленнаго капитализма, какъ я это и доказалъ съ цифрами въ рукахъ въ моемъ главномъ сочиненіи.

Такимъ образомъ, намъ лучше избрать иной путь, а именно: оцѣнивать вліяніе измѣненій въ законодательствѣ и административномъ управленіи на экономическую жизнь, не регистрируя просто, безъ разбора, частныя законодательныя даты, а, напротивъ—проводя особенно строгое различіе между тѣмъ, что имѣетъ значеніе, и тѣмъ, что болѣе или менѣе неважно.

Обратимся, однако, къ критическому разсмотрѣнію условій экономической жизни Германіи въ девятнадцатомъ столѣтіи; въ этомъ случаѣ, какъ мнѣ кажется, два ряда мѣропріятій выдѣляются среди другихъ по своему дѣйствительно основному значенію; эти мѣропріятія произвели радикальное дѣйствіе на формообразование хозяйственныхъ отношеній. Одинъ изъ этихъ рядовъ мѣропріятій уже извѣстенъ намъ: это—устраненіе внутреннихъ таможенныхъ заставъ, благодаря основанію Таможеннаго союза нѣмецкихъ государствъ. Другой же рядъ носитъ общее названіе аграрной реформы и относится къ процессу выдѣленія частнаго сельскаго хозяйства изъ старой системы обязательныхъ помѣстно-общинныхъ распоряжковъ.

Значеніе созданія великой нѣмецкой экономической области для развитія народнаго хозяйства совершенно очевидно. Фридрихъ-Листъ сравнилъ внутреннія таможенные заставы съ путями, которыя стяги-

ваютъ отдѣльные члены живого организма и мѣшаютъ свободѣ кровообращенія въ послѣднемъ. Этотъ образъ выбранъ очень удачно, такъ какъ устраненіе вышеупомянутыхъ заставъ было, въ самомъ дѣлѣ, равносильно установленію нормальныхъ жизненныхъ условий въ организмѣ. Развитие территориальной и профессиональной дифференціаціи отдѣльныхъ хозяйственныхъ функцій сдѣлалось возможнымъ въ широкомъ размѣрѣ только теперь, когда былъ обезпеченъ соотвѣтственно большой рынокъ для сбыта товаровъ. А это, конечно, означаетъ могучій ростъ всѣхъ жизненныхъ силъ хозяйственнаго тѣла и возможность образованія большихъ капиталистическихъ организацій въ области индустріи, торговли и обмѣна. Только теперь создались широкія условия развитія германской народно-хозяйственной жизни, а это должно было, въ свою очередь, оживить и поднять общее представленіе о задачахъ экономической дѣятельности.

Только-что очерченное нами мѣропріятіе—установленіе единой германской области торговаго обращенія путемъ упраздненія внутреннихъ таможенныхъ заставъ—кажется простымъ и легко понятнымъ; зато другой изъ упомянутыхъ мною въ началѣ главы комплексовъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій—такъ называемая аграрная реформа—настолько же запутанъ, насколько первый понятенъ. Если бы я хотѣлъ изложить развитіе этой реформы хотя бы только въ ея основныхъ чертахъ, ограничиваясь лишь самыми важными изъ союзныхъ нѣмецкихъ государствъ, то я долженъ былъ бы написать настоящую книгу по этому предмету, содержаніе которой даже не представлялось бы занимательнымъ (въ каждомъ изъ союзныхъ государствъ дѣло реформы естественно шло по особому пути; именно, «соотвѣтственные» законы и постановленія носятъ иную дату, раздѣлены то на параграфы, то на статьи и представляютъ еще другія взаимныя отклоненія, подобныя предыдущимъ). Однако, подробное знаніе этихъ вещей, слава Богу, является скорѣе вреднымъ, чѣмъ полезнымъ, для пониманія великихъ, основныхъ экономическихъ связей (а о нихъ вѣдь только и идетъ у насъ рѣчь). Поэтому у читателя будетъ совершенно достаточная подготовка и способность опредѣлить, въ чемъ здѣсь заключается сущность дѣла, если я сообщу ему вкратцѣ объ отдѣльныхъ мѣропріятіяхъ, подлежащихъ нашему разсмотрѣнію, и, кромѣ того, назову ему нѣсколько датъ, относящихся къ изданію главныхъ законовъ.

Обыкновенно принято вполне основательно различать въ такъ называемыхъ аграрныхъ реформахъ двѣ группы мѣропріятій: одна изъ нихъ законы о регулированіи или отмѣнѣ крѣпостной зависимости (Regulierungs-oder Ablösungsgesetzgebung), а другая—законы объ улучшеніи сельско-хозяйственной культуры.

Согласно первой группѣ законовъ, тяготы и оброки (натурою или деньгами), которые, въ силу сеньеріальной и ленной зависимости, лежали на частно-владѣльческихъ, главнымъ образомъ, крестьянскихъ хозяйствахъ, отмѣняются. Затѣмъ—что для насъ представляется здѣсь особенно интереснымъ—отмѣняются барщинныя услуги, которыя, какъ мы видѣли, тяготѣли

на крестьянскихъ хозяйствахъ, благодаря крѣпостному состоянію послѣднихъ. Въ то же самое время крестьяне освобождаются отъ такого рода крѣпостной зависимости; они перестаютъ быть «прикрѣпленными къ землѣ» и получаютъ право свободного передвиженія; вслѣдствіе всего этого рассматриваемая группа законодательныхъ актовъ и называется «дѣломъ освобожденія». Лишь въ рѣдкихъ случаяхъ описываемая отмѣна совершалась безвозмездно; по большей части землевладѣльцы получали за свои «права» весьма приличное вознагражденіе то въ видѣ денегъ, то хлѣбовъ, то земли; взаменъ этого помещики возвращали крестьянамъ ту самую свободу, которую нѣсколько столѣтій тому назадъ предки первыхъ «безвозмездно» похитили у послѣднихъ. Самый значительный эффектъ, достигнутый такъ называемыми законами о регулированіи, заключался въ созданіи новыхъ условий труда въ большихъ помѣстьяхъ: на смѣну несвободныхъ барщинныхъ крестьянъ теперь являются юридически свободные наемные рабочіе, о которыхъ я расскажу еще подробнѣе при случаѣ.

Совсѣмъ иныя цѣли преслѣдовались законами объ улучшеніи сельско-хозяйственной культуры (Landeskulturgesetzgebung). Они также должны были совершить «дѣло освобожденія»; но ихъ цѣлью было освободить не крестьянъ отъ ихъ оброчныхъ и барщинныхъ повинностей, а всѣ сельскія хозяйства—какъ крестьянскія, такъ и помѣщичьи—отъ обязательныхъ общинныхъ распоряжковъ, которые господствовали надъ этими хозяйствами еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія. Для достиженія этой цѣли надо было осуществить двѣ мѣры: во-первыхъ, всѣ отношенія общинной собственности слѣдовало упразднить; во-вторыхъ, отдѣльные участки земли также слѣдовало освободить отъ череполосицы, которая имѣла слѣдствіемъ принудительный сѣвооборотъ, и «соединить» въ лучше округленные комплексы. Отношенія общинной собственности простирались, какъ мы помнимъ, на пастбищныя и лѣсныя угодья, на такъ называемыя альменды. Послѣднія подверглись теперь, по крайней мѣрѣ, во многихъ нѣмецкихъ странахъ и особенно въ Сѣверной Германіи, «дѣлежу», то-есть, участники получали въ частную собственность слѣдующая имъ по праву доли общиннаго достоянія; сервитуты, гдѣ только они сохранились, тоже подлежали отмѣнѣ; такимъ образомъ, каждый частный владѣлецъ становился въ возможно болѣе свободныя отъ тяготъ, «чистыя» отношенія собственности. Я уже указалъ, какимъ способомъ въ другихъ случаяхъ была устранена череполосица: опредѣляли количественное и качественное значеніе совокупности участковъ, которыми каждый отдѣльный членъ общины владѣлъ въ общемъ полѣ, и отводили ему соотвѣтственную площадь земли въ другомъ мѣстѣ; земельное имущество отдѣльнаго члена общины, разсѣянное въ сотняхъ по полю деревенской марки, возвращалось своему собственнику въ видѣ трехъ или четырехъ большихъ участковъ. Въ то же время стали заботиться о проложеніи дорогъ, которыя сдѣлали возможнымъ подъѣздъ къ каждому отдѣльному владѣнію. Весь этотъ процессъ носитъ названія: Zusammenlegung (сложеніе), Separation (раздѣленіе), Verkoppelung (соединеніе) и Flurbereinigung.

gung (разверстка поля); эти наименования изменяются, смотря по частям страны. Результат этих действий очевиден: они создали ясные отношения собственности и самостоятельны хозяйства, независимы друг от друга.

Какъ уже сказано, эти реформы были проведены въ течение девятнадцатаго столѣтія во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ, въ одномъ мѣстѣ раньше, въ другомъ позже, здѣсь болѣе радикально, тамъ менѣе; при этомъ, хотя большая часть законовъ и постановлений, предписывающихъ преобразование аграрныхъ правоотношеній, была издана въ течение первыхъ десятилѣтій истекшаго вѣка, однако, ихъ окончательное осуществленіе совершилось, главнымъ образомъ, во вторую половину разсматриваемаго столѣтія, когда движеніе 1848 года выразило яснѣе вождѣнія народныхъ массъ, и въ особенности когда экономическое развитіе властно потребовало устраненія старыхъ преградъ.

Во многихъ отношеніяхъ прусское законодательство послужило образцомъ для другихъ нѣмецкихъ государствъ. Въ Пруссіи въ эпоху глубочайшаго политическаго униженія, съ 1807 до 1821 года, нѣсколько бюрократовъ, настроенныхъ прогрессивно, а отчасти даже, можно сказать, радикально, если не вырвали еще, то, все-таки, попытались вырвать съ корнемъ старый аграрный строй. Эти законодательныя попытки извѣстны подъ не вполне точнымъ коллективнымъ названіемъ Штейнъ-Гарденберговскихъ реформъ. Сопротивленіе «юнкеровъ» воспрепятствовало тогда проведенію въ жизнь проектированнаго дѣла, которое въ 1850 году получило снова энергичный толчокъ впередъ и было доведено до конца. Знаменитые эдикты, въ которыхъ впервые возвѣщались реформы, были слѣдующіе. Во-первыхъ, уже упомянутый выше эдиктъ отъ 7-го октября 1807 года; онъ облегчалъ владѣніе и свободное пользованіе земельной собственностью, а также касался личныхъ отношеній деревенскихъ жителей, упраздняя крѣпостную зависимость. Во-вторыхъ, два эдикта отъ 14-го сентября 1811 года—такъ называемый эдиктъ о регулированіи и эдиктъ объ улучшеніи сельско-хозяйственной культуры. Наконецъ, постановление о раздѣленіи общиннаго имущества, изданное 7-го іюля 1821 года. Между тѣмъ, законъ 2-го марта 1850 года снова двинулъ впередъ остановившееся дѣло реформы; онъ касался сложения реальныхъ тяготъ и регулированія крѣпостныхъ и крестьянскихъ отношеній.

Собственно говоря, сообщивъ вышеизложенное, я тѣмъ самымъ привелъ слишкомъ много датъ. Въ самомъ дѣлѣ, всякій разъ, какъ мы станемъ подробно изслѣдовать связь между положительнымъ законодательствомъ и экономическимъ развитіемъ, для насъ сейчасъ же сдѣлается очевидной полная недостаточность подобнаго рода разсужденій. Какая польза отъ приведенныхъ нами нѣсколькихъ указаній? Какая польза получилась бы, если бы даже мы привели еще ихъ нѣсколько? Вѣдь мы все равно не поняли бы запутанныхъ процессовъ, даже если бы я изложилъ ихъ втрое или вчетверо точнѣе, чѣмъ уже сдѣлалъ это выше. Поэтому я предпочитаю обратить вниманіе читателя на специальную литературу; онъ сможетъ лучше всего ориентироваться въ данномъ вопросѣ по «Handbuch der politischen Ökonomie» Шёнберга, гдѣ соотвѣт-

ственные главы второго тома написаны мастерской рукой Августа Мейцена; самъ же я намѣренъ ограничиться здѣсь немногими указаніями.

Мнѣ хотѣлось бы, однако, сказать еще два слова для объясненія того, почему среди множества законодательныхъ мѣропріятій девятнадцатаго столѣтія я придаю столь важное значеніе на ряду съ основаніемъ Таможеннаго союза, именно только-что упомянутой аграрной реформѣ. Чтобы понять это, достаточно представить себѣ тѣ результаты, которые съ необходимостью слѣдовали изъ аграрныхъ реформъ. Очевидно, они только и могли вызвать къ жизни современное намъ рациональное сельское хозяйство. Пока основой сельско-хозяйственной промышленности еще являлся трудъ несвободныхъ крестьянъ, а отдѣльное хозяйство еще зависѣло отъ обязательныхъ общинныхъ распоряженій, до тѣхъ поръ это создавало препятствіе ко введенію интенсивнаго способа эксплуатаціи, болѣе совершенныхъ плодосѣвныхъ системъ и т. д.; словомъ, это препятствовало всему тому, что развилось на нашихъ глазахъ въ теченіе девятнадцатаго столѣтія; къ тому же эти препятствія не могли быть устранены путемъ вольнаго толкованія существовавшихъ законовъ (какъ то могло имѣть мѣсто, напримѣръ, въ области ремесленнаго производства). Цеховой порядокъ можно было просто обойти, и ремесленныя предпріятія на капиталистической основѣ могли спокойно развиваться рядомъ со старыми цеховыми организаціями ремесль. Для сельско-хозяйственнаго предпріятія подобной возможности не существовало, пока барщинно-обязанные крестьяне составляли единственный рабочій контингентъ, а пахотные участки были расположены въ череполосицу. Мы видѣли, что эта череполосица вынуждала всѣхъ жителей данной деревни вести хозяйство по одинаковому способу, и что этотъ послѣдній почти всегда неизбѣжно заключался въ примитивномъ трехпольномъ хозяйствѣ; поэтому какимъ образомъ ревностный предприниматель могъ бы проводить реформы въ промышленности, ограниченной такого рода принудительной организаціей, которая была разсчитана на пониманіе крестьянина средней руки?

Но значеніе аграрной реформы еще не исчерпывается тѣмъ фактомъ, что она создала возможность возникновенія современнаго намъ типа сельскаго хозяйства. Изъ нея вытекало еще одно слѣдствіе; хотя законодатели отнюдь не предвидѣли его въ полномъ объемѣ, тѣмъ не менѣе, его необходимо отнести на счетъ разсматриваемой реформы. И регулированіе крѣпостныхъ отношеній, и законы о сельско-хозяйственной культурѣ чрезвычайно способствовали тому, что сельское населеніе было, такъ сказать, оторвано отъ почвы и тѣмъ самымъ мобилизовано. При «регулированіи» почти всѣ исключительно барщинные крестьяне перестали быть самостоятельными сельскими хозяевами и превратились въ неимущихъ батраковъ; это было первымъ шагомъ къ ихъ полному отчужденію отъ интересовъ деревни, къ ихъ превращенію въ прозелитовъ городской жизни и индустріи; этотъ же фактъ положилъ начало тому основному перераспределенію нашего населенія между городомъ и деревней, о которомъ я дамъ впоследствии читателю точное представленіе. Подобное же дѣйствіе оказали всѣ тѣ законо-

дательныя мѣропріятія, которыя порвали старую деревенскую связь и упразднили сервитуты (выпасъ скота, собираніе хвороста и т. д.), особенно у мелкихъ сельскихъ хозяевъ и скотоводовъ, а также тѣ законодательные акты, которые уничтожили альменду. Все это, какъ я подробно показаль въ моемъ «Капитализмѣ», задушило жизнь множества слабыхъ существъ, которыя, въ качествѣ маленькихъ самостоятельныхъ хозяевъ, могли, по крайней мѣрѣ, прозябать въ условіяхъ деревенской жизни. Наконецъ, аграрная реформа пошатнула также въ своей основѣ крупное крестьянское хозяйство, которое, какъ мы видѣли, еще въ началѣ прошлаго столѣтія представляло собой существенно-самостоятельный, автономный хозяйственный организмъ; въ самомъ дѣлѣ, изъ обязательства вносить выкупные платежи вытекала необходимость производить на рынокъ больше, чѣмъ производилось до тѣхъ поръ, и сократить ремесленное производство для собственныхъ надобностей, а это, въ свою очередь, должно было, естественно, вызвать интенсивный отливъ рабочихъ силъ отъ сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, можно, не впадая въ преувеличеніе, утверждать слѣдующее: хотя уходъ населенія изъ деревни—одно изъ самыхъ значительныхъ явленій девятнадцатаго столѣтія—и не вызванъ исключительно аграрной реформой (такъ какъ развитіе сельскаго хозяйства новѣйшаго времени тоже сыграло въ этомъ фактѣ свою роль), тѣмъ не менѣе, названная реформа сильно способствовала этому явленію и повсемѣстно подготовила его.

Что касается остальныхъ законодательныхъ и административныхъ мѣропріятій, которыя создали новую юридическую основу для экономической жизни девятнадцатаго столѣтія, то я могу ограничиться только краткимъ упоминаніемъ о нихъ; эта возможность объясняется отчасти общеизвѣстностью этихъ мѣропріятій, отчасти же тѣмъ, что (какъ я уже указывалъ) я придаю имъ меньше значенія. Этимъ я, конечно, не хочу сказать, чтобы они вовсе не имѣли значенія для теченія хозяйственной жизни. Скорѣе, напротивъ, каждое частное мѣропріятіе, само собою разумѣется, способствовало тому, чтобы ходъ экономического развитія получалъ опредѣленное направленіе; слѣдовательно, другими словами, оно существеннымъ образомъ содѣйствовало развитію капитализма. Я хочу сказать лишь, что ни одно изъ остальныхъ мѣропріятій въ области законодательной и административной дѣятельности не имѣло того основного значенія, какъ оба вышеочерченные ряда реформъ.

Намъ надо обратить вниманіе прежде всего на мѣропріятія, которыя имѣютъ цѣлью установить формально единую германскую область обмѣна. Сюда относятся, слѣдовательно, реформы публичнаго права и администраціи, которыя создаютъ единую монетную систему, единую систему мѣръ и вѣсовъ, а также законодательство касательно организаціи сообщеній, одинаковое для всей территоріи Германской имперіи.

Первые шаги къ объединенію системы мѣръ, монетъ и вѣсовъ были сдѣланы уже въ таможенно-союзномъ договорѣ 22-го марта 1833 года, а именно: союзныя правительства должны были, согласно статьѣ 14-й упомянутого договора, дѣйствовать въ томъ смыслѣ, чтобы ввести въ ихъ

странахъ такую систему во всеобщее употребленіе; и вскорѣ затѣмъ были открыты нужные для этого переговоры. Тѣмъ не менѣе, радикальная реформа въ этомъ отношеніи осуществилась только послѣ основанія сѣверо-германскаго союза, а затѣмъ—Германской имперіи; 17-го августа 1868 года было издано постановленіе о мѣрахъ и вѣсахъ, которое вводило немедленно метрическую систему мѣръ—сперва факультативно, а съ 1-го января 1872 года обязательно. Впослѣдствіи союзный законъ былъ распространенъ на всѣ нѣмецкія государства, а подъ конецъ—по закону 19-го декабря 1874 года—и на Эльзасъ-Лотарингію. Равнымъ образомъ, только политическое объединеніе Германии ввело у насъ единообразную монетную систему на основаніи законовъ 4-го декабря 1871 года и 9-го іюля 1873 года. Эти законы ввели у насъ также новую монетную единицу—марку и (въ принципѣ) золотую валюту. Вскорѣ затѣмъ (закономъ 14-го марта 1875 года) имперская область получила упорядоченную постановку операцій ассигнаціонныхъ банковъ, а въ лицѣ имперскаго банка мы приобрѣли образцовое центральное кредитное учрежденіе.

Равнымъ образомъ, только политическое объединеніе Германии привело къ полному юридическому и административному единству въ организаціи сношеній, насколько лишь такое единство является осуществившимся фактомъ (замѣтимъ хорошенько это обстоятельство!), а не вопросомъ будущаго во многихъ отношеніяхъ. Только основаніе Сѣверо-германскаго союза, а затѣмъ Германской имперіи привело въ исполненіе предначертаніе франкфуртской имперской конституціи относительно почты; именно, согласно этому предначертанію, высшій надзоръ надъ нѣмецкимъ почтовымъ вѣдомствомъ и право завѣдыванія послѣднимъ на счетъ государства, если только не окажется предъявителей частныхъ претензій, должны быть признаны за центральной властью. Въ Сѣверо-германскомъ союзѣ почта была организована и управляема какъ единое учрежденіе государственнаго сообщенія, начиная съ 1-го января 1868 года; Баварія же и Вюртембергъ были изъяты изъ позднѣйшаго имперскаго почтоваго управленія Германской имперіи. Однако, обособленное положеніе обоихъ южно-германскихъ государствъ не могло задержать объединенія почтоваго вѣдомства въ тѣхъ пунктахъ тарифной системы и почтоваго законодательства, которые имѣли рѣшающее значеніе для торговаго обращенія. Законъ отъ 28-го октября 1871 года, касающійся почтоваго вѣдомства Германской имперіи, создалъ для послѣдней единое почтовое законодательство, охватывающее важнѣйшія почтовые отношенія, а законъ 28-го октября 1871 года, въ связи съ соотвѣтственными новеллами 1873 и 1874 годовъ, внесъ единообразіе по существеннымъ пунктамъ въ область почтовыхъ таксъ.

Судьба желѣзныхъ дорогъ была менѣе счастлива, чѣмъ судьба почты (и телеграфовъ, присоединенныхъ къ послѣдней въ 1875 году). Желѣзныя дороги до сихъ поръ еще остаются въ завѣдываніи отдѣльныхъ государствъ, принадлежащихъ къ составу Германской имперіи (исключеніе составляютъ лишь желѣзныя дороги Эльзасъ-Лотарингіи). Тѣмъ не менѣе, им-

перская конституція содержитъ въ статьѣ сорокъ первой и слѣдующихъ за нею статьяхъ цѣлый рядъ постановленій, которыя до известной степени обезпечиваютъ нѣкоторое единообразіе и въ организаціи желѣзно-дорожнаго дѣла Германской имперіи; таковы постановленія, касающіяся желѣзно-дорожной полиціи, прямого сообщенія, единообразнаго развитія желѣзно-дорожной сѣти, согласованія формы эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ и т. д. Между тѣмъ, въ важной области тарифной политики многообразіе до сихъ поръ еще продолжаетъ господствовать. Замѣтимъ по этому поводу, что желѣзныя дороги въ отдѣльныхъ союзныхъ государствахъ въ весьма значительной мѣрѣ эксплуатируются фискомъ. При закладкѣ желѣзныхъ дорогъ частная эксплуатация шла на ряду съ государственной, такъ что еще въ 1875 году 44½% общей длины желѣзнодорожной сѣти того времени находилось въ завѣдываніи частныхъ компаній; но съ тѣхъ поръ выкупъ желѣзныхъ дорогъ въ казну совершился, какъ я уже сказалъ, почти повсюду. Теперь въ частномъ владѣніи находится лишь около 70% ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ и даже только 40% изъ общей длины главныхъ линій.

Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о промышленномъ законодательствѣ въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, какъ о такой отрасли публичнаго права, которая подверглась единообразной регламентаціи только въ послѣдствіи. Промышленное законодательство оставалось въ различныхъ нѣмецкихъ государствахъ чрезвычайно пестрымъ; въ однихъ оно было основано на цеховомъ началѣ, въ другихъ—на принципѣ промышленной свободы; такое положеніе вещей сохранялось до тѣхъ поръ, пока положеніе о промыслахъ, изданное 21-го іюня 1869 года, не водворило юридическаго единства для всего пространства Сѣверо-германскаго союза, а въ послѣдствіи—для Германской имперіи.

Въ области частнаго права стремящійся къ единству капиталистическій міръ болѣе всего интересовался въ сущности только торговымъ законодательствомъ, которое поэтому и получило единообразное устройство уже задолго до основанія Германской имперіи. Въ 1847 году былъ изданъ обще-германскій вексельный уставъ, къ которому присоединились въ 1861 году такъ называемыя нюрнбергскія новеллы, имѣвшія цѣлью дополнить и видоизмѣнить этотъ уставъ. Въ теченіе 1857—1861 годовъ былъ выработанъ обще-германскій торговый кодексъ, который сперва вводился по отдѣльнымъ государствамъ. Законы 5-го и 12-го іюня 1869 года возвели этотъ кодексъ на степень союзнаго, а въ послѣдствіи имперскаго закона; между тѣмъ единообразная организація гражданскаго права заставляла ждать себя до самыхъ послѣднихъ лѣтъ девятнадцатаго столѣтія.

Этимъ мы закончимъ сухой перечень законодательныхъ датъ, котораго, къ сожалѣнію, нельзя было совершенно избѣжать. Мнѣ остается лишь сказать еще нѣсколько словъ относительно внутренняго измѣненія правовой системы, совершившагося въ теченіе девятнадцатаго столѣтія. Въ самомъ дѣлѣ, нововведенія въ области какъ законодательства, такъ и административнаго управленія основывались

на единой идеѣ, которая сдѣлалась истиннымъ лейтмотивомъ новѣйшей эпохи; мы имѣемъ въ виду идею о «свободной конкуренціи» или идею о такъ называемомъ индивидуалистическомъ строѣ народнаго хозяйства. И, дѣйствительно, оставляя въ сторонѣ нѣсколько крупныхъ организацій сношенія, каковы почта и желѣзныя дороги, можно видѣть главную миссію девятнадцатаго столѣтія именно въ установленіи такого правопорядка, при которомъ инициатива частнаго хозяйствующаго субъекта получала бы возможно большую свободу дѣйствій. Такова, по крайней мѣрѣ, основная черта; таковъ былъ принципъ законодательныхъ реформъ, которыя наложили свою печать на разсматриваемую эпоху.

Современное намъ экономическое законодательство представляетъ собою, какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, систему правъ, обезпечивающихъ индивидуальную свободу; это значитъ, что названное законодательство подчинило только самые крайніе индивидуальные интересы тѣмъ нормамъ, которыя суживаютъ и ограничиваютъ произволъ, свободное рѣшеніе частныхъ хозяйствующихъ субъектовъ. Въ сущности преслѣдованіе индивидуальных интересовъ можетъ простирается до предѣловъ, полагаемыхъ уголовными законами. Такого рода признаніе широкаго права самоопредѣленія хозяйствующихъ субъектовъ содержитъ въ частности признаніе нижеслѣдующихъ «гарантій свободы».

1. Свобода промысла, которая называется также, въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, «свободой ремесла». Согласно ей, всякій можетъ въ принципѣ свободно рѣшать, какъ, гдѣ и когда ему заниматься хозяйственною дѣятельностью. Полную противоположность въ этомъ отношеніи составляютъ система промысловой монополіи, цеховой строй, средневѣковое законодательство, касающееся права покупки привозимыхъ товаровъ, нѣкоторыхъ другихъ правъ (Stapel-, Strassen-, Meilenrecht), а также права закупки, преимущественной передъ другими покупателями (Vorkaufsrecht).

2. Свобода соглашенія по контракту, называемая также свободой договора. Эта свобода означаетъ, что всякій хозяйствующій субъектъ можетъ самовластно заключать съ другимъ хозяйствующимъ субъектомъ условія о передачѣ имущественныхъ благъ или о предоставленіи услугъ, когда оба субъекта свободно согласились по этому вопросу. Эта свобода обезпечиваетъ такимъ путемъ, свободное совершеніе торговыхъ сдѣлокъ, свободное заключеніе договора объ отдачѣ въ наймы, объ арендѣ и займѣ, а также, главнымъ образомъ, свободное заключеніе договора о заработной платѣ. Противоположность этому образуютъ постановленія о таксахъ, законодательное ограниченіе числа помощниковъ, нанимаемыхъ работодателемъ, крѣпостное состояніе и тому подобное.

3. Свобода собственности, по отношенію какъ къ потребительнымъ благамъ, такъ и къ средствамъ производства, какъ къ движимостямъ, такъ и недвижимостямъ. Самой рѣзкой противоположностью свободы собственности былъ бы социалистическій строй народнаго хозяйства. Но и докапиталистическій правовой порядокъ съ его «связанной» собственностью, съ его «госу-

дарственными обязанностями», лежащими на собственности (Amtsqualität des Eigentums), стоялъ на основѣ, принципиально отличающейся отъ свободы собственности. Кроме того, эта послѣдняя заключаетъ въ себѣ слѣдующія гарантіи свободы:

а) свободу употребленія своего имущества, которая даетъ собственнику право и возможность пользоваться имуществомъ соответственно своимъ желаніямъ; собственность не обременяется болѣе никакими повинностями. Слѣдовательно, практическое значеніе этого обстоятельства таково: собственникъ вещи воленъ употреблять ее какъ потребительное благо или какъ средство производства; примѣръ, землевладѣлецъ вмѣсто того, чтобы культивировать свою землю, имѣетъ право пользоваться ею какъ паркомъ или какъ ристалищемъ, или, наконецъ, какъ дачей для охоты; собственника городского участка земли нельзя принудить возводить строенія на этомъ участкѣ и т. д.;

б) свободу отчужденія собственности;

в) свободу залога собственности.

Эти двѣ послѣднія гарантіи свободы, какъ мы еще увидимъ, сдѣлались особенно важны для развитія недвижимой собственности.

4. Свобода завѣщаній. Распорядительная власть собственника надъ его имуществомъ простирается и послѣ его смерти; это обстоятельство гарантируетъ непрерывность индивидуальных интересовъ и впервые полностью выражаетъ въ высшей степени индивидуальную природу правопорядка, которая затѣмъ получаетъ свою послѣднюю санкцію благодаря

5. постоянной защитѣ «приобрѣтенныхъ» частно-имущественныхъ правъ. Это какъ бы увѣковѣчиваетъ строй индивидуальныхъ хозяйственныхъ интересовъ: за личнымъ интересомъ обеспечивается безсмертіе; превосходство индивидуальной воли передъ коллективной получаетъ окончательное признаніе.

Извѣстно, что значительная часть этой «индивидуалистической», «либеральной» или, какъ ее еще иначе называютъ, фритредерской системы была упразднена въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій девятнадцатаго столѣтія; это упраздненіе особенно сказывается въ области рабочаго законодательства. Однако, это наблюденіе не должно препятствовать намъ постигнуть идейное содержаніе новаго экономического законодательства сперва во всей его чистотѣ. И только тогда мы сможемъ ясно понять, что въ позднѣйшихъ мѣропріятіяхъ является реакціей, и что дальнѣйшимъ развитіемъ.

На этомъ я намѣренъ закончить главу объ элементахъ «государства и права»; хотя она и кратка, а между тѣмъ на данную тему можно было бы сказать еще не мало. Въ особенности я могъ бы много рассказать еще о тѣхъ положительныхъ мѣропріятіяхъ, которыя обыкновенно государство проводитъ въ интересѣ «экономическаго прогресса» даже при принципиально «индивидуалистическомъ» строѣ народнаго хозяйства. Но къ чему бы я въ такомъ случаѣ пришелъ? Если бы я хотѣлъ ограничить свое сообщеніе только указаніемъ на постановку профессиональнаго образованія и на государственныя правила о подборѣ племенного скота, на таможенную политику и вывозныя преміи, на сельско-хозяйственныя, промышленныя и торговыя палаты,

на организацію выставокъ и консульскихъ наблюденій на охраненіе фирмъ, патентовъ и моделей, и на тысячу подобнаго рода вещей, то мнѣ пришлось бы исписывать листы за листами, читатель отчаянно скучалъ бы, и тѣмъ не менѣе, все это было бы безцѣльно. Читатель не достигъ бы такимъ путемъ болѣе глубокаго пониманія существенныхъ чертъ германской экономической жизни, и даже, напротивъ, его взоръ нерѣдко терялся бы въ пестрыхъ мелочахъ. Вслѣдствіе этого я вообще предпочитаю отказаться отъ изложенія подробностей и довольствуюсь суммарнымъ обзорѣмъ главныхъ событій, которое я попытался дать въ нѣсколькихъ вышеприведенныхъ замѣчаніяхъ. Впрочемъ, въ дальнѣйшемъ изложеніи мнѣ еще не разъ представится случай сообщить нѣчто болѣе точное по поводу того или другого юридическаго учрежденія или административнаго устройства.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

Техника.

І. Принципы экономической техники нашего времени.

Настоящая глава представляетъ чрезвычайно важное значеніе; ея тема столь же привлекательна, какъ и трудна, намъ предстоитъ изобразить картину техническихъ завоеваній: или, заключая нашъ предметъ въ болѣе соотвѣтствующія ему границы, мы скажемъ точнѣе, что собираемся изложить процессъ развитія экономической техники въ девятнадцатомъ столѣтіи, а также выяснить ея значеніе для хозяйственной жизни Германии. Въ самомъ дѣлѣ, хотя намъ нѣтъ нужды идти въ указанномъ направленіи такъ далеко, какъ нѣкоторые писатели (въ особенности, конечно, представители техническихъ наукъ, которые прямо-таки приравниваютъ техническое развитіе экономическому), тѣмъ не менѣе, нельзя не признать, что экономическая революція, совершившаяся въ теченіе прошлаго столѣтія, была въ значительной мѣрѣ вызвана техническими преобразованіями. Намъ нѣтъ необходимости слѣпо преклоняться предъ техническимъ прогрессомъ; мы можемъ прекрасно понимать, что техника и духовная культура, а уже подавно техника и человѣческое счастье находятся лишь въ слабой зависимости другъ отъ друга; мы въ состояніи представить себѣ, что человѣчество, пользующееся колоссальными успѣхами техники, можетъ снова погрузиться въ полное варварство, а его отдѣльные представители могутъ стать болѣе жалкими, чѣмъ когда-либо, и все-таки намъ придется удивляться великимъ подвигамъ, которые человѣческій духъ совершилъ въ области техники за истекшее столѣтіе. Эти подвиги неслыханы въ міровой исторіи. Никогда еще господство человѣка

надъ вѣшней природой не достигало даже приблизительно такой степени развитія за данный промежутокъ времени; никогда еще, насколько намъ извѣстно, столь радикальный переворотъ въ основахъ технического производства не совершался въ теченіе жизни столь немногихъ поколѣній людей. Кто хочетъ ознакомиться съ какимъ угодно явленіемъ общественной жизни въ Европѣ девятнадцатаго столѣтія, тотъ долженъ благоговѣнно погрузиться мыслью въ міръ безчисленныхъ изобрѣтеній и открытій, изъ которыхъ создана современная намъ техника.

Въ настоящее время никто не нуждается въ пространномъ доказательствѣ подобной истины: она извѣстна всякому образованному человѣку. Но хотя ея пониманіе и создаетъ вѣрное умонастроеніе для оцѣнки значенія техники, однако, сама эта оцѣнка еще отнюдь не достигается такимъ путемъ. Чувство сильного смущенія овладѣваетъ тѣмъ, кто, какъ я въ данномъ случаѣ, долженъ въ немногихъ словахъ сообщить, на чемъ именно фактически основывается значеніе техники для измѣненій, происшедшихъ въ хозяйственной жизни за истекшее столѣтіе. Для этой цѣли проще всего было бы дать обзоръ техническихъ завоеваній во всѣхъ областяхъ, о которыхъ можетъ идти у насъ рѣчь. Очевидно, однако, что этотъ обзоръ не удобенъ; дѣйствительно, въ такомъ случаѣ намъ предстояло бы написать «Buch der Erfindungen» («Книгу объ изобрѣтеніяхъ»), для которой даже при самомъ краткомъ изложеніи ея содержанія потребовалось бы 729 страницъ лексиконнаго формата съ плотно набраннымъ текстомъ; между тѣмъ общіе размѣры нашего сочиненія предоставляютъ въ наше распоряженіе для изложенія успѣховъ техники въ девятнадцатомъ столѣтіи не болѣе одной двадцатой части выше-означеннаго текста. Но, можетъ-быть мы выйдемъ изъ затрудненія, если станемъ излагать содержаніе нашей темы съ соотвѣтственнымъ выборомъ, то-есть, если обратимъ вниманіе нашего читателя на «важнѣйшія» открытія и изобрѣтенія. Таковъ на самомъ дѣлѣ и есть обычный методъ, который примѣняется почти во всѣхъ безчисленныхъ обзорахъ, появившихся въ концѣ истекшаго столѣтія. Я считаю, однако, этотъ методъ просто-таки опаснымъ. Онъ даетъ намъ соблазнительный поводъ останавливаться на частностяхъ, переоцѣнивать значеніе отдѣльныхъ изобрѣтеній и тѣмъ самымъ приводить насъ къ невѣрному заключенію объ общемъ вліяніи техническихъ условій на народно-хозяйственную жизнь. Между тѣмъ дѣло идетъ, главнымъ образомъ, о томъ, чтобы выяснитъ необходимую связь, существующую между всѣми изобрѣтеніями и открытіями, какъ малыми, такъ и большими. Но я закрою путь къ выясненію такой связи, если изъ совокупности техническихъ нововведеній выхвачу, напримѣръ, или введеніе пользованія паровой силой, или изобрѣтеніе прядильной машины, или примѣненіе электричества, или устройство желѣзныхъ дорогъ, или, наконецъ, еще что-нибудь подобное. Я не говорю уже о томъ, что всякій такой выборъ неизбежно произволенъ. Тѣ изобрѣтенія, которые болѣе всего бросаются въ глаза, отнюдь не всегда бываютъ «самыми важными», если только мы непремѣнно хотимъ воспользоваться здѣсь этимъ понятіемъ. Напримѣръ, открытіе совре-

меннаго намъ машиннаго способа обработки желѣза, сдѣланное Маудсле (Maudslay), мнѣ кажется столь же важнымъ, какъ и изобрѣтеніе механическаго прядильнаго станка, между тѣмъ о первомъ лишь изрѣдка сообщаются нѣкоторыя свѣдѣнія въ обзорахъ техническихъ открытій и изобрѣтеній; употребленіе искусственнаго удобрения я считаю болѣе важнымъ, чѣмъ пользование паровой силой; за изобрѣтеніями Корта, Бессемера и Томаса я склоненъ признать, по меньшей мѣрѣ, то же практическое значеніе, что и за изобрѣтеніями Фультона и Стивенсона; можетъ-быть, принципиальная важность открытія Рунге значительнѣе важности изобрѣтеній Рейсса и Белля, и такъ далѣе до безконечности. Мы можемъ утверждать съ увѣренностью только нижеслѣдующее: ни одно изъ безчисленныхъ открытій не имѣло бы даже приблизительно того пракческаго значенія, которое оно имѣетъ теперь, если бы на ряду съ нимъ не существовали всѣ остальные открытія и изобрѣтенія. Это заключеніе опять приводитъ насъ къ признанію внутренней связи между всѣми явленіями современной намъ техники,—признанію, которое служило намъ исходнымъ пунктомъ; а послѣднее обстоятельство снова ставитъ насъ лицомъ къ лицу съ необходимостью перечислить всѣ эти явленія, чего, какъ еще раньше выяснилось, мы не можемъ сдѣлать.

Мы въ состояніи освободиться отъ этого противорѣчія только однимъ путемъ: именно, мы выйдемъ изъ него въ томъ случаѣ, если намъ удастся открыть особаго рода принципъ, на которомъ въ одинаковой мѣрѣ основываются всѣ завоеванія новѣйшей техники, и, кромѣ того, если мы сумѣемъ съ достаточной убѣдительностью показать, какимъ образомъ успѣхи послѣдней вытекаютъ изъ этого принципа. Подобная постановка задачи выводитъ меня также изъ границъ моихъ собственныхъ, болѣе раннихъ изслѣдованій, которые относятся къ настоящему предмету, и сводъ которыхъ можно найти въ моемъ сочиненіи о «Современномъ капитализмѣ». Въ данномъ случаѣ я пытаюсь устранить послѣдніе остатки казуистики, сохранявшіеся до сихъ поръ въ моемъ изложеніи, и полагаю, что я въ состояніи предложить вниманію читателя, пока лишь въ видѣ очерка, безупречное ученіе объ основныхъ началахъ современной техники. При этомъ надо ожидать, что подобнаго рода углубленіе нашего изслѣдованія замѣтно упроститъ изложеніе предмета.

Первый изъ принциповъ, на которомъ покоится знаніе современной техники, носитъ формальный характеръ; онъ основывается на примѣненіи естественныхъ наукъ къ техникѣ и на превращеніи такимъ путемъ эмпирическихъ приѣмовъ послѣдней въ рациональные или научные. Какъ ни удивительны завоеванія старой техники, однако, вся она была эмпирической, то-есть, основывалась на личномъ опытѣ, который передавался тоже путемъ личнаго обученія отъ одного мастера къ другому и изъ одного поколѣнія въ другое. Предполагалось, что искусство, казавшееся чудеснымъ секретомъ, было передано богамъ первымъ людямъ; послѣдніе же передали его своимъ сыновьямъ въ качествѣ драгоценнаго наслѣдства. Труженики съ благодарностью прини-

мали тѣ дары природы, которые они извлекали изъ нея непостижимой дѣятельности. Всѣ культуры прежняго времени были далеки отъ проникновенія въ тайны природы. Люди знали приемы, посредствомъ которыхъ можно было прясть шерсть, строить мосты, плавить желѣзную руду; это казалось достаточнымъ. Когда кто-либо случайно открывалъ способъ, скорѣе и лучше ведшій къ данной цѣли, то такое событіе прославлялось какъ особенно счастливый актъ провидѣнія, какъ благословеніе неба. Люди усваивали это открытіе, хранили его и передавали потомкамъ, подобно тому, какъ отецъ завѣщаетъ полученный имъ цѣнный даръ своему сыну. Соотвѣтственно этому, всякое ученіе могло быть только ученіемъ о правилахъ технического искусства, то-есть, указаніемъ приемовъ, которые слѣдовало употреблять для достиженія извѣстнаго результата—опредѣленной технической цѣли.

Но вотъ въ этотъ полумракъ священнодѣйствія падаетъ яркій лучъ естественно-научнаго познанія. Дерзко-вызывающее «я знаю» замѣняетъ собою скромно-горделивое «я могу». Я знаю, почему деревянные устои мостовъ не гниютъ, если они погружены въ воду; я знаю, почему вода подымается вслѣдъ за поршнемъ насоса; я знаю, почему желѣзо плавится подъ вліяніемъ притока воздуха; я знаю, почему растеніе лучше произрастаетъ на удобренномъ мною полѣ; я знаю, я знаю, я знаю—таковъ девизъ новаго времени, которое съ его помощью радикально измѣняетъ технические приемы. Теперь уже все производится не потому, чтобы мастеръ обладалъ индивидуальнымъ умѣньемъ это дѣлать, а потому, что всякій, занимающийся извѣстнымъ предметомъ, знаетъ законы, на которыхъ основанъ техническій процессъ; правильное же соблюденіе этихъ законовъ обезпечиваетъ успѣхъ каждому труженику. Тогда какъ прежде люди работали согласно извѣстнымъ правиламъ, теперь ихъ дѣятельность руководится законами, обоснованіе и приложеніе которыхъ является специфической задачей рациональнаго метода. Это ставить технику въ безусловную зависимость отъ теоретическаго естествознанія, прогрессъ котораго составляетъ единственный моментъ, опредѣляющій размѣры ея собственной производительной способности. По этой причинѣ можно ясно прослѣдить, какъ этапы въ развитіи современной техники опредѣляются великими, создающими эпоху событіями въ области естественно-научнаго познанія. Первый этапъ образовали законы механики, установленные Ньютономъ въ формѣ, которая для современной науки имѣетъ окончательное значеніе; затѣмъ второй этапъ относится къ восьмидесятымъ годамъ восемнадцатаго столѣтія, когда Лавуазье обосновалъ свою теорію горѣнія; третье великое событіе, опредѣляющее развитіе техники, падаетъ на 1828 г. (открытіе Вѣлеромъ синтетическаго способа добыванія мочевины); наконецъ, послѣдняя, особенно плодотворная эпоха современной намъ техники началась съ того момента, когда Робертъ Майеръ открылъ въ 1841 году законъ о сохраненіи энергіи. Нижеслѣдующія разсужденія объясняютъ намъ, почему именно перечисленные мною открытія получили особенно важное значеніе въ исторіи технического развитія.

Здѣсь мы снова должны припомнить, что моментъ, когда естественныя

науки начинаютъ вліять на технику, слѣдуетъ искать не раньше, какъ около послѣднихъ десятилѣтій восемнадцатаго столѣтія; такимъ образомъ, научные методы, на самомъ дѣлѣ, проникаютъ въ область технической практики въ сущности лишь въ девятнадцатомъ вѣкѣ. Это явленіе можно наблюдать особенно ясно въ Германіи, которая одна интересуетъ насъ въ данномъ случаѣ.

Правда, изобрѣтеніе паровой машины, которая вѣдь, безспорно, является дѣтищемъ естественно-научнаго мышленія, всецѣло принадлежитъ восемнадцатому столѣтію. Но надо помнить, что хотя идея паровой машины, выработанная естественно-научнымъ духомъ новаго времени, развилась въ восемнадцатомъ вѣкѣ, однако, она вплоть до девятнадцатаго столѣтія осуществлялась въ границахъ старой эмпирической техники, а эти границы были очень узки: машины еще въ началѣ истекшаго вѣка строились съ помощью долота, молота и совершенно простыхъ буровыхъ инструментовъ; при этомъ участіе плотника въ работѣ было еще значительнѣе участія слесаря, потому что желѣзо также еще добывалось традиціоннымъ, старо-франконскимъ способомъ и не могло быть доставляемо машиностроителямъ въ произвольно-большомъ количествѣ. Поэтому мы въ правѣ, конечно, сказать, что эра паровой машины, въ особенности для Германіи, тоже наступаетъ лишь въ девятнадцатомъ столѣтіи. А то, что мы сообщили о паровой машинѣ и ея постройкѣ, относится въ одинаковой степени ко всѣмъ рабочимъ машинамъ*); ихъ употребленіе также нельзя приписывать современной техникѣ до тѣхъ поръ, пока ихъ изготовленіе совершается еще въ чисто-эмпирическомъ духѣ; но дѣло обстоитъ повсемѣстно именно такимъ образомъ еще въ началѣ девятнадцатаго столѣтія.

Тотъ же самый духъ еще господствовалъ и во всей остальной области техники. Хотя пудлингованіе, введенное въ сферу желѣзной индустрии (съ конца восьмидесятихъ годовъ восемнадцатаго столѣтія), представляло собою значительный прогрессъ, тѣмъ не менѣе, весь этотъ способъ оставался пока чисто-эмпирическимъ. Знакомство съ процессами, которые совершаются въ доменной или въ пудлинговой печакѣ и создаютъ чугуны или ковкое желѣзо, еще не было обосновано научнымъ образомъ. Еще Гѣнтсманъ и Фридрихъ Круппъ—изобрѣтатели литой стали—были чистыми эмпириками, совершенно незнакомыми съ химическимъ составомъ послѣдней.

Правда, сельскіе хозяева, ведшіе свое дѣло по методу Тэера, называли себя рациональными сельскими хозяевами. Но они заслуживали этого названія развѣ только въ экономическомъ смыслѣ, такъ какъ техника сельскохозяйственнаго производства еще оставалась безусловно эмпирической. Такъ называемая «теорія гумуса», на которой Тэеръ построилъ свою плодосѣйную

*) Авторъ проводитъ во всей настоящей главѣ опредѣленное различіе между рабочей «машиной» (Arbeitsmaschine) и «двигателемъ» (Kraftmaschine); первая представляетъ собой механизмъ, специально приспособленный для непосредственнаго совершенія извѣстной операціи надъ обрабатываемымъ матеріаломъ производства, второй же—источникъ развитія энергіи, заставляющій работать машину перваго рода.

систему, не основывалась на естествознании и распалась в тот самый миг, когда Либих впервые дал научное обоснование закону произрастания растений. Таким же образом дело обстояло и во всех других областях техники.

Отчего же это естественно-научный метод получает такое радикально-революционное значение в применении к технике? Мы скорее всего получим ответ на этот вопрос, если выясним сперва, что именно составляет основу совершенно нового принципа современного нам естествознания. Очевидно, в самом деле, что мы легче объясним себе своеобразное влияние естественных наук в том случае, если познаем господствующий в них дух.

Можно сказать, что новейшее естествознание стремится к непрерывной замене качества количеством; эта замена находит свое конечное и самое совершенное выражение в математической формуле. Уже Кант учил нас, что мы имеем право говорить о познании естественных законов только тогда, когда какому-нибудь процессу, происходящему в природе, соответствует математическая формула. Нашу мысль можно выразить иначе таким образом: главная задача естествознания состоит в том, чтобы «изгнать душу» из природы. Где нѣкогда предполагалось присутствие живых существ и их деятельность—

Diese Höhen füllten Oreaden,
Eine Dryas lebt in jedem Baum,
Aus den Urnen lieblicher Najaden
Sprang der Ströme Silberschaum;
Durch die Schöpfung floss da Lebensfülle,
Und was nie empfinden wird, empfand*),—

там теперь царствует взаимодействие мертвых тел; в этом заключается требование строгой системы идей, которая является результатом развития естественно-научного мышления вплоть до самого последнего времени. Приятно наблюдать, как прогрессирующее естествознание осуществляет свою истинную задачу—изгнание логическим путем живой души из вещей, как затѣм успехи естественных наук оказывают явное влияние на постепенное вытѣснение воззрений, которые терминология нашего времени называет виталистическими. Еще Галилей объяснял поднятие воды за поршнем насоса на основании предположения о *horror vacui* природы, то-есть, он выводил это влияние из совершенно олицетворенного чувства отвращения к безвоздушному пространству, приписывая это чувство всем веществам природы. В это время (в 1643 г.) Торичелли изобрѣл барометр, что привело к доказатель-

*) Эти вершины были полны ореадъ,

Въ каждомъ деревѣ жила дриада,

Урны милостивыхъ наядъ

Брызгали серебристой пѣной потоковъ;

Тогда міръ кипѣлъ полнотою жизни,

И неспособное чувствовать тогда чувствовало.

ству всемошности воздуха. А флогистонъ основанной Шталемъ теоріи горѣнія, который обитаетъ во всехъ тѣлахъ и исчезаетъ изъ нихъ вмѣстѣ съ пламенемъ,—что это, какъ не своего рода огневая душа, таинственно введенная въ міръ матеріи? Теорія горѣнія Лавуазье, въ свою очередь, въ сущности лишь замѣнила качественное опредѣленіе, основанное на фантазии, количественнымъ опредѣленіемъ, выраженнымъ математическою формулою. Именно Лавуазье получил особенное значеніе въ дѣлѣ обоснованія современного естественно-научного мышления вслѣдствіе того, что онъ внутреннюю жизнь тѣлъ, взаимныя отношенія ихъ составныхъ частей какъ бы открылъ доступу математической формулы и количественнаго опредѣленія; между тѣмъ до тѣхъ поръ послѣднія господствовали исключительно въ области внѣшняго движенія тѣлъ. Въ историко-химическомъ отдѣлѣ всемірной выставки 1900 года въ Парижѣ зритель могъ замѣтить неуклюжіе, старенькіе вѣсы—это были вѣсы Лавуазье; они сдѣлались истиннымъ символомъ духа нашего времени.

Какъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ, такъ и во множествѣ другихъ, прогрессъ научнаго естествознанія всегда сводится къ тому, что можно назвать изгнаніемъ души изъ естественнаго процесса. Напомню только еще объ одномъ особенно замѣчательномъ случаѣ: я имѣю въ виду разрушеніе теоріи «жизненной силы», *vis vivendi*, при помощи ряда открытій синтетическаго добыванія органическихъ тѣлъ; начало этихъ открытій относится къ 1828 году; благодаря этому, «психѣ» (душа) оказалась окончательно изгнанной изъ своего послѣдняго убѣжища—области организованной матеріи; говоря «окончательно», я, конечно, имѣю въ виду состояніе естественныхъ наукъ въ девятнадцатомъ вѣкѣ, которое одно только и интересуетъ насъ въ настоящемъ случаѣ.

Но все эти соображенія имѣютъ для насъ значеніе, лишь поскольку они знакомятъ насъ со слѣдствіями, которыя вытекаютъ для техники изъ подобнаго преобразованія естественныхъ наукъ. Когда мы представимъ себѣ то измѣненіе, которому подверглось все міросозерцаніе, общая картина міра, космологія, благодаря влиянію прогрессирующаго естествознанія (въ смыслѣ современныхъ «точныхъ» естественныхъ наукъ), намъ будетъ легче установить вышеозначенный фактъ. Люди прежняго времени, исходя изъ своего анимистическаго созерцанія природы, пришли вполне самостоятельно къ вѣрѣ въ одушевленнаго Бога, Творца неба и земли. Древній богъ былъ не кто иной, какъ великій художникъ, совершенный ремесленникъ, который создалъ міръ благодаря своему строго-личному, эмпирическому умѣнью. По своему образу онъ создаетъ человѣка, и душа Бога продолжаетъ жить въ его твореніи. Богъ является всецѣло и непосредственно заинтересованнымъ въ своемъ твореніи, подобно ремесленнику, для котораго успѣхъ его труда составляетъ наивысшую награду: «и Богъ видѣлъ, что это было хорошо». Чисто-ремесленническая натура міроздателя обнаруживается въ иудейскомъ мнѣніи о сотвореніи Вселенной съ такой прозрачностью, что Богъ даже доводитъ до конца свое твореніе: именно въ нормальное рабочее время каждаго ремесленника—въ шесть дней недѣли.

Для бога-ремесленника нѣтъ болѣе мѣста въ природѣ, какъ ее представляютъ себѣ наши химики и физики.

Fühllos selbst für ihres Künstlers Ehre,
Gleich dem toten Schlag der Pendeluhr,
Folgt sie knechtisch dem Gesetz der Schwere
Die entgötterte Natur *).

Творецъ отдѣляется отъ своего творенія. Онъ, пожалуй, еще представляется въ видѣ великаго организатора, объединяющаго элементы. Но затѣмъ эти послѣдніе производятъ уже собственной «силой» тѣ сочетанія, которыя создаютъ міръ тѣлъ. «Миропроизводство», если можно такъ выразиться, стало рационалистически совершающимся процессомъ, который происходитъ на основаніи математически выразимыхъ «законовъ»; самъ производитель тоже подчиненъ дѣйствію этихъ законовъ, и если только онъ хочетъ достигнуть намѣченной цѣли, онъ долженъ имъ слѣдовать съ заботливыхъ стараніемъ.

Однако, приведенное разсужденіе уже показываетъ намъ, въ чемъ должно обнаруживаться радикально-революціонное дѣйствіе на технику современнаго намъ естествознанія. Оно проявляется, очевидно, въ слѣдующемъ: при примѣненіи естественно-научныхъ теорій къ техническимъ предпріятіямъ послѣднія разсматриваются теперь уже не въ качествѣ произведенія живой, дѣйствующей личности (ремесленника), какъ то было до тѣхъ поръ, а въ качествѣ самостоятельно развивающагося процесса движенія неодушевленныхъ тѣлъ. Такимъ образомъ, естественно-научное познаніе освободило технику отъ ограниченій, налагавшихся на нее органической жизнью вообще и прежде всего—жизнью человѣка. Однако, дѣло освобожденія (о которомъ здѣсь именно идетъ рѣчь) еще не завершилось устраненіемъ такого рода ограниченія. Мы уже видѣли, что изгнаніе души даже изъ міра организованной матеріи является особенной заслугой естествознанія девятнадцатаго столѣтія. А практическое значеніе этого факта, то-есть, его значеніе для техники, состоитъ въ освобожденіи послѣдней отъ животнаго и растительнаго организмовъ, какъ необходимыхъ посредниковъ въ производствѣ или обработкѣ благъ; мы уже познакомились эмпирическимъ путемъ съ этимъ явленіемъ, и я еще подробно разсмотрю его огромное значеніе для формообразованія міра хозяйственныхъ благъ. Но прежде всего мнѣ хотѣлось бы резюмировать эти общія разсужденія о духѣ и направленіи технического развитія новѣйшей эпохи въ слѣдующемъ положеніи: руководясь предыдущимъ доказательствомъ, мы должны теперь признать тенденцію къ практическому освобожденію отъ ограниченій, налагаемыхъ организованной матеріей—человѣкомъ, животнымъ, растеніемъ—за основ-

*) Природа, лишенная божества,
Относится равнодушно даже къ славѣ создавшаго ее художника
И подобно удару безжизненнаго маятника,
Рассеи подчиняется закону тяготѣнія.

ной матеріальной принципъ современной техники; къ нему, слѣдовательно, сводятся (какъ будетъ показано ниже) всѣ выдающіяся завоеванія девятнадцатаго вѣка въ области техники. Та же мысль можетъ быть выражена еще въ слѣдующей формѣ: подобно тому, какъ естественно-научная теорія основывается на изгнаніи души изъ природы, такъ точно и всѣ характерныя явленія, обнаруживаемыя современной намъ практической областью сводятся къ изгнанію души изъ техники.

Освобожденіе отъ ограниченій, налагаемыхъ организованной матеріей, означаетъ въ нѣсколько иной формулировкѣ замѣну природы искусствомъ, живой природы—мертвой, личнаго начала—вещнымъ, качества—количествомъ. Этотъ переворотъ можетъ быть прослѣженъ во всѣхъ элементахъ техники: силы, вещества, способы дѣйствія,—всѣ въ одинаковой мѣрѣ подверглись его вліянію.

Правда, человѣчество еще до девятнадцатаго столѣтія пользовалось, на ряду съ животными и человѣческими организмами, водою и вѣтромъ, какъ движущими силами. Но, не говоря уже о томъ, что оба эти источника силы далеко уступали по своему значенію организованнымъ источникамъ, они еще походили на послѣдніе въ томъ отношеніи, что были связаны съ мѣстомъ и временемъ. Вопросъ о томъ, въ какомъ направленіи и когда люди должны были пользоваться силою воды и вѣтра, рѣшался исключительно капризами ниссовъ *) и бога вѣтровъ. И только тогда, когда стало извѣстно техническое примѣненіе напряженія водяного пара и электрическаго тока, человѣчество открыло въ мертвой природѣ такой источникъ силы, которымъ оно смогло произвольно располагать какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ. Поэтому переходъ къ пользованію паромъ и электричествомъ, какъ движущими силами, образуетъ собою актъ освобожденія современной намъ техники; этотъ актъ вытекаетъ съ особенной ясностью изъ своеобразнаго характера новѣйшаго естественно-научнаго изслѣдованія.

И, подобно механической силѣ, въ технику нашего времени господствуетъ неорганическая матерія; это господство проявляется въ роли желѣза, искусственнаго удобрения, анилиновыхъ красокъ и тому подобныхъ веществъ.

Но важнѣе всего тотъ фактъ, что даже современные технические способы, методы труда, проникнуты тѣмъ же самымъ духомъ. Они также стремятся къ освобожденію отъ ограничивающихъ условій органическаго міра. Эта тенденція особенно замѣтна во всѣхъ отрасляхъ химической индустріи, которая, собственно говоря, основана на идеѣ искусственнаго синтеза полезныхъ веществъ. Что нѣкогда создавалось таинственною дѣятельностью лѣса, цвѣтами растеній, организма животныхъ, теперь производится по волѣ человѣка въ ретортѣ или муфелѣ химика; сюда относятся: пріятные

*) «Ниссы».—русалки германскихъ народныхъ повѣрій.

запахи и вкусы, краски и волокнистые вещества, средства удобрения и осветительные материалы.

В то время как химические способы техники, при производствѣ потребительныхъ благъ, стремятся, главнымъ образомъ, къ возможности обходиться безъ животныхъ и растительныхъ организмовъ, основная идея машинныхъ способовъ труда заключается въ освобожденіи вышеназваннаго производства отъ содѣйствія живого человѣка. Экономическій принципъ машины, о которомъ я подробно говорилъ въ моемъ «Современномъ капитализмѣ», основывается на замѣщеніи одного рода труда другимъ. Машина есть приборъ, предназначенный для выполненія работы, которая безъ этого должна была бы быть сдѣлана человѣкомъ. Идеаломъ совершенной машины является автоматически дѣйствующій механизмъ, которымъ человѣку оставалось бы только пользоваться безъ всякихъ усилій со своей стороны.

Конечно, однако, машина отнюдь не представляетъ собою завоеванія девятнадцатаго столѣтія; скорѣе, можно утверждать, что она такъ же стара, какъ само человечество. Тѣмъ не менѣе, намъ кажется позволительнымъ признать принципъ машины основнымъ началомъ современной техники; для этого признанія существуютъ два мотива. Прежде всего примѣненіе машинъ, насколько намъ извѣстно, еще никогда не являлось въ такой мѣрѣ цѣлью сознательныхъ стремленій во всѣхъ областяхъ техники, какъ мы это видимъ теперь. Было время, когда машина представляла собою нѣчто случайное; ее вводили въ употребленіе просто, какъ извѣстное орудіе, не размышляя много по поводу нея. Въ настоящее же время люди стремятся къ изобрѣтенію машины; техникъ ломаетъ надъ ней голову. Духъ машины проникаетъ всю область техники, поскольку послѣдняя не пользуется химическими способами производства. Этотъ духъ времени, по существу направленный въ сторону машинной техники, выражается въ томъ фактѣ, что работою машинъ сознательно пользуются въ цѣляхъ производства машинъ же; такого рода машинное производство машинъ, свойственное (какъ я покажу впоследствии точнѣе) лишь девятнадцатому столѣтію, является вторымъ основаніемъ, въ силу котораго принципъ машины принимается за характерный признакъ техники девятнадцатаго вѣка.

Для правильной оцѣнки практическаго вліянія новой техники необходимо проводить различіе между значеніемъ примѣненія научнаго метода, какъ такового, и тѣми дѣйствіями, которыя являются результатомъ перехода въ техническихъ предпріятіяхъ отъ органической природы къ неорганической.

По поводу зависимости, существующей между научными способами производства и великими завоеваніями современной техники, надо сказать нижеслѣдующее.

Прежде всего подвергается коренному преобразованію то, что я хотѣлъ бы назвать характеромъ обладанія техническимъ умѣньемъ. Техническое умѣнье какъ бы объективируется благодаря тому, что рациональные способы получаютъ права гражданства въ области производства. Мы уже видѣли прежде, что всякій способъ технического искусства основывается на

его тѣсной зависимости отъ личности «мастера»; первый появляется на свѣтъ съ послѣднимъ, и съ нимъ же онъ умираетъ. Только то, что ученику удалось подслушать и высмотрѣть у мастера, только это одно и сохраняется послѣ смерти послѣдняго; оно опять-таки укореняется въ личности ученика, вмѣстѣ съ которою и исчезаетъ. Въ противоположность этому, рациональный способъ представляется существующимъ самостоятельно и объективированнымъ, какъ понятное и достижимое для кого угодно знаніе, которое не зависитъ отъ личности, выполняющей работу. Будучи разъ облечено въ словесную и письменную форму, знаніе является вѣчной собственностью всѣхъ будущихъ поколѣній. Это обстоятельство освобождаетъ знаніе отъ случайностей личнаго начала въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, такимъ образомъ предотвращается полная утрата знанія, а во-вторыхъ, разъ записанный научно-технический способъ не нуждается для своего приложенія въ существованіи опредѣленнаго индивидуума, связаннаго съ даннымъ мѣстомъ и временемъ. Пока промышленная дѣятельность и даже современная капиталистическая индустрія находились еще на эмпирической ступени развитія, новыя индустріальныя отрасли могли возникать въ какой-нибудь странѣ только тогда, когда туда переселяли людей, знавшихъ промышленный секретъ. Прізываніе монашескаго ордена гумилатовъ многими средневѣковыми городами, привлеченіе Англіей брабантскихъ суконщиковъ, а Франціей итальянскихъ прядильщиковъ и ткачей шелка, наконецъ, вся политика Гогенцоллерновъ по отношенію къ эмигрантамъ—все это краснорѣчивыя доказательства того, что въ то время техническое искусство еще соединялось съ личностью мастера. Позднѣе это искусство соединяется на нѣкоторое время съ вещами; тогда какая-нибудь страна хлопочетъ, положимъ, о томъ, чтобы извѣстныя машины не вывозились за границу; таковъ примѣръ Англіи начала истекшаго столѣтія. Въ настоящее же время стоитъ лишь какой-либо націи послать своихъ молодыхъ инженеровъ и техниковъ въ нѣмецкія высшія школы, и она получитъ возможность какъ угодно примѣнять въ собственной странѣ всю соль современной технической мудрости. Подобно тому, какъ рациональные методы освободили практическое примѣненіе и цѣлость технического искусства отъ случайности индивидуальнаго начала, такъ же точно и даже въ еще большей степени увеличеніе технического умѣнья содѣйствовало достиженію того же самаго результата. Вмѣсто дѣйствія осязую и наугадъ, которое, какъ мы видѣли, свойственно всякой эмпириі, при рациональныхъ способахъ техники является планомѣрное, методическое и основанное на знаніи исканіе связи между употреблявшимися до тѣхъ поръ способами производства. Экспериментъ замѣняетъ собой пробу, случайный изобрѣтатель превращается въ научно-методическаго, а сама дѣятельность изобрѣтателя перестаетъ быть случайно-дилетантскимъ занятіемъ какого-нибудь даровитаго священника или остроумнаго цырульника, а становится профессіей ученаго специалиста. Представимъ себѣ, насколько изобрѣтательная дѣятельность должна была увеличить скорость появленія новоизобрѣтеній совершенно неизвѣстнымъ и недоступнымъ эмпирической technikъ образомъ!

Однако, благодаря пользованию наукой, утрачивают свой случайный характер не только сущность технических навыков и их рост, но также и само выполнение работы. Техническое умение становится надежнее, доступнее контролю, точнее. Причина этого понятна: когда все связи произведенного процесса выяснились, впервые явилась возможность планомерно избывать или устранять вредные условия работы и заполнять пробелы, обнаруживаемые данным техническим приемом. Цѣлая отрасли крупной промышленности достигли полного расцвѣта лишь послѣ того, какъ химія, а въ недавнее время бактериологія доставили средства для непрерывнаго развитія производства и избѣжанія всякаго рода пертурбирующихъ условий, которыя до тѣхъ поръ были недоступны контролю. Вспомнимъ по этому поводу о пивоваренномъ производствѣ. Множество измѣрительныхъ приборовъ разнаго рода и калибра, своеобразные способы контроля, точные индикаторы, регистрирующіе аппараты, химическія пробы, вспомогательныя физическія приспособленія, какъ, на примѣръ, поляризационные инструменты, спектроскопы, манометры, нажимные динамометры, и т. д., — все это находится теперь въ распоряженіи современной техники, давая ей возможность достигнуть вышеупомянутой точности выполненія производственныхъ процессовъ.

Послѣднее замѣчаніе приводитъ насъ уже къ другому рода вопросу, а именно—къ вопросу о томъ, какое значеніе имѣетъ новый матеріальный принципъ современной намъ техники для практической дѣятельности. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что вышеназванное усовершенствованіе методовъ измѣренія и взвѣшиванія уже обнаруживаетъ тенденцію, которую мы признали характерной для техники нашихъ дней, а именно тенденцію къ освобожденію отъ всего органическаго, въ данномъ случаѣ отъ человѣка. Въ теченіе всей предыдущей эпохи опредѣленіе извѣстныхъ агрегатныхъ или термическихъ состояній, измѣреніе и взвѣшивание производились въ сущности на основаніи человеческихъ способностей ощущенія—вкуса, обонанія, зрѣнія. Теперь объективно точныя опредѣленія вѣса, длины, теплоты, толщины, продолжительности, которыя производятся при помощи измѣрительныхъ и взвѣшивательныхъ приборовъ, построенныхъ на научно-точныхъ основаніяхъ, замѣнили собою субъективно-случайное опредѣленіе вышеперечисленныхъ величинъ. Освободительное начало обнаруживается здѣсь въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ, техника становится независимой отъ случайныхъ способностей извѣстныхъ лицъ, которыя обладаютъ особенно тонкимъ вкусомъ, чувствительными нервами, острымъ зрѣніемъ и хорошимъ слухомъ; во-вторыхъ, выполненіе техническихъ работъ утрачиваетъ, естественно, ему свойственный характеръ случайности; этотъ послѣдній сохранялся техникой до тѣхъ поръ, пока выполненіе ея функций лежало на живыхъ людяхъ, въ жилахъ которыхъ течетъ горячая кровь.

Здѣсь мы уже коснулись того пункта, гдѣ обнаруживается принципиальное значеніе усовершенствованныхъ машинъ: именно послѣднія въ состояніи довести выполненіе какого-либо приѣма до такой сте-

пени точности, какой человѣкъ никогда не способенъ достигнуть. Даже самое тонкое орудіе, самый острый грифель или рѣзецъ въ рукѣ работника въ состояніи лишь помогать ловкости рукъ; напротивъ, рабочей машинѣ эти границы не извѣстны. Для машины уже не нужна совмѣстная дѣятельность глаза и руки, являющаяся основой всякаго усовершенствованія ловкости рукъ; машина можетъ рѣзать тоньше и повторять какой-нибудь актъ работы съ гораздо большей точностью и правильностью, чѣмъ какая-либо человеческая рука; машина замѣняетъ собою въ болѣе совершенной формѣ трудъ работника.

Если въ настоящемъ случаѣ можно сказать, что механическая техника освобождаетъ процессъ работы отъ качественной ограниченности, налагаемой на него органическимъ міромъ, то въ другихъ случаяхъ мы наблюдаемъ, какъ современная намъ техника разрушаетъ границы, ставимыя ей производительности въ количественномъ отношеніи: это именно тѣ рамки, которыя создаетъ органическая природа вслѣдствіе ограниченныхъ тѣлесныхъ размѣровъ ея особей. Основное значеніе пользованія механическими силами и заключается именно въ томъ, что онѣ допускаютъ произвольно-большое накопленіе энергіи и ея безпрепятственную концентрацію въ одномъ пунктѣ, между тѣмъ какъ человеческій и животный организмы содержатъ въ себѣ всегда лишь ограниченное количество силы, которое къ тому же еще трудно увеличивать совмѣстной дѣятельностью нѣсколькихъ организмовъ. Само собою разумѣется, что сперва исполненіе работы должно было быть возложено на рабочую машину, и уже затѣмъ могло найти себѣ практическое примѣненіе высокое развитіе силы, достижимое, на примѣръ, съ помощью напряженія водяного пара; сперва процессъ пряденія долженъ былъ быть изъятъ изъ сферы дѣятельности человеческихъ органовъ и возложенъ на функционированіе системы безжизненныхъ частей прядильной машины, и только уже затѣмъ стало возможно пользоваться силою, способною приводить въ дѣйствіе три тысячи веретенъ. Кромѣ того, мы уже разяснили выше, въ чемъ именно обнаруживается специфически-освободительное дѣйствіе пара, какъ движущей силы, по сравненію съ вѣтромъ и водою.

Далѣе, прекращеніе пользованія организованной матеріей въ техническомъ производствѣ вызвало величественный актъ освобожденія отъ условій пространства и времени. Пространство необходимо каждому растенію и становится излишнимъ только тогда, когда потребительныя блага готовятся изъ минеральныхъ или иного рода неорганическихъ веществъ; послѣднія оказываютъ тѣ же услуги, какъ и выросшее въ тѣсу дерево или животное, которое нуждается въ участкѣ земной поверхности для своего прокормленія. Можно привести, на примѣръ, нижеслѣдующее вычисленіе: 1-го декабря 1900 года въ Прусскомъ королевствѣ насчитывалось 2913003 лошади. Изъ общаго количества пахотной площади въ Пруссіи въ 1900 году было засѣяно овсомъ 2697572,8 гектара, т.-е., приблизительно одна шестая часть всей площади. Паровозы, употребляемые въ Германіи, представляютъ собою болѣе восьми миллионъ живыхъ лошадиныхъ силъ; если отчислить отсюда

пять миллионъ лошадиныхъ силъ на долю Пруссіи, то засѣвная площадь овса должна была бы быть почти вдвое больше ея величины въ 1900 г. для прокормленія соответственнаго количества лошадей (при этомъ мы еще оставляемъ совершенно безъ вниманія прокормъ сѣномъ); иначе говоря, по крайней мѣрѣ, четверть общей пахотной площади, используемой теперь инымъ образомъ, должна была бы быть отдана на содержаніе лошадей. Но откуда было бы взять все то количество дерева, которое могло бы замѣнить собою расходуемое въ настоящее время количество желѣза? Пришлось бы вырубить всѣ лѣса земного шара, но и этого не хватило бы для покрытія потребности въ деревѣ. Мы не говоримъ уже о томъ, что съ экономической точки зрѣнія матеріалъ долженъ былъ бы въ такомъ случаѣ страшно подняться въ цѣнѣ, а это прекратило бы пользованіе имъ уже задолго до фактическаго истощенія лѣсныхъ чащъ. Если бы при существующихъ у насъ теперь юридическихъ отношеніяхъ техника не достигла извѣстной степени независимости отъ условій органическаго міра, то земельная рента поднялась бы на такую высоту, что экономическое развитіе сдѣлалось бы совершенно неосуществимымъ въ тѣхъ формахъ, въ какихъ оно совершалось въ теченіе девятнадцатаго столѣтія.

Что касается времени, то освободительное дѣйствіе современной намъ техники выражается здѣсь прежде всего, какъ мы уже узнали, въ слѣдующемъ: техника, создавая при производствѣ или перевозѣ благъ большія скорости, разрушаетъ органическія рамки животнаго и человѣческаго организмовъ. Та же самая экономія времени обнаруживается всюду, гдѣ только можно обойтись безъ естественнаго роста растенія или животнаго, слѣдовательно, опять-таки при замѣщеніи растительныхъ и животныхъ организмовъ неорганическими образованиями. Возьмемъ снова важный примѣръ изъ области желѣзодѣлательнаго производства: подпорка или корабельная мачта готовятся изъ желѣза или стали въ нѣсколько недѣль, между тѣмъ древесный стволъ можетъ достигнуть требуемой отъ него толщины лишь черезъ нѣсколько десятилѣтій. Лошади, которыя запрягаются въ вагоны конно-желѣзныхъ дорогъ, должны быть предварительно вскармливаться въ теченіе, по крайней мѣрѣ, трехъ или четырехъ лѣтъ, между тѣмъ вагонъ, приводимый въ движеніе электро-моторомъ, строится въ три—четыре мѣсяца.

Наконецъ, приложеніе современныхъ способовъ, основанныхъ на естественно-научныхъ данныхъ, необычайно расширяетъ основу общаго техническаго умѣнья; въ этомъ, можетъ быть, заключается самое важное практическое слѣдствіе вышеназваннаго примѣненія научныхъ способовъ. Какъ намъ извѣстно, современная технологія рассматриваетъ производственный процессъ какъ бы независимымъ отъ его исполнительнаго органа—человѣка. Вслѣдствіе этого она въ состояніи разложить его на составныя части такимъ образомъ, что рѣшающее значеніе при этомъ имѣетъ вопросъ не объ исполнителѣ, а только о цѣлесообразной причинно-слѣдственной связи между отдѣльными процессами. Такимъ образомъ, способъ раздѣленія труда впервые получаетъ возможность примѣняться методически. Далѣе, наука стре-

мится къ тому, чтобы соответственный частный актъ въ производственномъ процессѣ, вытекающій изъ рациональнаго раздѣленія этого послѣдняго, былъ бы въ точности выполнимъ, несмотря на то, что онъ уже болѣе не соответствуетъ естественному проявленію дѣятельности человѣческихъ органовъ; для достиженія такой цѣли наука придумываетъ искусственныя, машинныя приспособленія. Органическое расчлененіе производственныхъ процессовъ, связанное въ силу необходимости съ живой личностью, замѣняется, по выраженію Рело, механическимъ сочлененіемъ, цѣлью котораго является только достиженіе желательнаго результата. Теперь лишь для насъ становится понятнымъ, почему развитіе машинъ въ девятнадцатомъ столѣтіи могло совершаться съ такой быстротой. Это явленіе слѣдуетъ приписать своеобразному и правильному направленію мысли у изобрѣтателей машинъ; согласно этому направленію, машина должна не подражать ручной работѣ или даже природѣ, а стремиться къ разрѣшенію задачи при помощи своихъ собственныхъ средствъ, часто совершенно отличающихся отъ средствъ природы. Но разъ зависимость отъ естественныхъ свойствъ человѣческихъ органовъ пала, передъ техническимъ умѣньемъ открываются безконечно-широкіе горизонты. А въ этомъ, главнымъ образомъ, и заключается чрезвычайная важность, которую мы должны приписать поступленію науки на службу техники. Производство становится теперь синтезомъ какихъ угодно веществъ и силъ въ той формѣ, въ какой это представляется пригоднымъ для человѣческихъ цѣлей. Здѣсь начинается новое сотвореніе міра, и та самая наука, которая свергла насъ съ царственнаго трона, долгое время занятого нами, и обнаружила передъ нами все наше ничтожество,—эта наука указала намъ въ то же время пути, какими мы можемъ вновь завоевать міръ (правда, только міръ внѣшней видимости); слѣдуя этими путями, мы вновь добудемъ себѣ истинное владычество (хотя все лишь надъ внѣшнимъ міромъ явленій) и вслѣдствіе этого забудемъ о мнимомъ владычествѣ, которое мы утратили.

Въ послѣдующемъ изложеніи я собираюсь прослѣдить въ нѣкоторыхъ особенно важныхъ сферахъ народно-хозяйственной жизни фактическое формо-развитіе того процесса, который мы пока улавливаемъ только въ его основныхъ чертахъ, а именно: я имѣю въ виду проникновеніе науки и, вмѣстѣ съ тѣмъ, освобожденіе отъ ограниченій, налагаемыхъ органическимъ міромъ, въ томъ видѣ, какъ эти процессы замѣчаются во всѣхъ областяхъ современной намъ техники; мы должны, однако, постоянно помнить объ ограниченности нашей задачи, которая заключается въ описаніи значенія техническихъ нововведеній для германской экономической жизни девятнадцатаго столѣтія. Поэтому для насъ важнѣе не столько изложить многочисленныя изобрѣтенія и открытія, которыя, благодаря совместной дѣятельности всѣхъ культурныхъ націй, легли въ основу современной техники, сколько—указать на моменты развитія, имѣвшіе рѣшающее значеніе, а также на то примѣненіе, которое завоеванія техники получили именно въ Германіи. При этомъ надо будетъ обратить особое вниманіе на участіе нѣмцевъ въ изобрѣтеніяхъ

новѣйшаго времени, поскольку это обстоятельство оказало выдающееся вліяніе на народно-хозяйственные отношенія въ самой Германіи.

II. Этапы технического развитія въ девятнадцатомъ столѣтіи.

Я начну свой обзоръ съ сельскаго хозяйства. Дѣлаю это не только оттого, что въ техническомъ отношеніи начало всякой хозяйственной дѣятельности лежитъ въ сельско-хозяйственномъ производствѣ, но, главнымъ образомъ, еще потому, что техника послѣдняго подверглась въ теченіе девятнадцатаго столѣтія такому коренному перевороту, какъ никакая другая область экономической техники. И даже человекъ, который совершилъ этотъ революціонный актъ—полную перестройку основъ сельскаго хозяйства, былъ нѣмецъ: это Юстусъ фонъ-Либихъ, основатель современной намъ физиологіи растений и, вмѣстѣ съ тѣмъ, современной теоріи почвеннаго удобренія. Я, конечно, предполагаю извѣстными научныя заслуги Либиха. Во всякомъ случаѣ, читатель знаетъ, по крайней мѣрѣ, что этотъ ученый химически изслѣдовалъ растительные процессы, происходящіе въ растеніяхъ, и разложилъ эти процессы на ихъ составныя части. Самый важный въ практическомъ отношеніи фактъ познанія, полученный въ этомъ случаѣ, состоялъ въ нижеслѣдующемъ открытіи: растеніе вытягиваетъ изъ почвы, вслѣдствіе своего роста, опредѣленные количества минеральныхъ веществъ; эти послѣднія слѣдуетъ возратить почвѣ въ формѣ удобренія, сохраняя между ними то же самое качественное или, по крайней мѣрѣ, то же самое количественное отношеніе; тогда только степень плодородія почвы не измѣнится. Но констатированіе этого факта предполагаетъ уже понятнымъ, что возстановленіе силъ и веществъ, отнятыхъ у почвы, можетъ быть осуществлено при помощи изготовляемыхъ химическимъ путемъ соединений, то-есть, посредствомъ употребленія искусственнаго удобренія, такъ же хорошо или даже еще лучше, чѣмъ при помощи стойловаго удобренія, которое до тѣхъ поръ одно лишь употреблялось. Фосфорная кислота и окись калия (кали) представляютъ собою тѣ вещества, на возстановленіе которыхъ сельскій хозяинъ долженъ обращать особенное вниманіе, потому что ихъ нахожденіе въ почвѣ имѣетъ рѣшающее значеніе для роста растений; между тѣмъ, сама природа недостаточно заботится объ ихъ возобновленіи. Фосфорная кислота была открыта въ формѣ фосфорно-кислой извести, которая подлежала предварительной разработкѣ; запасы фосфорно-кислой извести были найдены на неорошаемыхъ дождемъ берегахъ Чили въ видѣ птичьихъ экскрементовъ, гуано, образовавшихъ тамъ своимъ скопленіемъ гигантскія горы, а такъ какъ, кромѣ фосфорно-кислой извести, гуано содержитъ еще много азота, то вскорѣ оно и сдѣлалось однимъ изъ излюбленныхъ средствъ удобренія. Однако, въ настоящее время поля гуано на чилийскихъ берегахъ почти совсѣмъ выработаны, такъ что другіе фосфаты замѣняютъ собою гуано. Среди нихъ заслуживаетъ вниманія шлаковая мука Томаса; шлаки Томаса представляютъ

собою отбросы, получающіеся при обезфосфориваніи желѣза посредствомъ основанія по способу Бессемера и Сименса-Мартэна; шлаковая мука примѣняется въ качествѣ удобренія съ 1888 года и производится въ особенно громадныхъ размѣрахъ въ самой Германіи (причины этого явленія я еще разъясню впослѣдствіи). Потребность въ фосфорнокисломъ удобреніи въ Германіи ежегодно опредѣляется приблизительно въ 640000 тоннъ; въ настоящее время почти три четверти этого количества (450000 тоннъ) покрываются фосфатами Томаса.

Слѣдующее обстоятельство сдѣлалось столь же важнымъ для германскаго народнаго хозяйства: какъ я уже упомянулъ въ другомъ мѣстѣ этой книги, почва Германіи таитъ въ своихъ нѣдрахъ не только богатѣйшія, но даже прямо-таки единственныя на всемъ земномъ шарѣ сокровища калиевыхъ солей, то-есть, второго главнаго средства удобренія. Залежи штасфуртской соли впервые доставили небольшія количества калиевыхъ солей въ 1861 году (2400 тоннъ стоимостью въ 42000 марокъ). Съ тѣхъ поръ количество добываемыхъ солей калия изъ года въ годъ непрерывно росло. Ихъ добыча составляла: въ 1870 году 375300 тоннъ стоимостью въ 3358000 марокъ, въ 1880 году—665900 тоннъ стоимостью въ 6783000 марокъ, въ 1890 году—1274900 тоннъ стоимостью въ 16505000 марокъ; между тѣмъ въ 1900 году было добыто количество солей, почти вдвое большее, чѣмъ въ 1890 году, а именно: 3050600 тоннъ стоимостью въ 39111000 марокъ. Эти количества большей частью остаются въ самой Германіи; такъ, въ 1900 г. вывозъ выгребной соли составлялъ 468277 тоннъ.

Германское сельское хозяйство получаетъ вещество, содержащее азотъ (прибавленіе послѣдняго къ почвѣ значительно повышаетъ ея плодородіе), изнутри страны, поскольку этимъ веществомъ является сѣрно-кислая аммиачная соль. И, напротивъ, азотистое удобреніе въ формѣ селитры привозится въ большихъ количествахъ изъ-за границы; чилийской селитры было ввезено въ Германію въ 1878 году всего 50918 тоннъ, а въ 1900 году уже 484544 тонны стоимостью въ 77527000 марокъ. Въ экономическомъ отношеніи особенно важно открытіе опять-таки двухъ нѣмцевъ—практика Шульц-Луница и теоретика Гельригеля (Hellriegel); на основаніи этого открытія стало извѣстно, что содержаніе азота въ почвѣ можетъ быть увеличено и безъ соотвѣтствующаго удобренія произращеніемъ и запахиваніемъ извѣстныхъ растений (какъ, напримѣръ, лупина).

Всѣ остальные измѣненія въ техническомъ производствѣ далеко уступаютъ по своему значенію тому перевороту, который былъ вызванъ въ сельско-хозяйственной техникѣ теоріями Либиха. Тѣмъ не менѣе, нельзя не упомянуть о томъ, что развитіе машинъ прогрессировало также въ области сельскаго хозяйства, и что сила пара начала играть роль, равнымъ образомъ, и въ сельско-хозяйственной техникѣ.

Въ германскомъ сельскомъ хозяйствѣ употреблялись:

	въ 1882 году	въ 1895 году
Обыкновенныя молотилки	268367	596869
Паровыя молотилки	75690	259364
Рядовыя сѣялки	см. сѣялки	140792
Косилки	19634	35084
Сѣялки	(63842)	28673
Машины для разсѣва удобрений . . .	—	18649
Паровыя плуги	836	1696

Сокращеніе числа сѣялокъ объясняется тѣмъ, что вмѣсто нихъ вошли въ употребленіе рядовыя сѣялки. Увеличеніе пользованія силой пара въ сельскомъ хозяйствѣ выражается въ нижеслѣдующихъ цифрахъ. Общая сумма неподвижныхъ и подвижныхъ паровыхъ машинъ, употреблявшихся въ сельскомъ и лѣсномъ хозяйствѣ, винодѣліи и садоводствѣ, выражалась слѣдующими цифрами:

Годъ	Число машинъ	Мощность машинъ
1879	2731	24310 лошадиныхъ силъ.
1897	12856	132805 » »

Но настоящей стихіей машины вообще, въ особенности же паровой машины, является не сельское хозяйство. Только-что сообщенныя нами статистическія данныя какъ бы сами собою переводятъ наше вниманіе на другую большую область производства—на промышленность; наилучшій способъ получить наглядное представленіе о происшедшемъ въ ней переворотѣ состоитъ въ обзорѣ развитія машиннаго дѣла въ этой области.

Какъ я уже успѣлъ замѣтить въ другомъ мѣстѣ моей книги, паровая машина представляетъ собою для Германіи завоеваніе девятнадцатаго столѣтія; я даже склоненъ ограничить мое утвержденіе, добавивъ, что это завоеваніе принадлежитъ второй половинѣ названнаго столѣтія. Правда, первыя «огневыя машины» появились въ Пруссіи уже въ теченіе послѣднихъ лѣтъ царствованія Фридриха II, и даже въ 1785 году была построена первая паровая машина въ нѣмецкихъ мастерскихъ! Но въ данномъ случаѣ рѣчь шла лишь о совершенно единичныхъ, исключительныхъ явленіяхъ—почти только о водоподъемныхъ машинахъ для шахтъ. Первой паровой машиной, употреблявшейся для иныхъ цѣлей, была, безъ сомнѣнія, машина, выстроенная въ 1822 году на берлинской королевской фарфоровой мануфактурѣ. И если мы посмотримъ на состояніе техники пара около середины девятнадцатаго столѣтія въ Германіи, то замѣтимъ, что ея развитіе еще только-что начиналось. Число паровыхъ машинъ, употреблявшихся въ Саксонскомъ королевствѣ для промышленныхъ и сельско-хозяйственныхъ цѣлей, было въ 1846 году 197 мощностью въ 2446 лошадиныхъ силъ. Во всей Пруссіи значилось въ 1837 году всего лишь 421, а въ 1846 году 1139 не-

подвижныхъ паровыхъ машинъ; мощность первыхъ была 7507 лошадиныхъ силъ, а мощность вторыхъ—21716. Число и мощность паровыхъ машинъ, употреблявшихся въ Пруссіи въ 1846 году, раздѣлялись слѣдующимъ образомъ по отдѣльнымъ отраслямъ индустріи: прядильныя, ткацкія и валяльныя промышленныя заведенія располагали 237 паровыми машинами мощностью въ 3236 лошадиныхъ силъ, машиностроительныя и металлическія фабрики—208 паровыми машинами мощностью въ 4857½ лошадиныхъ силъ, мельницы—144 паровыми машинами мощностью въ 1699½ лошадиныхъ силъ, горное дѣло—273 паровыми машинами мощностью въ 9508 лошадиныхъ силъ, разныя другія фабрики—277 паровыми машинами мощностью въ 2415 лошадиныхъ силъ. Берлинъ того времени (1849 годъ) располагалъ для своихъ машинъ не большимъ количествомъ силы пара, чѣмъ въ настоящее время располагаетъ, напримѣръ, всякое значительное горное предпріятіе, а именно: 1265 лошадиными силами на 113 паровыхъ машинъ. Въ 1846 году въ распоряженіи крупной промышленности Бреславля значилось 10 паровыхъ машинъ общей мощностью въ 28 лошадиныхъ силъ.

Въ теченіе послѣдняго полулѣтія количество силы, заключенной въ паровыхъ машинахъ, возросло гораздо больше, чѣмъ въ сто разъ, а скорость этого увеличенія дѣлалась все значительнѣе и значительнѣе. Въ 1879 году число неподвижныхъ паровыхъ машинъ въ Пруссіи равнялось 29895, ихъ мощность достигала 887784 лошадиныхъ силъ; напротивъ, въ 1901 году (1-го апрѣля) число паровыхъ машинъ было 75958, а ихъ мощность равнялась, по меньшей мѣрѣ, 3709662 лошадинымъ силамъ. Итакъ, за двадцать два года—съ 1879 года до 1901—мощность паровыхъ машинъ еще разъ утроилась, между тѣмъ какъ средняя величина паровой машины (которая равнялась въ 1837 году 18, а въ 1846 году 19 лошадинымъ силамъ) возросла съ 30 до 49 лошадиныхъ силъ. Въ противоположность этому, за послѣднія шесть лѣтъ—съ 1895 до 1901 года—одно лишь число лошадиныхъ силъ возросло болѣе чѣмъ на половину, а именно: съ 2358175 лошадиныхъ силъ оно достигло вышеприведенной цифры. Въ концѣ девятнадцатаго столѣтія неподвижныя паровыя машины, работавшія во всей Германской имперіи, представляли собою мощность, превышающую пять милліоновъ лошадиныхъ силъ.

Если мы спросимъ о распредѣленіи пользованія силою пара между отдѣльными видами промышленности, то промышленная перепись за 1895 годъ даетъ намъ желательный отвѣтъ на это. Согласно ей даннымъ, львиная часть все еще достается въ удѣлъ горнаго дѣла и заводской промышленности. Изъ общаго числа 2721218 лошадиныхъ силъ въ этой области употреблялись въ промышленныхъ цѣляхъ 969039 лошадиныхъ силъ, то-есть, больше одной трети всего числа. Затѣмъ въ текстильной промышленности работало 446886 лошадиныхъ силъ; изъ нихъ въ прядильной промышленности работало 217536, въ ткацкой—149373. Въ сферѣ этого рода промышленности техника пара и механическое производство, имѣющее одинаковое значеніе съ послѣдней, завоевали огромную область; какъ мы видѣли, въ прядильной, ткацкой и валяльной промышленности Прусскаго

государства насчитывалось въ сороковыхъ годахъ истекающаго вѣка всего 237 машинъ мощностью только въ 3236 лошадиныхъ силъ.

Сила пара примѣняется въ значительныхъ размѣрахъ послѣ текстильной индустріи въ нѣкоторыхъ отрасляхъ индустріи пищевыхъ веществъ; такъ, въ свеклосахарной промышленности работало 112368 лошадиныхъ силъ, въ пивоваренной и водочной промышленности—124717 и въ мельничномъ производствѣ—96195. Далѣе, болѣе 50000 лошадиныхъ силъ работало еще въ кирпичномъ и глино-трубномъ производствѣ (89961); въ обработкѣ дерева и особенно на лѣсопильных заводахъ работало 85256 лошадиныхъ силъ, въ писчебумажной промышленности—85163 и въ машиностроительномъ производствѣ—79653. Въ этихъ отрасляхъ индустріи, которыя, главнымъ образомъ, выпали на долю техники пара, число употребляемыхъ лошадиныхъ силъ въ совокупности равнялось 2089235, слѣдовательно, почти двумя третями общаго числа лошадиныхъ силъ.

Довольно часто доказывали, что эксплуатація паровой машины является невозможной до тѣхъ поръ, пока не изобрѣтены соотвѣтственные рабочія машины, которыя должны приводиться въ движеніе силою пара. Такимъ образомъ, развитіе техники пара въ области производства приравнивается по значенію развитію рабочихъ машинъ. Къ сожалѣнію, однако, послѣднее нельзя представить наглядно въ видѣ нѣсколькихъ суммарныхъ цифръ. Вслѣдствіе этого, если я хочу избѣжать опасности затеряться въ обилии матеріала, я долженъ отказаться отъ намѣренія прослѣдить развитіе рабочихъ машинъ въ различныхъ вѣтвяхъ промышленности. Вмѣсто этого, я изберу окольный путь и обращаю вниманіе читателя на ходъ развитія нѣкоторыхъ отраслей индустріи, которыя являются какъ бы фундаментомъ современной намъ промышленной техники; эволюція послѣдней опредѣляется по этимъ отраслямъ промышленности какъ по градуснику (выражаемъ нашу мысль въ другомъ метафорическомъ образѣ).

Я уже неоднократно указывалъ на то, сколь важна для всей машинной техники нашего времени возможность машиннаго производства машинъ, то-есть, какъ мы теперь выражаемся обыкновенно, машиностроения. Къ чему послужили бы всѣ изобрѣтенія новѣйшихъ двигательныхъ и рабочихъ машинъ, если бы ихъ никогда нельзя было изготовлять иначе, чѣмъ при помощи долота и молота; эти же послѣдніе, на ряду съ нѣсколькими неуклюжими буравами, одни лишь находились въ распоряженіи машиностроителей начала девятнадцатаго столѣтія. Не только изготовленіе машинъ потребовало бы столько времени, что въ большинствѣ случаевъ оно не окупило бы пользованія ими, но даже самые размѣры машинъ все еще оставались бы ограниченными, а точность ихъ функционированія вѣчно оставляла бы желать многого. И только тогда, когда удалось создать въ этой области такія приспособленія, какъ паровой молотъ, которыя смогли превзойти въ тысячу разъ силу мускуловъ, или какъ современные измѣрительные и взвѣшивательные инструменты, благодаря которымъ острота глаза и чувствительность нервовъ увеличились въ сотни разъ (теперь машиностроеніе достигло такой степени

точности, что хорошія фабрики при отмѣриваніи круглыхъ калиброванныхъ болтовъ и колецъ, служащихъ для измѣренія, гарантируютъ точность до $\frac{1}{500}$ миллиметра), только тогда прочистился путь къ устройству современныхъ намъ машинъ. Отнынѣ машина и машиностроеніе стали быстро и параллельно другъ другу развиваться; когда явилась возможность строить машиннымъ способомъ паровыя и рабочія машины, то послѣднія, въ свою очередь, доставили возможность строить машины болѣе совершеннымъ образомъ и т. д.

Я не намѣренъ перечислять отдѣльныя изобрѣтенія, которыя въ теченіе девятнадцатаго столѣтія создали современную намъ машинную индустрію. У меня для этого тѣмъ меньше основаній, что послѣдняя обязана своимъ возникновеніемъ большей частью не нѣмцамъ. Но я напому читателю только о самыхъ важныхъ этапахъ въ развитіи машинной индустріи: за изобрѣтеніемъ Генри Маудслэ въ 1803 году металлическаго токарнаго станка слѣдуетъ изобрѣтеніе Биллингсли вертикальной цилиндрической сверлильной машины, а также изобрѣтеніе Брейтгауптомъ въ Касселѣ въ 1807 году горизонтальной цилиндрической сверлильной машины. Затѣмъ, десятилѣтія отъ 1830 до 1860 года особенно богаты важными изобрѣтеніями; среди послѣднихъ изобрѣтеніе Нэсмита въ 1838 году парового молота является выдающимся по своей чрезвычайной важности. Къ этому изобрѣтенію въ 1841 году присоединяется изобрѣтеніе гидравлическаго кузнечнаго прессы, который въ настоящее время во многихъ мѣстахъ лишилъ паровой молотъ его преобладающаго значенія.

Современная роль машиннаго машиностроенія въ развитіи техники ясно опредѣляется размѣрами, занятыми машинной индустріей среди другихъ отраслей промышленности. Это видно на примѣрѣ Германіи; послѣдняя завоевала теперь руководящее положеніе въ области машинной индустріи и почти совершенно освободилась отъ заграничнаго машиностроенія (изъ паровыхъ машинъ, зарегистрированныхъ въ 1901 году въ Прусскомъ королевствѣ, 84,9% принадлежали нѣмецкому производству); въ Германіи же въ 1895 году насчитывалось 269036 человѣкъ, работающихъ въ вышеназванной индустріи, между тѣмъ въ 1882 году ихъ тамъ числилось всего 173298 человѣкъ. Слѣдовательно, за тридцать лѣтъ число людей, занятыхъ машинной индустріей, увеличилось больше чѣмъ на 50%, тогда какъ все населеніе возросло за тотъ же промежутокъ времени только на 15%.

Въ то время какъ развитіе машинизма было невозможно безъ развитія машиностроенія, они оба были бы обречены зачахнуть, если бы желѣзодѣлательная промышленность, совершившая колоссальные успѣхи въ продолженіе девятнадцатаго столѣтія, не доставила столь хорошаго и дешеваго матеріала, какъ желѣзо. Чтобы понять, какимъ образомъ лишь дѣйствительные успѣхи въ обработкѣ желѣза и стали сдѣлали возможнымъ наступленіе современной эры машинъ, мы должны прочесть обезкураживающія описанія тогдашняго положенія вещей, дѣлаемые инженерами второй половины восемнадцатаго и первыхъ десятилѣтій слѣдующаго

столѣтій; въ то время общая добыча чугуна даже въ Англіи, которая снабжала всѣ остальные страны міра большей частью нужнаго имъ желѣза и стали, не превышала его теперешнюю добычу изъ одной доменной печи (въ 1796 году добыча чугуна равнялась всего 125079 тоннамъ); производство стали въ такой степени еще зависѣло тогда отъ случая, что приходилось изслѣдовать каждый отдѣльный кусокъ металла для рѣшенія вопроса о его пригодности для выдѣлки ковкаго желѣза или стали.

Техническіе перевороты, происшедшіе въ области желѣзодѣлательной промышленности за послѣднее столѣтіе, выясняютъ съ особенной опредѣленностью, какимъ образомъ именно примѣненіе естественно-научнаго познанія и вытекающее отсюда освобожденіе техники отъ органическаго міра вызвало количественное и качественное повышеніе труда.

Теоретическую основу современной желѣзодѣлательной промышленности составляетъ теорія горѣнія Лавуазье, которая впервые объяснила процессы, совершающіеся въ доменной печи и въ кричномъ горнѣ. Карстенсъ, открывшій въ 1814 году вліяніе химически-связаннаго и химически-свободнаго углерода въ желѣзѣ, развилъ дальше эту теорію. Но первымъ значительнымъ успѣхомъ, имѣвшимъ въ практическомъ отношеніи рѣшающее значеніе, было освобожденіе отъ пользованія древеснымъ углемъ; его поднятіе въ цѣнѣ вмѣстѣ съ ростомъ потребности въ желѣзѣ непомѣрно удорожало послѣднее. Желѣзодѣлательная промышленность освободилась отъ употребленія древеснаго угля при добычаніи чугуна благодаря изобрѣтенію коксовой доменной печи, а при дальнѣйшей переработкѣ чугуна въ ковкое желѣзо и сталь—благодаря изобрѣтенію пудлингованія въ 1784 году; это послѣднее замѣнило собою выдѣлку желѣза въ кричныхъ горнахъ и сдѣлало въ значительной мѣрѣ излишнимъ не только древесный уголь, но и человѣческій трудъ. Первая коксовая домна въ Германіи была сооружена въ 1796 году въ Верхней Силезіи, между тѣмъ какъ въ Рурскомъ бассейнѣ это событіе совершилось только въ 1847 году. Пудлингованіе было примѣнено въ области нѣмецкой индустріи первый разъ въ 1825 году на заводѣ Кессельштейнъ, возлѣ Нейвида. Тѣмъ не менѣе, доменные печи съ древеснымъ углемъ и кричные горны господствовали до середины девятнадцатаго столѣтія. По даннымъ Вахлера, въ Верхней Силезіи еще въ 1846 году работали 52 доменные печи съ древеснымъ углемъ и только 9 коксовыхъ доменъ, а также 240 кричныхъ горновъ и всего лишь 9 пудлинговыхъ печей. По словамъ Якоби, въ 1847 году, когда въ Рурскомъ бассейнѣ была сооружена первая коксовая домна, производство кричнаго желѣза, вырабатываемаго въ Зигенскомъ округѣ съ помощью древеснаго угля, и кричной стали еще составляло 57500 центнеровъ, производство же пудлинговаго желѣза равнялось всего 25000 центнеровъ. По словамъ Петра Мишлера, въ 1847 году изъ 227 работавшихъ въ Пруссіи доменныхъ печей всего 14%, т.-е. 32, работали на каменномъ углѣ, всѣ же остальные употребляли древесный уголь или смѣсь древеснаго угля съ коксомъ. Въ настоящее же время древесный уголь вышелъ изъ употребленія какъ при добычѣ желѣза, такъ и при его обработкѣ.

Насколько мнѣ извѣстно, нѣсколько доменныхъ печей, работающихъ на древесномъ углѣ, и кричныхъ горновъ сохранилось только въ немногихъ мѣстахъ Германіи, расположенныхъ вдалекѣ отъ центровъ крупной промышленности.

Въ теченіе послѣдняго столѣтія доменная индустрія, хотя и необыкновенно усовершенствовалась, однако, въ сущности продолжала развиваться, исходя изъ однихъ и тѣхъ же принциповъ; между тѣмъ обработка желѣза подверглась ряду улучшеній, которыя основывались на совершенно новыхъ методахъ, имѣвшихъ необыкновенно важное практическое значеніе. Эти методы извѣстны вѣдь всякому; одинъ изъ нихъ соединенъ съ именемъ Бессемера и состоитъ въ нижеслѣдующемъ: воздухъ, нужный для сгоранія углерода, съ огромной силой продувается сквозь расплавленный чугунъ, такъ что въ теченіе короткаго промежутка времени онъ доставляется всѣмъ частямъ послѣдняго. Изобрѣтеніе Бессемера сдѣлало излишней утомительную и скучную работу пудлинговаго мастера, сократило, такимъ образомъ, процессъ переработки чугуна въ сталь или въ ковкое желѣзо отъ полутора сутокъ до двадцати минутъ и сдѣлало независимымъ изготовленіе стали и ковкаго желѣза отъ искусства рабочаго; выдѣлка же желѣза изъ чугуна оставалась теперь въ зависимости только отъ надзора руководителя; этимъ достигалось освобожденіе производства отъ человѣческаго организма! Несмотря на очевидныя преимущества способовъ Бессемера и Сименса-Мартена по сравненію съ пудлингованіемъ, это послѣднее все еще значительно распространено; причина этого заключается въ томъ, что получаемое при его помощи желѣзо имѣетъ будто бы такія преимущества, которыхъ совершенно нѣтъ у плавленнаго желѣза и плавленной стали. Правда, огромное увеличеніе производства желѣза и стали за послѣднія десятилѣтія должно быть отнесено въ сущности на счетъ плавленнаго желѣза, между тѣмъ количество производимаго сварочнаго желѣза съ нѣкоторыхъ поръ даже довольно значительно сократилось. Еще въ 1890 году въ Германіи вырабатывалось желѣзо: сварочнымъ способомъ 2194200 тоннъ, а плавленіемъ 2921000 тоннъ, между тѣмъ къ 1900 году первая цифра спустилась до 1347700 тоннъ, а вторая поднялась до 8372500 тоннъ («Statistisches Jahrbuch»).

Въ то время какъ изобрѣтеніе Бессемера, наводнившее міръ плавленной сталью, имѣло рѣшающее значеніе для индустріи всѣхъ культурныхъ странъ, второе великое изобрѣтеніе въ области обработки желѣза, совершенное въ 1878 году двумя англичанами, Томасомъ и Гильчристомъ, оказалось чрезвычайно важнымъ особенно для германской желѣзодѣлательной промышленности и тѣмъ самымъ въ высокой степени для германскаго народнаго хозяйства. Какъ извѣстно всякому образованному человѣку, способъ Томаса и Гильчриста зиждется не на кислотномъ, а на основномъ образованіи шлаковъ, которое получается путемъ наполненія конвертора обожженными доломитами. Этотъ способъ далъ возможность (въ этомъ именно и состоитъ его важность) перерабатывать заключающійся въ конверторѣ чугунъ, даже обильный содержаніемъ фосфора, въ хорошее ковкое желѣзо и

сталь. Для Германии же значение нового метода состоитъ въ томъ, что германская желѣзная руда весьма богата содержаніемъ фосфора; поэтому, пока обезфосфоривающій способъ Томаса не былъ извѣстенъ, германская руда была мало пригодна для изготовленія стали. Теперь же, напротивъ, обильное содержаніе фосфора въ желѣзной рудѣ Германии сдѣлалось благословеніемъ для этой страны; дѣйствительно, мы уже видѣли раньше, что шлаки, образующіеся при пользованіи способомъ Томаса, являются чрезвычайно полезнымъ побочнымъ продуктомъ, который примѣняется въ качествѣ искусственнаго удобрения. Вслѣдствіе этого съ нашей стороны не будетъ преувеличеніемъ приписывать господствующее положеніе, занятое германскою желѣзодѣлательною промышленностью въ концѣ девятнадцатаго столѣтія, въ значительной степени тѣмъ благотѣльнымъ результатамъ, которые она получила благодаря изобрѣтенію основнаго способа плавленія желѣзной руды. Благодаря этому изобрѣтенію, Германия въ настоящее время добываетъ изъ чугуна, богатаго содержаніемъ фосфора, болѣе плавленной стали, чѣмъ всѣ остальные страны земного шара, причемъ эта переработка совершается по способу Бессемера, а также по способу Мартена и Сименса, который тоже состоитъ въ пользованіи основной футтеровкой (набивкой) печи. Читателю, интересующемуся подробностями, я долженъ указать на техническія сочиненія, изъ которыхъ нововышедшая «*Buch der Erfindungen in einem Bande*» («Книга объ изобрѣтеніяхъ въ одномъ томѣ») весьма годится для изученія даже профану. Этой книгѣ и я обязанъ краткой формулировкой содержанія отдѣльныхъ техническихъ процессовъ, о которыхъ шла рѣчь въ предыдущемъ изложеніи.

Успѣхи желѣзодѣлательной промышленности, послѣ того какъ она порвала въ главныхъ пунктахъ вышеуказаннымъ путемъ свою зависимость отъ органической природы, граничатъ съ областью баснословнаго. Я сошлюсь лишь на приложение за № 31, которое съ очевидностью доказываетъ огромный ростъ производства стали и желѣза, совершившійся именно въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій истекшаго столѣтія. При этомъ насъ въ особенности интересуетъ увеличеніе участія Германии въ общемировомъ производствѣ; германская желѣзодѣлательная промышленность ушла впередъ съ истинно-американскою скоростью. Ростъ германскаго производства стали обогналъ даже ростъ американскаго: за послѣднія двадцать лѣтъ германское производство стали увеличилось въ десять разъ, главнымъ образомъ, благодаря вышеизложеннымъ переворотамъ въ технику. Вслѣдствіе такого роста своей сталелитейной промышленности Германия заняла въ этой области второе мѣсто на мировомъ рынкѣ; въ 1900 году она значительно перегнала въ этомъ отношеніи Великобританію, которая еще въ 1895 году шла впередъ Германии. Чтобы представить себѣ въ цифрахъ разницу въ отношеніи матеріальной культуры между концомъ девятнадцатаго столѣтія и его началомъ, надо сравнить приложение № 31 съ вышеприведенной цифрой англійскаго производства желѣза въ 1796 году; тогда во всей Англіи производилось 125000 тоннъ желѣза, то-есть, меньше половины того количества, ко-

торое теперь производится въ Испаніи, или одна семидесятая часть современнаго намъ производства Германии! Въ самомъ дѣлѣ, эти цифры свидѣтельствуютъ не объ одномъ прогрессѣ машинизма, достигнутомъ въ теченіе нашего столѣтія; онѣ, скорѣе, указываютъ на то, что въ настоящее время желѣзо сдѣлалось необходимымъ потребителемъ благомъ, такъ какъ границы его примѣненія далеко расширились сравнительно съ первоначальными тѣсными предѣлами. Пользуясь еще другою цифрою для сравненія, мы узнаемъ, что въ области Германскаго таможеннаго союза за 1834—35 года на одного жителя приходилось 5,8 килограмма добытаго желѣза, въ 1870 году—уже 38,8 килограмма, а въ 1900 году—цѣлыхъ 162,5 килограмма; намъ извѣстно, однако, что эти чудовищныя количества желѣза заключаются не въ однихъ только желѣзныхъ помощникахъ человѣка, не въ однихъ машинахъ; мы знаемъ, напротивъ, что всѣ сферы современной культуры покоятся на желѣзной основѣ. Съ другой стороны, одинъ особенно замѣчательный фактъ выясняетъ намъ, на чемъ основывается своеобразность нашего технического развитія, потому что желѣзо, куда только оно ни проникло, отовсюду вытѣснило организованную матерію, особенно дерево, но также кожу, пенку и другія вещества. Постройка домовъ, мостовъ, вагоновъ, судовъ (мы ограничиваемся перечисленіемъ лишь самыхъ важныхъ областей, гдѣ желѣзо завоевало господствующее положеніе) основывается въ настоящее время на неорганическомъ веществѣ, подобно тому, какъ сто лѣтъ тому назадъ она не могла обойтись безъ содѣйствія организованной природы,—содѣйствія, проявлявшагося въ произрастаніи растений и въ помощи живыхъ людей. Культура изъ деревянной и кожаной сдѣлалась каменной и желѣзной.

Какъ мы видѣли, замѣна древеснаго угля коксомъ въ качествѣ горючаго матеріала явилась великимъ событіемъ, которое имѣло рѣшающее значеніе для возможности развитія желѣзодѣлательной промышленности. А это обстоятельство явилось основой новой и могучей индустріи, изъ которой вытекли неожиданныя и чисто-революціонныя измѣненія въ самыхъ различныхъ областяхъ техники; именно на такой основѣ создались углепромышленность, въ особенности же каменноугольная промышленность и соотвѣтствующія ей вспомогательныя отрасли индустріи. Истекшій вѣкъ можетъ быть также названъ вѣкомъ каменнаго угля. Грязные остатки великолѣпныхъ геологическихъ эпохъ были въ неистощимыхъ количествахъ извлекаемы изъ нѣдръ земли; ихъ пыль и копотъ осыпали цѣлыя страны. Каменноугольная пыль, смѣшиваясь съ сырыми и холодными туманами сѣверныхъ широтъ, образуетъ грязную слизь, которая осаждается на дома и горы; эта—каменноугольная грязь является поистинѣ специфическимъ колоритомъ всей нашей культурной эпохи. По вычисленіямъ Юрашека, въ 1800 году на цѣломъ земномъ шарѣ извлекалось всего двѣнадцать милліоновъ тоннъ угля; это составляетъ одну девятую часть теперешней добычи въ Германии одного только каменнаго угля (добыча каменнаго угля за 1900-ый годъ равняется 109,22 милліонамъ тоннъ). Затѣмъ ростъ этой добычи оставался еще въ скромныхъ границахъ до середины столѣтія: всемирная до-

быча угля въ 1850 году составляла 82,6 миллиона тоннъ, изъ которыхъ половина приходилась на долю Англии. Между тѣмъ общее количество угля, добытое въ 1897 году, составляло 649,9 миллионъ тоннъ, а на исходѣ девятнадцатаго столѣтія оно, навѣрно, достигло почти 800 миллионъ.

Въ этомъ развитіи углепромышленности Германіи принадлежитъ видное участіе. Добыча угля въ этой странѣ увеличилась въ сто разъ. Въ Прусскомъ государствѣ было добыто каменнаго угля въ 1824 году всего 1,2 миллионъ тоннъ, въ 1843 году—3,1 миллионъ, тогда какъ въ 1900 году—101,9 миллионъ тоннъ; во всей же Германской имперіи было добыто каменнаго угля за 1900 годъ 109,22 миллионъ тоннъ; сюда еще надо прибавить около 39 миллионъ тоннъ бурого угля. Мы знаемъ главнѣйшія мѣстонахожденія въ Германіи этихъ такъ называемыхъ черныхъ или бурыхъ бриллиантовъ. Изъ обще-имперской добычи каменнаго угля львиная доля—60,1 миллионъ тоннъ—приходится на Рурскій бассейнъ, 24,8 миллионъ тоннъ доставляетъ Верхняя Силезія, 11,1 миллионъ—Заарскій бассейнъ, 4,8 миллионъ—Нижняя Силезія, и 1,8 миллионъ добывается въ Аахенскомъ округѣ. Производителемъ бурого угля является преимущественно прусская провинція Саксонія (въ ней извлекаются двѣ трети общаго количества бурого угля, добываемаго въ Пруссіи и равнявшагося въ 1900 году 33,7 миллионъ тоннъ).

Главный толчокъ къ расширенію каменноугольной промышленности былъ данъ развитіемъ желѣзодобывающей промышленности.

Однако, когда техника горнаго дѣла усовершенствовалась (опять-таки благодаря развитію машинизма), то употребленіе угля не ограничилось плавленіемъ желѣза, а стало все болѣе и болѣе служить, главнымъ образомъ, цѣлямъ отопленія. Не забудемъ, что первая машина въ Германіи еще отапливалась дровами, и что дрова, какъ мы видѣли, еще являлись общепризнаннымъ топливомъ въ частныхъ домахъ. Теперь же организованная матерія была вытѣснена и отсюда; это обстоятельство создало условія, необходимыя для безграничнаго расширенія индустріи; въ самомъ дѣлѣ, если бы уголь не явился въ качествѣ топлива замѣною дровъ, запасъ которыхъ становился все скуднѣе и скуднѣе, то все развитіе машинной техники, всѣ усовершенствованія въ способѣ изготовленія желѣза и стали не привели бы ни къ чему. Для насъ понятны жалобы, исходившія около середины девятнадцатаго столѣтія отъ такого превосходнаго знатока дѣла, какимъ былъ Петръ Мишлеръ. «Наличность дровяного запаса въ лѣсахъ и предѣлахъ его возобновляемости—жалуется Мишлеръ—ограничиваютъ расширеніе большей части желѣзодобывающихъ заводовъ; точно такъ же вліяютъ и цѣны, существующія на дрова и на (древесный) уголь!»

Польза каменнаго угля выразилась не только въ употребленіи его какъ новаго и энергическаго топлива; при переработкѣ въ коксъ уголь доставилъ девятнадцатому столѣтію также дешевый (вслѣдствіе его происхожденія изъ неорганическаго вещества) освѣтительный матеріалъ, и еще сверхъ того—въ видѣ особенно привлекательной преміи—онъ подарилъ

намъ рядъ неорганическихъ красящихъ веществъ. До начала девятнадцатаго вѣка техника освѣщенія тоже сосредоточивалась въ узкихъ рамкахъ органическаго міра. Первоначально единственными источниками свѣта являлись на югѣ оливковое и другія растительныя масла, а на сѣверѣ—сосновая лучина. Впослѣдствіи къ этому присоединились свѣчи изъ воска и сала; все это—освѣтительныя средства или очень дорогія, или же черезчуръ примитивныя. Человѣческая культура до временъ Гёте включительно выросла и развивалась при непрерывно копящемъ пламени свѣчей. Поэтому для нашей столь прогрессивной эпохи, гордой сознаниемъ своей образованности, воплѣтъ естественно видѣть источникъ стремленія Гёте къ свѣту,—стремленія, выразившагося въ его предсмертномъ восклицаніи: «Mehr Licht» («больше свѣта»!), въ томъ же самомъ душевномъ настроеніи, которое при другомъ случаѣ вылилось у него въ нижеслѣдующихъ прекрасныхъ стихахъ:

Wüsst'nicht, was sie Besseres erfinden könnten,
Als wenn die Lichter ohne Putzen brennten *).

Проживи Гёте еще всего лишь два года, онъ собственными глазами увидѣлъ бы чудо: въ 1834 году Камбасеръ (Cambasère) изобрѣлъ плетеный фитиль, который предупреждалъ обугливаніе и копоть въ пламени—причину постоянного «снятія нагара». Около того же времени изобрѣтенія Шеврѣйля (Chevreul) и Де-Милли (De-Milly) научили изготовленію твердыхъ стеариновыхъ или парафиновыхъ свѣчей и доставили свѣчнымъ фабрикантамъ возможность подмѣшивать къ животнымъ жирамъ въ значительномъ количествѣ неорганическія вещества.

Однако, всѣ эти изобрѣтенія блѣднѣютъ предъ изобрѣтеніемъ Мердока (Murdoch), который, въ цѣляхъ освѣщенія зажегъ въ 1792 году у себя дома первый газовый рожокъ. Въ 1798 году фабрика Боультона и Уатта въ Сого стала освѣщаться газомъ; въ 1810 году Уинсоръ основалъ въ Лондонѣ первое газовое общество, и тогда же въ лондонскомъ приходѣ св. Маргариты появилось первое общественное освѣщеніе улицъ при помощи газа. Съ тѣхъ поръ газовое освѣщеніе быстро распространилось и въ Германіи; въ 1828 году оно появилось въ Берлинѣ, а вскорѣ затѣмъ во Франкфуртѣ, Дрезденѣ и Вѣнѣ. Вспомнимъ теперь же, что вытекающій въ неистощимыхъ количествахъ изъ земли керосинъ могъ быть примѣненъ съ 1859 года къ цѣлямъ освѣщенія благодаря успѣхамъ химической индустріи; вспомнимъ также, что съ нѣкоторыхъ поръ мы пользуемся въ расточительномъ изобиліи свѣтомъ электрической искры; въ такомъ случаѣ мы поспѣшимъ снять почетное званіе «вѣка просвѣщенія» съ восемнадцатаго столѣтія, которое еще находилось подъ знакомъ свѣчныхъ щипцовъ (подумаемъ только, что Вольтеръ былъ принужденъ непрерывно снимать нагаръ со свѣчей), и перенесемъ его на только-что минувшее со славою девятнадцатое столѣтіе.

* Не знаю, могли ли бы они изобрѣсти что-нибудь лучшее,
Какъ свѣчи, съ которыхъ не приходилось бы снимать нагаръ.

Важно замѣтить себѣ, что прогрессъ освѣтительной техники также освобождаетъ насъ своими результатами отъ границъ живой природы; правда, на этотъ разъ дѣло идетъ лишь о зависимости отъ свѣтоносныхъ лучей солнца.

Любопытно, что отвратительная каменноугольная сажа не только доставила намъ обиліе свѣта, но и обогатила насъ еще яркими красками. Послѣ того какъ Рунге въ 1834 году нашелъ въ каменноугольномъ дегтѣ анилиновые краски, передъ нашей техникой красильнаго дѣла открылся новый міръ: неорганическія краски замѣнили собою дорого стоящія органическія вещества; изготовленіе первыхъ въ большихъ количествахъ стало возможно благодаря изобрѣтеніямъ А. В. Гофмана, совершеннымъ въ 1858 году (изолированіе бензола—исходнаго матеріала для анилина и нитробензола).

Такимъ образомъ, мы уже проникли въ область современной намъ техники; мы должны оцѣнить ее во всемъ ея объемѣ, потому что результаты, достигнутые на ея почвѣ, получили опять-таки принципиальное значеніе для хода развитія нашей техники. Характерная для нашего времени желѣзодѣлательная индустрія въ области производства газа и красокъ переплетается въ единствѣ дѣйствія со своей великой сестрой—химической индустріей.

Въ началѣ девятнадцатаго столѣтія въ Германіи вообще не существовало химической индустріи, такъ какъ потребность въ «химическихъ веществахъ» почти вовсе не чувствовалась. Въ то время аптекари были для послѣднихъ единственными «потребителями», которые могутъ быть приняты нами въ расчетъ; но тѣ составныя части лѣкарствъ, которые аптекари употребляли, или изготовлялись ими самими или же выписывались изъ большихъ заграничныхъ торговыхъ домовъ, какъ то имѣло мѣсто по отношенію къ квасцамъ и селитрѣ. Съ тѣхъ поръ, по мѣрѣ того, какъ химія удавался синтезъ органическихъ веществъ или изготовленіе эквивалентныхъ суррогатовъ, развился рядъ промышленныхъ отраслей, которые принято объединять подъ общимъ названіемъ «химической индустріи». Не слѣдуетъ забывать, однако, что значеніе химіи и химическихъ методовъ для современной техники отнюдь не исчерпывается такъ называемой химической индустріей нашего времени. Мы видѣли, насколько желѣзодѣлательная индустрія выиграла отъ успѣховъ химіи; равнымъ образомъ совершенно нельзя себѣ представить множество другихъ отраслей промышленности безъ тѣхъ завоеваній въ области химической науки, которые были сдѣланы въ теченіе девятнадцатаго столѣтія. Въ особенности же основываютъ свои техническіе способы на принципахъ научной химіи и чтутъ въ Пастѣ своего истиннаго творца всѣ такъ называемыя ферментныя (бродильныя) отрасли производства, т.-е. большая часть производства пищевыхъ веществъ. Но и всѣ тѣ отрасли производства, которые наша статистика называетъ собирательнымъ именемъ «индустріи освѣтительныхъ матеріаловъ, мылъ, жировъ, маселъ» (среди нихъ особенно важны фабрикація освѣтительныхъ матеріаловъ и мылъ, а также приготовленіе лаковъ и мастикъ), являются истинно-«химическими отраслями

индустріи», хотя онѣ и не носятъ этого названія. Намъ не важно слѣдить за частными измѣненіями ихъ техники, которые совершались въ продолженіе девятнадцатаго столѣтія. Для насъ было достаточно упомянуть о нихъ.

То, чему статистика въ согласіи съ общепринятой рѣчью даетъ въ настоящее время выразительное названіе «химической индустріи», представляетъ собою (не считая аптекъ) вѣтви индустріи, изготовляющія химическіе препараты, фабрики красящихъ веществъ, производства взрывчатыхъ и горючихъ веществъ, производство отбросовъ и удобрительныхъ веществъ, а также тѣ отрасли промышленности, которые весьма неточно называются «крупной химической индустріей». Во всѣхъ этихъ отрасляхъ индустріи въ 1897 году было произведено 83112781 двойныхъ центнеровъ товара на сумму въ 947902570 марокъ, а въ 1895 году число рабочихъ, занятыхъ этого рода промышленностью, было 115231 человекъ; къ концу же столѣтія это число уже выражалось круглымъ счетомъ цифрою 150000.

Такъ какъ я уже говорилъ о происхожденіи индустріи удобрительныхъ и красящихъ веществъ, то мнѣ остается лишь вкратцѣ обозрѣть такъ называемую крупную химическую индустрію, подъ которой разумѣется, въ сущности, производство кислотъ и щелочей. Она обязана своимъ возникновеніемъ стремленію получить искусственнымъ путемъ щелочи, которые прежде добывались только изъ естественныхъ процессовъ или изъ золы растений, причемъ ихъ можно было достать въ ограниченныхъ количествахъ и въ нечистомъ видѣ. Открытіе Леблана въ 1785 году доставило возможность получать искусственнымъ путемъ соду изъ поваренной соли; это открытіе легло въ основаніе современной «крупной химической индустріи». Такъ какъ сода получается чрезъ нагреваніе поваренной соли, смѣшанной съ сѣрной кислотой, то фабрикація соды необходимо вызывала фабрикацію сѣрной кислоты. Такимъ образомъ, возникли обѣ основныя отрасли химической индустріи; впослѣдствіи къ нимъ присоединилось множество побочныхъ и вспомогательныхъ промышленныхъ отраслей. Въ настоящее время способъ Леблана встрѣтилъ въ Германіи опаснаго конкурента въ видѣ способа полученія соды посредствомъ амміака; 80% общаго производства соды совершается при помощи этого послѣдняго способа. Насъ опять-таки, главнымъ образомъ, интересуетъ здѣсь слѣдующій фактъ. Какіе бы способы ни употреблялись въ современной химической индустріи, ея жизненный элементъ заключается (какъ и слѣдовало ожидать) въ техникѣ, которая замѣняетъ организуемые процессы природы искусственными приемами; продукты же техники въ состояніи замѣнить собою организованную матерію въ хозяйственномъ процессѣ.

* * *

Техническія перемѣны, происшедшія въ области сношеній, обыкновенно болѣе извѣстны, чѣмъ нововведенія въ техникѣ производства, потому что даже профанъ сталкивается съ ними на почвѣ повседневнаго опыта. Вслѣдствіе этого для меня достаточно въ данномъ случаѣ ограничиться нѣсколькими указаніями.

Естественно, изобрѣтеніе паровой желѣзной дороги Джорджемъ Стивенсономъ въ 1825 г. представляетъ для насъ ближайшій интересъ. Оно основывается на комбинаціи двухъ приспособленій, уже давно существовавшихъ совмѣстно: это, во-первыхъ, рельсовый путь, который ведетъ свое происхожденіе изъ нѣмецкихъ шахтъ; здѣсь имъ пользовались еще въ пятнадцатомъ столѣтіи, употребляя для него деревянные рельсы; вторымъ приспособленіемъ, вошедшимъ въ основную комбинацію паровой желѣзной дороги, былъ паровой вагонъ, впервые построенный Кюньо (Cugnot) въ 1769 году. Германия сравнительно скоро послѣдовала примѣру западно-европейскихъ странъ въ вопросѣ о примѣненіи новой техники, какъ то видно изъ одиннадцатой главы и изъ приложения за № 22.

Параллельно съ развитіемъ желѣзнодорожной сѣти, совершенствовалась желѣзнодорожная техника; успѣхи желѣзодѣлательной индустріи оказались важнымъ факторомъ усовершенствованія: нижнее строеніе полотна желѣзной дороги укрѣпилось благодаря введенію въ употребленіе желѣзныхъ шпалъ и болѣе крѣпкихъ стальныхъ рельсовъ. Величина и сила тяги паровозовъ точно такъ же непрерывно росли, какъ и ихъ скорость: мощность первыхъ машинъ равнялась отъ двадцати до тридцати лошадинымъ силамъ; теперь же большіе паровозы скорыхъ поѣздовъ должны обладать мощностью въ 300 лошадиныхъ силъ.

Но въ то время какъ новые технические способы пролагали себѣ, такимъ образомъ, путь въ области желѣзнодорожного дѣла, техника не забывала и объ остальныхъ транспортных средствахъ. Именно лишь въ эпоху желѣзныхъ дорогъ достигли высокой степени развитія дорожное дѣло, регулированіе рѣкъ и сооруженіе каналовъ.

Мощныхъ результатовъ достигла техника водныхъ сооружений за истекшее столѣтіе; постройка шлюзовъ, приспособленія для подъема судовъ, землечерпальныя машины и многія области производствъ, которыхъ даже нельзя здѣсь перечислить, сильно усовершенствовались за это время; при этомъ мы вновь можемъ прослѣдить вполне ясно то плодотворное вліяніе, которое оказываютъ успѣхи производственной техники (машиностроеніе, желѣзодѣлательная индустрія!). Если освобожденіе отъ данныхъ условий естественнаго теченія рѣкъ является результатомъ техническихъ завоеваній въ этихъ областяхъ, то здѣсь, какъ мы знаемъ, проявляется лишь всеобщій принципъ развитія современной техники.

Для перевозки по такого рода усовершенствованнымъ внутреннимъ воднымъ путямъ техника также воспользовалась паромъ; первое паровое судно, предназначенное вообще для поддержанія сообщеній, былъ рѣчной пароходъ «Клермонтъ» Роберта Фультона, спущенный въ 1807 году; равнымъ образомъ и въ Германіи первый пароходъ, начавшій свое плаваніе въ нѣмецкихъ водахъ, совершалъ свои рейсы (съ 1818 года) по Везеру, гдѣ за сто-одиннадцать лѣтъ передъ тѣмъ остроумная идея, созданная фантазіей талантливаго изобрѣтателя, пала жертвою грубой силы обыденныхъ интересовъ. Работоспособность парохода впоследствии еще увеличилась благо-

даря изобрѣтенію цѣпи въ томъ видѣ, какъ она заложена въ Эльбѣ и Рейнѣ *).

Наконецъ, большинству образованныхъ людей теперь извѣстно, какіе чудовищные перевороты пережило кораблестроеніе благодаря техническимъ нововведеніямъ нашего вѣка. Проникновеніе науки въ эту область явилось самымъ важнымъ событіемъ также здѣсь. Въ настоящее время кораблестроеніе на ряду съ электротехникой, машиностроеніемъ и другими отраслями современной техники преподается, какъ самостоятельная область знанія, въ нашихъ высшихъ техническихъ училищахъ; благодаря этому, кораблестроеніе окончательно освобождено отъ эмпири, которая исключительно господствовала въ немъ до середины истекшаго столѣтія. Совершившіяся за послѣднія сто лѣтъ нововведенія въ характерѣ матеріаловъ, употребляемыхъ кораблестроительной техникой, не отличаются отъ тѣхъ, съ которыми мы уже познакомились въ области производительной техники. Изъ нихъ важнѣйшими являются слѣдующія: уже упомянутая выше замѣна дерева, какъ строительнаго матеріала, желѣзомъ и сталью; все большее и большее введеніе машиннаго способа производства вмѣсто ручной работы; сюда относятся изобрѣтеніе патентованнаго кабестана Пау (Pow) и Фоукеса (Fawcus), машинный способъ управленія рулемъ, машинная нагрузка и разгрузка при помощи ворота съ передачей, кранами и т. д., насосы, машинное обращеніе съ парусами на корабляхъ, снабженныхъ патентованными реями, и многое другое; среди всѣхъ этихъ новоизобрѣтеній не послѣднее мѣсто должно быть удѣлено также переходу отъ паруснаго судна къ паровому, а затѣмъ отъ колеснаго парохода къ винтовому. Въ свою очередь, и само пароходство развивалось непрерывно, благодаря совершенствованію машиностроенія; послѣднее должно обращать особенное вниманіе на уменьшеніе расходованія угля. Расходъ угля въ машинѣ съ высокимъ и низкимъ давленіемъ пара (Compaundmaschine), изобрѣтенной въ 1860 году, былъ низведенъ съ 1,5 — 1,6 килограмма на индикаторную лошадиную силу и часть до 1—1,1 килограмма, а благодаря изобрѣтенной въ 1882 году машинѣ съ тройнымъ расширеніемъ вышеозначенное уменьшеніе дошло до 0,65—0,75 килограмма. Подобное усовершенствованіе корабельнаго машинизма вызвало вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтное увеличеніе скорости движенія судовъ (и тѣмъ самымъ новое сокращеніе потребнаго количества угля; корабельный техникъ долженъ направлять всѣ силы своего мышленія на достиженіе такого сокращенія). Быстроходныя паровыя суда новѣйшей конструкціи достигаютъ скорости движенія отъ 23 до 24 морскихъ миль, то-есть отъ 40 до 45 километровъ въ часъ, между тѣмъ какъ еще въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія половина этой скорости считалась чѣмъ-то неслыханнымъ.

Когда я упомяну о послѣднемъ великомъ событіи, пережитомъ техникою въ теченіе девятнадцатаго вѣка, я тѣмъ самымъ какъ бы замкну кругъ

*) Эта цѣпь, обмотанная вокругъ вала на пароходѣ, помогаетъ послѣднему подниматься противъ теченія рѣки и, такимъ образомъ, увеличиваетъ скорость его движенія въ означенномъ направленіи.

вкратцѣ разсмотрѣнныхъ нами явленій, потому что оно возвращаетъ насъ къ рабочей комнатѣ нѣмецкаго ученаго, бывшей исходнымъ пунктомъ нашего изслѣдованія. Я, конечно, имѣю въ виду изобрѣтенія профессоровъ Гаусса и Вебера; они первые въ 1833 году передавали электрическую искру вдоль мѣдной проволоки, желая переговорить другъ съ другомъ, въ то время какъ каждый изъ нихъ сидѣлъ въ своемъ институтѣ въ Гёттингенѣ и не могъ ни видѣть своего собесѣдника, ни слышать его голоса; это было наивысшей ступеню освобожденія отъ оковъ органическаго міра, на которую только люди смогли подняться до сихъ поръ. Благодаря телеграфу и телефону [изобрѣтеніе послѣдняго въ смыслѣ его теоретической идеи принадлежитъ нѣмецкому учителю Рейссу (Reiss), а въ смыслѣ практическаго приложенія — англичанину Беллю], дѣйствіе человѣческаго голоса утратило зависимость не только отъ силы органовъ кричащаго человѣка, но и вообще отъ всякаго организма, который до тѣхъ поръ долженъ былъ всякій разъ служить посредникомъ. Скорость полета голубя, даже скорость вѣтра могли быть превзойдены въ передачѣ извѣстій при помощи вышеназванныхъ изобрѣтеній: слово перелетаетъ на крыльяхъ электрической искры разстояніе отъ Лондона до Аделаиды, равное двадцати-двумъ тысячамъ километровъ, въ среднемъ немного больше, чѣмъ въ три часа. А благодаря непосредственнымъ сношеніямъ чрезъ телефонъ можно наговорить другъ другу величайшія грубости даже въ томъ случаѣ, если «онъ» находится въ Берлинѣ, а «она» живетъ въ Вѣнѣ.

Извѣстно, однако, что электричеству суждено оказывать намъ за послѣднія десятилѣтія множество другого рода услугъ; оно освѣщаетъ наши города, приводитъ въ движеніе наши трамваи и мѣстами начинаетъ замѣнять собою паръ въ промышленномъ производствѣ. Извѣстно также, что нѣмцы дали міру много украшенныхъ славными именами пионеровъ въ области открытій и изобрѣтеній; извѣстно, что, главнымъ образомъ, теорія Роберта Майера создала ту научную основу, на которой электротехника начинаетъ возводить свое чудное зданіе.

Тѣмъ не менѣе, въ настоящемъ сочиненіи я долженъ ограничиться этимъ краткимъ указаніемъ успѣховъ техники самаго послѣдняго времени; я такъ поступаю, исходя изъ того соображенія, что электричество и его техническія примѣненія (за исключеніемъ пользованія электрической искрой, какъ посредникомъ въ передачѣ извѣстій) принадлежатъ уже не девятнадцатому, а двадцатому столѣтію. А я не намѣренъ предвѣрять работы моего преемника—того несчастнаго, который въ 2000 году станетъ въ потѣ лица своего подводить итогъ важнѣйшимъ событіямъ исторіи германскаго народнаго хозяйства за двадцатый вѣкъ. Мнѣ хотѣлось бы, скорѣе, лишь облегчить трудъ моего преемника, передавъ ему кончикъ нити, за который онъ могъ бы удобно привязать неизбѣжное и для него обзорѣніе этаповъ технического развитія въ двадцатомъ столѣтіи.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Происхожденіе современнаго народнаго хозяйства.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

Банки и биржи.

I. Банки.

Внимательному путешественнику, идущему по улицамъ Фридрихсштадта въ Берлинѣ, долженъ броситься въ глаза рядъ мощныхъ зданій, которыя занимаютъ цѣлые кварталы; эти зданія выросли тамъ особенно за послѣднее десятилѣтіе на подобіе громадныхъ крѣпостей. Колоссальныя каменные плиты поддерживаютъ огромное строеніе, къ которому ведутъ широкія лѣстницы изъ песчаника. Залы блистаютъ пестрымъ мраморомъ и позолотой. Цѣлыя амфилады конторокъ наполняютъ этажи; посреди же послѣднихъ расположены элегантные залы засѣданій и пышно убранныя пріемныя, готовые къ встрѣчѣ избранныхъ посѣтителей. Въ корридорахъ встрѣчаются высшіе государственные сановники, но въ этомъ помѣщеніи никто не ожидаетъ ихъ приказаній; здѣсь короли ждутъ въ переднихъ приговора своей участи. Эти дворцы новые центры міра—новые Санъ-Суси и Версали.

Передъ нами здѣсь большіе банки. Это укрѣпленные замки капитализма; изъ этихъ твердынь послѣдній установилъ на многія и многія поколѣнія свое владычество надъ всѣми нами, бѣдными людишками, носящимися съ нашими нѣсколькими идеями и немногими «непрактическими» свѣдѣніями; но этотъ владыка не дряхлый старикъ, а полный мощи юноша. Кто, однако, хочетъ сказать что-либо о ходѣ развитія хозяйственной жизни въ девятнадцатомъ столѣтіи, тотъ непременно долженъ начать свое изложеніе съ обзора этихъ именно образованій экономической эволюціи, потому что они какъ бы воплощаютъ въ чистой формѣ духъ современнаго намъ хозяйства, свободный отъ всякихъ докапиталистическихъ пристроекъ; поступивъ иначе, авторъ изложенія заранѣе доказалъ бы, что онъ плохо понялъ своеобразный характеръ своей задачи. Банковая организація кредита выражаетъ сущность капитализма въ болѣе чистомъ видѣ, чѣмъ какая-либо другая область хозяйственной жизни; уже по одному этому существуютъ основанія выдвинуть на первый планъ нашего изслѣдованія именно разсмотрѣніе банковской организаціи; но, кромѣ того, процессы, совершающіеся въ другихъ сферахъ современной намъ экономической дѣятельности, настолько обусловлены формами кредит-

ныхъ отношеній, что разъясненіе этихъ послѣднихъ необходимо должно предшествовать изложенію торговли, промышленности и сельскаго хозяйства. Названныя формы заключаютъ въ себѣ нѣкоторымъ образомъ то общее, что имѣетъ одинаковое отношеніе какъ ко всѣмъ частнымъ явленіямъ хозяйственной жизни, обнаруживающимся въ товарообращеніи и въ товаропроизводствѣ, такъ и къ отдѣльнымъ частямъ этой жизни. Кредитное обращеніе, происходящее въ банкахъ нашего времени, играетъ одновременно роль регулятора и градусника хозяйственной жизни. Въ бюро большихъ банковыхъ учреждений не только рѣшается вопросъ о войнѣ и мирѣ, не только слагаются дружественныя или враждебныя отношенія большихъ государствъ,—вспомнимъ объ Alliance franco-russe, чисто банкирскомъ предпріятіи!—но, въ концѣ концовъ, тамъ же рѣшается какъ участь мелкаго лавочника, живущаго на польской границѣ, такъ и вопросъ о дальнѣйшемъ существованіи самаго могущественнаго завода.

Здѣсь не мѣсто входить въ подробное объясненіе этихъ взаимоотношеній: они сами собой выяснятся для внимательнаго читателя. Не будемъ также утруждать себя тонкими опредѣленіями понятій. Намъ достаточно знать, что банки въ ихъ современномъ видѣ являются учрежденіями, созданными для цѣлей кредитнаго посредничества (самое остроумное опредѣленіе современнаго банка можно найти у Толстого въ его «Власть тьмы»); поэтому банковыя учрежденія могутъ принимать столько же формъ, сколько существуетъ формъ самого кредита. А такъ какъ эти послѣднія весьма разнородны, то намъ лучше избрать за исходный пунктъ нашего изслѣдованія разсмотрѣніе главныхъ кредитныхъ операций; и ужъ потомъ только въ нашъ обзоръ войдутъ посредники, осуществляющіе эти операціи, то-есть, соотвѣтственные виды банковыхъ учреждений.

Та кредитная операція, содержаніе которой состоитъ въ выпускѣ денежныхъ суррогатовъ—банкнотовъ (банковыхъ билетовъ), играетъ совершенно своеобразную роль въ экономической жизни; вслѣдствіе важности этой операціи государство почти всегда даетъ привилегію на ея совершеніе немногимъ отдѣльнымъ банкамъ, которые называются поэтому билетными или эмиссионными банками (Noten- oder Zettelbanken).

Если мы хотимъ прослѣдить характерныя стадіи въ развитіи эмиссионныхъ банковъ Германіи девятнадцатаго столѣтія, мы можемъ разсматривать почти каждую треть столѣтія какъ особаго рода періодъ. Такимъ образомъ, первый періодъ—отъ начала истекшаго столѣтія до середины его тридцатыхъ годовъ—замѣчателенъ вслѣдствіе почти еще полного отсутствія банкнотовъ. Второй періодъ (отъ середины тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка до основанія Сѣверо-германскаго союза или до основанія Германской имперіи) характеризуется значительнымъ усиленіемъ билетнаго обращенія и вмѣстѣ съ тѣмъ—увеличеніемъ числа эмиссионныхъ учреждений (то-есть, усилившейся раздробленностью выпуска банковыхъ билетовъ); этотъ періодъ, въ свою очередь, распадается на двѣ эпохи: во-первыхъ, промежутокъ времени приблизительно до середины столѣтія (эпоха слабаго развитія эмиссионнаго дѣла), а во-

вторыхъ, пятидесятыя и шестидесятыя годы разсматриваемаго нами столѣтія (эпоха быстраго развитія эмиссионнаго дѣла). Въ послѣдній же періодъ изучаемой нами исторіи развитія господствуетъ преимущественно тенденція къ объединенію эмиссионнаго дѣла. Между тѣмъ какъ, излагая исторію послѣдней ступени развитія, я принужденъ остановиться на ней нѣсколько подробнѣе,—при описаніи двухъ первыхъ періодовъ я долженъ стараться ограничиться немногими чисто-общими указаніями.

Основанный Фридрихомъ Великимъ въ 1765 году Королевскій банкъ въ Берлинѣ представлялъ собою въ началѣ девятнадцатаго столѣтія единственное учрежденіе, занимавшееся выпускомъ банковыхъ билетовъ. Однако, и этотъ банкъ прекратилъ въ 1806 году выпускъ настоящихъ банкнотовъ и, вмѣсто нихъ, сталъ выпускать съ 1820 года только депозитные билеты въ круглыхъ суммахъ, съ наименьшей стоимостью въ сто талеровъ. Такіе депозитные билеты находились до 1836 года въ обращеніи на сумму 4514300 талеровъ, когда кабинетскимъ указомъ отъ 5-го декабря 1836 года было предписано изъять изъ обращенія также и ихъ. Та же участь постигла банкноты второго эмиссионнаго учрежденія той эпохи, именно основаннаго въ 1824 году дворянскаго частнаго банка въ Штеттинѣ; этотъ послѣдній банкъ обладалъ привилегіей выпуска банкнотовъ на сумму до одного милліона талеровъ. Такимъ образомъ, около середины тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія только одинъ Любекскій частный банкъ, основанный въ 1820 году, и выпускалъ еще банкноты.

Около этого времени мы замѣчаемъ, что по отдѣльнымъ мѣстамъ начинается пробиваться новая жизнь: такъ, въ 1834 году основывается Баварскій земельный и размѣнный банкъ въ Мюнхенѣ съ правомъ выпуска банковыхъ билетовъ на восемь, а позже на двѣнадцать милліоновъ гульденовъ; въ 1839 году основывается Лейпцигскій банкъ, а нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1846 году, основывается важный по своему значенію Пруссскій банкъ, своеобразная организація котораго еще будетъ нами оцѣнена; этотъ банкъ съ самаго же начала получилъ право выпустить банкнотовъ на сумму въ двадцать-одинъ милліонъ талеровъ.

Но только послѣ этого уже началась новая эпоха: въ пятидесятихъ годахъ прошлаго вѣка подъ плодотворнымъ вліяніемъ золотого дождя, взрастившаго германскій капитализмъ, вырастаетъ одно эмиссионное банковое учрежденіе за другимъ; вслѣдствіе этого эмиссионныя учрежденія Германіи вскорѣ приобрѣли столь же пестрый видъ, какъ и карта этой страны. (Срав. приложеніе за № 1). Изъ тридцати-трехъ банковъ, обладавшихъ въ 1875 году привилегіей на выпускъ банковыхъ билетовъ, двадцать семь были основаны въ 1848 году, а девятнадцать въ пятидесятихъ годахъ того же столѣтія. Значеніе, какое это изобиліе должно было имѣть на развитіе эмиссионныхъ операцій въ Германіи, очевидно. Прежде всего увеличившееся число видовъ банковыхъ билетовъ сдѣлалось весьма обременительнымъ. Вѣдь число различныхъ бумажныхъ цѣнныхъ знаковъ (банкнотовъ и бумажныхъ денегъ) въ Германіи превышало въ 1873 году 140! Но, съ другой стороны, вышеуказан-

ное обстоятельство вызывало желательное оживление банкнотного обращения. Сумму банкнотовъ, обращающихся по всей Германіи въ началѣ пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, можно опредѣлить среднимъ числомъ самое большее въ сто-двадцать миллионъ марокъ (изъ нихъ были непокрыты, по меньшей мѣрѣ, двадцать-пять миллионъ); между тѣмъ сумма банкнотовъ, находившихся въ обращеніи до конца 1873 года, превышала предыдущую въ десять разъ, а именно она равнялась 1352 миллионамъ марокъ [(согласно Зоэбету (Soetbeet)], изъ нихъ около трети всего количества было не покрыто.

Такимъ образомъ, будущей эпохѣ предстояло заботиться не столько о дальнѣйшемъ расширеніи, сколько объ объединеніи эмиссионнаго дѣла и о его утвержденіи на совершенно прочномъ основаніи. Именно эти цѣли преслѣдовались уже упомянутыми выше новыми германскими законами о банкахъ и монетахъ, изданными въ шестидесятихъ и семидесятихъ годахъ истекшаго вѣка; эти цѣли и были достигнуты въ продолженіе послѣдующихъ десяти-лѣтій, поскольку ихъ достиженіе было осуществимо на практикѣ.

Основная мысль новаго законодательства о банкахъ заключалась въ томъ, чтобы монополизировать мало-по-малу привилегію на выпускъ банковыхъ билетовъ; для этого предполагалось необходимымъ направлять дѣятельность частныхъ банковъ, вмѣсто выпуска банкнотовъ, къ иному рода операціямъ, особенно же къ обращенію депозитныхъ билетовъ, и склонять банки къ добровольному отказу отъ ихъ эмиссионныхъ привилегій. Выпускныя суммы банковыхъ билетовъ, отъ которыхъ частныя банки отказались бы, должны были затѣмъ перейти къ центральному банковому учрежденію, явившемуся наслѣдникомъ Прусскаго банка,—къ Имперскому банку. И, въ самомъ дѣлѣ, этотъ планъ законодателя осуществился въ значительной своей части. Изъ тридцати-двухъ эмиссионныхъ банковъ, которые, какъ мы видѣли выше, существовали въ началѣ семидесятихъ годовъ прошлаго вѣка на ряду съ Прусскимъ банкомъ, двадцать пять отказались до 1900 года отъ своей эмиссионной привилегіи; такимъ образомъ, въ настоящее время рядомъ съ Имперскимъ банкомъ продолжаютъ существовать только нижеслѣдующіе частныя эмиссионныя банки: Франк-фуртскій банкъ, Баварскій эмиссионный банкъ, Саксонскій банкъ въ Дрезденѣ, Вюртембергскій эмиссионный банкъ, Баденскій банкъ, Южно-германскій банкъ и Брауншвейгскій. Тѣмъ не менѣе, банкнотное обращеніе этихъ банковъ почти незначительно по сравненію съ обращеніемъ банкнотовъ Имперскаго банка; тогда какъ послѣднее достигало въ 1900 году въ среднемъ 1138 миллионъ марокъ, общее обращеніе банковыхъ билетовъ, выпущенныхъ всѣми семью частными эмиссионными банками, равнялось всего лишь 175 миллионамъ марокъ. Такимъ образомъ, со времени основанія Германской имперіи исторія германскаго банковаго дѣла сводится къ исторіи Имперскаго банка; выдающее значеніе послѣдняго для германской хозяйственной жизни вполне заслуживаетъ, чтобы мы разсмотрѣли нѣсколько подробнѣе его своеобразную организацію и плодотворную дѣятельность въ теченіе послѣднихъ двадцати-пяти лѣтъ.

Мы уже упомянули, что Имперскій банкъ явился наслѣдникомъ Прусскаго банка; можно сказать еще больше: первый былъ сыномъ второго, такъ какъ Имперскій банкъ по всему своему существу является подражаніемъ Прусскому. Главное, что первый заимствовалъ изъ организациі своего предшественника, это—комбинація частнаго акціонернаго общества съ государственнымъ учрежденіемъ. Какъ извѣстно, основной капиталъ Имперскаго банка находится въ рукахъ частныхъ пайщиковъ, вліяніе которыхъ проявляется въ «центральномъ выборномъ комитетѣ» («Zentralausschuss»). Имперскій банкъ управляется банковской дирекціей (Reichsbankdirectorium), члены которой имперскіе чиновники, назначаемые императоромъ. Это управленіе является удивительно остроумнымъ учрежденіемъ. Оно представляетъ собою истинный типъ германскаго хозяйства вообще: сочетаніе капиталистической предприимчивости со старо-прусской корректностью отношеній; оно—чистокровный рысакъ, обуздываемый искуснымъ наѣздникомъ. Бисмаркъ сказалъ однажды, что ни одна нація не перейметъ отъ насъ прусскаго лейтенанта. То же самое, но съ еще большимъ правомъ, можно было бы утверждать о нѣмецкомъ дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ, который носитъ титулъ «превосходительства» и предсѣдательствуетъ, какъ признанный авторитетъ, въ коллегіи представителей величайшихъ банкирскихъ домовъ, пользующихся европейскою извѣстностью. Мы встрѣчаемъ здѣсь самыя блестящія имена, какъ-то: фонъ-Ган-земанъ, баронъ фонъ-Оппенгеймъ, Влейхрѣдеръ, баронъ фонъ-Ротшильдъ, фонъ-Мендельсонъ-Бартольди, Возрманъ, Френцель, Фритцъ Фридендеръ, фонъ-Сименсъ, и другія; каждое изъ этихъ именъ по могуществу стоитъ цѣлаго армейскаго корпуса. И, несмотря на это, доктора Кохъ и Галленкампъ, какъ извѣстно, всегда умѣли сохранять всю полноту своей власти надъ этимъ могущественнымъ собраніемъ. Поистинѣ, такое положеніе дѣлъ можно совершенно понять, лишь прогуливаясь утромъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль вокругъ Борнштедтскаго поля въ Санъ-Суси.

При столь своеобразной организациі Имперскаго банка понятно, что солидность является основной чертой веденія дѣлъ въ этомъ учрежденіи. За время съ 1876 до 1900 года Имперскій банкъ терялъ въ среднемъ на каждомъ миллионѣ купленныхъ имъ векселей 31,2 марки, а при ломбардныхъ операціяхъ съ каждаго миллиона выданной ссуды списывалось въ потерю всего лишь 2,96 марки! При всемъ томъ надо сказать, что Имперскій банкъ не только образцово разрѣшаетъ свои задачи въ качествѣ центрального эмиссионнаго банка и стража имперской валюты, но и создалъ, кромѣ того, огромную кредитную организацію; наличность послѣдней обусловила возникновеніе того хозяйственнаго подъема, который Германія пережила въ теченіе жизни людей послѣдняго поколѣнія.

Въ вопросѣ о выпускѣ банковыхъ билетовъ законодатель наложилъ на Имперскій банкъ ограниченіе, которое врядъ ли даже находитъ себѣ оправданіе; именно была введена такъ называемая косвенная фиксація контингента. Согласно этому закону, имперская казна должна была взимать 50/0 пошлины съ той суммы банкнотовъ, которая выпускалась «непокрытой»

(то-есть, не покрывалась сполна металлическим запасом), сверхъ определеннаго контингента банкнотовъ. Законъ о банкахъ, изданный въ 1875 году и удержавшійся въ силѣ до 1900 года, устанавливалъ для всѣхъ эмиссионныхъ банковъ вмѣстѣ максимальную сумму свободнаго отъ пошлины банкнотнаго обращенія въ 385 милліоновъ марокъ; изъ нихъ на долю Имперскаго банка приходилось 293,4 милліона марокъ, включая сюда перешедшее къ послѣднему въ теченіе двадцати-пяти лѣтъ количество банкнотовъ изъ частныхъ банковъ. Очевидно, вслѣдствіе такого законодательнаго постановленія выпускъ «непокрытыхъ» банкнотовъ вообще сдѣлался возможнымъ только въ эпохи необычайно высокаго напряженія учетнаго процента. Это явленіе впервые получило болѣе или менѣе длительный характеръ, собственно говоря, лишь въ періодъ экономическаго оживленія послѣднихъ лѣтъ. Выпуски банкнотовъ, превышающіе фиксированный контингентъ, начинаютъ играть нѣкоторую роль только съ 1896 и 1898 годовъ. За пятилѣтіе съ 1896 по 1900 годъ подобные выпуски достигали (въ теченіе семидесяти одного дня) высоты въ 8184274 марки, между тѣмъ въ теченіе предыдущихъ пятилѣтій они равнялись всего лишь 92795, 585771 и 253598 марокъ. Но что, съ одной стороны, является чувствительнымъ ограниченіемъ свободы безспорно осторожной администраціи Имперскаго банка, это же, съ другой стороны, произвело благотворительное вліяніе на наши общія условія денежнаго рынка. Именно, предположимъ, что Имперскій банкъ захотѣлъ бы, несмотря на ограничивающія предписанія закона о банкахъ, удовлетворить повывисшимся требованіямъ обмѣна, непрерывно увеличивая выпускъ банкнотовъ (и, дѣйствительно, средняя величина годового обращенія банкнотовъ поднялась въ 1876 году съ 684,9 милліоновъ марокъ до 1141,8 милліона, а въ 1899 и 1900 годахъ—до 1138,6 милліоновъ); въ такомъ случаѣ банку не оставалось бы иного выхода, какъ постоянно увеличивать свой металлическій запасъ, слѣдовательно, въ сущности привлекать изъ-за границы золото, что онъ на самомъ дѣлѣ и осуществлялъ въ широкихъ размѣрахъ. Поэтому, если количество золотой монеты въ Германіи поднялось приблизительно съ 1300 милліоновъ въ 1876 году до 2800 милліоновъ марокъ въ 1900 году, и тѣмъ самымъ поддержало и укрѣпило нашу валюту, а также удовлетворило растущему обмѣну, нуждающемуся въ оборотныхъ средствахъ, то мы должны отнести этотъ успѣхъ, главнымъ образомъ, на счетъ Имперскаго банка. Общая сумма закупокъ золота послѣднимъ за періодъ времени съ 1876 до 1900 года опредѣляется въ 2629 милліоновъ марокъ, изъ нихъ 2317 милліоновъ выплачены за счетъ Имперскаго банка въ германской валютѣ. Но изъ этой суммы только небольшая часть осталась въ кладовыхъ Имперскаго банка. Его собственный золотой запасъ увеличился съ 341 милліона марокъ, имѣвшихся въ началѣ 1876 года, до 501 милліона, оказавшихся въ концѣ 1900 года. Слѣдовательно, остатокъ былъ пущенъ въ обращеніе; такимъ образомъ, когда (какъ было выше) считаютъ, что общая стоимость находившихся въ обращеніи золотыхъ монетъ увеличилась за двадцать-пять лѣтъ на 1500 милліоновъ марокъ, то такую оцѣнку слѣдуетъ признать весьма низкой.

Хотя въ настоящее время функція регулированія денежнаго обращенія въ Германіи отправляется почти исключительно Имперскимъ банкомъ, зато послѣдній пользуется для этой цѣли такими операціями, которыя не чужды и остальнымъ банкамъ; въ самомъ дѣлѣ, Имперскій банкъ, наравнѣ со многими частными, прибѣгаетъ къ платежнымъ способамъ, которые имѣютъ въ виду сбереженіе денежной наличности. Но учетъ векселей и ссудныя операціи, джиро (трансферты) и операціи взаимнаго расчета (Abrechnungsverkehr), о которыхъ, какъ очевидно, идетъ здѣсь рѣчь, входятъ въ сферу дѣятельности всѣхъ или, по крайней мѣрѣ, очень многихъ банковъ; поэтому, прежде чѣмъ слѣдить за исторіей развитія въ девятнадцатомъ столѣтіи этого рода операцій, намъ лучше окинуть взоромъ развитіе не привилегированныхъ банковъ въ Германіи, то-есть, значить, развитіе всего остального банковаго и банкирскаго дѣла въ этой странѣ.

Можно доказать съ достаточной достовѣрностью существованіе трехъ общихъ тенденцій развитія, господствовавшихъ въ организаціи кредитныхъ сношеній за истекшее столѣтіе; это были: во-первыхъ, сильный ростъ индустріальнаго класса, который живетъ именно благодаря кредитнымъ сношеніямъ: численное отношеніе этого класса къ общему количеству населенія постоянно возрастаетъ; во-вторыхъ, увеличивающееся значеніе большихъ городовъ, особенно же Берлина, по отношенію къ кредитному обращенію; и, въ-третьихъ, значительное, тоже безостановочное увеличеніе отдѣльныхъ банковыхъ операцій, происходящее опять-таки преимущественно въ большихъ городахъ и прежде всего въ Берлинѣ. Какъ можно легко себѣ представить, вліяніе этихъ тенденцій обнаруживается съ особенною силою и постоянствомъ, главнымъ образомъ, за время жизни людей послѣдняго поколѣнія.

Число людей, занимавшихся денежной и кредитной торговлей, въ Прусскомъ королевствѣ прежняго территоріальнаго состава равнялось въ 1846 году въ общей сложности (то-есть, считая самостоятельныхъ предпринимателей и ихъ помощниковъ) только 1100 человѣкамъ; это число даже въ 1858 году (послѣ эпохи экономическаго оживленія) было всего 1774 человѣка; напротивъ, въ 1895 году вышеозначеннымъ промысломъ занимались въ десять вѣкъ. Такимъ образомъ, рассматриваемое нами число увеличилось въ десять разъ за послѣдніа сорокъ лѣтъ; между тѣмъ, населеніе страны еще даже не удвоилось за тотъ же промежутокъ времени. Огромная часть прироста класса людей, посвящающихъ себя денежной и кредитной торговлѣ, приходится даже лишь на послѣдніа десятилѣтія. Во всей Германской имперіи число людей этой профессіи возросло за одинъ только періодъ времени съ 1882 до 1895 года съ 22673 до 36175, слѣдовательно, на 13502 человѣка, то-есть, приблизительно, на 60%; тогда какъ все населеніе страны увеличилось за то же время всего на 14%.

Конечно, этотъ приростъ особенно замѣтенъ въ большихъ городахъ, которые все болѣе и болѣе развиваются въ центры кредитнаго обращенія. Такъ, напримѣръ, въ Берлинѣ число лицъ, занимавшихся денежной и

кредитной торговлей, равнялось въ концѣ пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія всего лишь 384 человѣкамъ; между тѣмъ въ 1895 году это число опредѣлялось въ 8547 человѣкъ, то-есть, увеличилось гораздо болѣе, чѣмъ въ двадцать разъ. Мощное развитіе дѣятельности банковъ за пятилѣтіе съ 1895 до 1900 года (по поводу этого развитія я еще приведу въ послѣдствіи нѣкоторыя числовыя указанія) свидѣтельствуетъ о томъ, что всѣ вышеозначенныя цифры еще очень сильно возросли до 1900 года, можетъ-быть, даже настолько же, какъ и въ промежутокъ времени съ 1882 до 1895 года. И, конечно, нѣтъ нужды въ особомъ выясненіи того факта, что означенный приростъ представляетъ собою симптомъ повышенія кредитнаго обращенія, а потому и увеличенія національнаго богатства.

Однако, вышеприведенныя цифры получаютъ свое полное значеніе лишь тогда, когда мы сдѣлаемъ различіе въ общемъ числѣ людей, занимающихся денежной и кредитной торговлей, между лицами самостоятельными и зависимыми, то-есть, между предпринимателями и ихъ служащими или помощниками. Именно въ этомъ случаѣ проявляется вышеупомянутая тенденція къ увеличенію предпріятій, а вмѣстѣ съ тѣмъ и тотъ фактъ, что сила капитала или производительность отдѣльныхъ банковыхъ предпріятій увеличилась гораздо больше, чѣмъ то можно обнаружить, судя лишь по одному приросту числа людей, посвящающихъ себя вышеназванной профессіи. Мы въ правѣ заключить о ничтожности размѣровъ тогдашнихъ банковыхъ предпріятій на основаніи слѣдующихъ имѣющихся у насъ свѣдѣній: вышеупомянутые 1100 человѣкъ, занимавшіеся денежной и кредитной торговлей въ Прусскомъ государствѣ въ 1846 году, распредѣлялись между 442 торговыми учрежденіями; слѣдовательно, въ то время на 442 принципала приходилось всего 658 разнаго рода помощниковъ! И даже въ 1858 году положеніе дѣлъ еще не было существенно инымъ, хотя небольшая тенденція къ концентраціи и обнаруживается въ это время: въ 602 предпріятіяхъ участвовали 1172 помощника, то-есть, въ среднемъ, все-таки, приходилось уже почти два человѣка на предпріятіе. Напротивъ, въ 1895 году 17896 человѣкъ распредѣлялись между лишь 2763 предпріятіями; такимъ образомъ, въ послѣднихъ насчитывалось 15133 служащихъ разнаго рода, то-есть, слѣдовательно, въ среднемъ на одинъ банкирскій домъ приходилось отъ пяти до шести человѣкъ. Равнымъ образомъ, можно обнаружить еще нѣкоторую концентрацію за періодъ времени съ 1882 до 1895 года. Прежде всего сокращается, хотя не абсолютно, а относительно, число совсѣмъ небольшихъ предпріятій, въ которыхъ почти вовсе нѣтъ помощниковъ. Въ общемъ этого рода предпріятія въ настоящее время—*quantité négligeable*: изъ 1000 человѣкъ, занимающихся денежно-кредитной торговлей, въ 1895 году только 44 человѣка занимались въ мелкихъ предпріятіяхъ (между тѣмъ какъ въ 1882 году это число равнялось 55). Затѣмъ—и это обстоятельство особенно характерно—самыя большія предпріятія растутъ на счетъ большихъ и средней величины предпріятій. Въ 1882 году въ Германской имперіи число банковъ съ 50 и болѣе человѣками персонала было всего 28, число ихъ служащихъ равнялось 2697; между тѣмъ

тринадцать лѣтъ спустя число вышеозначенныхъ банковъ было уже 66, а число служащихъ въ нихъ 7802. Такимъ образомъ, число служащихъ въ этого рода банкахъ возросло на 189,30%, тогда какъ общее число служащихъ въ банковыхъ предпріятіяхъ, содержащихъ каждое меньше 5 человѣкъ служащихъ, возросло только на 59,90%, а въ банкахъ, содержащихъ отъ 6 до 50 человѣкъ служащихъ, рассматриваемое нами число увеличилось всего лишь на 34,50%. Поэтому въ 1882 году только немного больше одной десятой части (11,90%) общаго числа людей, занимающихся денежно-кредитной торговлей, приходилось на совсѣмъ большіе банкирскіе дома; въ 1895 году (послѣдняя перепись) число служащихъ въ послѣднихъ составляло уже болѣе одной пятой (21,60%) общаго числа, тогда какъ въ концѣ девятнадцатаго столѣтія первое, навѣрное, равнялось уже четверти или даже трети второго. Мы въ правѣ сдѣлать это заключеніе изъ тѣхъ указаній, которыя многіе акціонерныя банки сообщаютъ относительно числа своихъ служащихъ; на основаніи этихъ данныхъ можно сдѣлать выводъ о быстромъ повышеніи банковаго развитія за послѣднее пятилѣтіе; въ этомъ выражаются результаты экономической эволюціи за пятидесятилѣтній періодъ времени. Такимъ образомъ, на примѣръ, число служащихъ въ Нѣмецкомъ банкѣ (*Deutsche Bank*) послѣдовательно возросло съ 1625 человѣкъ въ 1895 году до 1862 человѣкъ въ 1899 году, до 2063 человѣкъ въ 1900 году и до 2398 въ 1901 году; число служащихъ въ Дрезденскомъ банкѣ равнялось въ 1901 году 1346 человѣкамъ, а за годъ передъ тѣмъ оно было 1272; и т. д. Такая концентраціонная тенденція банковаго капитала, находящая себѣ выраженіе въ приведенныхъ цифрахъ промышленной статистики, была бы, однако, еще гораздо замѣтнѣе, если бы филиальная система большихъ банковъ не маскировала ея. Большіе берлинскіе банки вообще не жалуютъ этой формы расширенія; одинъ лишь Нѣмецкій банкъ имѣетъ семь филиальныхъ отдѣленій, да, конечно, Имперскій банкъ располагаетъ благоустроенной системой отвѣтвляющихся отъ него учрежденій; число послѣднихъ увеличилось съ 206 въ 1876 году до 330 въ 1900 году. И, напротивъ, тѣмъ болѣе развитіе получила филиальная система среди большихъ провинціальныя банковъ. Такъ, Берго-Маркскій банкъ (*Bergisch-Märkische Bank*) имѣетъ девять филиальныхъ отдѣленій, Дрезденскій банкъ—тринадцать, Эссенское кредитное учрежденіе (*Essener Kreditanstalt*)—семь, Верхне-рейнскій банкъ—девять, Пфальцскій банкъ—пятнадцать, Силезскій банкъ (*Schlesische Bankverein*)—семь, и тому подобное. Можно видѣть, однако, что филиальныя отдѣленія считаются, въ свою очередь, за самостоятельныя «предпріятія» въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они находятся; между тѣмъ какъ, само собою разумѣется, они лишь въ своей совокупности образуютъ хозяйственную единицу—цѣлое предпріятіе. Такимъ образомъ, центральное мѣстопробываніе банка насчитываетъ, скажемъ, 48 человѣкъ служащихъ, а, на примѣръ, его семь филиальныхъ отдѣленій насчитываютъ 53 служащихъ; такого рода банкъ фигурируетъ въ статистикѣ какъ восемь отдѣльныхъ предпріятій, насчитывающихъ послѣдовательно 48, 20, 10, 8, 5 и т. д. служащихъ; между тѣмъ весь банкъ образуетъ нѣкоторое цѣлое

предприятие, въ которомъ служатъ болѣе ста человекъ. Равнымъ образомъ, Имперскій банкъ представляетъ собою хозяйственную единицу, насчитывающую 2322 участника—«чиновника»; между тѣмъ въ промышленной статистикѣ онъ разлагается на 331 предприятие съ 664 (главное отдѣленіе) и $\frac{1658}{300}$, то-есть, въ среднемъ съ 5 служащими каждое. Число служащихъ въ Нѣмецкомъ банкѣ равнялось въ 1895 году: 1008 человекамъ въ Берлинѣ, 617 въ его филиальныхъ отдѣленіяхъ и т. д.

Вслѣдствіе этого полезно, на ряду съ промышленной статистикой, принимать во вниманіе еще и другіе признаки, по которымъ можно опредѣлить изображенный выше процессъ концентраціи во всей его силѣ. Однимъ изъ такихъ признаковъ является прежде всего превращеніе многочисленныхъ частныхъ банковъ въ акціонерныя общества; это явленіе повторялось особенно часто за послѣднее десятилѣтіе, хотя мы и не въ состояніи выразить его цифрами. Точно такъ же нельзя опредѣлить статистически размѣры концентраціи банковыхъ капиталовъ путемъ сліянія отдѣльныхъ предприятий и командитированія. И, тѣмъ не менѣе, всякому, хоть немного посвященному въ дѣло, извѣстно, что именно этотъ способъ концентраціи банковыхъ капиталовъ былъ чрезвычайно распространенъ за послѣднее десятилѣтіе. Я приведу здѣсь лишь нѣсколько примѣровъ, а въ остальномъ сошлюсь на поучительный сводъ данныхъ, составленный Г. Флейшгаммеромъ въ «Schmollers Jahrbuch», т. 25. Такъ Берго-Маркскій банкъ слился съ банкирскими фирмами: Р. Якоби въ Кѣльнѣ и I. Г. Бринкъ и Ко въ Эльберфельдѣ. Фирма Саломонъ Филиппъ въ Рурортѣ слилась съ Ремшейдскимъ банкомъ; послѣдній въ качествѣ неполнаго товарища участвуетъ въ дѣлахъ фирмъ: Шварцеръ, Фишеръ и Ко (нынѣ Вармскій торговый банкъ), Д. Флекъ и Шауэръ въ Дюссельдорфѣ, Гюзеръ и Ко въ Золингенѣ, Герм. Герсонъ въ Гаммѣ (въ Вестфалии), А. и К. Зоманъ въ Эльберфельдѣ (съ паемъ въ 1520000 марокъ). Съ другой стороны, акціонерный капиталъ Берго-Маркскаго банка сосредоточенъ въ значительной мѣрѣ въ рукахъ Нѣмецкаго банка. Кромѣ того, этотъ послѣдній владѣетъ еще наибольшей частью акцій Силезскаго банка, который, въ свою очередь, является неполнымъ товарищемъ фирмъ: Георгъ Фромбергъ и Ко въ Берлинѣ (съ паемъ въ 2000000 марокъ), Рихардъ Фохтъ и Ко во Франкенштейнѣ. Далѣе, кромѣ обоихъ названныхъ банковъ, Нѣмецкій банкъ участвуетъ съ большимъ или меньшимъ количествомъ акціонернаго капитала въ операціяхъ Нѣмецкаго заморскаго банка (Deutsche Überseeische Bank), Нѣмецкаго товарищества на вѣрѣ (Deutsche Treuhand-Gesellschaft), Ганноверскаго банка («который, со своей стороны, вступилъ въ живую связь съ Гильдесгеймскимъ и Оснабрюкскимъ банками»), а также—въ операціяхъ Верхне-рейнскаго банка. Такимъ образомъ, Нѣмецкій банкъ господствуетъ, по крайней мѣрѣ, надъ восьмью другими банками, каждый изъ которыхъ, въ свою очередь, возникъ путемъ всасыванія нѣсколькихъ прежде самостоятельныхъ предприятий.

Однако, мы можемъ воспользоваться, наконецъ, и статистикой, доста-

вляющей рядъ надежныхъ цифръ. Послѣднія получены на основаніи данныхъ о высотѣ акціонернаго и запаснаго капиталовъ банковъ, которые еще сохранили формальную самостоятельность. Легко доказать, что и тотъ и другой капиталы, отнесенные въ среднемъ на каждый отдѣльный банкъ, непрерывно повышались въ теченіе послѣднихъ лѣтъ. Въ приложеніяхъ за №№ 4 и 5 я сообщаю двѣ таблицы, выражающія такого рода развитіе. Средняя величина капитала, находящагося въ оборотѣ (акціонерный + запасной), вычислена мною по даннымъ, доставляемымъ «Der deutsche Economist». Согласно этому, въ 1883 году каждый изъ общаго количества германскихъ акціонерныхъ банковъ имѣлъ въ среднемъ двѣнадцать съ половиной милліоновъ марокъ капитала, тогда какъ въ 1900 году—уже двадцать съ половиной милліоновъ марокъ; между тѣмъ соотвѣтственная средняя величина капитала германскихъ «кредитныхъ банковъ» («Kreditbanken») поднялась за это же время съ 11,2 милліоновъ марокъ до 19,9 милліоновъ. Просмотрѣвъ цифры, приведенныя въ приложеніи № 11, читатель легко убѣдится, въ какихъ значительныхъ размѣрахъ банки участвовали въ основаніи производительныхъ предприятий за послѣднее десятилѣтіе; равнымъ образомъ, просмотрѣвъ приложеніе № 5, читатель ознакомится съ тѣми учрежденіями, которыя считаются въ настоящее время наиболѣе могущественными банками.

Теперь приведемъ еще нѣсколько данныхъ, точнѣе выясняющихъ мощный ростъ главнѣйшихъ большихъ банковъ, которые всѣ имѣютъ мѣстопробываніе въ Берлинѣ. Впереди всѣхъ идетъ Нѣмецкій банкъ. Онъ былъ основанъ въ 1870 году со скромнымъ капиталомъ въ пятнадцать милліоновъ марокъ; въ 1880 году его акціонерный и запасной капиталы достигали уже почти учетверенной суммы основнаго (именно они равнялись пятидесяти четыремъ милліонамъ марокъ); въ 1890 году эта сумма составляла уже сто три милліона, а къ концу девятнадцатаго столѣтія достигала уже 199,3 милліоновъ марокъ; за первый же годъ новаго вѣка она перешагнула на третью сотню милліоновъ (200,6 милліоновъ). Мой преемникъ въ 2000 году, безъ сомнѣнія, сможетъ констатировать замѣчательную связь между числомъ года и величиною капитала Нѣмецкаго (или, можетъ-быть, тогда Европейскаго?) банка. Учетное товарищество (Diskontogesellschaft) также начало въ 1856 году съ 37,2 милліонами марокъ, а къ концу истекшаго вѣка его капиталъ достигалъ уже 168,4 милліоновъ марокъ. Дармштадтскій банкъ былъ основанъ въ 1853 году съ капиталомъ въ 6,8 милліоновъ марокъ; въ настоящее время этотъ банкъ (Торгово-промышленный банкъ, Bank für Handel und Industrie) располагаетъ капиталомъ въ 127,9 милліоновъ. Дрезденскій банкъ увеличилъ свой капиталъ съ 9,6 милліоновъ марокъ въ 1873 году до 164 милліоновъ въ 1900 году. Берлинское торговое товарищество (Berliner Handelsgesellschaft) начало свою дѣятельность въ 1857 году съ капиталомъ въ 9,9 милліоновъ марокъ, а въ 1900 году достигло высоты капитала въ 114,8 милліоновъ. Въ концѣ концовъ, упомянемъ еще о Шаффгаузенскомъ банкѣ (Schaffhausensche Bankverein); въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія онъ «работалъ» всего лишь съ тридцатью шестью милліонами марокъ; между

тѣмъ въ 1900 году онъ уже поднялся до степени «большого» банковаго учрежденія (сюда относятся банки съ общей суммой акціонернаго и запаснаго капиталовъ, превышающей сто милліоновъ марокъ), такъ какъ онъ располагалъ капиталомъ въ сто двадцать милліоновъ марокъ. Остальные банки не довели своихъ капиталовъ до первой сотни милліоновъ еще до конца прошлаго столѣтія.

Какъ уже было отмѣчено выше, кредитное обращеніе все болѣе и болѣе сосредоточивается преимущественно въ большихъ городахъ (въ 1882 году 59% общаго числа лицъ, занимающихся банковыми дѣлами, жили въ городахъ съ населеніемъ, превосходящимъ сто тысячъ человекъ, между тѣмъ въ 1895 году это отношеніе достигало уже 63%); здѣсь же орудія этого обращенія — банки — обнаруживаютъ особенно сильную тенденцію къ расширенію своихъ операций. Чтобы дать читателю картину полной перемены обстановки, совершившейся въ банковомъ дѣлѣ за послѣднія сорокъ лѣтъ, я сопоставилъ въ таблицѣ цифровыя данныя относительно десяти большихъ городовъ Германіи; изъ этихъ данныхъ можно усмотрѣть значительное увеличеніе даже средней величины размѣровъ банковыхъ операций (см. приложение за № 3). Естественно, что повышеніе этой средней величины достигается обыкновенно путемъ увеличенія самихъ большихъ банковъ.

Среди большихъ городовъ Берлинъ, какъ столица имперіи, все болѣе и болѣе является общепризнаннымъ мѣстопребываніемъ и крупныхъ финансовыхъ учреждений. Это обнаруживается въ томъ фактѣ, что рядъ значительныхъ провинціальныхъ банковъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій перенесъ въ Берлинъ свое мѣстопребываніе (какъ, напримѣръ, Дармштадтскій банкъ, Шаффгаузенскій банкъ); въ цифрахъ же такое сосредоточиваніе банковыхъ силъ въ Берлинѣ выражается ростомъ количества людей, занимающихся операциями берлинскихъ банковъ, по сравненію съ общимъ количествомъ городского населенія; въ 1882 году отношеніе перваго ко второму равнялось 21,8%, между тѣмъ въ 1895 году оно было уже 23,7%, теперь же оно, навѣрное, еще гораздо больше. Промышленная статистика за 1895 годъ доставляетъ намъ слѣдующіе выводы по поводу величины отношеній: большая половина людей, занимающихся въ берлинскихъ банкахъ — именно 4390 изъ 8547 — работаетъ въ двадцати-семи учрежденіяхъ, изъ которыхъ каждое имѣетъ больше пятидесяти служащихъ; около четверти (2186) лицъ, посвящающихъ себя вышеназванной профессіи, занимается въ четырехъ учрежденіяхъ, каждое изъ которыхъ содержитъ свыше двухсотъ человекъ служащихъ; и только едва одна треть (1815) упомянутого количества людей работаетъ въ учрежденіяхъ, имѣющихъ отъ одиннадцати до пятидесяти человекъ служащихъ каждое. Такимъ образомъ, преобладаніе большихъ банковъ сказывается уже въ цифрахъ персонала ихъ служащихъ. Въ 1882 году существовало всего одно учрежденіе съ персоналомъ, превышающимъ двѣсти человекъ; это былъ Имперскій банкъ; тогда же было четырнадцать учрежденій съ числомъ служащихъ, большимъ пятидесяти человекъ въ каждомъ; но зато сто восемьдесятъ шесть учреждений содержали отъ одиннадцати до пятидесяти человекъ

служащихъ; однако, число послѣдняго рода банковъ понизилось спустя тринадцать лѣтъ до ста.

Выдающееся значеніе крупно-финансовыхъ учреждений Берлина (поскольку оно выразимо цифрами) выясняется путемъ сопоставленія слѣдующихъ чиселъ. Какъ мы уже видѣли, въ 1895 году банковыхъ учреждений со служебнымъ персоналомъ большимъ, чѣмъ въ пятьдесятъ человекъ, существовало въ Берлинѣ двадцать семь; во всей же остальной Германіи ихъ было тридцать семь; въ послѣднихъ общее количество служащихъ было 3412 человекъ, тогда какъ общее количество служащихъ въ берлинскихъ банкахъ составляло 4390 человекъ. Банковыхъ учреждений съ персоналомъ служащихъ, превышающимъ двѣсти человекъ, въ Берлинѣ было четыре, во всей же остальной Германіи только одно; число служащихъ въ четырехъ берлинскихъ банкахъ послѣдняго рода равнялось въ общемъ 2186 человекамъ; въ единственномъ же провинціальномъ банкѣ этого рода занималось 263 человека. По завершеніи девятнадцатаго столѣтія преобладаніе Берлина въ указанномъ отношеніи должно быть еще гораздо больше.

Между тѣмъ внутренняя организація банковаго дѣла подверглась въ теченіе истекшаго вѣка не менѣ радикальнымъ измѣненіямъ, чѣмъ его внѣшняя структура.

Мы не станемъ говорить объ эмиссионныхъ банкахъ, о которыхъ уже шла рѣчь выше; что касается «банковыхъ операций», то у большинства банкировъ онѣ ограничивались до середины разсматриваемаго нами столѣтія въ сущности денежной торговлей; операции же мелкихъ и средней величины банкировъ сохраняли такой характеръ вплоть до шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго вѣка. Подобнаго рода предпріятія представляли собою «размѣнные банки» въ самомъ первоначальномъ смыслѣ этого слова; ихъ главный барышъ зависѣлъ отъ пестроты нѣмецкихъ монетныхъ системъ. Одинъ банкиръ, пережившій уже въ сознательномъ возрастѣ эпоху шестидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, описывалъ мнѣ весьма удручающее впечатлѣніе, которое переходъ къ единой имперской валютѣ произвелъ на широкіе круги банкировъ; по его словамъ, въ то время существовало убѣжденіе, что эта реформа подрѣзывала жизненный нервъ банковской профессіи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ мы увидимъ, для банковскихъ операций, которыя въ настоящее время занимаютъ главное мѣсто среди другихъ, еще не существовало почвы до середины девятнадцатаго столѣтія: учетъ векселей былъ еще очень мало распространенъ, фондовый рынокъ былъ ограниченъ, депозитное обращеніе и текущій счетъ находились еще въ зародышѣ благодаря низкому уровню богатства.

Поэтому весьма понятно, что въ продолженіе первой половины истекшаго вѣка банковская профессія часто соединялась съ другими профессиональными отраслями. Въ 1823 году во Франкфуртѣ-на-Майнѣ жили двѣсти семьдесятъ пять купцовъ, которые занимались (по словамъ Кантера) «размѣномъ денегъ, комиссіонными и экспеди-

торскими операциями»; комиссионерство и экспедиторство являлись побочным промыслом, особенно излюбленным среди банкиров.

В течение второй половины девятнадцатого столетия профессия банкиров дѣлается самостоятельной. На ряду съ этимъ размѣнъ денегъ отступаетъ на задній планъ по сравненію съ остальными отраслями банковской дѣятельности, которыя въ наше время составляютъ истинную сущность банковаго дѣла; именно наблюденіемъ послѣднихъ мы и должны теперь заняться.

Среди предпріятій, на которыхъ банкиръ въ настоящее время наживается преимущественно, дѣйствительныя банковыя операціи составляютъ лишь небольшую часть! Если же мы начнемъ нашъ обзоръ съ этихъ послѣднихъ, то самой важной изъ современныхъ активныхъ операцій окажется учетъ векселей. Вексель сдѣлался одной изъ нормальныхъ формъ уплаты въ современныхъ намъ дѣловыхъ сношеніяхъ, и его употребленіе непрерывно расширялось также въ Германіи. Благодаря вексельному налогу намъ извѣстны, начиная съ 1872 года, всѣ суммы ежегодно обращающихся векселей, и мы можемъ опредѣлить отсюда растущее значеніе этого платежнаго средства для нашей экономической жизни. Сравнивая эпоху, существовавшую двадцать лѣтъ тому назадъ, съ нашею, мы находимъ, что вексельное обращеніе повысилось абсолютно болѣе чѣмъ на половину, а относительно (то-есть, по отношенію къ единицѣ населенія)—почти на треть своей прежней величины. За пятилѣтіе съ 1876 до 1880 года (правда, за періодъ времени спокойный въ экономическомъ смыслѣ слова) 58850 милліоновъ марокъ были уплачены векселями; между тѣмъ за пятилѣтній промежутокъ съ 1896 до 1900 года 97530 милліоновъ марокъ были уплачены векселями; такимъ образомъ, въ первый періодъ за одинъ годъ уплачивалось векселями въ среднемъ 11770 милліоновъ марокъ, а за второй періодъ 19506 милліоновъ. Въ первомъ случаѣ на единицу населенія приходилось 266,8 марокъ уплаты векселями, во второмъ 358,6 марокъ.

Но значеніе векселя, какъ средства расплаты въ современномъ намъ обмѣнѣ, создалось и утвердилось настоящимъ образомъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой сдѣлалась возможной его немедленная реализація, то-есть, поскольку банки обнаружили готовность покупать векселя, иначе говоря, учитывать ихъ. Организація учета векселей внесла въ хозяйственную жизнь значительное ускореніе оборота капитала; это ускоренное обращеніе сдѣлалось душою современнаго торгово-промышленнаго оборота. Обычай доставать вексельную сумму до истеченія срока векселя, чтобы имѣть возможность снова пустить вырученныя деньги немедленно въ оборотъ, сдѣлался въ Германіи общераспространеннымъ только въ теченіе девятнадцатаго столѣтія. Еще въ двадцатыхъ годахъ послѣдняго учета векселей только что начиналъ зарождаться даже въ прогрессивномъ Гамбургѣ. Бюшъ, всегда превосходно освѣдомленный, пишетъ въ первомъ томѣ своихъ сочиненій, появившемся въ 1824 году: «еще очень недалеко то время, когда купецъ считалъ вреднымъ для своего кредита учитывать векселя». Правда, уже

во время Бюша этотъ обычай получилъ право гражданства благодаря такому оживленію торговли, что «даже солидный (!) купецъ считаетъ потерю каждый день, когда его деньги остаются безъ употребленія». Тѣмъ не менѣе, «учитывая свои векселя, купецъ не любитъ дѣлать этого факта общеизвѣстнымъ». Въ наше же время можно утверждать съ увѣренностью, что даже одинъ процентъ общаго количества векселей не остается не учтеннымъ. Имперскій банкъ занимается весьма усиленно учетной операціей, и его участіе въ послѣдней непрерывно возрастаетъ; въ 1872 году Имперскій банкъ купилъ векселей внутренняго обращенія на сумму въ 3872 милліона марокъ; въ 1900 году онъ купилъ такихъ векселей на 8552 милліона марокъ, то-есть, изъ общей суммы поступившихъ въ обращеніе векселей 30,10% въ первомъ случаѣ и 36,70% во второмъ. Чтобы составить себѣ представленіе о мощномъ расширеніи учетной операціи, сравнимъ, на примѣръ, съ вышеприведенными цифрами суммы векселей, принятыхъ Королевскимъ, а затѣмъ Прусскимъ банкомъ въ началѣ его существованія. Пруссскій банкъ приобрѣлъ векселей въ 1847 году на сумму въ 102,7 милліоновъ талеровъ, въ 1848 году на сумму въ 80,5 милліоновъ, въ 1849 году на сумму въ 64,6 милліоновъ, въ 1850 году на сумму въ 82,5 милліоновъ, въ 1851 году на сумму въ 78,6 милліоновъ, въ 1852 году на сумму въ 103,5 милліоновъ талеровъ, то-есть, въ среднемъ онъ не учитывалъ одной пятнадцатой части той суммы, которую онъ учитывалъ въ началѣ семидесятихъ годовъ истекшаго вѣка, и гораздо меньше одной тридцатой части той суммы, которую Имперскій банкъ учитываетъ въ настоящее время. И въ то время какъ вексельный портфель Имперскаго банка за 1900 годъ въ среднемъ равнялся 773427000 марокъ, вексельный портфель Королевскаго банка въ Берлинѣ выражался въ концѣ 1820 года цифрою въ 514700 талеровъ; слѣдовательно, вексельный портфель послѣдняго опредѣлялся тогда немного болѣе, чѣмъ въ 1½ милліона марокъ, если его сравнить съ 773,4 милліонами марокъ, образующими въ наше время вексельный портфель Имперскаго банка. Вексельные портфели всѣхъ германскихъ банковъ также почти удвоились за послѣднее десятилѣтіе. Они возросли съ 1661 милліона марокъ въ 1891 году до 3087,1 милліоновъ марокъ въ 1900 году. При этомъ, однако, значительная часть векселей повторяется въ итогѣ по нѣскольку разъ. Такъ, на примѣръ, векселя, учитываемые Имперскимъ банкомъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ уже были куплены и переучтены другими банками. Эта функція Имперскаго банка—служить банкомъ банковъ—развивалась все сильнѣе и сильнѣе. Она, главнымъ образомъ, выражается участіемъ банковъ въ трансфертныхъ операціяхъ Имперскаго банка. Изъ дебета трансфертныхъ счетовъ за 7 мая 1900 года общая сумма въ двѣсти сорокъ милліоновъ марокъ заключала въ себѣ цѣлые сто сорокъ два милліона, приходившіеся на долю частныхъ банковъ.

Однако, какъ ни значительны тѣ суммы, которыя въ настоящее время переводятся векселями, онѣ, все-таки, покажутся намъ ничтожными, если мы сравнимъ ихъ съ общей цѣнностью расплатъ, ежегодно производимыхъ въ такой хозяйственной области, какъ Германія. Что такое двадцать милліар-

довъ марокъ, когда одна стоимость германскаго ввоза и вывоза равнялась въ 1900 году одиннадцати съ половиною миллиардамъ марокъ? И, на самомъ дѣлѣ, мы были бы не въ состояніи понять относительно лишь слабое развитіе вексельнаго обращенія (такъ, напримѣръ, цѣнность германской внѣшней торговли поднялась за періодъ отъ 1872 г. до 1900 года приблизительно на 100%, между тѣмъ за тотъ же промежутокъ времени переводъ векселей возросъ едва на 50%), если бы не знали, что одновременно съ этимъ выработались до значительнаго совершенства другія формы облегченныхъ платежей сношеній въ видѣ джиро и операций взаимнаго расчета. Львиная доля участія въ этой эволюціи принадлежитъ опять-таки Имперскому банку. Особенно же благодаря введенію безвозмездныхъ переводовъ этотъ банкъ чрезвычайно способствовалъ развитію въ Германіи платежныхъ примемовъ, сберегающихъ наличныя деньги. Дѣйствительно, заслуги Имперскаго банка въ области трансфертныхъ операций (джиро) не выше тѣхъ преимуществъ, которыя и частныя банковыя учрежденія могли предоставить въ этой отрасли операций. Трансферты Имперскаго банка ограничивались, главнымъ образомъ, Берлиномъ; внѣ Берлина въ 1875 году существовало лишь еще одно незначительное трансфертное учрежденіе въ Данцигѣ. До основанія Имперскаго банка джиро развилось дѣйствительно значительнымъ образомъ только въ Гамбургѣ, гдѣ государственный джиробанкъ довелъ трансфертную операцию въ сферѣ мѣстнаго обращенія почти до совершенства. Имперскій банкъ перенялъ отъ Гамбургскаго развитое послѣднимъ джиро въ тѣхъ основныхъ чертахъ, которыя оно сохраняетъ до сихъ поръ; по образцу Гамбургскаго банка Имперскій банкъ организовалъ затѣмъ и широко развилъ джиро по всей Германіи, внеся лишь въ него измѣненія, соотвѣтствующія обстоятельствамъ. Между тѣмъ какъ трансфертныя операции Прусскаго банка составляли въ 1875 году только 834 милліона марокъ, а джиро Гамбургскаго банка равнялось въ то время 2658 милліонамъ марокъ; эти же операции Имперскаго банка достигли за первый годъ его существованія 16,7 милліардовъ марокъ, а къ 1900 году онѣ поднялись до 164 милліардовъ марокъ. Число всѣхъ счетовъ, полученныхъ Имперскимъ банкомъ отъ обоихъ выше-названныхъ банковъ, было немного больше семисотъ. Въ 1876 году это число возросло до 3245, а къ концу 1900 года—до 15847. Система взаимнаго расчета, также развиваемая Имперскимъ банкомъ, явилась дополненіемъ системы джиро. Въ 1883 году Имперскій банкъ началъ заводить расчетныя палаты; ихъ принципъ, какъ извѣстно, заключается въ слѣдующемъ: представители участвующихъ въ нихъ банковъ рассчитываются другъ съ другомъ своими векселями, чеками, счетами и т. п., и только остаточныя суммы выплачиваются наличными деньгами, или уже заносятся въ книги Имперскаго банка на трансфертные счета, отведенные для частныхъ банковъ. Первая расчетная палата была учреждена въ Берлинѣ въ 1883 году. Въ томъ же году эти учрежденія были открыты во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, въ Штутгартѣ, въ Кельнѣ, Лейпцигѣ, Дрезденѣ и Гамбургѣ; въ 1884 году они появились въ Бреславлѣ и Бременѣ, въ 1893 году—въ Эльберфельдѣ. Сумма, поступающая

во взаимный расчетъ въ этихъ девяти или десяти расчетныхъ палатахъ, выражалась въ 1884 году 12,1 милліардами марокъ, а въ 1900 году она поднялась до 29,5 милліардовъ марокъ; между тѣмъ число сочленовъ за тотъ же промежутокъ времени увеличилось отъ 112 до 126. Это новый симптомъ сильной тенденціи къ концентраціи въ банковомъ дѣлѣ!

Приведенныя цифры опять-таки велики, но онѣ представляютъ собой, все-таки, относительно ничтожныя суммы, если сравнить ихъ съ соотвѣтственными суммами въ другихъ странахъ, какъ, напримѣръ, въ Англіи. Основаніе медленнаго развитія системъ джиро и взаимнаго расчета въ Германіи надо искать въ томъ фактѣ, что въ этой странѣ все еще не достаточное число частныхъ лицъ привыкло держать свои деньги въ банкахъ, особенно же въ частныхъ банкахъ. Глядя на суммы вкладовъ, находящихся въ большихъ частныхъ банкахъ Германіи, удивляешься ихъ ничтожности. Согласно главнымъ балансамъ почти всѣхъ германскихъ кредитныхъ банковъ (за исключеніемъ эмиссионныхъ), которые «Der deutsche Economist» («Нѣмецкій экономистъ») ежегодно сопоставляетъ другъ съ другомъ, общая сумма текущихъ счетовъ и т. п. дебетовъ и вкладовъ за 1900 годъ въ ста шестидесяти пяти банкахъ не превышала 1706,3 милліоновъ марокъ. Между тѣмъ въ концѣ октября 1899 года сумма вкладовъ въ великобританскихъ joint-stock-banks равнялась 773,3 милліонамъ фунтовъ стерлинговъ, то-есть, приблизительно пятнадцати съ половиною милліардамъ марокъ; у банкировъ Joint-Stock'a и частныхъ банкировъ вмѣстѣ эта сумма выражалась въ 1902 году, по свидѣтельству «Economist», цифрою въ 839,9 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Для объясненія этой отсталости Германіи въ столь важной области банковаго дѣла необходимо вообще принять въ соображеніе своеобразие, свойственное организаціи именно германскихъ банковъ.

Я касаюсь здѣсь теоретической проблемы, которой, къ сожалѣнію, нельзя было вполне избѣжать вслѣдствіе ея существенной важности для пониманія экономическаго развитія Германіи; эта проблема принадлежитъ къ числу самыхъ запутанныхъ во всемъ ученіи о народномъ хозяйствѣ и требуетъ тщательнаго разсмотрѣнія; между тѣмъ въ настоящемъ мѣстѣ этого сочиненія я долженъ довольствоваться немногими указаніями на нее.

Операции, о которыхъ у насъ шла до сихъ поръ рѣчь, и къ которымъ присоединяется еще операція ссуды подъ залогъ (ломбардная операція), образуютъ замкнутый въ себѣ кругъ банковской дѣятельности; поэтому онѣ часто называются банковыми операціями въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. При попыткѣ указать критерій, точно опредѣляющій ихъ границы, мы оказались бы въ затрудненіи. Этотъ критерій является ясно замѣтнымъ, главнымъ образомъ, только въ активныхъ банковыхъ операціяхъ—въ учетѣ (товарныхъ) векселей и въ ссудахъ подъ товары. Здѣсь рѣчь идетъ объ открытіи кредита совершенно опредѣленнаго рода. Открываемый въ этихъ случаяхъ кредитъ я предложилъ бы называть оборотнымъ потому, что его главное назначеніе состоитъ въ ускореніи процесса хозяйственнаго обращенія. Когда мы учитываемъ въ банкѣ товарный вексель, то мы не получаемъ отъ банка новой цѣнности;

напротив, принадлежащая нам *цѣнность* получаетъ лишь другую форму, именно денежную. Векселедержатель ищетъ не капитала (то-есть, не новыхъ фондовъ для основанія или расширенія предпріятія), а только денегъ. Онъ хочетъ скорѣйшей реализаціи, немедленнаго осуществленія принадлежащей ему по праву претензіи. Этой нормальной активной операціи противопоставляется вкладная операція въ качествѣ нормальной пассивной; послѣдняя состоитъ только въ томъ, что подвижныя средства, несвязанныя въ данный моментъ ни въ средствахъ производства, ни въ готовыхъ товарахъ, предоставляются въ распоряженіе банка. Слѣдовательно, пользуясь подобнаго рода временно свободными наличными средствами или вкладами (которые, конечно, нѣтъ необходимости предполагать непременно въ видѣ металлическихъ денегъ или денежныхъ суррогатовъ) для немедленной реализаціи претензій, срокъ которымъ хотя еще и не насталъ, но которые уже существуютъ налицо, банкъ, такимъ образомъ, лишь поддерживаетъ ходъ товарообращенія. Поэтому, если мы желаемъ банкамъ, дѣятельность которыхъ ограничивается вышеизложенными операціями, дать правильное названіе, соответствующее ихъ внутренней сути, намъ слѣдовало бы назвать ихъ реализаціонными или оборотно-кредитными банками (Realisations- oder Zirkulationskreditbanken). Очевидно, вкладныя операціи банковъ могутъ процвѣтать лишь тамъ, гдѣ банковая дѣятельность ограничивается только доставленіемъ (преимущественно) оборотнаго кредита.

Между тѣмъ именно германскіе банки, за исключеніемъ эмиссіонныхъ, и характеризуются, главнымъ образомъ, той своеобразной чертой, что подобнаго ограниченія въ ихъ дѣятельности никогда не производилось; другими словами, они (особенно же большіе банки) никогда не ограничивались доставленіемъ оборотнаго кредита, а, напротивъ, видѣли одну изъ своихъ главныхъ задачъ какъ-разъ въ доставленіи производительнаго кредита. Подъ послѣднимъ я разумѣю тотъ видъ кредита, который расширяетъ сумму *цѣнностей*, находящихся въ распоряженіи предпринимателя, то-есть, увеличиваетъ капиталъ. «Банки», которые доставляютъ такого рода кредитъ и, слѣдовательно, прямо или косвенно принимаютъ участіе въ основаніи и расширеніи капиталистическихъ предпріятій, надо было бы называть производительно-кредитными (Produktionskreditbanken); между тѣмъ они извѣстны въ настоящее время подъ различными названіями; а именно ихъ называютъ то фондовыми банками (Effektenbanken), то банками, ссужающими подѣ движимое имущество (Kreditmobiliarbanken), то «кредитными банками» въ болѣе узкомъ смыслѣ слова, то «финансовыми товариществами» (Finanzgesellschaften) и т. д. *). Но, какъ мы уже сказали, таковы почти всѣ германскіе банки; въ особенности же большіе банки носятъ характеръ производительно-кредитныхъ, или, по крайней мѣрѣ, они также не свободны отъ подобнаго характера.

*) Разумѣется, всѣ приведенныя по-русски названія представляютъ собою лишь буквальный переводъ нѣмецкихъ. Практика банковаго дѣла въ Россіи создала иные названія для обозначенія того же понятія; таковы: «коммерческіе банки», «кредитныя общества», «общества взаимнаго кредита», «ссудо-сберегательныя товарищества» и другія.

Какъ извѣстно, есть много средствъ и путей къ открытію производительнаго кредита. Часто форма послѣдняго не отличается отъ прочихъ формъ открытія кредита, вслѣдствіе чего нѣрѣдко совершенно оставляютъ безъ вниманія существующее въ данномъ случаѣ различіе. Кредиты могутъ быть открываемы подѣ личное или вещественное обезпеченіе, но часто встрѣчаются также въ видѣ бланковыхъ кредитовъ. При этомъ величина и значеніе банковъ обыкновенно развиваются параллельно величинѣ и значенію торговыхъ или промышленныхъ предпріятій, поддерживаемыхъ кредитомъ: большіе банки интересуются крупными предпріятіями; учрежденія средней величины, особенно же болѣе сильныя изъ частныхъ банкировъ, интересуются предпріятіями умѣренныхъ размѣровъ. Между тѣмъ самый низшій, но все еще кредитоспособный слой коммерческихъ и промышленныхъ предпринимателей, или—какъ я его называю—классъ мелкокапиталистическихъ предпринимателей, находитъ себѣ самую подходящую форму кредита въ кредитѣ, основывающемся на началѣ товарищества. Здѣсь мы представляемъ случай, по крайней мѣрѣ, упомянуть объ «обществахъ взаимнаго кредита» («Vorschussvereine») и «народныхъ банкахъ» («Volksbanken»), которые съ 1850 года получили распространеніе, главнымъ образомъ, благодаря неутомимой дѣятельности вотчиннаго судьи (Patrimonialrichter) Шульце изъ Делича. Въ настоящее время эти учрежденія образуютъ, безъ сомнѣнія, важную органическую составную часть германской кредитной системы, въ частности же и какъ учетныя банки; тѣмъ не менѣе, не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе этихъ банковъ для совокупности хозяйственной жизни. Конечно, тотъ фактъ, что 927 кредитныхъ товариществъ, соединенныхъ въ «Общій союзъ германскихъ промышленно-хозяйственныхъ товариществъ» («Der allgemeine Verband der deutschen Erwerbs und Wirtschaftsgenossenschaften»), смогли въ 1898 году открыть всевозможные кредиты на сумму въ два милліарда марокъ, этотъ фактъ является достойной вниманія заслугой вышеупомянутыхъ товариществъ. Но полезно вспомнить при этомъ, что одинъ лишь «Нѣмецкій банкъ» показываетъ вексельныхъ счетовъ на сумму въ восемь милліардовъ марокъ, а текущихъ счетовъ онъ записываетъ въ свои книги какъ въ дебетѣ, такъ и въ кредитѣ, на семь милліардовъ марокъ. Поскольку товарищескій кредитъ служитъ крестьянству черезъ посредство деревенскихъ ссудныхъ кассъ (въ этомъ случаѣ онъ получаетъ совсѣмъ особое значеніе), я еще разъ буду говорить о немъ въ тринадцатой главѣ настоящаго сочиненія.

За послѣдніе годы акцептный кредитъ дѣлается все болѣе и болѣе излюбленной формой открытія производительнаго кредита. Эта форма кредитованія состоитъ въ слѣдующемъ: банкъ не предлагаетъ своимъ клиентамъ ни наличныхъ денегъ, ни банковыхъ билетовъ, а лишь принимаетъ векселя, выданные его кліентами. При помощи, главнымъ образомъ, такого рода банковыхъ или финансовыхъ векселей нѣмецкіе предприниматели получили изъ-за границы значительные фонды. Банковые отчеты свидѣтельствуютъ о растущемъ значеніи акцептныхъ векселей. Согласно уже упоминавшимся

выше сопоставленіямъ данныхъ, сумма акцептныхъ векселей германскихъ «кредитныхъ банковъ» равнялась въ 1889 году всего пятистамъ шестнадцати милліонамъ марокъ, а въ 1900 году она составляла уже 1294,2 милліона марокъ.

Хотя интересъ банковъ и банкировъ, направленный въ сторону производительно-хозяйственной дѣятельности, является значительной помѣхой для развитія многихъ вѣтвей чисто-банковаго дѣла, тѣмъ не менѣе, ему должно быть приписано значительное участіе въ подъемѣ германской хозяйственной жизни. Банки сдѣлались въ Германіи прямо-таки разсадниками духа предпримчивости, пионерами въ области промышленности и торговли.

Часто, однако, они не останавливаются и на этомъ. Относительно значительной части своего имущества они сдѣлались даже индустриальными или коммерческими предпринимателями. Нерѣдко основательно указывали на то, что значительная часть предпріятій, составляющихъ въ настоящее время сущность дѣятельности нашихъ банковъ и банкировъ, вообще болѣе не представляетъ собою кредитныхъ операцій (мы не говоримъ уже о банковыхъ операціяхъ въ узкомъ смыслѣ слова). Въ самомъ дѣлѣ, когда банкъ при помощи своего основного капитала строитъ желѣзныя дороги или электрическія станціи, то подобныя операціи не могутъ быть отнесены ни къ какой формѣ доставленія кредита. Въ этомъ случаѣ банкъ выступаетъ, скорѣе, въ роли транспортнаго или промышленнаго предпринимателя. Столь обычное въ Германіи именно въ настоящее время «финансированіе» банками какихъ-нибудь производительныхъ предпріятій есть лишь симптомъ прогрессирующей концентрации капиталовъ въ области транспортированія, индустріи и торговли; эта концентрація лишь случайно исходитъ отъ банковъ или банкирскихъ домовъ, такъ какъ здѣсь именно совершается сильнѣйшее накопленіе денежныхъ средствъ. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ надежныхъ цифровыхъ данныхъ для измѣренія степени интенсивности вышеозначенной тенденціи къ развитію. Правда, банковые балансы содержатъ указанія относительно высоты паевъ и процентныхъ бумагъ; но (не говоря уже вовсе о томъ, что отчеты публикуются всегда только акціонерными и тому подобными компаніями, тогда какъ именно частные банкиры все болѣе и болѣе становятся коммерческими и индустриальными предпринимателями) эти отчеты не могутъ доставить намъ окончательнаго вывода по слѣдующей причинѣ: въ нихъ содержатся тѣ суммы цѣнныхъ бумагъ, на которыхъ банкъ или спекулируетъ, или же которыя онъ выпускаетъ; слѣдовательно, и въ томъ и въ другомъ случаѣ банкъ, владѣя ими, является только комиссіонеромъ; между тѣмъ доли участія банка въ производительныхъ предпріятіяхъ могутъ быть занесены имъ, наоборотъ, въ дебиторскій счетъ. Все-таки, цифры, выражающія развитіе процентныхъ бумагъ и паевъ, заслуживаютъ вниманія въ данномъ случаѣ. Такимъ образомъ, суммы этого счета у одиннадцати только большихъ берлинскихъ банковъ возросли отъ 1897 года до конца столѣтія съ 292,1 милліона марокъ до 417,5 милліоновъ; между отдѣльными банками эти суммы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ: Учетное

товарищество (Diskontogesellschaft) имѣло 63,9 милліона марокъ, Нѣмецкій банкъ 73,5 милліона, Дрезденскій банкъ 70,4 милліоновъ, Дармштатскій банкъ 44,5 милліона, Берлинская торговая компанія (Berliner Handelsgesellschaft) 35,1 милліоновъ, Шаффгаузенскій банкъ (Schaffhausener Bankverein) 48,5 милліоновъ, Національный банкъ 26,9 милліоновъ, Средне-германскій кредитный банкъ 10,5 милліоновъ, Бреславльскій учетный банкъ 21,2 милліонъ, Германское банковое товарищество (Deutsche Genossenschaftsbank) 4,0 милліона, Берлинскій банкъ 19,0 милліоновъ марокъ.

Если мы вообще еще хотимъ сохранить за подобнаго рода предпринимательскими учрежденіями названіе «банковъ», то ихъ лучше всего назвать производительными банками (Produktionsbanken). Но, какъ извѣстно, германскіе банки вообще не проводятъ послѣдовательнаго различія между разными способами возможнаго использованія большаго денежнаго запаса. Вслѣдствіе этого каждое обобщающее или расчленяющее опредѣленіе ихъ дѣятельности должно считаться неудачнымъ. Для насъ ясна лишь сама разнородность различныхъ видовъ операцій, къ которымъ мы должны присоединить еще одинъ видъ; послѣдній составляетъ истинный центръ дѣятельности многихъ банковъ и банкировъ; это то, что въ болѣе широкомъ смыслѣ слова можно называть торговлей фондами. Однако, чтобы имѣть возможность оцѣнить такую торговлю во всемъ ея теперешнемъ значеніи для банковаго дѣла, необходимо получить нѣкоторыя общія свѣдѣнія о сущности и размѣрахъ такъ называемаго фондоваго рынка.

Чтобы дать читателю ясное представленіе объ искусномъ механизмѣ большаго германскаго банка, находящагося на порогѣ двадцатаго столѣтія, я перепечатаю въ приложеніи № 6 извлеченіе изъ годового отчета Дрезденскаго банка за 1900 годъ. Я избралъ для этой цѣли именно названный банкъ не потому, что состою членомъ его совѣта, и не въ силу какого-либо иного особаго интереса къ данному предпріятію; я поступилъ такимъ образомъ исключительно оттого, что расположеніе матеріала въ отчетѣ Дрезденскаго банка мнѣ кажется наиболѣе яснымъ. Въ значительномъ большинствѣ случаевъ структура всѣхъ большихъ банковъ Германіи та же самая, что и Дрезденскаго банка.

II. Фондовый рынокъ.

Подъ цѣнными бумагами или фондами разумѣютъ такіе доходныя бумаги, сущность которыхъ состоитъ въ томъ, что онѣ могутъ передаваться однимъ лицомъ другому; это юридическіе документы, дающіе своимъ держателямъ права на полученіе извѣстнаго дохода съ имущества; но подобнаго рода документы устанавливаютъ правоотношеніе не между опредѣленными лицами, а между случайнымъ предъявителемъ документа и третьимъ лицомъ; вслѣдствіе этого юристы обыкновенно называютъ такіе документы бумагами на предъявителя, titres au porteur. За ничтожными исключеніями, цѣнные бумаги появились, особенно въ Германіи, только въ девятнадцатомъ столѣтіи; онѣ являются выраженіемъ эволюціоннаго процесса, имѣющаго глубокое зна-

чение; взаимоотношения хозяйственной жизни страны прошли через такую эволюцию именно за указанный промежуток времени.

Какъ очевидно, здѣсь дѣло заключается въ овеществленіи договорныхъ отношеній, которыя предоставляютъ владѣльцу денегъ право участія въ пользованіи цѣнностями въ силу факта его обладанія имуществомъ; качественно окрашенные личныя отношенія замѣняются въ этомъ случаѣ отношеніемъ безличнымъ вслѣдствіе его чисто-количественнаго характера. Слѣдовательно, эти явленія совершенно аналогичны тѣмъ измѣненіямъ, которыя мы наблюдали въ отношеніи человѣка къ природѣ; послѣднія, какъ мы видѣли, обнаруживались и въ теоретической области естественныхъ наукъ, и въ практической области техники, и, наконецъ, во всей организаціи экономического строя.

Сославшись на нѣсколько важнѣйшихъ примѣровъ, я выясню этимъ, читателю мою мысль.

Когда въ прежнее время государи или какіе-нибудь другіе представители общественныхъ интересовъ искали путемъ займа недостающихъ имъ денежныхъ средствъ, они заключали съ однимъ или нѣсколькими опредѣленными лицами чисто-индивидуальный заемный договоръ. Равнымъ образомъ, займы государствъ или городовъ носятъ вначалѣ характеръ исключительно частныхъ долговыхъ отношеній; это преимущественно выражается въ правѣ отказа отъ продолженія договора, которое принадлежитъ обоимъ контрагентамъ (договаривающимся сторонамъ). По мѣрѣ того какъ «займы» дѣлались органическими элементами новѣйшаго государственнаго хозяйства, право отказа отъ продолженія договора, принадлежащее кредитору, должно было стать невыносимымъ для государства, и даже просто-таки грозить государственной цѣлости. Такимъ образомъ, съ теченіемъ времени было устранено право произвольнаго, а, въ концѣ концовъ, право всякаго отказа отъ продолженія договора со стороны кредитора. Это, однако, чувствительно ограничивало бы кредитъ государства, нуждающагося въ деньгахъ, если бы не существовало средства, которое освобождало бы цѣнности отъ продолжительнаго удержанія ихъ въ займѣ, лишаящемъ заимодавца права отказа отъ заемнаго договора. Такое средство нашлось; именно, хотя заемныя условія были фиксированы, зато отношенія къ нимъ государственныхъ кредиторовъ были мобилизованы; для этой цѣли свидѣтельства объ общественномъ займѣ были превращены въ бумаги на предъявителя, то-есть, всякій, кто приобрѣтаетъ ихъ отъ перваго собственника, получалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣ же права по отношенію къ государству, какъ и первоначальный заимодавецъ. Теперь государство заключало договоръ о займѣ не съ извѣстными А или В, а съ неизвѣстной массою, составъ которой ежедневно мѣнялся; послѣдняя вступала съ государствомъ, нуждающимся въ деньгахъ, въ отношеніе только при помощи того юридическаго документа, который находился у нея въ рукахъ; слѣдовательно, это было отношеніе опосредствованное, а потому чисто-вещественное. Такимъ образомъ, создавалась первая значительная категория современныхъ намъ цѣнныхъ бумагъ—облигаціи общественныхъ союзовъ.

Какъ въ настоящемъ случаѣ возникли современные заемныя свидѣ-

тельства государствъ или городскихъ общинъ, такъ же точно образовались въ послѣдствіи закладные листы. Ихъ назначеніе тоже заключалось въ доставленіи нуждающимся въ деньгахъ землевладѣльцамъ и домовладѣльцамъ средствъ, отпускъ которыхъ не былъ бы сопряженъ съ ненавистнымъ правомъ произвольнаго отказа отъ продолженія договора (какъ то имѣетъ мѣсто въ большинствѣ случаевъ частной ипотеки); далѣе, закладные листы должны способствовать расширенію круга кредиторовъ по слѣдующей причинѣ: во-первыхъ, они создаютъ для должника лучшія условія обезпеченія, чѣмъ отдѣльная ипотека (особенно же когда они выпускаются полуобщественными учрежденіями, каковы прусскіе провинціальныя банки—*Landschaften*); во-вторыхъ, благодаря легкой возможности продать закладные листы и благодаря раздробленію въ нихъ займа на мелкія суммы большее количество людей въ состояніи приобрѣтать ихъ. Между тѣмъ результатомъ введенія закладныхъ листовъ, какъ средства кредитнаго обращенія, очевидно, явилось новое обезличеніе договорнаго отношенія между землевладѣльцемъ и заимодавцемъ; это отношеніе сохраняетъ индивидуальный характеръ до тѣхъ поръ, пока связываетъ двухъ живыхъ людей въ данномъ конкретномъ случаѣ.

Кромѣ уже упомянутыхъ полуобщественныхъ учреждений—провинціальныя банковъ—операцией выпуска закладныхъ листовъ занимаются также земельныя банки, основывающіеся на капиталистическихъ началахъ. Какъ я уже говорилъ въ другомъ мѣстѣ, провинціальныя банки, которыхъ теперь въ Пруссіи семнадцать, а въ другихъ частяхъ Германіи три, почти всѣ уже возникли въ восемнадцатомъ столѣтіи (самый старый изъ нихъ Силезскій провинціальный банкъ, уставъ котораго утвержденъ 9 іюля 1770 года); между тѣмъ всѣ нынѣ существующіе земельныя банки были основаны въ теченіе второй половины девятнадцатаго столѣтія. Большая часть ихъ (двадцать девять изъ общей суммы сорока банковъ) появилась послѣ 1870-го года. Изъ существующихъ теперь сорока земельныхъ банковъ, которые, по даннымъ Гэхта, располагаютъ реализованнымъ акціонернымъ капиталомъ въ 554,3 милліона марокъ, тридцать шесть пользуются правомъ выпускать закладные листы на предъявителя; изъ этихъ тридцати шести земельныхъ банковъ одиннадцать приходятся на долю Пруссіи, семь—на долю Баваріи, два—на долю Вюртемберга, три—на долю Саксоніи и тринадцать—на долю остальныхъ нѣмецкихъ государствъ. Въ то время какъ провинціальныя банки выдаютъ ссуды подъ залогъ только тѣхъ земельныхъ участковъ, которые эксплуатируются въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ, дѣятельность большинства земельныхъ банковъ простирается одинаково какъ на городскіе, такъ и на деревенскіе участки земли. О быстро-увеличивающемся значеніи земельныхъ банковъ свидѣтельствуетъ слѣдующая таблица, составленная тѣмъ же Гэхтомъ.

Акціонерныхъ капиталовъ:			Ипотекъ:		Закладныхъ листовъ въ обращеніи:	
			8 милл. марокъ		5 милл. марокъ.	
1863	19 милл. марокъ		157	»	115	»
1869	60	»	1483	»	1363	»
1879	261	»	4066	»	3320	»
1893	389	»	6574	»	6241	»
1899	587	»				

Въ круглыхъ числахъ было:

Но особенно ясна тенденция къ овеществленію нѣкогда личныхъ отношеній въ третьей категоріи современныхъ фондовъ—въ акціяхъ и облигаціяхъ капиталистическихъ предпріятій. Въ тѣхъ случаяхъ, когда прежде единственнымъ руководителемъ, организаторомъ и участникомъ бывалъ отдѣльный предприниматель, теперь имъ является совершенно безличная толпа случайныхъ держателей акцій или облигацій. Такимъ образомъ, современное акціонерное общество является самымъ чистымъ и послѣдовательнымъ выраженіемъ капиталистическаго отношенія, которое, какъ мы знаемъ, по своей природѣ стремится къ проведенію начала безличности.

Спрашивается, въ состояніи ли мы выразить въ цифрахъ эту тенденцію къ овеществленію экономическихъ правъ на пассивное участіе въ предпріятіи; другими словами, слѣдовательно, можемъ-ли мы опредѣлить болѣе или менѣе надежно тѣ суммы цѣнностей, которыя представляютъ собою возникшія вышеописаннымъ образомъ безличные права на получение дохода. Нѣтъ недостатка въ попыткахъ дѣлать подобныя опредѣленія. Къ сожалѣнію, всѣ онѣ даютъ только весьма приблизительное представленіе о дѣйствительности. Тѣмъ не менѣе, здѣсь умѣстно привести нѣсколько главныхъ цифръ, которыя могутъ доставить намъ точку опоры въ оцѣнкѣ фактическихъ отношеній. Срав. для этого приложенія за №№ отъ 7-го до 11-го.

Шмоллеръ вычислилъ, что въ началѣ девяностыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія имущество прусскихъ гражданъ, вложенное въ цѣнные бумаги, составляло отъ шестнадцати до двадцати милліардовъ марокъ, то-есть, приблизительно четверть частнаго прусскаго народнаго капитала («Kapitalvermögen»). Изъ нихъ треть приходилась на закладные листы, около половины—на общественныя облигаціи, и одна шестая часть—на акціи. Въ виду значительнаго экономическаго подъема послѣднихъ лѣтъ мы, разсматривая положеніе вещей въ концѣ столѣтія, смѣло можемъ повысить на 20—25% цифровыя данныя принятія Шмоллеромъ; нижеслѣдующій расчетъ дастъ намъ въ этомъ отношеніи нѣсколько точекъ опоры. По свѣдѣніямъ Гермеса, относящимся къ 1897 году, оборотъ закладныхъ листовъ провинціальныхъ банковъ достигалъ 2371 милліона марокъ, оборотъ закладныхъ листовъ нѣмецкихъ земельныхъ банковъ составлялъ въ 1900 году, на основаніи данныхъ «Der deutsche Ökonomist», 6504,4 милліона марокъ; изъ послѣднихъ лишь небольшая сумма заключалась въ именныхъ закладныхъ листахъ, которые представляли собою въ круглыхъ цифрахъ отъ восьми до девяти милліардовъ ипотечныхъ цѣнныхъ бумагъ. Высота государственныхъ долговъ имперіи и союзныхъ государствъ опредѣлялась Юрашекомъ въ 1899 и 1900 годахъ круглымъ счетомъ въ 12668 милліоновъ марокъ, высота долговъ пятидесяти двухъ самыхъ большихъ городовъ Германіи (согласно указаніямъ «Jahrbuch der deutschen Städte»—«Ежегодникъ германскихъ городовъ») равнялась въ 1898 году 1460 милліонамъ марокъ; обѣ суммы вмѣстѣ представляютъ собою больше четырнадцати милліардовъ государственныхъ и городскихъ фондовъ.

Особенно въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій все шире и шире распространяется помѣщеніе капиталовъ въ доходныя предпріятія, именно на

биржѣ, то-есть, развилась форма «безличнаго» предпріятія—акціонерное общество. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній относительно теперешняго состоянія акціонернаго дѣла въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, мы можемъ составить себѣ приблизительно вѣрное представленіе о его значеніи на основаніи имѣющагося у насъ матеріала цифровыхъ данныхъ. По вычисленіямъ Христіана, въ 1883 году въ Германіи существовало 1311 акціонерныхъ обществъ, которыя всѣ вмѣстѣ располагали капиталомъ въ 3910,2 милліоновъ марокъ. До 1891—1892 года число этихъ обществъ поднялось до 2985, а высота капитала—до 5642,5 милліоновъ марокъ. Для опредѣленія положенія вещей въ настоящее время мы должны пользоваться тѣми цифровыми данными, которыми располагаемъ относительно основанія новыхъ акціонерныхъ обществъ. Съ 1893 до 1900 года послѣднихъ появилось еще 1768 съ капиталомъ въ 2413,7 милліоновъ марокъ. Но, конечно, если мы сложимъ цифры, выражающія положеніе вещей за 1891—1892 годъ, съ соотвѣтственными цифрами, относящимися къ акціонернымъ обществамъ, основаннымъ съ 1893 до 1900 года, мы еще не выразимъ точно состоянія дѣла въ 1900 году (за весь указанный промежутокъ времени одни акціонерныя общества ликвидировали свои дѣла, другія расширились, облигаціонный капиталъ ихъ возросъ и т. д.). Безъ сомнѣнія, однако, наша оцѣнка окажется скорѣе слишкомъ низка, чѣмъ слишкомъ высока, если мы примемъ сумму цифровыхъ данныхъ за оба вышеуказанные періода, какъ выраженіе существующаго положенія вещей. Согласно этому въ 1900 году въ Германіи было 4753 акціонерныхъ компаній съ капиталомъ круглымъ счетомъ въ восемь милліардовъ марокъ. Описаніе существующихъ акціонерныхъ обществъ, находящееся въ «Handbuch der deutschen Aktiengesellschaften» («Руководство германскихъ акціонерныхъ обществъ») за 1900—1901 годъ, доказываетъ, что вышеприведенныя цифры, въ самомъ дѣлѣ, ниже дѣйствительныхъ; это описаніе насчитываетъ «около 5500» акціонерныхъ обществъ, не исчисляя, къ сожалѣнію, суммы капиталовъ, представляемой послѣдними; тѣмъ не менѣе, мы не преувеличимъ чрезчуръ этой суммы, полагая еѣ равной девяти милліардамъ марокъ.

Такимъ образомъ, всего получается сумма въ тридцать одинъ или тридцать два милліарда марокъ, представляемая въ настоящее время цѣнными бумагами, выпущенными въ Германіи. Съ другой стороны, эта сумма, конечно, не совпадаетъ съ суммой цѣнныхъ бумагъ, которыя принадлежатъ нѣмцамъ или продаются на германскихъ биржахъ. Множество германскихъ цѣнностей принадлежитъ иностранцамъ; но, конечно, еще большее количество иностранныхъ цѣнностей принадлежитъ нѣмцамъ: въ началѣ девяностыхъ годовъ это количество оцѣнивалось уже въ десять милліардовъ марокъ; въ настоящее же время, оно, навѣрно, гораздо значительнѣе. Можетъ-быть, избытокъ иностранныхъ цѣнностей, находящихся въ германскихъ рукахъ, надъ суммою германскихъ цѣнностей, принадлежащихъ иностранцамъ, уже такъ великъ, что мы ничуть не преувеличимъ совокупной цѣнности владѣемыхъ нѣмцами фондовъ, предполагая еѣ равной сорока милліардамъ. Сумма цѣн-

ныхъ бумагъ, продающихся на германскихъ биржахъ, естественно, еще значительно.

Быстро возникающія такимъ образомъ бумажныя цѣнности при самомъ своемъ появленіи на свѣтъ предлагаются огромному количеству людей, желающихъ приобрести ихъ; дальнѣйшее существованіе этихъ цѣнностей довольно часто проходитъ въ передвиженіи отъ одного собственника къ другому; итакъ, фонды по самой своей сущности предназначены для коммерческихъ оборотовъ, потому что внѣ процесса купли-продажи они не достигаютъ своей жизненной цѣли; вслѣдствіе всего вышеизложеннаго легко понять, что очень скоро долженъ былъ образоваться особаго рода рынокъ, соответствующій своеобразію новаго предмета торговли. Какъ извѣстно, рынокъ, на которомъ торгуютъ цѣнными бумагами, обыкновенно называется фондовой биржей (Fonds- oder Effektenbörse).

Развитіе такихъ биржъ въ Германіи почти всецѣло относится къ девятнадцатому столѣтію. Свѣдѣнія, имѣющіяся по настоящему предмету относительно первыхъ десятилѣтій прошлаго вѣка, заставляютъ насъ заключать о существованіи въ ту эпоху только совершенно ничтожныхъ зачатковъ правильно организованнаго рынка бумажныхъ цѣнностей на берлинской и франкфуртской биржахъ. На послѣднихъ котировалось лишь нѣсколько курсовъ векселей и иностранной валюты; съ двадцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія сюда прибавились котировки кредитныхъ бумагъ, выпущенныхъ городами и провинціями, а также нѣсколькихъ экзотическихъ государственныхъ займовъ, каковъ, примѣръ, испанскій. Въ 1836 и 1840 годахъ были изданы въ Пруссіи два королевскіе указа, которые воспрещали совершеніе срочныхъ сдѣлокъ сперва съ испанскими, а затѣмъ со всеми иностранными бумагами; изъ этого мы можемъ заключить, что дѣла съ экзотическими займами велись чрезвычайно бойко. Но обороты на нѣмецкихъ фондовыхъ биржахъ приняли дѣйствительно широкіе размѣры только съ начала эры желѣзныхъ дорогъ, то-есть, съ поступленіемъ на биржу желѣзнодорожныхъ цѣнныхъ бумагъ. Замѣчательно слѣдующее явленіе: всякій разъ какъ на фондовой биржѣ наступаетъ новая эпоха подобнаго рода, государственная власть чувствуетъ себя вынужденной (по крайней мѣрѣ, въ Пруссіи) возвысить свой предостерегающій голосъ, издавая какое-нибудь запрещеніе. Такимъ образомъ, постановление 25 мая 1844 года воспрещало заключеніе срочныхъ сдѣлокъ (Termingeschäfte) съ цѣнными бумагами желѣзнодорожныхъ компаній.

Быстрое развитіе капитализма въ теченіе второй половины девятнадцатаго столѣтія выбрасываетъ затѣмъ все большія и большія количества новыхъ цѣнностей на фондовую биржу; я уже пытался дать читателю представленіе о цифрахъ, которыя опредѣляютъ суммы этихъ цѣнностей. Растущее значеніе фондовой биржи обнаруживается яснѣе всего въ быстро расширяющихся курсовыхъ бюллетеняхъ большихъ рынковъ. Такъ, примѣръ, 31 декабря 1870 года на Берлинской биржѣ котировались всего 359 цѣнностей, между тѣмъ 31 декабря 1900 года ихъ котировалось уже въ пять

разъ больше, именно 1808. Читатель можетъ видѣть изъ таблицы, приведенной мною въ приложеніи № 7, какимъ образомъ этотъ приростъ раздѣляется по отдѣльнымъ группамъ.

Одновременно съ расширеніемъ фондоваго рынка въ Германіи центр тяжести биржевыхъ оборотовъ переносится въ Берлинъ. Еще до середины девятнадцатаго столѣтія Франкфуртъ-на-Майнѣ былъ наиболѣе значительнымъ рынкомъ. Теперь же Берлинъ въ нѣсколько разъ превосходитъ его. Помимо своего провинціального положенія, Франкфуртъ отсталъ также потому, что въ организаціи его банковъ еще далеко не всюду совершился переходъ къ типу большаго акціонернаго банка, какъ въ Берлинѣ; поэтому въ настоящее время Франкфуртъ долженъ ограничиться въ сущности ролью центра биржевыхъ оборотовъ съ западно-германскими промышленными цѣнностями, и во всякомъ случаѣ этотъ городъ утратилъ свое международное значеніе въ биржевомъ отношеніи. Въ настоящее время Франкфуртъ занимаетъ среднее положеніе между Берлиномъ и остальными большими провинціальными биржами, которыхъ въ Германіи насчитывается около полудюжины: въ Гамбургѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ, Кельнѣ и Бреславлѣ. Германскія биржи весьма неравно отличаются одна отъ другой по своему значенію; ихъ взаимное различіе ариметически выражается приблизительно числомъ цѣнныхъ бумагъ, входящихъ въ торговые обороты биржъ. По свѣдѣніямъ официальной статистики, число цѣнныхъ бумагъ, обращавшихся за періодъ времени съ 1897 до 1899 года, равнялось въ Берлинѣ приблизительно семи-стамъ (698); между тѣмъ во Франкфуртъ-на-Майнѣ ихъ обращалось тогда же только немного болѣе трехъ седьмыхъ этого количества, именно 301. Затѣмъ число бумагъ, обращающихся на слѣдующихъ по величинѣ двухъ биржахъ—Гамбургской и Дрезденской, представляетъ вновь значительную разницу отъ соответственнаго числа предыдущей биржи (Франкфуртской), такъ какъ на первой оно равно 133, а на второй 125. Число цѣнныхъ бумагъ, обращающихся на другихъ биржахъ, ниже; оно равняется: въ Лейпцигѣ 93, въ Мюнхенѣ 80, въ Кельнѣ 62, въ Бреславлѣ 61, на остальныхъ биржахъ это число уже не достигаетъ и пятидесяти и въ заключеніе оканчивается нулемъ (на штеттинской биржѣ). Этотъ рядъ представляютъ собою слѣдующія биржи: въ Бременѣ (42), въ Маннгеймѣ (23), въ Штутгартѣ (18), въ Аугсбургѣ (10), въ Эссенѣ (10), въ Дюссельдорфѣ (4), въ Кёнигсбергѣ (5), въ Штеттинѣ (0).

Относительно организаціи германскихъ фондовыхъ биржъ и ихъ развитія въ теченіе девятнадцатаго столѣтія можно замѣтить немного. Въ сущности онѣ еще и теперь то же, что были при своемъ возникновеніи, то-есть, общественные рынки; этимъ онѣ рѣзко отличаются отъ англійскихъ и американскихъ биржъ, которыя представляютъ собою, скорѣе, частныя собранія. Можетъ-быть, государственный надзоръ за биржами, введенный биржевымъ закономъ отъ 22 іюня 1896 года, имѣетъ тенденцію ускорить превращеніе этихъ учреждений въ замкнутыя корпорации.

Но, съ другой стороны, мы должны посмотрѣть поближе на ту сутолоку,

которая господствует на фондовых биржах; намъ надо попытаться въ той оглушительной смѣси голосовъ, которая доносится изъ полной биржевой залы до ушей посѣтителя галереи, уловить гармоніи, управляющія пестрымъ міромъ биржи.

Актъ, благодаря которому появляется на свѣтъ новая «цѣнная бумага», называется выпускомъ. При этомъ роль повивальныхъ бабокъ играютъ большіе банкирскіе дома, безъ содѣйствія которыхъ въ настоящее время почти ни одна цѣнная бумага не оказывается въ состояніи проникнуть въ священный храмъ биржи; въ данномъ случаѣ помощь большихъ банкирскихъ фирмъ является необходимой—все равно, идетъ ли рѣчь о помѣщеніи займовъ, или облигацій и акцій индустріальныхъ обществъ, или о какихъ-либо другихъ цѣнныхъ бумагахъ. Въ Германіи, какъ я уже указалъ въ отдѣлѣ о банкахъ, эмиссіонная операція совершается не специально-опредѣленными учрежденіями (какъ въ Англіи), а всѣми такъ называемыми «кредитными банками» и банкирами, каковы бы ни были вообще ихъ функціи; этотъ фактъ составляетъ характерную особенность Германіи въ указанномъ отношеніи. При выпускѣ цѣнныхъ бумагъ, очевидно, дѣло идетъ вовсе не о томъ, что можно называть банковыми операціями въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. Въ этомъ случаѣ банкъ исполняетъ, скорѣе, чисто-посредническую функцію между должникомъ и займодавцемъ. Однако, здѣсь рѣчь ведется вовсе не о банковомъ посредничествѣ въ той формѣ, какъ оно совершается въ сочетаніи депозитныхъ операцій съ учетными, гдѣ банкъ самъ является должникомъ одной изъ сторонъ и кредиторомъ другой. Вѣрнѣе сказать, при выпускѣ цѣнностей банкъ вовсе не собирается вступать въ кредитныя отношенія. Онъ, скорѣе, склоненъ считать операцію неудачной, если принужденъ держать въ теченіе болѣе или менѣе продолжительнаго или даже долгаго времени въ своемъ портфель тѣ цѣнныя бумаги, выпускъ которыхъ онъ взялъ на себя. Слѣдовательно, эмиссіонная операція рѣзко отличается также отъ грюндерскихъ и паевыхъ операцій банка.

Главный политико-экономическій интересъ эмиссіонной операціи состоитъ, собственно говоря, въ ея значеніи не столько для процесса производства, сколько для процесса распредѣленія національнаго богатства. Нельзя, конечно, отрицать нижеслѣдующее: благодаря посреднической роли могущественныхъ банковъ въ вопросѣ о доставленіи денегъ, совершается болѣе интенсивный процессъ оплодотворенія капиталомъ производительныхъ предпріятій, чѣмъ то происходило бы при прямомъ сношеніи между этими предпріятіями и публикою, располагающею денежными редствами; въ самомъ дѣлѣ, безусловно вѣрно, что, когда особенно банки заинтересованы въ выпускѣ акцій и облигацій, крупная промышленность и торговля получаютъ отъ большой публики множество денежныхъ сбереженій; въ противномъ случаѣ послѣдніе нашли бы себѣ помѣщеніе въ государственныхъ цѣнныхъ бумагахъ или въ другомъ мѣстѣ; дѣйствительно, вѣдь наибольшая часть банковыхъ кліентовъ представляетъ собою воскъ въ рукахъ искуснаго совѣтника, стоящаго за бюро банкирской конторы. Однако, гораздо важнѣе этого факта

другое обстоятельство: благодаря посредничеству банковъ паевое отношеніе влияетъ весьма замѣтнымъ образомъ на доходы національнаго производства. Именно вслѣдствіе того, что, какъ извѣстно, на эмиссіонныхъ операціяхъ можно въ большинствѣ случаевъ «заработать», значительная и непрерывно увеличивающаяся часть національнаго дохода попадаетъ въ руки крупныхъ финансистовъ или круговъ, близкихъ къ послѣднимъ. Предположеніе, будто бы переходъ къ общественной формѣ предпріятій оказываетъ «демократизирующее» вліяніе на богатство, свидѣтельствуетъ о наличности дѣтскихъ представлений. Въ дѣйствительности существуетъ какъ-разъ противоположное. Чѣмъ больше доставленіе капитала черезъ биржу или банки отдѣляетъ капиталъ отъ личности индивидуальнаго предпринимателя, тѣмъ въ большей степени полученіе такъ называемой «добавочной стоимости» сосредоточивается въ немногихъ рукахъ, или—выражаясь точнѣе—тѣмъ легче капиталисты снимаютъ сливки съ доходовъ національнаго производства; тотъ фактъ, что снятое молоко распрѣдѣляется впослѣдствіи между большимъ количествомъ ртовъ, не мѣняетъ характера предпріятій, облеченныхъ въ общественную форму. Съ другой стороны, то обстоятельство, что растущее участіе въ паевомъ распредѣленіи національнаго дохода обладаетъ тенденціей сосредоточиваться въ рукахъ финансовыхъ и биржевыхъ круговъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для общаго формообразованія соціальной жизни страны. Главная важность этой тенденціи состоитъ въ слѣдующемъ: именно она-то и способствовала въ наше время образованію большихъ городовъ, поскольку послѣдніе (какъ я разъяснилъ это подробнѣе въ моемъ «Современномъ капитализмѣ») развиваются все болѣе и болѣе въ центры потребленія, поглощающіе добавочныя стоимости цѣлой страны. Покаместъ, однако, рѣчь идетъ не объ этомъ.

Нельзя, конечно, опредѣлить въ точныхъ цифрахъ, какъ велики именно тѣ суммы, которыя остаются въ рукахъ эмиссіонныхъ банковъ и ихъ подставныхъ лицъ, по завершеніи этими банками ихъ посреднической роли между публикою, дающею денежныя средства, съ одной стороны, и предпріятіями, ищущими капитала, или государствами и городами, нуждающимися въ займахъ, — съ другой. Тѣмъ не менѣе, лажъ, прибавляемый на рынокъ къ цѣностямъ особенно въ періоды экономического оживленія, доставляетъ намъ въ данномъ случаѣ нѣкоторую точку опоры. Безъ сомнѣнія, лажъ не поступаетъ цѣликомъ въ банковые синдикаты, выпускающіе цѣнную бумагу. Часть лажа достается на долю или владѣльцевъ старыхъ акцій, когда рѣчь идетъ о расширеніи предпріятій и тому подобномъ, или же—прежнихъ участниковъ въ дѣлѣ, когда частныя предпріятія превращаются въ акціонерныя общества. Но все-таки львиная доля должна доставаться банкамъ, берущимъ на себя выпускъ бумаги; объ огромныхъ размѣрахъ этой доли мы можемъ составить приблизительное понятіе на основаніи цифръ, приведенныхъ въ приложеніи за № 8. Изъ нихъ читатель можетъ усмотрѣть, что за десятилѣтіе съ 1891 по 1900 годъ банковыя учрежденія «заработали» на одномъ только лажѣ германскихъ индустріальныхъ акцій свыше миллиарда марокъ (1028,6 милліо-

новъ); а изъ этой суммы больше четырехъ пятыхъ ея (846,8 миллионъ марокъ) было «заработано» въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ. Интересно также сравнить лажи на цѣнныхъ бумагахъ крупно-промышленныхъ предприятий съ лажемъ на банковыхъ акціяхъ. Послѣдній гораздо меньше перваго, по крайней мѣрѣ, въ періоды оживленія хозяйственной жизни. Причина такого явленія понятна: вѣдь во множествѣ случаевъ выручка банка на лажи его собственныхъ акцій сводилась бы къ перекалыванью денегъ изъ одного кармана въ другой. Не въ правѣ-ли мы, пожалуй, допустить слѣдующее: разница между лажемъ индустриальныхъ фондовъ и банковыхъ акцій представляетъ собою ту сумму, которая удерживается при выпускахъ банковыми учрежденіями, берущими на себя выпускъ бумагъ. Въ такомъ случаѣ за время съ 1897 до 1900 года эта разница должна была бы составлять половину лажа, лежащаго на акціяхъ крупно-промышленныхъ компаній.

Послѣ того какъ цѣнная бумага увидѣла сумеречный свѣтъ биржи, то-есть, когда она была «выпущена» и въ то же время зарегистрирована въ установленномъ порядкѣ и въ качествѣ полноправнаго гражданина допущена на курсовой бюллетень, послѣ всего этого дальнѣйшая судьба цѣнной бумаги можетъ сложиться весьма различнымъ образомъ: ея дни могутъ катиться весьма спокойно или очень оживленно. Если, на примѣръ, нашей цѣнной бумагѣ посчастливится найти себѣ пріютъ въ денежномъ шкафу сытаго рантье или въ кожаномъ сакѣ голодной вдовицы, которые разыскивали себѣ «бумагу для помѣщенія капитала», а отыскавъ ее, довольствуются однимъ отрѣзаніемъ купоновъ, — въ такомъ случаѣ можетъ оказаться, что бумага увидитъ снова дневной свѣтъ лишь тогда, когда наслѣдники первыхъ владѣльцевъ захотятъ получить свою долю наслѣдства наличными деньгами и продадутъ бумагу. Однако, и въ случаѣ перехода наслѣдства продажа бумаги, конечно, отнюдь не всегда обязательна. Уже при самомъ появленіи нашей бумаги мы замѣтили, что она обладаетъ очень нервнымъ темпераментомъ, то-есть, способностью легко колебаться въ курсѣ, такъ какъ можетъ свидѣтельствовать о правахъ на полученіе весьма различнаго количества дивиденда; съ другой стороны, ее можетъ ожидать совсѣмъ иная судьба: цѣнная бумага способна безостановочно переходить изъ рукъ въ руки, она въ состояніи непрерывно продаваться, покупаться и перепродаваться, и такое ея странствованіе можетъ продолжаться ежедневно повсюду на биржѣ. Подобнаго рода «летающіе голландцы» называются въ данномъ случаѣ спекулятивными бумагами. Между обѣими вышеуказанными крайностями, понятно, существуетъ безконечное множество градаций.

Правда, проводили различіе между понятіями о «торговлѣ» цѣнными бумагами и о «спекуляціи» съ ними; предполагали, что побудительнымъ мотивомъ въ торговлѣ бумагами является покрытіе существующей потребности, въ спекуляціи — только достиженіе выгодной для контрагента разности на покупныхъ и продажныхъ цѣнахъ. Однако, твердое установленіе такого рода различія встрѣчаетъ практическія трудности. Оба рода операцій переходятъ другъ въ друга. Поэтому нельзя сказать, чтобы опе-

раціи на наличныя деньги служили только торговлѣ, а срочныя сдѣлки — только спекуляціи. Спекуляція тоже можетъ отлично пользоваться операціями на наличныя деньги (что является правиломъ, на примѣръ, на американскихъ биржахъ), а срочныя сдѣлки могутъ заключаться для выгоднаго помѣщенія капитала въ цѣнныя бумаги. Бумаги, съ которыми совершаются срочныя сдѣлки, составляютъ на всякой биржѣ только небольшую дробь изъ общаго количества обращающихся тамъ цѣнностей. Въ эпоху анкеты, посвященной изслѣдованію вопроса о биржѣ (въ началѣ девяностыхъ годовъ истекшаго столѣтія), число цѣнныхъ бумагъ, фигурировавшихъ въ срочныхъ сдѣлкахъ, равнялось: въ Берлинѣ всего семидесяти-тремъ изъ 1400, на Франкфуртской биржѣ — восьми-десяти-пяти, на Гамбургской — сорока-четыремъ и на Мюнхенской — восьми. Несомнѣнно, однако, гораздо большее количество цѣнныхъ бумагъ является «предметомъ спекуляціи», если только разумѣть подъ послѣдней заключеніе сдѣлокъ, цѣль которыхъ состоитъ въ полученіи прибыли отъ предстоящей перемены курса.

Скорѣе, можно различать періоды съ большимъ или меньшимъ развитіемъ склонности къ спекуляціи. Именно въ періоды экономическаго оживленія охота къ игрѣ на разность усиливается въ кругахъ такъ называемой «публики» и увеличивается количество сдѣлокъ съ тѣми цѣнными бумагами, которыя выпускаются исключительно въ спекулятивныхъ видахъ. Это явленіе имѣетъ весьма важное политико-экономическое значеніе, такъ какъ оно, въ свою очередь, оказываетъ большое вліяніе на распредѣленіе національнаго дохода. Можно, конечно, утверждать съ нѣкоторой степенью достовѣрности, что страсть къ покупкѣ у большой массы даже менѣе зажиточныхъ людей увеличивается по мѣрѣ поднятія курсовъ цѣнныхъ бумагъ. Я думаю, что «маленькіе люди» начинаютъ пріобрѣтать въ особенности индустриальныя и тому подобныя бумаги собственно лишь тогда, когда курсы послѣднихъ получаютъ уже фантастическій характеръ. Въ это время болѣе могущественные держатели такихъ бумагъ, особенно же большіе банкирскіе дома, обыкновенно освобождаются отъ нихъ. Доведя свой корабль до спокойной пристани, они отходятъ прочь и сваливаютъ увеличившійся рискъ на болѣе слабыя плечи. Когда послѣ того наступаетъ неизбѣжное пониженіе курса, то въ проигрышѣ, конечно, оказываются лишь послѣдніе покупатели; ихъ имущество, и безъ того небольшое, подвергается чувствительному сокращенію. Такимъ образомъ, дѣйствіе періода оживленія, собственно говоря, сводится къ тому, что карманы «публики» время отъ времени (именно всякій разъ, какъ они оказываются только-что наполненными) опустошаются, и значительная часть народнаго имущества поступаетъ въ руки болѣе зажиточныхъ общественныхъ круговъ.

Я не буду сообщать подробныхъ свѣдѣній относительно формъ операцій, созданныхъ спекулятивной торговлей цѣнными бумагами. Эти формы отчасти имѣютъ слишкомъ мало политико-экономическаго значенія (таковы различныя виды сдѣлокъ съ преміями), отчасти же будутъ лучше разъяснены по другому поводу, именно въ томъ случаѣ, когда онѣ выполняютъ болѣе важныя функціи; послѣднее имѣетъ мѣсто при биржевыхъ торговыхъ сдѣлкахъ

на срокъ, о которыхъ я упомяну, ведя рѣчь о торговлѣ товарами и о тенденціяхъ въ ея развитіи.

При этомъ заслуживаетъ вниманія еще то обстоятельство, что своеобразныя формы организациі банковаго дѣла въ Германіи оказываютъ вліяніе и на ходъ развитія ежедневныхъ операцій фондовой биржи. Именно у насъ, нѣмцевъ, торговля цѣнными бумагами (поскольку она не носитъ чисто-спекулятивнаго характера и потому не является профессіей печальной гильдіи спекулянтовъ) сосредоточивается, въ качествѣ строгаго правила, въ рукахъ банкировъ. Послѣдніе-то и производятъ закупки и продажи или за собственный счетъ, или по заказу своихъ кліентовъ, то-есть, въ такомъ случаѣ банкиры исполняютъ роль комиссіонеровъ. Такимъ образомъ, германскій банкиръ играетъ въ торговлѣ фондами роль, одинаковую съ англійскимъ broker'омъ; послѣдній не ведетъ никакихъ банковыхъ дѣлъ, а получаетъ заказы отъ banker'a, какъ отъ всякаго другого кліента. Эта функція комиссіонера или самостоятельнаго торговца, на счетъ которой мелкій германскій банкиръ только и живетъ, составляетъ какъ бы pendant къ грюндерской и эмиссіонной дѣятельности большихъ банкирскихъ домовъ.

* * *

Итакъ, мы завершили нашъ обходъ бѣглымъ шагомъ разбросанной области банковыхъ и биржевыхъ операцій. Впечатлѣнія, сохранившіяся у читателя (который къ тому же еще, можетъ-быть, новичокъ въ этой области) отъ такой гонки, не могутъ быть глубоки. Я, все-таки, надѣюсь, что нѣкоторые факты (и именно самые главные) остались надолго въ памяти чатателя.

Первое, что все болѣе и болѣе бросается въ глаза поверхностному обозрѣвателю, это, безъ сомнѣнія, огромная величина цѣнностей, находящихся въ оборотѣ. Десятизначное число начинаетъ все чаще и чаще входить въ банковое и биржевое обращеніе. Собственно говоря, какъ-разъ достиженіе милліарда и характеризуетъ экономическое развитіе Германіи за время жизни послѣдняго поколѣнія людей.

Именно этотъ милліардъ находится какъ бы въ газообразномъ состояніи. Всякая твердая матерія, все земное, а вмѣстѣ съ тѣмъ всякая почва и корни — все это исчезаетъ. Міръ цѣнностей распускается въ невидимую сѣть безличныхъ отношеній, которыя еще подчиняются законамъ, но лишь законамъ количества. Можно видѣть, какъ вся хозяйственная жизнь все болѣе и болѣе стремится перейти въ такого рода газообразное состояніе. Въ концѣ концовъ, всѣ нити, отъ которыхъ зависятъ производство и сбытъ благъ, соединяются въ кредитномъ обращеніи банковъ и въ цѣнностяхъ фондовой биржи. Производство и распредѣленіе, торговля и обмѣнъ начинаютъ все больше и больше зависѣть отъ банка и биржи. Это ускоряетъ переходъ предприятий къ капиталистическимъ формамъ, весь хозяйственный организмъ какъ бы наполняется капиталистическимъ духомъ. Кто хоть разъ вкусилъ банковыхъ и биржевыхъ аферъ, тотъ навсегда пропалъ для ремесленной жизни; таково всеобщее впечатлѣніе.

Къ этому надо прибавить наблюденіе, что развитіе Германіи выработало цѣлый рядъ совершенно опредѣленныхъ своеобразныхъ чертъ. Среди послѣднихъ замѣчательнѣе всего то обстоятельство, что банкъ и биржа тѣсно соединены другъ съ другомъ. Кредитное обращеніе и спекуляція въ германской экономической жизни слиты въ неразрывно-общее существованіе. Мы уже указывали, какъ важна была эта личная унія для формообразованія хозяйственнаго процесса, какъ въ особенности заинтересованность банковыхъ учреждений въ развитіи экономической жизни объясняетъ намъ могучее напряженіе нашихъ хозяйственныхъ силъ.

Банкъ и (фондовая) биржа принадлежатъ къ общимъ явленіямъ современной намъ хозяйственной жизни, которыя вторгаются въ каждую частную область народнаго хозяйства. Они относятся къ остальнымъ отраслямъ хозяйственной жизни такъ же, какъ сердце относится къ членамъ, какъ столица страны — къ провинціямъ послѣдней. Объ этихъ-то провинціяхъ мы и поведемъ рѣчь въ дальнѣйшемъ изложеніи предмета. Мы будемъ обозрѣвать ихъ въ томъ порядкѣ, въ какомъ онѣ расположены по своему большому или меньшему разстоянію отъ центрального солнца банковаго и биржевого оборота. Иначе говоря, этотъ порядокъ расположенія экономическихъ отраслей совпадаетъ, съ другой стороны, со степенью, въ какой онѣ проникнуты капитализмомъ. Банкъ и биржа представляютъ собою капитализмъ въ его самой чистой формѣ. Далѣе слѣдуютъ: торговля, обмѣнъ, ремесло и сельское хозяйство; въ указанной послѣдовательности они являются все болѣе и болѣе проникнутыми пережитками докапиталистическаго развитія. Этотъ фактъ сообщаетъ матеріалу нашего изложенія естественный порядокъ.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

Торговля.

І. Оптовая торговля.

Въ этой главѣ я намѣренъ вести рѣчь только о тѣхъ переворотахъ, которые произошли въ организациі торговли за девятнадцатое столѣтіе; что касается внѣшнихъ формъ торговыхъ сношеній, то-есть, товарообмѣна между Германіей и заграницей, то о нихъ я буду говорить въ четырнадцатой главѣ.

Подъ оптовой торговлей (Grosshandel) я разумѣю всякаго рода профессиональное занятіе сбытомъ благъ, поскольку оно не включаетъ въ себя мелочной или розничной торговли (Warenverschleiss, Krämerei, Detailhandel), то-есть, сбыта благъ въ руки послѣдняго потребителя. Такимъ образомъ, я понимаю подъ оптовой торговлей такъ называемую крупную торговлю, торговлю en gros или посредническую въ болѣе широкомъ смыслѣ этого слова.

Но при таком ограничении германская торговля все еще представляет собою чрезвычайно пеструю картину самых различных форм организации, которая в течение последних ста лет подверглась разнообразнейшим изменениям; последние принимали направление то аналогичное изменениям, совершавшимся в других культурных странах, то свойственное специально Германии. Торговля кофе организована иным образом, чем торговля шерстью, торговля железным товаром — иначе, чем кожей и отрезным товаром (Schnittware); организация вывозной торговли отличается от организации ввозной; торговля внутри страны организована иначе, чем транзитная. И, тем не менее, нам предстоит изложить на протяжении полтора печатных листа «изменения, совершившиеся в оптовой торговле Германии в продолжение девятнадцатого столетия»! В данном случае нас в состоянии выручить опять-таки лишь некоторое насилие над излагаемым материалом; именно нам следует отказаться от изложения каких бы то ни было подробностей, мы должны ограничиться определением нескольких грубых основных черт, которые постоянно замечаются во всех частных образованиях и сообщают развитию торговли в последнем столетии его своеобразный отпечаток. Посмотрим, по крайней мере, возможна ли наша задача.

В центр моего изложения я хотел бы поместить форму заключения торговой сделки и изменения этой формы; я полагаю именно, что, исходя отсюда, мы скорее всего достигнем правильного понимания тех радикальных нововведений, которые произошли в организации торговли за истекший век.

Вся прежняя торговля, а также торговля Германии приблизительно вплоть до пятидесятих годов девятнадцатого столетия, велась с наличным товаром (Lokohandel), ее товар лежал готовым, то-есть, готовым для предложения, видимым для покупателя. Торговая сделка заключалась тут же, возле той товарной партии, которая была ее предметом; сделка состояла в живом обмене мнѣй со стороны обоих контрагентов. Это означало, следовательно, что или продавец (производитель и торговец) привозил покупателю (купцу, лавочнику и производителю) запас товара, или же покупатель самолично разыскивал товар.

Несколько примѣров выяснят нам положение дѣла. В сфере торговли колониальными товарами, например, голландская или немецкая импортная фирма закупала товар по ту сторону океана, там, где этот товар производится, и складывала его в приморских городах. В последних же находились представители посреднических торговых домов из более значительных городов, расположенных внутри страны; эти посредники приобретали нужный им запас кофе, сахару, чаю, пряностей и тому подобного и помещали его в своих магазинах. Такие магазины во Франкфурте, Лейпциге, Бреславе или продавали товар приезжим оптовым торговцам городов средней величины, или же отправляли его на рынки небольших городов, сбывая его здесь мелочным торговцам. Эта старая

торговля наличным товаром почти всегда неизбежно вызвала в известные эпохи скопление в одном месте более или менее значительных партий товара. Действительно, вряд ли можно было достигнуть иным способом непосредственных сношений между обѣими договаривающимися сторонами и готовой поставки товара. Итак, торговля носила базарный или ярмарочный характер. Такой именно характер торговли мы постоянно наблюдаем в самых различных ее отраслях, как основную форму организации последних.

Таким образом, фабрикант железных изделий и производитель текстильных товаров являются со своими запасами на ярмарку, например, во Франкфурт-на-Майне, в Наумбург или Лейпциг; здесь их встречают оптовые торговцы более значительных и средней величины городов, готовые купить их товары.

Шерсть, лен и хлеб в зерне закупаются городскими торговцами на месте производства этих продуктов и доставляются для продажи на специальные рынки в более значительных местах; иногда же производители сами вывозят на рынок свой товар, где последний и закупается торговцами.

Даже столь могущественная торговля, как ввоз зерновых хлебов (относительно которого работа доктора Боргиуса о Мангейме доставляет нам особенно хорошие сведения), ведется сначала только в той форме заключения сделки, которую мы описали выше; именно, голландский импортер закупает большие количества товара и складывает их в магазин. Отсюда он посылает товар на комиссию к мангеймскому хлебному маклеру, не дожидаясь заказов. Затем — мангеймский торговец продает товар посреднику, или маклеру, являющемуся лично для заключения сделки.

Теперь ясно, что с увеличением производства товаров, последовавшим за успехами техники, и с обострением конкуренции, находившимся в связи с тем же фактом, недостатки, присущие торговле наличным товаром, должны были обнаружиться все более и более чувствительным образом. Пока можно было хорошо наживать на продаже небольших количеств товара, до тех пор (несмотря на неразвитость средств сообщения!) удорожание товара вследствие бесполезных перевозок, продолжительного хранения и тому подобного не особенно принималось в расчет. Силезский «фабрикант» текстильных товаров превосходно обходился одной или двумя крытыми фурами для перевозки в Лейпциг всех продуктов своего производства за четверть года. В настоящее же время ему понадобилось бы несколько товарных поездов, если бы он захотел свезти в одно центральное место количество продуктов, произведенное им за один только месяц. Равным образом, потеря времени, сопряженная с нагрузкой и перевозкой товара от одной ярмарки к другой, с устройством больших складов и тому подобным еще не играла значительной роли до тех пор, пока не было нужды сводить к минимуму издержки производства, ускоряя оборот капитала. Обострение же конкуренции, главным образом, ускоряло темп производства и обращения.

Относительно сельско-хозяйственных продуктов надо прибавить, что мѣсто ихъ производства все болѣе и болѣе отдалялось отъ рынка ихъ сбыта. Теперь приходилось получать изъ-за границы шерсть, лёнъ, зерновые хлѣба, кожи, дерево. Однако, если въ предѣлахъ какой-нибудь провинціи поставка товара до заключенія торговой сдѣлки являлась возможной, то при сношеніяхъ съ Америкой или съ Австраліей она неизбѣжно оказывалась невыполнимой или, по крайней мѣрѣ, чрезвычайно обременительной. Въ случаѣ индустріальныхъ продуктовъ существовало еще другое обстоятельство, создавшее препятствія для стараго ярмарочнаго обмѣна товаровъ, именно усиливавшаяся измѣнчивость въ производствѣ и потребленіи. Ни одинъ фабрикантъ уже не могъ рѣшиться изготовить какіе угодно образчики товара на шесть мѣсяцевъ впередъ, безъ предварительнаго заказа: онъ боялся, что торговцы отвергнутъ ихъ какъ старомодные. Только великая неподвижность прежняго времени допускала подобнаго рода производство на удачу. Точно также оптовый торговецъ не хотѣлъ обременять себя содержаніемъ большого склада товаровъ, по которыхъ ему тоже было бы не извѣстно, не отстанутъ ли они въ скоромъ времени отъ моды и техники въ отношеніи какъ качества, такъ и цѣны.

Слѣдовательно, общіе интересы и производителя и торговца клонились къ устраненію старейшей торговли наличнымъ товаромъ. Въ мѣсто нея почти во всѣхъ областяхъ появилась приблизительно со середины истекшаго столѣтія торговля по образцу или пробѣ (*Lieferungshandel nach Probe*); она состояла въ нижеслѣдующемъ: покупатели отказывались отъ намѣренія осмотрѣть всю партію товара, довольствовались видомъ одного лишь образца изъ данной партіи и, основываясь на послѣднемъ, дѣлали заказы на будущее время.

Такое измѣненіе, очевидно, устраняло большую часть недостатковъ, свойственныхъ торговлѣ стараго типа. Прежде всего оно сокращало рискъ, особенно же въ тѣхъ случаяхъ, когда купцу удавалось продать партію товара раньше, чѣмъ она была приобрѣтена имъ или даже изготовлена. Далѣе, торговля по образцамъ соответствовала потребности въ сокращеніи расходовъ производства или торговыхъ издержекъ. Она дѣлала лишней массу ненужныхъ перевозокъ, бесполезныхъ складовъ товара и ускоряла оборотъ капитала. Особенно же этотъ видъ торговли доставлялъ средство выдерживать успешнѣе конкуренцію соперника. Предложеніе пробъ или образцовъ значительно облегчало организацію дѣйствительнаго завоеванія клиентуры. Можно надѣяться легче обогнать своего соперника, если прямо идти на покупателя (крупнаго торговца или мелочного), чѣмъ спокойно ожидать, не подвернется ли онъ самъ. Вся подвижность, лихорадочная поспѣшность, нервная торопливость, которыя характеризуютъ современную торговлю и промышленное производство, предполагаютъ существованіе новой формы сдѣлокъ торговли по образцамъ.

Однако, какъ ни ясно интересъ участвующихъ въ торговлѣ сторонъ указывалъ путь срочной сдѣлки, тѣмъ не менѣе, очевидно, что торго-

вая операція не могли двинуться въ этомъ направленіи, пока не создались извѣстныя условія въ окружающей экономической жизни.

Эти предварительныя условія состояли въ слѣдующемъ: во-первыхъ, вышеупомянутое повышеніе производства создавало во многихъ областяхъ, и особенно въ области промышленной дѣятельности, массу однообразнаго товара, для которой стоило издавать образцы; во-вторыхъ, усовершенствованіе техники, главнымъ же образомъ, примѣненіе научныхъ методовъ, доставляли возможность готовить теперь въ дѣйствительности тотъ самый товаръ, который указывался его образцомъ. Когда дѣды современныхъ намъ фабрикантовъ текстильныхъ издѣлій отправлялись на рынокъ, то на ихъ подводахъ, можетъ быть, каждый отдѣльный кусокъ ткани обладалъ новымъ качествомъ, отличавшимъ его отъ другихъ кусковъ той же ткани. Болѣе или менѣе значительныя «партіи» одного и того же товара встрѣчались тогда лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, особенно же при домашне-промышленной организаціи производства (а эта организація, какъ мы знаемъ, господствовала вплоть до середины минувшаго вѣка). Къ тому же трудно было тогда изготовлять на заказъ значительныя партіи товара, такъ какъ надзоръ за рабочими у нихъ на дому былъ слабъ, а средства техники, еще носившей большей частью эмпирической характеръ, были слишкомъ несовершенны. Какой фабрикантъ того времени могъ бы подрядиться на поставку тканей совершенно одинаковой окраски? Назначать опредѣленную окраску тканей можно было, по большей мѣрѣ, самымъ примитивнымъ образомъ, какъ то дѣлалъ Оттъ Руландъ въ пятнадцатомъ столѣтіи, заказывая столько-то кусковъ матеріи небесно-голубого цвѣта, столько-то зеленого и т. д. Но, съ другой стороны, тогдашняя эпоха уже начинала предъявлять слишкомъ высокія требованія въ этомъ отношеніи.

Итакъ, я утверждаю, что прежде, чѣмъ покупка по образцу смогла получить право гражданства, организація предпріятій и техника должны были сдѣлать возможной поставку единообразныхъ партій товара, въ точности соответствующихъ данному образцу. Мнѣ хотѣлось бы къ этому прибавить слѣдующее: купеческая «мораль» тоже должна была сперва развиться настолько, чтобы при технической возможности осуществлялась точная поставка товара. Замѣтимъ, что въ прежнее время (которое принято называть «добрымъ, старымъ», а въ экономическомъ—и въ частности въ коммерческомъ—отношеніи «солиднымъ») отнюдь не всегда разумѣлась сама собою слѣдующая современная намъ аксіома нравственности: фабрикантъ (уже освобожденный отъ вліянія прежнихъ понятій о ремесленнической чести) долженъ прилагать добросовѣстные усилія къ изготовленію заказанной ему партіи товара согласно условленному образцу. Напротивъ, можно признать за правило, что фабрикантъ того времени посылалъ хорошіе образцы, а затѣмъ поставлялъ товаръ худшаго качества. Купеческая «мораль» возвышается надъ столь низкимъ уровнемъ лишь тогда, когда конкуренція такъ обостряется, что купцы боятся потерь времени; послѣднія же по необходимости связаны съ нечестными приемами торговли и вызываются жалобами покупателей, возвращеніемъ товара низкаго достоинства и тому подобнымъ.

Затѣмъ необходимой предпосылкой плодотворнаго примѣненія новой формы торговыхъ сдѣлокъ является, главнымъ образомъ, усовершенствованіе передвиженія людей, товаровъ и извѣстій, которое сдѣлалось замѣтнымъ послѣ распространенія телеграфовъ и сооруженія желѣзнодорожной сѣти; подобное усовершенствованіе также вытекало изъ улучшившейся организаціи почтовыхъ сношеній; слѣдовательно, въ Германіи сообщеніе усовершенствовалось опять-таки лишь въ пятидесятыхъ и шестидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія. Это обстоятельство создавало преимущественно нижеслѣдующія условія новой организаціи торговли:

1. Публичность рынка, которая вытекла изъ правильныхъ обозначеній цѣны и объявленій о цѣнахъ въ газетахъ; тѣ и другія давали покупателю возможность принимать письменное предложеніе, не подвергаясь риску быть обманутымъ. Пока не существовало такой публичности рыночныхъ сдѣлокъ, цѣна могла устанавливаться только путемъ личнаго соглашенія среди цѣлаго ряда находящихся на мѣстѣ контрагентовъ. Продавецъ товара, вступая въ сдѣлку, могъ быть увѣреннымъ, что не подвергается обману только послѣ того, какъ освѣдомлялся у сосѣдей о цѣнѣ, предлагаемой имъ за ихъ товаръ, а также—послѣ того, какъ онъ вступалъ въ сношенія и торговался съ нѣсколькими покупателями.

2. Только современная намъ, точная и главное—дешевая организація почты дѣлаетъ возможной скорую корреспонденцію, и особенно—скорую и дешевую пересылку образцовъ, слѣдовательно, точныя сдѣлки, а также—быстрые и безостановочные заказы письмомъ или телеграммой. Организація современной почты въ связи съ образцовой организаціей перевозки товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ и пароходнымъ линіямъ, лишь все это и доставляетъ торговцамъ—какъ оптовымъ, такъ и розничнымъ—полную увѣренность въ возможности во всякое время достать, если нужно, потребное имъ количество товара. Теперь только торговецъ можетъ не хранить большихъ количествъ послѣдняго въ своемъ магазинѣ.

3. Только желѣзныя дороги доставили возможность комми-воажерамъ постоянно пріобрѣтать кліентовъ, которые прежде сами отправлялись на рынокъ для совершенія здѣсь разъ или два въ годъ нужныхъ имъ закупокъ. Мы еще увидимъ, какое важное значеніе имѣло именно это обстоятельство.

4. Только современная намъ организація сношеній взаимодѣйствіемъ всѣхъ ея частей доставила возможность заранѣе точно опредѣлять продажныя цѣны товара, который долженъ былъ быть поставленъ лишь въ будущемъ и въ другое мѣсто. А это, очевидно, является необходимымъ условіемъ каждой торговой сдѣлки по образцу. Теперь предварительное вычисленіе издержекъ даже для такихъ товаровъ, которые привозятся къ намъ изъ далекихъ заокеанскихъ странъ, достигло высшей степени совершенства. Современная форма торговли подобнаго рода товарами нерѣдко принимаетъ видъ договора, который опредѣляетъ въ одной общей суммѣ цѣну товара на мѣстѣ покупки (cost), страховку (insurance) и фрахтъ (freight) отъ мѣста производства до порта назначенія или даже до внутренняго города ввозящей страны.

Затѣмъ новая форма сдѣлки не останавливается на первоначальной ступени развитія, именно на простой покупке конкретной партіи товара по взятому изъ нея образцу. Можно утверждать скорѣе, что эта такъ называемая индивидуальная торговля по образцамъ (individuelle Lieferungshandel) преобразуется въ общую (generelle Lieferungshandel). Подъ послѣдней разумѣютъ заключеніе торговаго договора о поставкѣ извѣстнаго количества товара (отдѣльныя составныя части этого количества совершенно эквивалентны и могутъ замѣщать одна другую) на основаніи общихъ среднихъ образцовъ, такъ называемыхъ «стандардовъ» или «типовъ»; подобнаго рода стандарты для заключенія всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ устанавливаются на болѣе или менѣе продолжительный срокъ лицами, пользующимися довѣріемъ.

Очевидно, эта новая форма торговой сдѣлки по образцамъ—покупка по стандартамъ—представляетъ новыя преимущества по сравненію съ индивидуальной покупкой по образцу; эти преимущества въ высшей степени благоприятствуютъ интересамъ новѣйшей торговли. Покупка по товарнымъ стандартамъ вызываетъ прогрессъ въ двухъ направленіяхъ, ведущихъ, главнымъ образомъ, къ дальнѣйшему совершенству: она удешевляетъ и ускоряетъ товарообращеніе, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и оборотъ капитала, такъ какъ дѣлаетъ излишней пересылку образцовъ. Купецъ, которому предлагаютъ какъ дѣлаетъ излишней пересылку образцовъ. Купецъ, которому предлагаютъ пріобрѣсть партію керосина по „standard white“, можетъ рѣшить, принять ли ему, или отклонить предложеніе, именно въ тотъ самый моментъ, когда оно ему дѣлается. И, дѣйствительно, ему нѣтъ нужды дожидаться полученія образца товара, потому что качества послѣдняго, какъ ему заранѣе извѣстно, соответствуютъ опредѣленному типу. Нѣтъ, конечно, нужды подробно разъяснять, что подобныя облегченія торговыхъ сдѣлокъ должны были создать значительныя преимущества для торговли, ведущейся на большихъ разстояніяхъ. Особенно же со времени введенія телеграфовъ покупка на основаніи типовъ знаменуетъ существенный прогрессъ.

Вспомнимъ только, что торговая сдѣлка по образцу требуетъ для своего заключенія только между Европой и Сѣверной Америкой, по крайней мѣрѣ, отъ пяти до шести дней, тогда какъ сдѣлка по стандартамъ можетъ быть совершена даже между Буэнос-Айресомъ или Аделаидой и Бременомъ или Гамбургомъ въ теченіе одного утра.

Само собою разумѣется, что развитіе торговли, приведшее къ заключенію сдѣлокъ по товарнымъ стандартамъ, въ свою очередь, соединено съ наличностью совершенно опредѣленныхъ объективныхъ условій. Однако, въ отношеніи цѣлаго ряда важныхъ предметовъ міровой торговли эти условія оказались фактически выполненными въ теченіе жизни людей послѣдняго поколѣнія; это были: далеко проведенное единообразіе производства и изготовленіе столь значительныхъ массъ товаровъ одного и того же качества, что являлась возможность установить для нихъ однообразныя типы на всемъ земномъ шарѣ. Особенно же вліяніе американской хозяйственной жизни направило въ данномъ случаѣ производство и промыш-

ленность на путь къ сдѣлкамъ по стандартамъ. Въ германской торговлѣ торговые сдѣлки по стандартамъ заключаются, главнымъ образомъ, относительно хлопчатой бумаги, керосина, кофе, сахара, спирта и американскаго хлѣба въ зернѣ; между тѣмъ торговля зерновымъ хлѣбомъ, доставляемымъ восточно-германскими землями, и нѣмецкимъ хлѣбомъ въ зернѣ—еще производится въ формѣ индивидуальныхъ поставокъ (сдѣлки по товарному образцу).

Существованіе торговли по стандартамъ необходимо вызываетъ учрежденіе такого рода мѣстъ, гдѣ эти стандарты сохраняются; здѣсь же заслуживающіе довѣрія эксперты рѣшаютъ могущіе возникнуть споры о томъ, соответствуетъ ли данная партія товара условленному стандарту, или нѣтъ? Для этой цѣли, естественно, выискиваютъ такіе пункты, гдѣ нити торговли, захватывающей извѣстную промышленную отрасль, сходятся въ одномъ важномъ центрѣ. Тутъ же затѣмъ регистрируются официальные курсы товаровъ, продающихся по стандартамъ. Вслѣдствіе этого подобныя учрежденія тоже называются биржами. Въ Германіи существуютъ такія спеціальныя биржи (Arbitragestellen): для керосина и хлопчатой бумаги въ Бременѣ, для кофе въ Гамбургѣ, для сахара и спирта въ Магдебургѣ. Хорошо функционирующія биржи этого рода легко могутъ затѣмъ сдѣлаться, въ свою очередь, центромъ притяженія для торговли соответствующимъ предметомъ. Такъ, напримѣръ, Бремену съ его хлопчатобумажной биржей удалось въ теченіе послѣдняго десятилѣтія почти совершенно освободить ввозъ хлопка отъ Англіи и Голландіи. Еще десять лѣтъ тому назадъ наши бумагопрядильные фабриканты охотнѣе закупали большіе запасы хлопка въ Америкѣ или Ливерпулѣ; въ настоящее же время они находятъ удобнѣе покрывать свою нужду въ хлопкѣ, закупая этотъ товаръ небольшими партіями въ Бременѣ, гдѣ со времени учрежденія хлопчатобумажной биржи развилась, дѣйствительно, своя собственная торговля этимъ чрезвычайно важнымъ товаромъ, составляющимъ предметъ германскаго ввоза (ввозъ сырцового хлопка исчислялся въ 1900 году въ триста восемнадцать милліоновъ марокъ, то-есть, равнялся 5,3% общаго ввоза).

Затѣмъ изъ ствола торговли по стандартамъ выросла новая вѣтвь, которую многіе считаютъ за дикій побѣгъ; я имѣю въ виду торговые сдѣлки на срокъ въ смыслѣ биржевой торговли по стандартамъ. Какъ извѣстно, подъ послѣдней разумѣютъ такія операціи, при которыхъ опредѣленія количества, качества и срока поставки не подлежатъ свободному выбору контрагентовъ, а разъ навсегда фиксированы биржевымъ постановленіемъ. Вопросъ о дѣйствительной пользѣ срочныхъ сдѣлокъ для торговли много обсуждался и еще до сихъ поръ не получилъ безукоризненнаго рѣшенія. Мнѣ кажутся несомнѣнными въ данномъ вопросѣ слѣдующіе два пункта: во-первыхъ, торговецъ реальнымъ товаромъ или производитель при случаѣ охотно прибѣгаютъ къ чистой сдѣлкѣ на разность, благоприятствуемой срочной торговлей, когда они имѣютъ въ виду гарантировать себя противъ колебанія цѣнъ; во-вторыхъ, биржа, на которой допускаются срочныя сдѣлки, безусловно оказываетъ сильное притяженіе на товарную торговлю,

данному мѣсту или странѣ. Однако, не менѣе безспорно, что операціи на срокъ служатъ, главнымъ образомъ, биржевой игрѣ, а не фактическому товарообращенію. Въ этомъ случаѣ онѣ представляютъ собою лишь форму, въ которой безсовѣстные спекулянты или люди, падкіе до наживы и чуждые торговлѣ, могутъ вести азартную игру въ такой странѣ, гдѣ нѣтъ Монте-Карло; поэтому торговые сдѣлки на срокъ, совершающіяся въ подобнаго рода условіяхъ, уже совершенно не интересны для экономиста. Изъ данныхъ приложенія за № 12 можно видѣть, на какихъ именно биржахъ развились товарныя срочныя сдѣлки въ началѣ девятыхъ годовъ. Биржевой законъ отъ 22 іюня 1896 года воспретилъ въ § 48 биржевыя операціи на срокъ съ зерновымъ хлѣбомъ и молотыми продуктами, постановленіе союзнаго совѣта, изданное въ 1899 году, запрещаетъ такого рода операціи съ шерстью. Нельзя доказать, чтобы эти запретительныя мѣры существенно затронули реальную торговлю вышеупомянутыми продуктами. Биржевыя сдѣлки на срокъ, повидимому, вообще еще не достигли въ Германіи чрезмѣрно большаго народно-хозяйственнаго значенія, если только не имѣть въ виду, пожалуй, торговыхъ сдѣлокъ на срокъ съ кофе, заключающихся въ Гамбургѣ; этотъ послѣдній такимъ путемъ съ успѣхомъ защищается отъ торговыхъ захватовъ со стороны Гавра и Антверпена—двухъ другихъ большихъ рынковъ торговли кофе въ Европѣ. Ввозъ кофе въ Гамбургъ поднялся съ 930774 dz (двойныхъ центнеровъ) въ среднемъ за 1881—1890 года до 1711314 dz въ среднемъ за пятилѣтіе отъ 1896 по 1900 годъ. Но, конечно, никогда не удастся опредѣлить съ увѣренностью, какая доля этого прироста обязана своимъ происхожденіемъ срочнымъ сдѣлкамъ.

Очевидно заранѣе, да и мы при случаѣ уже отмѣчали въ предыдущемъ изложеніи, что измѣненіе въ общей организаціи торговли, въ положеніи, дѣятельности и отношеніяхъ купца должно было осуществляться параллельно съ вышеописаннымъ преобразованіемъ формъ торговыхъ сдѣлокъ. Это новоустройство торговыхъ отношеній и ихъ функций въ томъ видѣ, какъ оно осуществляется въ приспособленіи къ измѣнившейся практикѣ сдѣлокъ, заслуживаетъ того, чтобы его разсмотрѣли въ общей связи.

Нѣтъ нужды особенно подчеркивать, что ярмарочная и базарная торговли должны были отступать на задній планъ, по мѣрѣ того, какъ сдѣлки и покупка по образцамъ приобретали значеніе. Отъ старыхъ славныхъ ярмарокъ еще сохранились только жалкіе остатки, а въ другихъ случаяхъ (какъ, напримѣръ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ) исчезъ всякій слѣдъ ярмарки. Равнымъ образомъ, большая часть значительныхъ спеціальныхъ базаровъ давно пережила свой расцвѣтъ. Несмотря на это, было бы ложно предположить, будто время ярмарочной и базарной торговли окончательно миновало. Извѣстно, что такого рода торговля процвѣтаетъ еще и въ настоящее время въ странахъ низшей культуры (это обстоятельство, естественно, сообщаетъ свой отпечатокъ даже торговымъ операціямъ герман-

скихъ купцовъ, которые принимаютъ участіе въ подобной торговлѣ). Напомню лишь о знаменитой ярмаркѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ. Пройдетъ, дѣйствительно, еще не мало лѣтъ, прежде чѣмъ калмыки и киргизы будутъ втянуты въ механизмъ современной намъ торговли по образцамъ и стандартамъ. Вѣроятно, весь Востокъ не склоненъ къ веденію послѣдней. Если онъ вообще когда-нибудь пойметъ такого рода крайне рационалистическую форму торговаго обращенія, то случится это, надо думать, лишь очень поздно.

Однако, не одна ступень культуры ограничиваетъ современное намъ развитіе формъ торговыхъ сдѣлокъ: извѣстные продукты не способны стать предметомъ торговли по данному образцу даже въ экономически прогрессивныхъ странахъ. Сюда относятся всѣ тѣ продукты, въ которыхъ по самой ихъ природѣ обыкновенно нѣтъ однообразія между частями; они, слѣдовательно, представляютъ взаимныя различія кусокъ отъ куска, центнеръ отъ центнера; таковы, напримѣръ, благородные мѣха и шубы; мѣха одного и того же животнаго могутъ измѣняться въ цѣнѣ на сотни процентовъ. Вслѣдствіе этого торговля ими всегда ведется на мѣстѣ; въ Германіи она сосредоточивается на лейпцигской мѣховой ярмаркѣ. Равнымъ образомъ, сохранились ярмарки скота, а мѣстами и ярмарки машинъ. Но даже столь важный предметъ торговли, какъ овечья шерсть, до сихъ поръ еще отчасти продается на базарахъ и ярмаркахъ. Почти вся германская шерсть, производимая внутри страны, еще и въ настоящее время является предметомъ торговыхъ сдѣлокъ съ наличнымъ товаромъ. Городской торговецъ шерстью отправляется въ имѣнія и закупаетъ заготовленный тамъ товаръ, затѣмъ онъ продаетъ послѣдній на шерстяныхъ ярмаркахъ, открывающихся нѣсколько разъ въ годъ, или же—въ своемъ частномъ складѣ. Правда, обѣ большія германскія ярмарки шерсти—въ Берлинѣ и Бреславлѣ—значительно потеряли въ своемъ значеніи; ихъ расцвѣтъ относится къ пятидесятымъ и шестидесятымъ годамъ девятнадцатаго столѣтія. Въ то время на берлинской ярмаркѣ продавалось отъ ста до двухсотъ тысячъ центнеровъ шерсти (въ 1869 году это количество достигло своего максимума, равняясь 194573 центнерамъ); тогда же на бреславльской ярмаркѣ продавалось отъ шестидесяти до девяноста тысячъ центнеровъ шерсти (здѣсь максимумъ былъ достигнутъ въ 1847 году, когда количество проданной шерсти составляло 89500 центнеровъ, но еще въ 1869 году оно равнялось 87500 центнеровъ); между тѣмъ количество шерсти, привезенной на продажу въ 1899 году, было въ Берлинѣ всего двадцать восемь тысячъ центнеровъ, а въ Бреславлѣ даже только двѣнадцать тысячъ. Однако, этотъ регрессъ находится въ связи не столько съ измѣненіемъ формы торговыхъ операций, сколько—съ перемѣщеніемъ области, изъ которой получается шерсть. Въ срединѣ девятнадцатаго столѣтія германская крупная промышленность почти еще сполна удовлетворяла своей потребности въ шерсти тѣмъ количествомъ послѣдней, которое производилось внутри страны; теперь же пять шестыхъ всей шерсти, обрабатываемой въ Германіи, получается изъ-за границы (изъ Капской земли, Южной Америки и Австраліи). Но даже для этого рода заокеанской торговли

предпочитали въ теченіе долгаго времени ту форму, которая наиболѣе приближается къ старой торговлѣ съ наличнымъ товаромъ, именно аукціонъ въ гавани ввоза, какъ, напримѣръ, въ Гаврѣ, Антверпенѣ и Лондонѣ. Только въ настоящее время прямое доставленіе шерсти изъ-за океана черезъ посредство коммисіонерскихъ экспортныхъ фирмъ, на основаніи образцовъ или даже стандардовъ, начинаетъ вытѣснять старую форму продажи съ аукціона. Одновременно съ этимъ германская торговля освобождается отъ англійскаго или бельгійскаго посредничества. Въ 1899 году прямой ввозъ шерсти въ германскую таможенную область, равный 137198 тоннамъ, составлялъ 77% общего количества ввоза, между тѣмъ еще въ 1880 году онъ составлялъ всего 9%, а въ 1890 году—48% послѣдняго. Въ настоящее время заграничная шерсть обыкновенно продается шерстопрядильнымъ фабрикантамъ при помощи коммисіонеровъ, развозящихъ образцы; подробно съ этимъ можно ознакомиться изъ поучительной книжки Вилли Зенкеля относительно производства шерсти и торговли ею въ девятнадцатомъ столѣтіи; названная книжка появилась въ 1901 году.

Комми-воажеръ является законнымъ наслѣдникомъ старой базарной и ярмарочной организациі торговли. Онъ устанавливаетъ личныя сношенія между двумя контрагентами, каждый изъ которыхъ сидитъ теперь дома за своей конторкой. Комми-воажеръ, возя за собой сундуки съ образцами, является передвигающеюся вѣчной ярмаркой. Благодаря всеобщности послѣдняго самъ торговецъ можетъ вести ослѣдній образъ жизни. Комми-воажеръ составляетъ необходимое звено между покупателемъ и продавцомъ въ слѣдующихъ многочисленныхъ случаяхъ: во-первыхъ, когда проба или образецъ, все еще иногда не устраняютъ нужды въ устномъ рекламированіи качества, фасона или цѣны заказываемой партіи товара, во-вторыхъ, когда отдѣльные продукты еще не настолько однообразны, чтобы можно было на основаніи одного и того же образца заказывать цѣлыя тысячи центнеровъ, слѣдовательно, въ этомъ послѣднемъ случаѣ нужно имѣть много образцовъ, которые пересылать по почтѣ отдѣльнымъ кліентамъ стоило бы слишкомъ дорого. Вспомнимъ по этому поводу о товарахъ текстильнаго производства, о готовомъ платьѣ, о галантерейномъ и игольномъ товарѣ, о мелкихъ желѣзныхъ издѣліяхъ и тому подобномъ, короче говоря, о большей части «готовыхъ» предметовъ. Въ отрасляхъ торговли, соответствующихъ вышеперечисленнымъ товарамъ, разсылка комми-воажеровъ является безусловно преобладающею формой торговаго посредничества; только въ торговлѣ немногими предметами массоваго производства возможно безъ нея обходиться. Поэтому свобода «передвиженія» была однимъ изъ важнѣйшихъ экономическихъ завоеваній, сдѣланныхъ Таможеннымъ союзомъ; дѣйствительно, только образованіе класса комми-воажеровъ дало возможность создаться новой организациі въ большинствѣ отраслей торговли. Въ настоящее время комми-воажеры составляютъ величественную армію, которая снова разливается по странѣ, разнося идеи современной экономической жизни въ самыя отдаленныя

альпійскія долины и захоластныя рыбацкія деревушки. Изъ приложенія за № 15 можно видѣть, какъ быстро возрастаетъ число комми-воажеровъ.

Однако, замѣна ярмарки комми-воажерами отнюдь не является единственнымъ измѣненіемъ въ организаціи торговли, которое было вызвано переходомъ къ новымъ формамъ торговыхъ сдѣлокъ. Положеніе самого торговца заключаетъ въ себѣ особенно сильную тенденцію къ преобразованію. Именно, очевидно, современная торговля по образцамъ можетъ дѣлать лишними существенныя функціи торговца стараго времени по мѣрѣ того, какъ техника сообщенія развивается во все болѣе и болѣе совершенныя формы. Нѣкогда значеніе крупной торговли состояло, главнымъ образомъ, въ томъ, что она, закупая за собственный счетъ и страхъ болѣе или менѣе значительныя количества товара, несла рискъ, связанный съ установленіемъ цѣнъ, и гарантировала своимъ кліентамъ запасъ товара. Между тѣмъ простой подрядъ на поставку, для выполненія котораго купецъ, можетъ-быть, ищетъ товары еще только по заключеніи торговой сдѣлки, — врядъ-ли сохраняетъ слѣдъ первоначальной функціи прежняго торговца. Такимъ образомъ, легко напасть на мысль о предоставленіи этой чисто посреднической дѣятельности лицамъ, которыя заключали бы сдѣлки не за свой счетъ, а за счетъ своихъ довѣрителей. И въ самомъ дѣлѣ, на ряду съ торговцами за свой собственный счетъ создавалась новая, все увеличивающаяся численно, категория торговцевъ по порученію — комиссіонеровъ и агентовъ. Можно даже прямо-таки вести рѣчь о сильной тенденціи замѣстить самостоятельную торговлю комиссіонной.

Однако, развитіе торговли не остановилось на этомъ. Двигательныя силы, превратившія самостоятельнаго торговца въ комиссіонера, были слѣдующія: во-первыхъ, стремленіе къ сбереженію издержекъ и, во-вторыхъ, стремленіе завладѣть инициативой въ вопросѣ о завоеваніи кліентуры или предоставить ее такимъ органамъ, которые дѣйствовали бы подъ вліяніемъ непосредственнаго интереса къ собственному дѣлу; эти двигательныя силы въ своемъ дальнѣйшемъ дѣйствіи породили явную тенденцію исключить изъ цѣпи посредствующей въ торговлѣ связи возможно большее число членовъ, то-есть, по возможности уменьшить число категорій самостоятельныхъ торговцевъ, черезъ руки которыхъ проходилъ товаръ.

Прежняя торговля въ томъ случаѣ, когда вся организація бывала совершенно развита, нуждалась для своего веденія въ четырехъ категоріяхъ самостоятельныхъ купцовъ. Въ первую категорію входили лица, покупавшія товаръ у производителей и продававшія его тѣмъ, кто соединялъ его въ болѣе значительныя массы для продолжительнаго транспортированія; слѣдовательно, въ области виѣшней торговли это были экспортѣры въ мѣстахъ вывоза, то-есть, главнымъ образомъ, въ гаваняхъ. Далѣе, эти экспортѣры продавали товаръ импортнымъ фирмамъ, отъ которыхъ онъ направлялся къ торговымъ домамъ, «лежащимъ выше въ странѣ» («oberländische» по отношенію къ гаванямъ); послѣдніе же имѣли отдѣленія во ввозныхъ гаваняхъ или въ

большомъ городѣ, находящемся внутри страны (Binnenstadt). Затѣмъ нѣрѣдко между этими «вторыми руками» и мелкими розничными торговцами или производителями просовывались, наконецъ, еще и «третьи руки», которыя раздѣляли товаръ на меньшія партіи. Равнымъ образомъ, во внутренней торговлѣ страны соединялась большая часть этихъ различныхъ типовъ торговца (ихъ всегда было уже непременно три типа): скупщики внутри страны продавали товаръ оптовымъ торговцамъ, посѣщавшимъ ярмарки и базары; отъ послѣднихъ же товаръ перекупался менѣе значительными оптовыми торговцами, которые со своей стороны поддерживали сношенія съ лавочниками и ремесленниками. Конечно, организація каждой отрасли торговли носила своеобразный характеръ; тѣмъ не менѣе, ея основныя черты были повсюду одні и тѣ же.

Какъ мы уже сказали, направленіе развитія торговли было во многихъ мѣстахъ таково, что исключало изъ общей связи одинъ или нѣсколько изъ этихъ членовъ; слѣдовательно, полученіе товара сдѣлалось болѣе непосредственнымъ, пока не оказалось окончательно устраненнымъ всякаго рода торговое посредничество. Торговля колоніальными товарами составляетъ классическій примѣръ въ этомъ отношеніи. Здѣсь прежде всего экспортный торговый домъ сливался въ большинствѣ случаевъ съ импортнымъ, именно гамбургская торговая фирма заводила филиальное отдѣленіе по ту сторону океана; отнынѣ она вступала въ сношенія, самое большее, съ иностранной комиссіонеромъ. Затѣмъ является стремленіе устранить «лежащій выше въ странѣ» («oberländische»), распределяющій торговый домъ (Т. О. Шрёйберъ). Для этого гамбургскій импортѣръ доставляетъ мелочнымъ провинціальнымъ торговцамъ самыя небольшія количества кофе и тому подобнаго товара черезъ посредство своихъ агентовъ или прямо черезъ комми-воажеровъ. Такимъ образомъ, верхне-силезскій розничный торговецъ закупаетъ товаръ уже болѣе не въ Бреславлѣ, а непосредственно у импортѣра въ гавани. И, наоборотъ: болѣе крупныя оптовые торговцы въ какой-либо отрасли торговли стараются (хотя, правда, съ меньшимъ успѣхомъ) обходиться безъ помощи нѣмецкихъ импортѣровъ и закупать нужное имъ количество товара непосредственно въ странѣ вывоза. Послѣдняя стадія развитія въ указанномъ направленіи создала бы такого рода отношенія, при которыхъ большой потребительный союзъ выписывалъ бы свои колоніальныя товары отъ плантаторовъ Южной Америки, или же — что было бы еще лучше — самъ занимался разведеніемъ плантацій по ту сторону Океана!

Точно также и производители стремятся по возможности сблизиться съ послѣдними покупателями ихъ продуктовъ и съ первыми поставщиками ихъ сырыхъ матеріаловъ: такъ, силезскій фабрикантъ текстильныхъ издѣлій просыпаетъ послѣднія уже не бреславльскому, а берлинскому оптовому торговцу или же — гамбургской экспортной фирмѣ; саксонская мануфактура шерстяныхъ товаровъ вступаетъ въ непосредственныя сношенія съ сѣверо-американскимъ импортѣромъ; рейнскій фабрикантъ мелкихъ желѣзныхъ издѣлій разсылаетъ куда возможно, по маленькимъ городамъ Южной Америки, своихъ собственныхъ агентовъ, которые развозятъ образцы, и т. д., или, напримѣръ, гер-

манскій большой мукомольный заводъ закупаетъ зерновой хлѣбъ непосредственно отъ агентствъ американской экспортной фирмы; съ другой стороны, крафельдская шелковая фабрика находится въ непосредственныхъ торговыхъ сношеніяхъ съ Герсономъ или Герцогомъ въ Берлинѣ и т. д.; это «и такъ далѣе» мы, дѣйствительно, могли бы продолжить еще далеко.

Однако, какъ ни разнообразны комбинаціи, въ которыхъ проявляется такого рода тенденція къ исключенію посредствующихъ членовъ торговаго обмѣна, тѣмъ не менѣе, мы вновь постоянно встрѣчаемся со слѣдующей характерной чертой: существуетъ возможность обходиться безъ посредничества, главнымъ образомъ, торговцевъ большихъ внутреннихъ рынковъ. Въ этомъ преобразовательномъ процессѣ наиболѣе страдаютъ оптовые торговцы Франкфурта-на-Майнѣ, Лейпцига, Бреславля,—страдаютъ какъ тѣ изъ нихъ, которые принимаютъ участіе во внутренней торговлѣ, такъ и занимающіеся ввозной и внѣшней торговлей.

Не трудно, однако, отвѣтить на вопросъ о томъ, при какихъ условіяхъ подобнаго рода развитіе скорѣе всего сдѣлаетъ успѣхи. Эти условія заключаются, главнымъ образомъ, въ суммарномъ характерѣ рынка, дѣлающемъ послѣдній легко обозрѣваемымъ, и въ улучшеніи организаціи сношеній; оба эти условія увеличиваютъ возможность непосредственныхъ торговыхъ связей. Затѣмъ, тенденція къ концентраціи въ сферѣ производства и особенно въ сферѣ розничной торговли, часто дѣйствуетъ въ томъ же самомъ направленіи. Большая фабрика кожъ, табака, обуви, большой пивоваренный или мукомольный заводы могутъ получать сырыя кожи, табакъ въ сырѣ, выдѣланную кожу, ячмень, хлѣбное зерно изъ первыхъ рукъ, то-есть, по крайней мѣрѣ, отъ импортѣра собственной страны, если не прямо изъ-за океана, или отъ (крупнаго) производителя собственной страны; не такъ легко это дѣлать мелкимъ ремесленникамъ, которые работаютъ въ той же отрасли промышленности и желаютъ получать сырые матеріалы въ ничтожно-малыхъ количествахъ. Болѣе значительныя фабрики текстильныхъ и зонтичныхъ издѣлій или фабрики бѣлья и галантерейныхъ товаровъ въ состояніи войти въ непосредственныя отношенія къ большому магазину, такъ какъ имъ удастся сбывать всѣ или большую часть продуктовъ ихъ годового производства. Напротивъ, сношенія съ нѣсколькими сотнями мелкихъ розничныхъ торговцевъ представляютъ затрудненія по самой своей сущности.

Итакъ, развитіе сообщенія, производства и розничной продажи товаровъ совершается въ направленіи, создающемъ условія, при которыхъ исчезаютъ промежуточные члены торговаго обмѣна, и является возможность существованія простой комиссіонной торговли; было бы, однако, весьма ошибочно предполагать, будто типъ самостоятельнаго торговца находится уже теперь въ состояніи вымирания. Это, можетъ-быть, вѣрно по отношенію къ отдѣльнымъ отраслямъ производства, но, конечно, ложно въ отношеніи значительнаго большинства вѣтвей промышленности. Больше того—меня ничуть не удивило бы, если бы современемъ обнаружилась прямо противоположная тенденція, которая была бы направлена къ восстановленію

положенія самостоятельнаго торговца и умноженію его типа. И въ этой области экономическое развитіе въ Германіи направилось инымъ путемъ, чѣмъ въ Англіи. Въ послѣдней раздѣленіе труда между фабрикантомъ и торговцемъ проводится гораздо строже, чѣмъ у насъ, нѣмцевъ. Въ свѣдущихъ кругахъ приходится встрѣчаться съ заключеніемъ, что нѣмецкіе фабриканты, стремясь къ завязыванію непосредственныхъ сношеній съ поставщиками или кліентами, заходятъ къ своему собственному вреду слишкомъ далеко въ означенномъ направленіи. Но, можетъ-быть, именно въ этомъ стремленіи проявляется опять-таки большая интенсивность капиталистической воли, наличность которой, пожалуй, уравниваетъ возникающія при этомъ невыгоды. Мы встрѣчаемъ аналогъ въ банковомъ дѣлѣ; но эти соображенія нисколько насъ не касаются въ данномъ случаѣ. Для насъ достаточно того, что мы имѣемъ возможность установить нижеслѣдующее, какъ результатъ предыдущаго хода разсужденій: существуетъ тенденція къ деградации или исключенію самостоятельной торговли, ведущейся за свой собственный счетъ; эта тенденція даже очень сильна (у насъ нѣтъ никакихъ цифровыхъ данныхъ для измѣренія ея силы; статистика оказывается совершенно недостаточной въ этомъ вопросѣ!). Но, несмотря на это, торговля за собственный счетъ еще далеко не исчезла. Напротивъ, она еще и теперь встрѣчается во всѣхъ сферахъ и даже имѣетъ успѣхъ. Только, конечно, этотъ видъ торговли подвергся существеннымъ измѣненіямъ въ своемъ собственномъ строѣ; благодаря именно такимъ измѣненіямъ онъ сумѣлъ приспособиться къ измѣнившимся условіямъ. Скажемъ еще нѣсколько словъ по поводу названныхъ перемѣнъ.

Современная намъ торговля за собственный счетъ отличается отъ старой прежде всего тѣмъ, что она отказалась отъ всѣхъ побочных функций, которыя, собственно говоря, не относятся къ торговой дѣятельности (такова, напримѣръ, реализація товаровъ); нѣкогда эти функции занимали широкое мѣсто во всякомъ торговомъ дѣлѣ. Сюда же ближайшимъ образомъ относится транспортное дѣло; я подробно разскажу въ слѣдующей главѣ о томъ, какъ оно выдѣлилось въ самостоятельную отрасль промышленности и подверглось дальнѣйшему развитію.

Затѣмъ сюда же принадлежитъ функція храненія товаровъ. Ясно, что и она имѣетъ тенденцію къ самостоятельному развитію внѣ купеческой профессіи. Постоянно образуются во все большихъ и большихъ размѣрахъ капиталистическія общества товарныхъ складовъ, которыя создали изъ пріема товаровъ на складъ особый видъ промышленности (первое предпріятіе этого рода возникло въ Маннгеймѣ въ 1865 году); иногда же городскія управленія строятъ на средства городской общины большіе товарные склады; въ послѣднихъ храненіе товаровъ производится за счетъ городского управленія. Послѣднее значительное городское учрежденіе этого рода было основано въ прошломъ году въ новой пристани Бреславля. Очевидно, вопросъ о выдѣленіи складочнаго дѣла въ самостоятельную отрасль промышленности сдѣлалъ быстрые успѣхи въ Германіи за послѣднія десятилѣтія. Промышленная статистика

доставляет нѣкоторыя данныя къ тому, чтобы опредѣлить съ помощью цифръ эти успѣхи. Согласно даннымъ промышленной статистики, число лицъ, занимавшихся въ «учрежденіяхъ для храненія товаровъ» («Aufbewahrungsanstalten»), равнялось въ 1882 году всего 643 человекъ во всей Германской имперіи; напротивъ, въ 1895 году это количество составляло уже 4208 человекъ, то есть, возросло уже почти въ семь разъ; срав. также приложение № 16. Выдѣленіе складочной функціи въ самостоятельную отрасль промышленности будетъ прогрессировать тѣмъ скорѣе, чѣмъ больше будетъ развиваться варрантная операція, которая пока находится въ Германіи лишь въ зачаточномъ состояніи.

Наконецъ, современный намъ торговецъ отказался отъ всякаго рода экспедиторской дѣятельности. Правда, въ этомъ случаѣ послѣдняя не перешла къ сословію профессиональныхъ экспедиторовъ, какъ, пожалуй, слѣдовало бы думать. Напротивъ, экспедиторское дѣло, по всей видимости, давно уже пережило эпоху своего расцвѣта. Оно играло значительную роль въ болѣе крупныхъ городахъ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Въ 1835 году, напримѣръ, во Франкфуртѣ-на-Майнѣ, число жителей котораго въ то время равнялось пятидесяти четыремъ тысячамъ, существовали сорокъ четыре экспедиторскія конторы и триста фирмъ, которыя занимались экспедиторствомъ какъ побочнымъ заработкомъ. Приведенныя цифры взяты изъ (появившагося въ 1902 году) сочиненія доктора Гуго Кантера о франкфуртской торговлѣ. Въ противоположность такому положенію дѣла Франкфуртъ, населеніе котораго съ тѣхъ поръ увеличилось въ пять разъ, насчитывалъ въ 1895 году только пятьдесятъ восемь основныхъ и девять побочныхъ экспедиторскихъ предпріятій. Изъ цифровыхъ данныхъ, сообщаемыхъ мною въ приложеніи № 17, можно видѣть, что съ 1882 до 1895 года экспедиторское дѣло въ большей части нѣмецкихъ крупныхъ городовъ или регрессировало, или остановилось въ своемъ развитіи.

И, несмотря на это, современному намъ купцу приходится меньше, чѣмъ когда-либо, заботиться объ экспедиторствѣ. Это объясняется весьма просто тѣмъ, что въ настоящее время существуютъ на сушѣ и на водѣ большія транспортныя учрежденія; послѣднія весьма тщательно перевозятъ товары, дѣйствуя самостоятельно отъ начала до конца.

Такимъ образомъ, современный купецъ, ведущій торговлю за собственный счетъ, является только распредѣлителемъ товаровъ. Онъ освободился отъ всякаго рода техническихъ функцій, удержавъ за собою только заключеніе договорныхъ сдѣлокъ. Въ этомъ весьма ясно проявляется явно капиталистическій характеръ, существенно-свойственный современному купцу: послѣдній приближается въ данномъ случаѣ къ банкиру. Это сближеніе происходитъ также и по другой причинѣ: купецъ все болѣе и болѣе получаетъ новую функцію—доставленіе кредита. Именно склонность къ открытію кредита, обнаруживаемая торговцемъ, который ведетъ дѣло за собственный счетъ, и окружаетъ такого торговца блестящимъ ореоломъ въ глазахъ широкихъ круговъ производителей и лавочниковъ. Но тутъ мы касаемся послѣдняго важнаго пункта въ новой организаціи крупной торговли.

Если торговецъ, ведущій свое дѣло за собственный счетъ, хочетъ при современномъ положеніи вещей устоять на своемъ мѣстѣ, онъ долженъ поставить свою торговлю на широкую ногу. Неизбѣжное сокращеніе барышей вынуждаетъ все болѣе и болѣе увеличивать сбытъ; требованія, предъявляемые къ его кредиту, предполагаютъ у него наличность значительной силы капитала. Поэтому мы не удивимся, если замѣтимъ, что торговые дома, которые дѣйствительно хотятъ продолжать вести торговлю за собственный счетъ, становятся все болѣе и болѣе могущественными. Другими словами, существуетъ сильная капиталистическая тенденція къ концентраціи также въ сферѣ крупной торговли. Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ возможности опредѣлить количественно силу этой тенденціи однимъ числомъ: акціонерное общество не играетъ замѣтной роли въ оптовой товарной торговлѣ, а послѣдняя промышленная статистика совершенно непригодна для нашихъ цѣлей, такъ какъ она (что просто-таки непонятно) не дѣлаетъ различія между оптовой торговлей и розничной (прежняя прусская статистика, напримѣръ, держалась этого различія; дѣйствительно, не можетъ быть ничего легче, какъ проводить такое раздѣленіе между торговцами, содержащими открытый магазинъ и не содержащими послѣдняго!). Но, кромѣ того, наличность тенденціи къ концентраціи совершенно очевидна; всякій свѣдущій человекъ подтвердитъ намъ, что торговцы, располагающіе небольшимъ капиталомъ, исчезаютъ.

Такимъ образомъ, оптовая торговля въ концѣ девятнадцатаго столѣтія представляетъ намъ слѣдующую картину: отъ прежней торговли за собственный счетъ сохранилось небольшое количество фирмъ, сильныхъ своимъ капиталомъ (причемъ мы не принимаемъ въ расчетъ представителей вымирающихъ остатковъ старой торговли); дѣятельность уцѣлѣвшихъ крупныхъ торговыхъ домовъ исчерпывается чистой реализаціей и распредѣленіемъ товаровъ, а также доставленіемъ кредита, находящимся въ связи съ предыдущими двумя видами дѣятельности. Храненіе товаровъ все болѣе и болѣе становится предметомъ профессиональной дѣятельности самостоятельныхъ большихъ предпріятій или производится на средства городской общины. Перевозка и экспедиторство находятся въ рукахъ, по большей части, весьма значительныхъ транспортныхъ учреждений. Наконецъ, по всѣмъ угламъ и закоулкамъ кишитъ все возрастающій рой предпринимателей средней и мелкой величины; тѣ и другіе оказываютъ посредническія услуги въ качествѣ то агентовъ, то коммиссионеровъ, то маклеровъ, которымъ въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ удается основывать крупныя коммисіонерскія фирмы.

Итакъ, въ области оптовой торговли Германіи тоже совершилось въ теченіе девятнадцатаго столѣтія радикальное переустройство, сущность котораго состоитъ въ слѣдующемъ: живыя личныя отношенія въ тѣсномъ кругу знакомыхъ другъ-другу людей замѣняются искусственной системой безличныхъ отношеній; совокупность хозяйственной дѣятельности разлагается на сумму договорныхъ сдѣлокъ; послѣдняя связь между товарнымъ торговцемъ и конкретной партіей товара разрывается (въ торговлѣ по стандартамъ, когда

купецъ, можетъ-быть, даже вовсе не видитъ продаваемого товара); возникаетъ опредѣленная тенденція къ превращенію всякаго рода качествъ въ количества. Слѣдовательно, мы и въ настоящемъ случаѣ имѣемъ предъ собою не что иное, какъ великій процессъ обезличенія, овеществленія, изгнаніе элемента одушевленности. Освобожденіе отъ границъ, налагаемыхъ органическимъ міромъ, и въ данномъ случаѣ чудовищно увеличиваетъ скорость и интенсивность совершающихся здѣсь процессовъ и тѣмъ самымъ неизмѣримо повышаетъ производительность затрачиваемого труда.

II. Розничная торговля.

Продажа товара въ руки послѣднихъ потребителей обыкновенно носить болѣе правильное названіе розничной или менѣе удачное—мелкой торговли (послѣднее названіе означаетъ, что продажа товара происходитъ небольшими количествами, хотя бы даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ ею занимались и очень большія торговые предпріятія); какъ легко себѣ представить, розничная торговля находится въ условіяхъ совершенно иныхъ, чѣмъ оптовая, а потому развитіе первой въ теченіе девятнадцатаго столѣтія во многихъ отношеніяхъ отличается отъ развитія второй за тотъ же промежутокъ времени.

Равнымъ образомъ, положеніе, занятое розничной торговлей по отношенію къ капитализму, совсѣмъ иное, чѣмъ положеніе оптовой торговли. Капитализмъ рано овладѣваетъ оптовой торговлей и, какъ мы видѣли, въ настоящее время почти совершенно поглощаетъ еѣ; между тѣмъ капиталистическая организація проникаетъ въ область розничной торговли лишь сравнительно поздно и оставляетъ до сихъ поръ еще не затронутыми цѣлыя комплексы старой лавочной торговли, носящей ремесленный характеръ. Эта послѣдняя область, можетъ-быть, болѣе чужда капитализму, чѣмъ область организаціи сообщеній или промышленнаго производства; но ту и другую я буду разсматривать лишь въ двухъ слѣдующихъ главахъ. Такимъ образомъ, почти можно думать, будто, говоря здѣсь о мелкой торговлѣ, я тѣмъ самымъ нарушаю принципъ расположенія матеріала, намѣченный мною въ настоящемъ изложеніи предмета (именно этотъ принципъ состоитъ въ томъ, чтобы держаться такой послѣдовательности содержанія, которая соотвѣтствуетъ степени развитія, достигнутой капитализмомъ въ данной области экономической жизни). Однако, такова лишь кажущаяся сторона дѣла; правда, отводя здѣсь мѣсто главѣ о розничной торговлѣ, мы тѣмъ самымъ получаемъ возможность разсмотрѣть исторію товарообращенія въ ея общей связи, прежде чѣмъ перейдемъ къ перевозкѣ товаровъ и ихъ производству; но не только это соображеніе руководитъ нами въ настоящемъ случаѣ; розничная торговля по самой своей сущности должна быть изложена именно здѣсь, а не послѣ разсмотрѣнія перевозки и производства товаровъ. Дѣйствительно, вѣрно, что капиталистическая организація (я хотѣлъ бы сказать—матеріальная сторона сущности капитализма) еще не совершила чрезвычайъ замѣтныхъ успѣховъ въ

области мелкой торговли, или по крайней мѣрѣ, сдѣлала въ этой области меньшіе успѣхи, чѣмъ въ транспортномъ дѣлѣ и въ крупной промышленности; несмотря на это, тѣмъ сильнѣе господство чисто-капиталистическаго духа среди многочисленныхъ представителей мелкой торговли, положеніе которыхъ, какъ уже было упомянуто выше, пользуется особенной симпатіей еврейскаго элемента; господство капиталистическаго духа въ этой сферѣ обнаруживается съ стремленіемъ къ наживѣ, въ экономическомъ раціонализмѣ, въ началѣ безличности и чисто-количественномъ пониманіи хозяйственной дѣятельности. Содержаніе послѣдней—закупка съ цѣлью перепродажи—заранѣе опредѣлила развитіе того душевнаго настроенія, которое овладѣваетъ субъектомъ капиталистическаго хозяйства. И, въ самомъ дѣлѣ, мы очень нерѣдко обнаруживаемъ гораздо больше современнаго, то-есть, капиталистическаго духа въ дѣлшкахъ какого-нибудь мелкаго торгаша, чѣмъ въ управленіи большимъ индустриальнымъ предпріятіемъ. Дальнѣйшее изложеніе предмета выяснитъ смыслъ этого утвержденія.

При обзорѣ развитія розничной торговли въ девятнадцатомъ столѣтіи намъ прежде всего должно броситься въ глаза сильное увеличеніе числа ея представителей. Въ особенности же классъ мелкихъ розничныхъ торговцевъ-пролетаріевъ значительно увеличился благодаря цѣлому ряду причинъ, разъясненіе которыхъ сюда не относится (каждая изъ этихъ причинъ порознь изложена въ моемъ «Современномъ капитализмѣ»). И если, основываясь на статистикѣ, которая, какъ мы видѣли, къ сожалѣнію, не проводитъ различія между оптовой и розничной торговлей, мы, все-таки, въ состояніи доказать ясно приростъ представителей торговли во всѣхъ областяхъ ея, то это, несомнѣнно, слѣдуетъ отнести въ гораздо большей мѣрѣ на счетъ розничной, чѣмъ на счетъ оптовой торговли. Приведу для доказательства лишь нѣсколько цифръ. Въ Прусскомъ королевствѣ профессиональныхъ торговцевъ числилось въ 1843 году (по даннымъ Дитерици) 97 человекъ на десять тысячъ жителей, а въ 1895 году (по даннымъ профессиональной статистики) ихъ числилось уже 240 на то же количество населенія. Даже въ высокоразвитомъ Саксонскомъ королевствѣ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ числилось вообще всего лишь 256 профессиональныхъ торговцевъ на десять тысячъ жителей, а въ 1895 году ихъ приходилось уже 637 на то же число жителей. Въ такомъ же городѣ, какъ Бреславль, отношеніе числа торговцевъ къ общему количеству населенія составляло въ 1846 году 3,10%, а въ 1895 году—уже 6%. Равнымъ образомъ, съ 1882 года до 1895 года количество торговцевъ въ Германской имперіи тоже росло быстрѣе, чѣмъ общее количество населенія; такъ что въ 1882 году одинъ торговецъ приходился на шестьдесятъ человекъ населенія (59,9), а въ 1895 году—уже на тридцать девять (38,8). При этомъ въ большинствѣ случаевъ мы имѣемъ дѣло съ увеличеніемъ числа розничныхъ торговцевъ; это можно видѣть изъ того обстоятельства, что ростъ числа торговцевъ особенно силенъ въ деревенскихъ округахъ и въ округахъ съ маленькими городами, гдѣ значеніе оптовой торговли отстаетъ передъ мелкой. Такъ, напримѣръ, въ двадцати шести

мѣстечкахъ округа Филлингенской (Villingen) торговой палаты въ Баденѣ одно торговое заведеніе приходилось въ 1886 году на каждыя 357 человекъ населенія, а въ 1897—уже на 182 человекъ; въ четырнадцати же небольшихъ городкахъ того же торговаго округа одно торговое заведеніе приходилось въ 1886 году на 180,6 человекъ населенія, а въ 1897 году—уже на 91,7 человекъ.

Между тѣмъ о мощности этой тенденціи торговыхъ элементовъ къ численному возрастанію мы можемъ судить также на основаніи свидѣтельства о немъ статистическихъ цифръ за цѣлый рядъ лѣтъ, хотя существовала вмѣстѣ съ тѣмъ сильная тенденція и въ противоположномъ направленіи; въ послѣднемъ случаѣ я имѣю въ виду тенденцію къ устраненію торговли изъ области обмѣна; эта тенденція проявляется въ сферѣ розничной торговли столь же сильно, какъ и въ сферѣ оптовой.

Стремленія устранить розничную торговлю возникли различнымъ образомъ. Они обязаны своимъ происхожденіемъ прежде всего инициативѣ производителей, которая, какъ мы замѣтили уже относительно области оптовой торговли, имѣетъ и тамъ то же самое направленіе. Уже и теперь фабриканты посылаютъ своихъ коммивояжеровъ къ послѣднимъ потребителямъ своихъ товаровъ или же завязываютъ съ покупателями непосредственныя сношенія, учреждая собственные склады (какъ то все болѣе и болѣе имѣетъ мѣсто по отношенію къ торговлѣ обувью, шляпами, зонтиками, фарфоровыми и шелковыми издѣліями, масломъ, пишущими машинами, мебелью, мелкими желѣзными издѣліями, а также и въ отношеніи другихъ торговыхъ областей); но этотъ процессъ представляетъ собою только послѣднюю стадію развитія, уже сыздавна совершавшагося въ остальныхъ сферахъ торговли.

Столь же важное значеніе представляетъ собою другой исходный пунктъ, положившій начало устраненію мелочной торговли изъ области обмѣна, именно инициатива потребителей; эти послѣдніе могутъ быть, въ свою очередь, производителями, каковы, на примѣръ, сельскіе хозяева, получающіе черезъ сельско-хозяйственные синдикаты (Einkaufsgesellschaften) свои машины, сѣмена, удобреніе и тому подобное (въ такомъ случаѣ устраняется, собственно говоря, не розничная торговля!); въ другихъ случаяхъ потребители могутъ являться конечными въ производственномъ ряду; тогда они соединяются въ потребительныя общества, которые закупаютъ нужный имъ товаръ прямо у оптоваго торговца или у производителя, обходясь, такимъ образомъ, безъ розничнаго торговца.

Потребительныя общества принимаютъ то форму союзовъ представителей опредѣленныхъ профессій (такъ называемыя экономическія общества офицеровъ и чиновниковъ), то форму общихъ товариществъ покупателей; потребительныя общества послѣдняго типа носятъ свое названіе уже въ болѣе узкомъ смыслѣ слова. За послѣднія десятилѣтія потребительныя общества быстро развились какъ въ Германіи, такъ и въ другихъ странахъ; этой быстротой своего развитія они обязаны, главнымъ образомъ, тому, что рабочій классъ принялъ въ нихъ значительное участіе. Правда, потре-

бительныя организаціи Германіи конца девятнадцатаго столѣтія еще очень отстаютъ отъ подобныхъ же организацій другихъ странъ, какъ-то—Бельгіи, Швейцаріи и Англіи; тѣмъ не менѣе, мы въ правѣ разсматривать значительный ростъ этого движенія, особенно за послѣднія десять лѣтъ, какъ симптомъ того, что мы встрѣчаемся здѣсь съ важнымъ элементомъ новостройства будущей экономической жизни.

Въ таблицахъ приложеній за №№ 18 и 19 читатель найдетъ цифровыя данныя о развитіи потребительныхъ обществъ въ Германіи и объ ихъ состояніи въ нѣкоторыхъ другихъ странахъ, которыя я привлекаю сюда для сравненія.

Допустимъ вѣрность вычисленія Ганса Мюллера, который считаетъ, что въ концѣ истекшаго вѣка въ Германіи на одного «организованнаго» (то-есть, вошедшаго въ потребительное общество) потребителя приходится семнадцать «неорганизованныхъ»; вспомнимъ, что даже потребители, соединившіеся въ потребительный союзъ, безъ сомнѣнія, еще покрываютъ большую часть своихъ нуждъ чрезъ посредство торговца; наконецъ, примемъ также въ соображеніе, что болѣе значительный приростъ потребительныхъ организацій совершился лишь за самыя послѣднія годы; тогда мы сможемъ сдѣлать выводъ, что розничная торговля оставалась еще въ теченіе всего девятнадцатаго столѣтія почти исключительно въ рукахъ особаго класса мелкихъ торговцевъ. Слѣдовательно, чтобы наше изображеніе германскаго народнаго хозяйства дало приблизительно вѣрный отчетъ о значеніи обѣихъ разсматриваемыхъ нами формъ товарнаго сбыта (именно потребительныхъ организацій и профессиональной торговли), мы должны о первой формѣ упомянуть лишь мимоходомъ и въ немногихъ словахъ, а второй, напротивъ, должны посвятить подробное изложеніе; послѣднее и составляетъ тему дальнѣйшихъ строкъ.

Относительно измѣненій, которымъ подвергалась розничная торговля въ продолженіе истекшаго столѣтія, можно сказать прежде всего слѣдующее: этотъ родъ торговли все болѣе и болѣе утрачивалъ странствующій характеръ, то-есть, становился осѣдлымъ. Рѣшительный поворотъ въ направленіи осѣдности совершился въ розничной торговлѣ опять-таки лишь въ теченіе второй половины девятнадцатаго столѣтія или, точнѣе говоря, въ теченіе послѣдней его четверти. Какъ большія ярмарки (Messen) теряютъ значеніе для оптовой торговли, такъ малыя (Jahrmärkte)—для розничной. Въ большихъ городахъ малыя ярмарки начинаютъ отступать на задній планъ уже въ шестидесятихъ годахъ девятнадцатаго столѣтія; въ небольшихъ же городкахъ онѣ перестаютъ имѣть значеніе только спустя нѣсколько десятилѣтій. До восьмидесятихъ годовъ истекшаго вѣка торговля въ разность не только не останавливалась, а даже возрастала; но съ указаннаго момента она также начинаетъ довольно быстро сокращаться. Равнымъ образомъ, подвижныя лари съ товаромъ и аукціоны уже давно вышли изъ періода своего расцвѣта, приходящагося на семидесятые годы девятнадцатаго столѣтія, и въ настоящее время медленно вымираютъ. Все это я пытаюсь доказать на основаніи цифровыхъ данныхъ въ моемъ сочиненіи о «Современномъ

капитализм». Осёдлая торговля новѣйшаго времени вступила въ права наслѣдства странствующей торговли прежней эпохи; первая приобрѣла эти права благодаря радикальному преобразованію исконныхъ формъ розничной торговли. Мы не потеряемъ труда даромъ, если прослѣдимъ этотъ процессъ новоорганизациі осёдлой розничной торговли въ его отдѣльных частяхъ.

Въ началѣ девятнадцатаго вѣка мы застаемъ розничную торговлю въ формѣ лавочничества, организованнаго по образцу ремесла. Я уже упомянулъ объ этомъ въ третьей главѣ, когда мнѣ пришлось говорить объ обстоятельствахъ, которыя имѣли мѣсто въ экономической жизни Германіи сто лѣтъ тому назадъ. Но здѣсь намъ необходимо рассмотреть нѣсколько поближе старое лавочничество съ его ремесленнической организаціей, которое послужило исходнымъ пунктомъ новѣйшаго развитія.

Войдя въ такого рода лавку стараго времени, находящуюся въ маленькомъ или среднемъ городѣ, мы вынесемъ изъ нея то же самое впечатлѣніе, какое иногда и теперь еще можемъ получить въ очень глухихъ отдаленныхъ мѣстахъ; подобная лавка представляетъ собою смѣшанную торговлю, гдѣ можно найти вообще всякаго рода товары, какъ-то: колоніальные товары, конфеты, спиртные напитки, сигары, курительный и нюхательный табакъ, табакъ для жеванія, грифельныя доски, бумагу и другія письменныя принадлежности, матеріи, игольный товаръ, лопаты, цѣпи, косы, бичи, краски, сельди, сиропы и такъ далѣе. Но, безъ сомнѣнія, уже въ началѣ или, по крайней мѣрѣ, около середины прошлаго вѣка въ болѣе развитыхъ областяхъ обмѣна—большихъ городахъ—эта зародышевая клѣтка мелочной лавки подверглась дальнѣйшему образованію, поскольку именно первоначально единая товарная торговля дифференцировалась на различныя лавки, которыя я назову отраслями торговли (Branchengeschäfte).

Каждая отрасль торговли обозначала кругъ продающихся въ ней товаровъ по ихъ происхожденію. Продажей сырыхъ матеріаловъ занимались два вида торговыхъ предпріятій: одни изъ нихъ торговали, главнымъ образомъ, всѣми товарами, доставлявшимися издалека, особенно изъ-за границы, другія же—всѣмъ остальнымъ. Торговля предпріятія, продававшія заграничныя товары, назывались магазинами матеріальныхъ, колоніальныхъ и москотельныхъ товаровъ (Materialwaren-, Kolonialwaren-, Spezereiwaren-Läden) и т. д.; владѣльцы такихъ торговыхъ предпріятій носили названіе «матеріалистовъ». Достаточно одного взгляда на перечень товаровъ, которые были разрѣшены къ продажѣ постановленіями о таксѣ для «матеріалистовъ», чтобы убѣдиться въ иностранномъ происхожденіи почти всѣхъ товаровъ, продававшихся послѣдними; дѣйствительно, всѣ растительныя масла, большая часть красящихъ веществъ, сахаръ и тому подобные товары еще доставлялись въ то время изъ экзотическихъ странъ. Торговля заведенія, которыя занимаются продажей сырыхъ матеріаловъ, доставляемыхъ изъ внутреннихъ областей страны, еще и въ настоящее время нерѣдко называются магазинами мѣстныхъ продуктовъ, просто магазинами продуктовъ, магазинами живности и закусочными

торговлями (Landesprodukten-, Produkten-, Viktualien-, Vorkosthandlungen), а также Gräupner, Bäudler и т. д.; всѣ эти названія указываютъ на первоначальное существенное занятіе подобнаго рода заведеній.

Промышленные продукты продавались въ торговыхъ заведеніяхъ, которые дѣлились, главнымъ образомъ, на слѣдующіе четыре (а по другому счету—пять) видовъ.

1) Текстильные товары продавались въ такъ называемыхъ лавкахъ съ краснымъ товаромъ (Ausschnittgeschäfte, Schnittwarenhandlungen), въ мануфактурныхъ торговыхъ; здѣсь еще продаются безразлично всякаго рода «аршинные товары» («Ellenwaren»); въ случаѣ же болѣе высокой дифференціи текстильныхъ издѣлій продаются въ специальныхъ магазинахъ суконъ, хлопчатобумажныхъ и льняныхъ тканей. Такимъ образомъ, покупатель или, вѣрнѣе говоря, покупательница, находили въ подобныхъ лавкахъ основныя матеріалы одежды, которые затѣмъ обрабатывались дома или отдавались для той же цѣли ремесленникамъ, получавшимъ за это плату. Вышеперечисленныя торговля заведенія дополнялись цѣлымъ рядомъ другихъ, занимавшихся продажей приклада; таковы, на примѣръ, торговли нитянымъ товаромъ, которыхъ въ 1846 году насчитывалось въ Бреславлѣ еще двадцать восемь (согласно указаніямъ «Адресной книги»); въ то же время иголки продавались въ желѣзной лавкѣ, а отдѣлки для платья у позументщика.

Другія заведенія, торговавшія промышленными продуктами, были слѣдующія: 2) магазины стальныхъ, латунныхъ и желѣзныхъ издѣлій; 3) магазины стеклянной, фарфоровой и фаянсовой посуды; 4) торговли галантерейными и юрибергскими товарами; подъ послѣдними разумѣлись всѣ сорта мелочного товара (Kurzwaren); общее первоначальное происхожденіе этихъ отраслей торговли также еще сказывается въ ихъ названіи. Наконецъ, здѣсь надо упомянуть еще о 5) торговыхъ старыми вещами; эти предпріятія въ прежнее время, когда всѣ промышленные продукты служили гораздо дольше, играли несравненно болѣе значительную роль, чѣмъ теперь.

Такимъ образомъ, хотя внѣшній отпечатокъ розничной торговли середины девятнадцатаго столѣтія нѣсколько отличался отъ того, чѣмъ онъ былъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, однако, ея организація, въ особенности же ея духъ, оставались почти безъ всякаго измѣненія за все это время. И организація розничной торговли, и ея духъ еще всецѣло двигались по ремесленно-патріархальной колѣѣ. Въ тѣхъ торговыхъ заведеніяхъ, въ которыхъ вообще имѣлись служащіе, число послѣднихъ было невелико. Еще въ 1858 г. въ Пруссіи числилось всего 22907 приказчиковъ. И даже съ 39329 самостоятельными торговцами всего 22907 приказчиковъ. И даже въ такомъ большомъ городѣ, какъ Бреславль, пятьсотъ восемнадцать колоніальныхъ торговцевъ (включая сюда даже оптовыхъ торговцевъ—Т. О. Шпретеръ!) содержали всего лишь восемьсотъ двадцать семь человѣкъ служащихъ. Мы должны, кромѣ того, представлять себѣ, что размѣры торговыхъ предпріятій были въ значительной степени одинаковой величины: всѣ они большей

частью недалеко уклонялись от своего среднего размаха. В то время не могло быть речи ни о чисто-пролетарских и эфемерных, ни подавно о гигантских предприятиях. Само собою разумеется, что приказчики и их хозяева относились друг к другу по патриархальному. Розничная торговля представляла собою своего рода семейный институт подобно ремесленному производству. Деятельность розничного торговца оставалась, в течение целых поколений и по объему, и по содержанию одной и той же, чисто-ремесленно-механической. Незначительное развитие торговли, необходимо вытекавшее из слабо развитой производительности труда, постоянство и неизменность всех отношений, фиксированное количество покупателей, все это вместе взятое удерживало за розничной торговлей ее ремесленный характер. Сбыть было определенным; лавочнику нечего было о нем думать; организация сбыта еще не входила в область искусства, а тем более — науки. Вследствие этого розничные торговцы также оставались по своей природе ремесленниками; они были чужды всякому спекулятивному направлению ума и коренным образом отличались от «купцов». Поэтому основная идея, на которой зиждилась розничная торговля, могла быть только той, которая проникает всякую ремесленническую деятельность, поскольку мы ознакомились с последней; именно: «мелочная лавка» должна была кое-как прокармливать своего хозяина; она должна была быть таким же «хлебком», как ремесло любого портного или перчаточника.

Ухудшение условий сбыта для отдельного торговца, быстро усиливавшееся с увеличением интенсивности экономической жизни, «увлекло в поток истории», по выражению Маркса, эту идиллию до-капиталистической розничной торговли. Возрастающая производительность крупной промышленности выбрасывала на рынок все большее и большее количество товара, причем соответствующее увеличение спроса не всегда непосредственно следовало за этим; быстрое, как нам известно, увеличение количества торговцев обостряло конкуренцию, которая становилась тем сильнее и шире, чем скорее уравнивались друг с другом благодаря современному развитию сообщений товарные цены, различавшиеся между собою по разным местам. К этому затруднению сбыта присоединилось теперь возрастающее затруднение торгового обмена, которое являлось следствием непрерывного увеличения массы разнородных товаров, а также — безпрестанного изменения их свойств и цен; такое изменение вытекало из революционного характера техники производства. Таким образом, можно ясно проследить, как сбыт товаров в руки последних потребителей мало-по-малу превращается в проблему, как под давлением обстоятельств деятельность, проникнутая ремесленническими традициями, становится целесообразным, рациональным поведением, руководящимся определенно предначертанным планом; этот последний заключается в следующем: несмотря на ухудшившиеся и затрудненные условия сбыта, торговля должна не только «кормить», но и приносить все больше и больше барышей, как того требовало возникшее в то же самое время стремление к наживе.

Должно было казаться само собою очевидным, что эта проблема сдвигается разрывшимой в том только случае, если сперва окончательно порвать связь со старыми принципами торгового дела. Раньше торговец мог спокойно поджидать покупателя, который, конечно, и являлся, так как в сущности он нигде не находил иных условий покупки товара; теперь же приходилось отыскивать, ловить, притягивать к себе покупателя. В Бреславле, а также и в других городах, на некоторых улицах расположены почти в каждом доме целые ряды лавок дешевого мужского платья. У входа в каждую лавку стоит или сам ее хозяин, или его приказчик, и высматривают добычу. Едва лишь покажется издали мужичек, как стоящие на стороже у дверей своих лавок торговцы приходят в движение. Как только мужичек подходит, лавочники стараются вовлечь его в разговор и склонить к покупке их товара. Если крестьянин не поддается на ухищрения, то торговцы прибегают к легким вспомогательным средствам: они его слегка подталкивают или дергают потихоньку за платье. Соседний же торговец атакует крестьянина с другой стороны. Таким образом, может случиться, что нашего Михеля за один рукав пальто тянет какой-нибудь Конь, а за другой — какой-нибудь Леви. Народный язык очень удачно окрестил такого сорта лавки названием «Ärmelausreissgeschäfte» («торговли, где у покупателя отрывают рукава»). Но совершающееся здесь в разительной форме, грубым, наглядным образом, — по существу, все-таки, не отличается от того, что делает всякий современный розничный торговец, не отстающий от своего века, хотя он это и делает в более тонком, деликатном виде. Хотя Вергейм и Титц (Tietz) не хватают за шиворот простолудинов в грязном переулке бедного провинциального города, как это делают какие-нибудь несчастные Леви и Конь, тем не менее, практика торгового дела у первых покоится на той же основной идее, как у вторых, — победить противника, отбив у него клиентуру.

Таким образом, положение о том, что война есть война, подтверждается и относительно рассматриваемой нами области: все новые формы и явления, обнаруживаемые современной нам розничной торговлей, возникли вследствие борьбы из-за покупателей. Мы и докажем это относительно ряда важных вопросов.

Торговец, естественно, является заинтересованным в двух вещах: во-первых, заставить покупателя идти к нему, а не к его конкуренту, то есть, привлечь покупателя, а затем — так угодить последнему, чтобы он вторично вернулся в тот же магазин, то есть, удержать за собою покупателя. Как известно, достижению первой цели служат реклама. Реклама не составляет исключительного дела розничной торговли; не говоря о том, что ею пользуются также врач, театральный антрепренер, комиссия по устройству художественной выставки и управление курорта, реклама в наше время свелась к необходимому жизненным условиям гораздо больше для других лиц, чем для розничного торговца, в особенности же для самого

производителя. Но упомянуть о рекламѣ именно здѣсь слѣдуетъ потому, что она появилась на свѣтъ и получила санкцію, безъ всякаго сомнѣнія, въ области розничной торговли. Отнюдь не случайно, что реклама, какъ постоянная организація въ экономической жизни, была впервые введена старѣйшими изъ парижскихъ *magasins de nouveautés*. Повидимому, первоначальной формой современной намъ рекламы въ дѣйствительности явились тѣ объявленія, которыя были напечатаны магазинами: *Petit Saint Thomas*, *Deux Edmond* или *Siège de Corinthe* и впервые въ нѣсколькихъ очень скромныхъ строкахъ обращали вниманіе тогдашней публики на вышеназванные торговля предприятия. Вѣроятно, первые слѣды теперешней постоянной, торгово-промышленной рекламы надо отнести къ 1829 году, который, такимъ образомъ, и нужно разсматривать какъ годъ ея рожденія. И въ наши дни, то-есть, спустя всего лишь два человѣческихъ поколѣнія, реклама сдѣлалась необходимымъ элементомъ рациональнаго веденія хозяйства. «Она принадлежитъ въ настоящее время желѣзному механизму нашей экономической жизни; законы, карающіе нечестную конкуренцію—*la concurrence déloyale*—самымъ торжественнымъ образомъ санкціонировали рекламу. Для торговца реклама то же самое, что лопманъ для корабля; необходимая сила на лицо, пары разведены, все въ порядкѣ, каждый матросъ на своемъ мѣстѣ, но нельзя ничего начать, пока нѣтъ вѣрнаго путеводителя». И именно необходимое, вынужденное, всеобщее употребленіе рекламы представляетъ собою явленіе, характерное для нашего времени. Ни одинъ торговецъ болѣе не въ состояніи отказаться отъ пользованія рекламой, если только не хочетъ пойти ко дну. Не мало людей достигло большого успѣха безъ всякой рекламы; теперь, однако, они вдругъ замѣчаютъ, къ своему удивленію, что ихъ дѣло уже не двигается впередъ съ той же быстротой, какъ прежде. Они замѣчаютъ, что ихъ переросли болѣе молодые элементы, которые беззащитно пользовались всѣми средствами бойко ведущагося предприятия, а среди этихъ средствъ крикливая реклама оказалась однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время уже никто не можетъ отказаться отъ обращенія къ рекламѣ, и въ этомъ заключается принципиальное значеніе послѣдней. «Сама реклама сдѣлалась наукою, удачная же реклама—искусствомъ. Все сильнѣе и сильнѣе обнаруживается стремленіе установить для рекламы опредѣленные принципы. Все дальше и дальше распространяется та истина, что рекламированіе тоже нуждается въ методѣ, и что тѣ средства и пути, которыми мы хотимъ достигнуть рекламной цѣли, должны быть хорошо взвѣшены и испытаны. При нынѣшнемъ состояніи науки о рекламѣ (!) уже не достаточно, чтобы купецъ или фабрикантъ занимались ею лишь между дѣломъ; напротивъ, для того и другого необходимо посвящать рекламѣ все свое вниманіе, если они хотятъ оставаться на высотѣ или подняться на нее». Эти слова заимствованы изъ книги, которая сама можетъ служить наилучшимъ доказательствомъ мощной роли, принадлежащей рекламѣ въ современномъ экономическомъ оборотѣ; я имѣю въ виду «*Handbuch der Reklame*» («Руководство къ рекламѣ»); эта книга даетъ въ настоящую минуту наилучшій обзоръ

интересующей насъ области и, кромѣ того, является восхитительной книжкой съ картинками, такъ какъ въ ней воспроизведено множество художественныхъ плакатовъ.

Между тѣмъ, мѣропріятія, преслѣдующія дѣйствительное удовлетвореніе однажды привлеченной публики,—угодженіе покупателю въ самомъ широкомъ значеніи этого слова—являются еще важнѣе для болѣе специальныхъ, интересующихъ насъ ближайшимъ образомъ вопросовъ, чѣмъ реклама, задача которой состоитъ въ привлеченіи публики. Въ самомъ дѣлѣ, главнымъ образомъ, стремленіе угодить покупателю вызвало къ жизни новый строй торгового обращенія. «*Hab' ich die Kraft, dich anzuziehen, besessen, so hatt' ich dich zu halten keine Kraft*» («Хотя я смогъ тебя привлечь, но удержать я былъ безсиленъ») — таковъ девизъ прожектёра въ переводѣ на языкъ купца; однако, еще ни одно предприятие, основанное на прожектёрствѣ, не могло продержаться въ теченіе долгаго времени. Въ данномъ случаѣ, несомнѣнно, подтверждается слѣдующая англійская поговорка: «*you can fool some people all the time, you can fool all people some time, but you cannot fool all the people all the time*»... *). Поэтому реклама, преслѣдующая первую изъ вышеуказанныхъ цѣлей, должна быть дополняема угожденіемъ публикѣ, чтобы предприятие могло долго просуществовать. Къ приёмамъ послѣдняго рода, какъ извѣстно всякому изъ личнаго опыта, относятся тысячи «мелкихъ средствъ», къ которымъ въ настоящее время прибѣгаетъ каждый торговецъ, когда желаетъ угодить своимъ покупателямъ: иногда онъ старается отличиться убранствомъ своего магазина или витрины (что можетъ служить также цѣлямъ рекламы), иногда же—расторопностью и вѣжливымъ обращеніемъ служащихъ; опрятная и изящная упаковка, доставка товара на домъ и обратный приёмъ его для обмѣна, всевозможныя даровыя преміи для дѣтей, сопровождающихъ мать въ ея странствованіяхъ по магазинамъ—это и многое другое составляетъ въ настоящее время безспорную принадлежность розничной торговли, которая, не хочетъ отставать отъ «требованій новаго времени»; подобные приёмы практикуются какъ въ малыхъ, такъ и въ большихъ предприятияхъ.

Однако, такого рода приёмы торговли, все-таки, носятъ лишь чисто-поверхностный характеръ; они еще не совершаютъ радикальнаго переворота въ организаціи торгового дѣла. Послѣдній вызывается лишь рядомъ иного рода соображеній, изъ которыхъ нижеслѣдующія играютъ значительную роль: положимъ, что торговцу благодаря всякаго рода ловкимъ ухищреніямъ удалось не только сохранить количество своихъ покупателей даже при измѣнившихся условіяхъ въ томъ же составѣ, какъ и прежде, но и приобрести новыхъ покупателей; въ этомъ случаѣ онъ станетъ продавать въ общемъ больше, то-есть, будетъ «пропускать черезъ прилавокъ» больше товара, и его годовой

* Можно дурачить нѣкоторыхъ людей всегда, можно дурачить всѣхъ въ теченіе нѣкотораго времени, но нельзя дурачить всѣхъ всегда.

оборотъ увеличится; такой торговецъ долженъ по необходимости замѣтить, что одно это увеличеніе оборота доставляетъ ему цѣлый рядъ преимуществъ. Если торговецъ, совершая тѣ же самые расходы на наемъ помѣщенія, услуги, отопленіе и освѣщеніе магазина и тому подобное, продавалъ вдвое больше товара, чѣмъ прежде, то ему представлялось двѣ возможности: или получить большій процентъ на тотъ же капиталъ, что раньше (въ этомъ случаѣ онъ не измѣнялъ продажной расцѣнки товара), или же—не уменьшая прибыли, понизить продажную расцѣнку, то-есть, продавать товаръ дешевле.

Это именно и было рѣшающимъ моментомъ. Знаніе вышеуказанной истины явилось исходнымъ пунктомъ внутренняго переустройства торговыхъ предприятий: это оказывалось какъ бы единственнымъ рѣшеніемъ поставленной передъ торговцемъ задачи; и лозунгомъ всей современной намъ торговли сдѣлалось слѣдующее правило: «большой оборотъ, небольшой барышъ». Всѣ основныя нововведенія въ розничной торговлѣ нашего времени, о которыхъ у насъ будетъ идти теперь рѣчь, сводятся къ стремленію увеличить оборотъ, чтобы въ случаѣ успѣха имѣть возможность устранить конкурента путемъ болѣе дешевой продажи товара.

Первымъ изъ такихъ нововведеній является развитіе нѣсколькихъ совершенно новыхъ формъ торговыхъ операцій; среди нихъ слѣдуетъ отмѣтить въ особенности операціи отправленія товара, аукціона и продажи въ разсрочку.

Операція отправленія товара состоитъ въ томъ, что далеко живущій покупатель посылаетъ письменный заказъ на товаръ, который и доставляется ему на домъ; эта операція—одно изъ законныхъ дѣтищъ, порожденныхъ союзомъ капитализма съ современнымъ намъ развитіемъ сношеній; она сдѣлалась возможной только послѣ того, какъ выработались пересылка печатныхъ произведеній, открытыя письма, переводъ по почтѣ, наложенный платежъ, доставка пакетовъ на домъ за пятьдесятъ пфенниговъ и тому подобныя организаціи современныхъ сношеній, а также послѣ распространенія по странѣ желѣзнодорожной сѣти. У насъ нѣтъ точныхъ свѣдѣній о развитіи отправочной операціи въ настоящее время. Кто, тѣмъ не менѣе, желаетъ составить себѣ приблизительное представленіе о растущемъ значеніи отправочной операціи, тотъ принужденъ обратиться къ цифрамъ почтовой статистики, хотя нѣкоторая часть послѣднихъ, во всякомъ случаѣ, не можетъ относиться къ вышеуказанной операціи. Такимъ образомъ, количество обыкновенныхъ пакетовъ, пересланныхъ по почтѣ, поднялось съ 51,7 милліоновъ въ 1880 году до 137,8 милліоновъ въ 1900 году; число пакетовъ съ наложеннымъ платежомъ (большая часть которыхъ, несомнѣнно, обязана своимъ происхожденіемъ отправочной операціи) поднялось съ 3,9 милліоновъ до 13,4 милліоновъ за тотъ же промежутокъ времени; между тѣмъ общая стоимость посылки съ наложеннымъ платежомъ даже возросла за послѣднія два десятилѣтія 57,1 милліоновъ до 540,3 милліоновъ марокъ.

Аукціонъ, то-есть, публичная продажа движимостей тому, кто предлагаетъ за нихъ больше всѣхъ, достигъ въ Германіи болѣе или менѣе важнаго зна-

ченія по отношенію къ сбыту товара конечнымъ потребителямъ только за время жизни послѣдняго поколѣнія людей. Въ наше время аукціонная операція составляетъ важный элементъ розничной торговли каждаго большого города; ея размѣры такъ расширились, что законодательная власть обратила на нее вниманіе.

Правда, аукціонная продажа далеко уступаетъ по значенію современной операціи продажи въ разсрочку; эта послѣдняя опять-таки развивалась особенно въ крупныхъ городахъ по мѣрѣ того, какъ большія массы наемныхъ рабочихъ входили въ ряды покупателей промышленныхъ продуктовъ. Повышающійся доходъ рабочихъ классовъ, а, главнымъ образомъ, возрастающая дешевизна товаровъ извѣстныхъ категорій, доставили рабочимъ возможность покупать послѣдніе. Между тѣмъ, рабочіе представляютъ собою такихъ покупателей, которые въ состояніи затрачивать на приобрѣтеніе промышленныхъ продуктовъ только небольшія суммы своего недѣльнаго или мѣсячнаго заработка. Чтобы приспособиться къ потребностямъ рабочихъ, торговцы развили операцію продажи въ разсрочку; эта операція доставляетъ возможность соединять въ крупныя суммы небольшія частицы дохода рабочаго, не подвергая торговца чрезмерному риску. Само собою разумѣется, вполнѣдствіи за эту новую форму приобрѣтенія товаровъ ухватились съ радостью и другіе классы населенія, какъ, напримѣръ, мелкіе чиновники и подобные имъ люди, живущіе въ скромныхъ имущественныхъ условіяхъ.

У насъ нѣтъ точныхъ указаній относительно распространенія операціи продажи въ разсрочку въ Германіи. Тѣмъ не менѣе, общіе отзывы компетентныхъ лицъ даютъ поводъ заключать, что эта операція сдѣлалась безусловно преобладающею формою товарнаго оборота среди низшихъ слоевъ населенія, по крайней мѣрѣ, въ большихъ городахъ. По вычисленію Гёне (Höhne), который въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ былъ предсѣдателемъ четвертаго отдѣленія перваго земскаго суда въ Берлинѣ, восемь десятыхъ всего населенія этого города будто бы покупаютъ товары въ разсрочку. Другое свѣдущее лицо опредѣляетъ количество ежедневно заключаемыхъ въ Германіи продажныхъ сдѣлокъ въ разсрочку круглымъ числомъ въ десять тысячъ; третій авторитетъ—хозяинъ магазина въ Альтонѣ, специально торгующаго въ разсрочку, также опредѣляетъ число своихъ покупателей въ десять тысячъ.

О томъ, какъ сильно растетъ значеніе операціи продажи въ разсрочку, можно заключить также на основаніи увеличенія количества тѣхъ торговыхъ заведеній, которыя сами себя называютъ «торговлями въ разсрочку». Именно, въ началѣ развитія операціи продажи въ разсрочку различныя торговыя отрасли иногда развиваютъ продажу на выплату по частямъ (Ratenverkauf), ведущуюся по принципамъ операціи въ разсрочку, а на ряду съ этимъ въ тѣхъ же магазинахъ сохраняютъ свою силу операціи продажи на наличныя деньги или въ кредитъ; между тѣмъ, въ дальнѣйшемъ ходѣ развитія образуются торговыя предприятия, которыя специально занимаются продажей въ разсрочку товаровъ какой угодно отрасли торговли; это такъ называемыя «торговли въ разсрочку» («Abzahlungsgeschäfte», «Abzahlungsbazare»). Въ

данномъ случаѣ моментомъ, объединяющимъ товары подъ кровлей одного и того же магазина, является способъ уплаты. Конечно, въ большинствѣ случаевъ эти спеціальныя «торговли въ разсрочку» трудно распознать какъ таковыя; нѣкоторые данныя для сужденія объ ихъ развитіи мы находимъ въ томъ случаѣ, когда обзоръ «промысловыхъ заведеній» въ адресныхъ книгахъ какого-либо города содержитъ особую рубрику: «торговли въ разсрочку» или же «товарныя торговли въ разсрочку» («Warenabzahlungsgeschäfte»).

Въ послѣднемъ случаѣ сравненіе теперешнихъ цифръ съ цифрами, относящимися къ даннымъ, полученнымъ по этому же предмету лѣтъ десять, двѣнадцать тому назадъ, доказываетъ почти сплошь значительный приростъ. Такъ, напримѣръ, число разсматриваемыхъ нами торговыхъ заведеній въ Мюнхенѣ возросло отъ 1888 до 1899 съ двѣнадцати до тридцати двухъ. Въ Бреславлѣ же я насчитывалъ въ 1895 году семь «торговлей въ разсрочку», въ 1898 году—пятнадцать, а въ 1901 году—восемнадцать.

Послѣднее наблюденіе, которое мы сдѣлали, состояло въ слѣдующемъ: съ точки зрѣнія общаго характера торговыхъ сдѣлокъ получается совершенно новая группировка товаровъ въ магазинѣ; это наблюденіе обращаетъ наше вниманіе на тотъ фактъ, что, даже независимо отъ операций продажи въ разсрочку, замѣчается совершенно общая тенденція распредѣлять по новымъ признакамъ товары, продаваемые въ магазинѣ. Посмотримъ, нельзя ли и это явленіе ввести въ великую связь новаго строя товарнаго сбыта въ качествѣ ея органическаго члена! Въ самомъ дѣлѣ, не можетъ подлежать сомнѣнію, что основой такого рода новой группировки товаровъ въ мѣстахъ ихъ продажи является опять-таки стремленіе увеличить оборотъ; это достигается, съ одной стороны, увеличеніемъ количества покупателей, а съ другой—ускореніемъ сбыта товаровъ. Дѣйствительно, въ данномъ случаѣ имѣется въ виду только одна цѣль: соединить въ лавкѣ товары именно такого качества и въ такомъ количествѣ, чтобы публикѣ было пріятно глядѣть на нихъ; причина этого удовольствія состоитъ въ слѣдующемъ: публика находитъ здѣсь нужный ей въ данную минуту товаръ, собранный вмѣстѣ и обладающій желательными качествами; слѣдовательно, для публики создается поводъ закупать свой товаръ именно въ данномъ магазинѣ; но, кромѣ того, въ послѣднемъ не должно быть, по возможности, ни одного предмета для продажи, на который не существовало бы вовсе спроса, или былъ бы только рѣдкій спросъ, то-есть, другими словами, число ежедневныхъ актовъ покупки должно сколь возможно болѣе приближаться къ числу наличныхъ товарныхъ предметовъ. Въ данномъ случаѣ можно вести рѣчь о концентраціи спроса или увеличеніи интенсивности товарнаго обращенія. Затѣмъ изъ этихъ общихъ соображеній можно вывести заключеніе о существованіи, главнымъ образомъ, слѣдующихъ трехъ тенденцій.

1) Существуетъ качественная дифференціація розничной торговли, то-есть, раздѣленіе первоначально общаго торговаго предпріятія на магазины изящныхъ издѣлій, съ одной стороны, и магазины брака или массовыхъ продуктовъ, съ другой. Такимъ путемъ совершается лишь приспособленіе торговой организаціи къ той дифференціаціи, которая въ на-

стоящее время происходитъ въ формахъ потребленія. По мѣрѣ того, какъ съ ростомъ богатства распространяется такъ называемая роскошь, то-есть, по мѣрѣ того, какъ все болѣе и болѣе массы предъявляютъ спросъ на предметы, цѣнные по своей формѣ или матеріалу, само собою разумѣется, что подобнаго рода предметы роскоши соединяются въ элегантныхъ магазинахъ, устроенныхъ соответственнымъ образомъ и открытыхъ для избалованной въ данномъ отношеніи публики; при этомъ всѣ менѣе цѣнные товары исключаются изъ магазиновъ изящныхъ издѣлій. Только этого рода магазины и въ состояніи уплачивать высокую земельную ренту на лучшихъ улицахъ нашихъ большихъ городовъ; они могутъ нести этотъ налогъ потому, что ихъ покупатели заранѣе готовы переплатить сколько угодно, лишь бы имѣть возможность остановить свое купе или коляску на приличной улицѣ, передъ элегантнымъ магазиномъ. Съ другой стороны, столь же естественно, что изъ пригородной лавки, гдѣ покупательницами являются только жена пролетарія или вдова почтоваго чиновника, заранѣе исключенъ всякій предметъ, мало-мальски напоминающій собою подлинный матеріалъ или чистоту обработки; благодаря этому здѣсь ни одинъ образчикъ товара не превосходитъ минимума покупательной способности публики. Далѣе, этотъ процессъ дифференціаціи весьма существенно ускоряется подъ вліяніемъ успѣховъ современной намъ производственной техники. Магазины изящныхъ издѣлій смогли наполнить товарами свои этажерки только тогда, когда художественная промышленность достигла той высокой степени развитія, на которой мы застаемъ ее въ настоящее время, и когда непрерывно развивающаяся техника массоваго производства достигла той баснословной степени производительности, которая доставляетъ ей возможность наводнять рынокъ товарами, дешевыми до смѣшного; послѣдніе-то и продаются въ магазинахъ брака, находящихся въ нашихъ пригородныхъ мѣстностяхъ. Вторая изъ открытыхъ нами тенденцій при новой группировкѣ товаровъ есть тенденція къ

2) специализаціи. Она возникаетъ изъ тѣхъ же самыхъ соображеній, какъ дифференціація; первая, совершенно подобно послѣдней, способствуетъ увеличенію интенсивнаго удовлетворенія потребностей. Всякій, кто со вниманіемъ проходитъ по улицамъ нашихъ большихъ городовъ, въ состояніи самъ констатировать сильно развитую специализацію въ предпріятіяхъ нашей розничной торговли. Возьму наудачу слѣдующіе примѣры: у насъ въ настоящее время существуютъ спеціальныя торговли сигаръ и папирсовъ, масла, сыра и другихъ молочныхъ продуктовъ, кофе, чая, деликатесовъ, икры, керосина, кондитерскихъ издѣлій, велосипедовъ, рыбы, открытыхъ писемъ съ видами, консервовъ, перчатокъ, зонтиковъ и палокъ, воротничковъ и галстуковъ, шляпъ, шелковыхъ лентъ, хирургическихъ инструментовъ. Такая развитая специализація, естественно, предполагаетъ прежде всего наличность соответственной степени интенсивности сношеній; именно послѣдняя и дѣлаетъ вообще возможнымъ соответственное количество актовъ покупки опредѣленнаго рода въ извѣстномъ мѣстѣ. Но, съ другой стороны, высоко развитая специализація торговаго дѣла предполагаетъ значительный уровень народнаго богатства, который дѣлалъ бы возможной градацію качественныхъ различій одного и того же товара; эта гра-

дація обнаруживается на самомъ дѣлѣ среди предметовъ торговли специальныхъ магазиновъ. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что главная цѣль такого рода магазиновъ состоитъ въ возможности предлагать публикѣ специальные предметы своей торговли въ неограниченномъ выборѣ. Вслѣдствіе этого мы часто встрѣчаемъ соединеніе предпріятій, торгующихъ изящными издѣліями, со специализованными торговыми предпріятіями; это соединеніе имѣетъ мѣсто, главнымъ образомъ, тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о продолженіи первоначального процесса дифференціаціи, который, какъ мы видѣли выше, приводитъ къ выдѣленію отраслей торговли. Такимъ образомъ, на примѣръ, въ настоящее время мы почти всюду на улицахъ нашихъ большихъ городовъ наталкиваемся на высоко квалифицированные магазины шелковыхъ издѣлій, на стеклянные и фарфоровые магазины, выдающиеся въ художественно-промышленномъ отношеніи, на лавки, торгующія желѣзными товарами весьма тонкой работы, и т. д. Однако, самой важной тенденціей въ новой группировкѣ товаровъ является

3) тенденція къ комбинаціи различныхъ, первоначально отдѣленныхъ другъ отъ друга родовъ товара. Подобное соединеніе ихъ вытекаетъ опять-таки какъ слѣдствіе изъ желанія угодить публикѣ. Имѣется въ виду предложить покупателю, по возможности, въ одномъ помѣщеніи тѣ товары, которые еще ему, пожалуй, понадобятся въ то время, какъ онъ совершаетъ одну отдѣльную покупку. Благодаря этому возникаютъ самыя причудливыя сочетанія: здѣсь магазинъ сигаръ торгуетъ тросточками для прогулокъ, тамъ цвѣточная лавка—сигарами; въ одномъ мѣстѣ велосипедная торговля продаетъ литературныя произведенія для развлеченія путешественниковъ, въ другомъ парикмахеръ—театральные билеты, и такъ далѣе. Другими словами, какой угодно товаръ присоединяется къ первоначальному составу товаровъ данной торговли; при этомъ торговецъ рассчитываетъ заранѣе, что покупатель «захватитъ» новый товаръ попутно. Съ теченіемъ времени выработались извѣстныя комбинаціи, задачей которыхъ является удовлетвореніе опредѣленной сложной потребности. Изъ прежнихъ отраслей торговли развиваются торговые предпріятія, занимающіяся продажей традиціонно подобранныхъ предметовъ спроса (*traditionell ausgestattete Bedarfsartikelgeschäft*); такое названіе мы можемъ дать этому новому виду товарныхъ складовъ. Такимъ образомъ, изъ старой торговли мануфактурными товарами возникаетъ или галантерейная торговля и магазинъ готового платья, или же, при дальнѣйшемъ расширеніи сферы потребности, удовлетворяемой торговымъ предпріятіемъ, получается магазинъ полной мебелировки (*das Ausstattungs-geschäft*); желѣзная лавка стараго типа порождаетъ современную намъ торговлю кухонной и вообще домашней утварью; изъ торговли колоніальными товарами возникаетъ торговля деликатесами; прежняя мастерская шорныхъ издѣлій превращается въ магазинъ дорожныхъ вещей; создается торговля принадлежностями мужского туалета (*das Herrenartikelgeschäft*) и тому подобное.

Всѣ эти новообразованія имѣютъ одну общую черту: въ нихъ совершенно не принимается въ соображеніе, изъ какого матеріала приготавливаются продаваемые ими предметы, и какая сфера производства доставляетъ ихъ. Въ магазинѣ домашней утвари сосредоточиваются въ настоящее время всѣ предметы, кото-

рыми пользуются для устройства домашней обстановки, изъ чего бы они ни изготовлялись—изъ желѣза, никкеля, мѣди, стекла, дерева, фарфора, соломы, тростника, кожи или какого угодно другого вещества. Торговля деликатесами соединяетъ въ своемъ магазинѣ фрукты изъ Италіи, овощи изъ Франціи, дичь изъ провинціи, кофе изъ Аравіи, водочные ликеры изъ Голландіи, омары съ Гельголанда, картофель съ Мальты, устрицы изъ Англіи или Голштиніи, икру изъ Россіи, пуншевый экстрактъ изъ Эльберфельда, консервы изъ Брауншвейга, сыръ изъ Швейцаріи и тому подобное,—короче говоря, все, что относится къ обѣду, который въ настоящемъ случаѣ является моментомъ, объединяющимъ товары вокругъ потребности въ пищѣ.

И, наоборотъ, соотвѣтственно вышеизложенному, извѣстный предметъ товара можетъ входить въ комбинацію со всѣми другими товарными предметами, а потому можетъ продаваться въ самыхъ различныхъ магазинахъ, тогда какъ раньше онъ, можетъ-быть, образовывалъ основной хребетъ весьма рѣзко ограниченной отрасли ремесленнической торговли. Такимъ образомъ, въ настоящее время мы находимъ, на примѣръ, щетку въ торговлѣ москательными, аптекарскими и красящими веществами, въ магазинахъ кухонной утвари и домашнего хозяйства, въ парикмахерскихъ заведеніяхъ и галантерейныхъ магазинахъ, въ торговлѣ желѣзнымъ товаромъ и инструментами, въ магазинахъ деревянныхъ, плетеныхъ и канатныхъ издѣлій, въ горшечныхъ и зеленыхъ лавкахъ. Мы находимъ дамскую блузу и дамскій передникъ во всѣхъ магазинахъ костюмовъ, холстяныхъ и мануфактурныхъ издѣлій, въ магазинахъ полотна, бѣлья, модныхъ и позументныхъ, въ торговыхъ домахъ, отправляющихъ товары въ провинцію, и «базарахъ», въ специальныхъ торговлѣ чулочныхъ и шерстяныхъ издѣлій.

Съ другой стороны, разумѣется само собою, что подобнаго рода цѣлесообразная перегруппировка могла быть приведена въ исполненіе только послѣ того, какъ современная намъ техника производства и сообщенія создала подходящія для этого условія.

Но, очевидно, стремленіе предлагать покупателямъ товары въ привлекательной формѣ, экономизировать расходы посредствомъ болѣе быстрого товарообращенія и т. д.,—стремленіе, выразившееся уже въ знакомыхъ намъ мѣропріятіяхъ, ограничивается размѣрами предпріятія, мощью его капитала. Естественно, что товарообращеніе не можетъ быть повышено дальше извѣстнаго уровня, пока его основа остается неизмѣнной. Чтобы двигаться впередъ по пути, указываемому принципами современной намъ розничной торговли, безусловно необходимо расширять ея основу. Такимъ образомъ, для современной розничной торговли изъ измѣнившихся условій сбыта съ необходимостью вытекаетъ третья великая эволюціонная тенденція, которую мы можемъ обозначить (не вполне точно) какъ тенденцію къ концентраціи. Подъ послѣдней я разумѣю тенденцію къ расширенію количества производительныхъ силъ, объединенныхъ въ извѣстной розничной торговлѣ, въ извѣстномъ предпріятіи; цѣль этого расширенія заключается въ слѣдующемъ: путемъ элегантнаго убранства магазиновъ, богатаго выбора товаровъ, увеличенія товарнаго запаса и тому подобнаго использовать самымъ широкимъ образомъ преимущества цѣлесообраз-

ной дифференциации и группировки предметов, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, получить новыя преимущества, которыя могутъ быть доставлены только посредствомъ подобнаго рода увеличенія сферы предпріятія. Это преимущества такъ называемой «крупной промышленности», какъ принято неточно выражаться (въ самомъ дѣлѣ, вѣдь рѣчь идетъ отнюдь не всегда о крупно-промышленной формѣ предпріятія, то-есть, не о соединеніи большихъ массъ производственныхъ средствъ и рабочихъ силъ подъ единымъ командованіемъ). Напротивъ, вышеупомянутое расширеніе размѣровъ предпріятія можетъ съ одинаковымъ успѣхомъ совершаться, и дѣйствительно довольно часто совершается, въ границахъ мелкаго производства; для этого служить форма такъ называемой системы филиальныхъ отдѣленій, которая образуетъ собою pendant крупно-капиталистической организаціи торговли по отношенію къ домашней индустріи въ сферѣ промышленнаго производства.

Самымъ излюбленнымъ, хотя и далеко не самымъ надежнымъ признакомъ опредѣленія сосредоточенія капиталовъ является количество людей, работающихъ въ отдѣльныхъ предпріятіяхъ. Къ сожалѣнію, та доля свѣдѣній, которую намъ въ состояніи доставить эти цифры, еще значительно сокращается по отношенію къ германской промышленной статистикѣ благодаря тому, что, какъ мы уже нерѣдко отмѣчали выше, германская перепись не проводитъ различія между оптовой торговлей и розничной. Несмотря на это, я сообщаю въ приложеніи за № 20 нѣсколько относящихся сюда цифръ изъ промышленной статистики. Правда, изъ приведенныхъ тамъ первыхъ двухъ таблицъ слѣдуетъ, что въ настоящее время концентрація въ области торговаго промысла, поскольку она выражается числомъ людей, занятыхъ въ послѣднемъ, еще отнюдь не достигла чрезмѣрно высокой степени. Личный опытъ подтверждаетъ такой выводъ: на ряду съ немногими весьма крупными предпріятіями розничной торговли и нѣсколькими эфемерными пролетарскими существованіями есть значительное количество предпріятій, въ особенности средней величины, которыя въ качествѣ мелко-капиталистическихъ, основанныхъ на современныхъ намъ началахъ веденія торговаго дѣла, имѣютъ, очевидно, перспективы и на дальнѣйшее сохраненіе. Между тѣмъ, если мы разберемъ цифры, относящіяся къ сороковымъ годамъ девятнадцатаго столѣтія и приведенныя мною выше, то статистика столь же неопровержимо докажетъ намъ, что существуетъ тенденція къ увеличенію предпріятій. И, очевидно, эта тенденція тѣмъ сильнѣе, чѣмъ больше городъ, гдѣ находятся разсматриваемыя предпріятія; отсюда мы въ правѣ заключить, что она будетъ оставаться въ силѣ и на будущее время. Сравненіе между Берлиномъ и Бреславлемъ, приведенное въ послѣдней таблицѣ приложенія № 20, подтверждаетъ вѣрность такого наблюденія.

Среди тѣхъ предпріятій, которыя фигурируютъ въ наивысшемъ по величинѣ классѣ, находятся также специфическіе представители современной намъ розничной торговли — товарные дома (die Warenhäuser). Они появились въ Германіи лишь въ теченіе двухъ послѣднихъ десятилѣтій; но, разъ возникши, они развились затѣмъ очень быстро, причемъ ихъ развитіе во Франціи, Англіи и Америкѣ имѣетъ уже свою длинную исторію.

Современный намъ товарный домъ (Warenhaus) представляетъ собою соединеніе трехъ своеобразныхъ признаковъ капиталистическаго развитія розничной торговли; именно въ немъ соединяются: 1) крупно-капиталистическая основа операций; 2) капиталистическій духъ, то-есть новѣйшіе принципы предпринимательской дѣятельности; 3) новая группировка товаровъ на основаніи принципа наивысшаго приспособленія къ потребностямъ, а, слѣдовательно, а) дифференціация по качеству, б) комбинація товаровъ различныхъ отраслей торговли. Въ особенности же надо обратить вниманіе также на стремленіе къ дифференціации, наблюдаемое среди современныхъ намъ товарныхъ домовъ крупнаго размѣра; они съ чрезвычайной силой ускоряютъ товарообращеніе и потому должны особенно стараться въ точности приспособить выборъ ихъ товарныхъ предметовъ къ потребности вполне опредѣленной категоріи покупателей; слѣдовательно, они постоянно должны исключать изъ своего запаса товаровъ менѣе привлекательные предметы, которыхъ болѣе продолжительное присутствіе въ магазинѣ замедляетъ оборотъ послѣдняго. Идеальная цѣль всякаго большаго товарнаго дома заключается въ томъ, чтобы содержать въ запасѣ, по крайней мѣрѣ, хотя одинъ предметъ каждаго сорта товара, а если возможно, то и всѣ предметы, которые могутъ понадобиться опредѣленному кругу покупателей. Въ настоящее время эта программа уже осуществляется почти полностью въ извѣстныхъ товарныхъ домахъ болѣе низкаго разбора, которые предназначаются для самыхъ бѣдныхъ слоевъ покупателей, для такъ называемыхъ «маленькихъ людей» («die kleinen Leute»). Я называю «базарами» подобные товарные дома въ отличіе отъ большихъ магазиновъ, то-есть отъ большихъ товарныхъ домовъ высшаго порядка, гдѣ главными покупателями являются представители ново-формирующагося «зажиточнаго средняго сословія», ведущаго капиталистическое происхожденіе; здѣсь тонъ задаетъ не жена пролетарія съ рыночной корзинкой на рукѣ, а дама свѣта или полусвѣта, вышедшая изъ средняго класса, или же—спускаясь ниже—жены офицеровъ и профессоровъ, поскольку и онѣ уже затронуты вліяніемъ новаго времени. Между такими крайними типами, какіе представляются, съ одной стороны, напримѣръ, Вертгеймомъ въ Берлинѣ, а съ другой—«базарами» бракованныхъ издѣлій въ большихъ городахъ Восточной Германіи, лежитъ богатая скала разнообразныхъ типовъ товарнаго дома. Но послѣдніе всѣ стремятся соблюсти какъ въ качественномъ отношеніи, такъ и въ объединеніи торговыхъ отраслей наивысшій основной принципъ современнаго намъ формообразования розничной торговли; этотъ принципъ заключается въ возможно болѣе совершенной формѣ приспособленія къ потребности опредѣленнаго круга покупателей.

Часто упоминавшійся нами товарный домъ А. Вертгейма въ Берлинѣ, о размѣрахъ и внутренней структурѣ котораго даются свѣдѣнія, приводимыя мною въ приложеніи № 21, являлся въ свое время высшимъ триумфомъ крупно-капиталистической организаціи современной розничной торговли въ Германіи. Правда, это торговое дѣло въ отношеніи величины оборота еще далеко не въ состояніи соперничать съ соответствующими ему заграничными предпріятіями, каковы Bon Marché и Louvre въ Парижѣ; въ самомъ дѣлѣ, обо-

роль последних определяется суммой от полутора до ста восьмидесяти миллионов франков, между тем как оборот Вертеймовского магазина определялся несколько лет тому назад в тридцать миллионов марок; тем не менее, что касается художественного убранства, солидности в ведении дела и плановости организации, то вышеупомянутый немецкий большой магазин совершенно в состоянии выдержать сравнение даже с самыми знаменитыми торговыми учреждениями за границей. Быстрота, с какою совершается развитие этого немецкого торгового дома за последние годы, является новым свидетельством, говорящим в пользу его блестящего будущего. Равным образом беспристрастный читатель не в состоянии сомневаться в том, что мы встречаемся здесь с зародышами новообразования, к которому стремится весьма значительная часть розничной торговли.

С другой стороны, если мы рассмотрим общее народно-хозяйственное значение развития розничной торговли, мы получим тот же самый вывод, что при рассмотрении развития оптовой торговли; именно мы констатируем повышение работоспособности, особенно же производительности затраченного труда, благодаря обезличению хозяйственной деятельности и овеществлению всякого рода отношений.

Правда, конечно, организаторская деятельность основателя и руководителя столь чудесных произведений, каковы современные нам товарные дома, предъявляют в настоящем случае, как и в других, такие большие требования к духу и творческой силе человека, как были чужды всякому ремесленнику отправления профессии, тем не менее, очевидно, содержание этой новой деятельности уже совершенно свободно от того индивидуального характера, который был присущ прежде ремесленнику. В успех такого крупного торгового дела решающее значение принадлежит уже не внутреннему отношению торговца к продаваемому товару, как то имеет место в вопросе о близком знакомстве первого с данной отраслью торговли; равным образом, успех решается уже не путем личных сношений продавца с покупателями. Напротив, как данный товар, так и его покупатели одинаково могут замещаться всякими другими товарами и покупателями. Они представляются только в виде безкачественных величин, и задача предпринимателя сводится именно к искусному арифметическому оперированию над такими величинами. Да и внутренняя жизнь такого гигантского предприятия является непонятной всякому, кто вырос в маленькой лавке Vieux Elboeuf. Безчисленные служащие, подобно членам безжизненного механизма, делают общее безличное дело, и их правильное, бездушное взаимодействие действительно представляет собою чувственный образ всей современной нам хозяйственной жизни.

Однако, идем вперед! В разных местах этой главы мы уже указывали, как велика зависимость новообразующейся торговой организации от развития сообщений в девятнадцатом столетии. В следующей главе мы должны вести речь об организации системы сообщений — этой родной сестры торговли.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

Организация сообщений.

1. Железные дороги.

Без сомнения, распространение железных дорог, как всеобщего средства сообщения, представляет собою именно такое событие девятнадцатого столетия, которое по своему значению в области организации сношений значительно превосходит все остальные; больше того — революционное действие этого события, образующего этап в тысячелетней истории развития человеческой культуры, простирается далеко за пределы нашего столетия. Ходячая оценка той культурной новизны, которая вытекает из влияния железных дорог на формирование хозяйственной жизни, в данном случае, по исключению, совпадает с научными выводами относительно того же явления. Правда, обыкновенно стремятся открыть значение железных дорог совершенно не в том направлении, в каком его следует искать (в моем «Современном капитализме» я часто говорю о многочисленных видах превратного понимания роли железных дорог); однако, публика, во всяком случае, права в том отношении, что железные дороги, действительно имели громадное влияние на общий ход развития экономической жизни за время жизни последнего поколения людей. Вследствие этого в настоящей главе мы должны посвятить наше внимание прежде всего железным дорогам.

Я крайне далек от того, чтобы дать здесь исторический очерк возникновения и развития германских железных дорог. Принимая во внимание необходимость сжатости подобного очерка, можно думать, что он оказался бы невыносимо скучен. К тому же читатель найдет желательные выводы по данному предмету во всяком порядочном сочинении по истории. Сверх того, почти все обзоры и «взгляды назад», вырываемые «на рубеже столетия» у несчастных авторов предприимчивыми издателями, заключают в себя, по крайней мере, несколько анекдотов, которые связаны с возникновением железных дорог; мы находим здесь анекдоты о людях, которые предсказывали путешественникам по железным дорогам мозговую болельку, вызываемую быстротою движения; мы встречаем тут почтмейстера Наглера, который не хотел ничего знать о железной дороге между Берлином и Потсдамом, так как, с проведением последней, его почтовая карета уже утрачивала свой обычно полный комплект пассажиров; мы узнаем из того же источника сведения о нарушении движения по железной дороге коровой, зашедшей на рельсы, и тому подобных других приключений; кроме того, во всех этих рассказах повествуется с восхищением об усилиях дальновидных людей, каковы были Фридрих Лист и Фридрих Гаркорт, — усилиях, направленных на сооружение первых железных дорог; там же ведется в соболевательном тоне речь о сопротивлении, которое эти усилия встречали со стороны огра-

ниченных и своекорыстных людей. Таким образом, я въ правѣ предположить, что всѣ эти прекрасныя исторіи отлично извѣстны каждому моему читателю; поэтому я довольствуюсь перепечаткой въ приложеніи за № 22 цифръ, изъ которыхъ можно усмотрѣть развитіе германской желѣзнодорожной сѣти въ теченіе нашего столѣтія; при помощи этихъ же цифръ возможно сравнить Германію въ желѣзнодорожномъ отношеніи съ другими культурными странами.

Было бы весьма интересно прослѣдить болѣе точнымъ образомъ этапы этого развитія. Въ такомъ случаѣ намъ, вѣроятно, пришлось бы установить различіе между четырьмя эпохами; первая изъ нихъ охватываетъ собою приблизительно десятилѣтіе отъ 1835 до 1845 года; ее можно назвать подготовительной ступенью, началомъ, эпохою случайно проводимыхъ первыхъ линий; въ этотъ періодъ времени большей частью соединяются между собою мѣста, не очень удаленныя другъ отъ друга и густо населенныя.

Первая желѣзная дорога была открыта для эксплуатаціи въ 1835 году; она соединяла Нюрнбергъ съ Фюртомъ. Затѣмъ вскорѣ были построены одна за другой слѣдующія желѣзнодорожныя линіи:

въ 1838 году между	Берлиномъ и Потсдамомъ,
„ „ „ „	Брауншвейгомъ и Вольфенбюттелемъ,
„ 1839 „ „	Лейпцигомъ и Дрезденомъ,
„ 1840 „ „	Лейпцигомъ и Магдебургомъ,
„ „ „ „	Мюнхеномъ и Аугсбургомъ,
„ „ „ „	Маннгеймомъ и Гейдельбергомъ,
„ „ „ „	Франкфуртомъ и Майнцемъ,
„ 1841 „ „	Берлиномъ и Ангальтомъ,
„ „ „ „	Дюссельдорфомъ и Эльберфельдомъ,
„ „ „ „	Кѣльномъ и Ахеномъ.

Послѣ того наступаетъ эпоха закладки большихъ сквозныхъ линій, которыя соединяютъ между собою главные города страны, а также ея периферію съ центромъ; въ Пруссіи же за это время строятся почти всѣ главныя желѣзнодорожныя линіи, исходящія отъ Берлина. Эта вторая эпоха—періодъ сооруженія основной желѣзнодорожной сѣти—простирается приблизительно до середины шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Въ теченіе третьей эпохи, которая охватываетъ преимущественно семидесятые годы истекшаго вѣка, заканчивается постройка системы ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ въ ея главныхъ чертахъ; этотъ періодъ окончательной постройки переходитъ, наконецъ, въ періодъ развѣтвленія основной сѣти, который мы и переживаемъ въ настоящее время. Эта послѣдняя эпоха должна привести къ тому, что къ каждому дому будетъ подходить желѣзная дорога. Осуществленію этой задачи и способствуетъ преимущественно развитіе вторичной, третичной и тому подобныхъ сѣтей,—однимъ словомъ, развитіе системы узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ. Зарожденіе этой системы совпадаетъ съ началомъ періода развѣтвленія ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ; такъ, отъ 1880 до 1881 года въ Германіи

было всего 192,8 километра узкоколейныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ 1890 году ихъ было уже свыше 1000 километровъ, а въ 1900 году—цѣлыхъ 1800 километровъ. То обстоятельство, что примѣненіе электричества въ качествѣ движущей силы возрастаетъ, способствуетъ непрерывно прогрессирующему развитію узкоколейной сѣти. Покамѣстъ, однако, электричествомъ пользуются, главнымъ образомъ, трамваи большихъ городовъ и пригородныхъ мѣстъ. О стремительной быстротѣ распространенія электрическихъ желѣзныхъ дорогъ можно судить на основаніи слѣдующихъ ниже цифръ, заимствованныхъ изъ «Ежегодника нѣмецкихъ городовъ» («Jahrbuch der deutschen Städte»). Согласно этимъ даннымъ, въ 1896 году было сорокъ два главныхъ центра электрическихъ желѣзныхъ дорогъ, а въ 1900 году ихъ было уже девяносто девять; длина пути этихъ дорогъ возросла за указанное пятилѣтіе съ 583 километровъ до 2868; въ то же время протяженіе ихъ рельсовъ возросло съ 854 до 4255 километровъ. Вскорѣ эти шумные носители культуры прорѣжутъ послѣднюю цвѣтущую рошу, послѣдній покрытый цвѣтами лугъ. Мнѣ было бы интересно видѣть улыбку сожалѣнія на лицѣ моего преемника въ 2000 году, когда онъ прочтетъ ничтожныя цифры, въ которыхъ выражается существующее пока развѣтвленіе нашей желѣзнодорожной сѣти.

Немного можно сказать также по поводу географіи германскихъ желѣзныхъ дорогъ. Я не могу, однако, обойти молчаніемъ два факта, которые, какъ мнѣ кажется, являются характерными для Германіи. Я имѣю въ виду прежде всего сильную децентрализацию германскихъ желѣзныхъ дорогъ, или, выражаясь точнѣе, множественность центровъ желѣзнодорожнаго сообщенія, которая врядъ ли знакома какой-либо другой странѣ. Ганноверъ, Кѣльнъ, Франкфуртъ-на-Майнѣ, Лейпцигъ, Мюнхень являются узловыми пунктами, почти столь же значительными, какъ Берлинъ, тогда какъ, напримѣръ, Франція представляетъ собою другую крайность: собственно говоря, въ ней одинъ только желѣзнодорожный узелъ—Парижъ. Причина этого явленія для Германіи заключается въ ея политическомъ прошломъ. Кромѣ того, ни одна другая культурная страна не обнаруживаетъ такихъ различій въ густотѣ развитія желѣзнодорожной сѣти по отдѣльнымъ провинціямъ, какъ Германія. Разница въ этомъ отношеніи между восточно-эльбскими землями, съ одной стороны, и Вестфальской или Рейнской провинціями или же Саксонскимъ королевствомъ, съ другой—огромна. На тысячу квадратныхъ километровъ въ 1900 году приходилось въ Восточной Пруссіи 60,0 километровъ ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ Западной Пруссіи 63,3 километра, въ Помераніи 62,4; напротивъ, въ то же время и на то же количество единицъ поверхности (1000 km²) въ Вестфаліи приходилось 124,7 километра ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ, въ Рейнской провинціи 137,0 километровъ, въ Саксонскомъ королевствѣ 163,2; между тѣмъ среднее число километровъ ширококолейной сѣти, приходящейся на тысячу квадратныхъ километровъ общеимперской территоріи, составляло 92,2. Причина этого очевидна.

Нижеслѣдующій вопросъ долженъ постоянно привлекать къ себѣ вниманіе экономиста, углубляющагося въ изслѣдованіе проблемы желѣзнодорожнаго дѣла: какимъ образомъ вообще въ теченіе краткаго времени жизни двухъ чело-

вѣческихъ поколѣній могло возникнуть столь невѣроятно колоссальное дѣло, какъ система желѣзныхъ дорогъ въ современномъ намъ культурномъ государствѣ? Какъ мнѣ кажется, желѣзныя дороги всегда слѣдуетъ считать прежде всего величайшимъ производительнымъ дѣломъ не только девятнадцатаго столѣтія, но и всей исторіи. Выяснимъ себѣ вкратцѣ, какъ велика затрата рабочихъ силъ, представляемая желѣзными дорогами.

Германскія желѣзныя дороги обошлись до конца истекшаго столѣтія круглой суммой въ тринадцать миллиардовъ марокъ. Если отчислить отсюда лишь три четверти на долю заработной платы, то все-таки, это составитъ отъ девяти до десяти миллиардовъ марокъ. Примемъ за средній годовой заработокъ сумму отъ пятисотъ до шестисотъ марокъ (эта сумма представляется очень высокой средней величиной, если имѣть въ виду тотъ фактъ, что постройка желѣзныхъ дорогъ началась еще въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія); въ такомъ случаѣ мы получаемъ количество труда, измѣряемое круглымъ числомъ въ двадцать миллионъ рабочихъ лѣтъ или приблизительно въ шесть миллиардовъ рабочихъ дней. Слѣдовательно, это сооруженіе могло бы быть исполнено миллионъ рабовъ въ теченіе двадцати лѣтъ или ста тысячами рабовъ въ продолженіе приблизительно двухъ столѣтій. Считаясь съ историческими условіями эпохи, можно сказать, что въ теченіе шестидесяти рабочихъ лѣтъ сго миллионъ рабочихъ дней ежегодно употреблялись на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ, одна треть миллиона людей изъ года въ годъ только и занималась постройкой желѣзныхъ дорогъ и ихъ оборудованіемъ, то-есть, сооруженіемъ вокзаловъ, подвижного состава и тому подобнаго. Все это предполагаетъ весьма высокую степень производительности національнаго труда, которая сама, въ свою очередь, объясняется постояннымъ повышеніемъ производительности, обусловливаемымъ желѣзными дорогами. Эрнстъ Энгель первый высказалъ мысль о томъ, что желѣзныя дороги сами себя выстроили. Приведенная мысль станетъ еще очевиднѣе, если мы будемъ разсматривать проблему сооруженія желѣзныхъ дорогъ съ соціальной точки зрѣнія (вмѣсто натуральной, на которой мы только-что стояли), то-есть, если мы представимъ себѣ, въ какой хозяйственной формѣ имѣло мѣсто столь могучее развитіе производительныхъ силъ.

Желѣзныя дороги являются въ Германіи созданіемъ капитализма. Именно капитализмъ далъ толчокъ къ постройкѣ желѣзныхъ дорогъ (государственная власть чрезвычайно тормозила дѣло); онъ въ теченіе первыхъ десятилѣтій прилагалъ всѣ усилія къ развитію и упроченію новаго средства сообщенія, пока затѣмъ государство смогло приняться за дѣло, подготовленное съ помощью частнаго капитала. Первая государственная желѣзная дорога въ Пруссіи была построена въ 1843 году, когда длина частныхъ желѣзныхъ дорогъ уже составляла 866,6 километровъ. Затѣмъ, хотя система государственныхъ желѣзныхъ дорогъ и развивалась непрерывно дальше, однако, центр тяжести желѣзнодорожнаго дѣла (какъ въ Пруссіи, такъ и въ другихъ союзныхъ нѣмецкихъ государствахъ) сохранялся вплоть до семидесятыхъ годовъ прошлаго вѣка за частными дорогами. Особенно же періодъ постройки ширококолейной сѣти желѣзныхъ дорогъ, простирающихся отъ 1865 до 1875 года, подчи-

няется, главнымъ образомъ, частной инициативѣ. За этотъ промежутокъ времени число километровъ, выражающее длину государственныхъ желѣзныхъ дорогъ въ Пруссіи, поднялось съ 3101,8 до 4390,3 километровъ, слѣдовательно, возросло на 41%; между тѣмъ, число километровъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ поднялось съ 6148 до 12486, то-есть возросло на 103%. Какъ извѣстно, въ концѣ семидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія начинается движеніе въ пользу выкупа желѣзныхъ дорогъ государствомъ, такъ что къ концу столѣтія лишь около 8% общаго протяженія германскихъ желѣзныхъ дорогъ еще остается въ рукахъ частныхъ компаній.

Выяснимъ себѣ теперь, какія громадныя денежные суммы должны были пойти на сооруженіе желѣзнодорожной сѣти. Фонъ-Реденъ предполагаетъ, что строительный капиталъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ составлялъ до 1851 года уже 149,9 миллионъ талеровъ, то-есть, почти полмиллиарда марокъ; для всей же Германіи мы можемъ смѣло предположить, что это число равнялось восьмистамъ миллионамъ марокъ. По даннымъ «Statistisches Handbuch», до середины шестидесятыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія основной капиталъ прусскихъ казенныхъ желѣзныхъ дорогъ поднялся до 111,7 миллионъ талеровъ, а основной капиталъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ достигъ 357,3 миллионъ; слѣдовательно, оба капитала вмѣстѣ возросли круглымъ счетомъ до тысячи четырехсотъ миллионъ марокъ; такимъ образомъ, основной капиталъ всѣхъ германскихъ желѣзныхъ дорогъ поднялся до двухъ или трехъ миллиардовъ марокъ. Имперская статистика за 1870 годъ опредѣляетъ «основной капиталъ, употребленный на покладку и оборудованіе желѣзныхъ дорогъ», круглымъ счетомъ въ четыре миллиарда марокъ. Послѣ этого наступаетъ десятилѣтіе, самое важное для развитія германскихъ желѣзныхъ дорогъ, когда основной капиталъ увеличивается круглымъ счетомъ на пять миллиардовъ марокъ.

Какимъ путемъ были получены эти внушительныя суммы? Съ формальной стороны—при помощи соединенія капиталовъ въ рукахъ акціонернаго общества или же посредствомъ выпуска займовъ. Дѣйствительное развитіе акціонернаго общества осуществилось лишь благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Но съ матеріальной стороны каково было происхожденіе этихъ суммъ?

Что касается первоначальныхъ фондовъ, то, безъ сомнѣнія, можно предполагать (я не знаю, существуютъ ли болѣе точныя указанія по данному предмету), что германскія желѣзныя дороги были вызваны къ жизни въ значительной степени благодаря иностранному капиталу. Какъ мы знаемъ, начиная со среды прошлаго столѣтія, денежные имущества возрастаютъ быстро и во много разъ, что благоприятствуетъ сооруженію желѣзныхъ дорогъ. Въ особенности же значительный ростъ желѣзныхъ дорогъ въ семидесятыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія, конечно, долженъ быть разсматриваемъ, въ сущности, какъ дѣйствіе «миллиарднаго счастья»; можно сказать, что Франція построила намъ въ счетъ военной контрибуціи всю нашу сѣть ширококолейныхъ желѣзныхъ дорогъ. Между тѣмъ, это случайное увеличеніе денежнаго имущества благодаря вѣшнему влиянію все-таки еще недостаточно для нашего объясненія. Скорѣе намъ слѣдуетъ принять во вниманіе слѣдующій фактъ: въ теченіе всей второй половины

прошлаго столѣтія излишекъ накопленныхъ капиталовъ непрерывно возрасталъ благодаря прогрессу производительности, а, съ другой стороны, также благодаря желѣзнымъ дорогамъ; этотъ, именно, излишекъ и смогъ доставить необходимые основные капиталы. Энгель какъ-разъ это имѣетъ въ виду, когда пробуетъ доказать, что при помощи одного милліона марокъ тысяча семьдесятъ километровъ длины желѣзныхъ дорогъ смогли быть выстроены въ продолженіе сорока лѣтъ. При этомъ Энгель принимаетъ въ соображеніе только тѣ барыши, которые принесъ капиталъ, помѣщенный въ самыя желѣзныя дороги. Эти барыши, конечно, были во многихъ случаяхъ весьма значительны. Больше счастливыя желѣзнодорожныя линіи приносили въ годъ отъ 15% до 20% дивиденда, и даже средняя величина процента на капиталъ прусскихъ желѣзныхъ дорогъ достигала, напримеръ, въ 1865 году 6¼%.

Вторымъ условіемъ, благодаря которому капитализмъ осуществляетъ столь великія предпріятія, является готовность неимущихъ массъ людей предложить свои услуги въ качествѣ рабочаго контингента; это условіе также создалось, во-первыхъ, благодаря значительному приросту народонаселенія въ теченіе второй трети девятнадцатаго столѣтія (этотъ приростъ вызвалъ къ жизни то, что я называю излишкомъ народонаселенія), а, во-вторыхъ, благодаря тому, что одновременно исчезло множество прежнихъ возможностей заработка въ деревнѣ (вслѣдствіе этого прибавочное народонаселеніе возросло въ еще большей степени). Но всѣ эти явленія чрезвычайно запутаны, чтобы я рѣшился выяснять ихъ здѣсь. Читателю, который интересуется этими тонкостями экономического развитія, я могу указать на мое сочиненіе о «Современномъ капитализмѣ».

Если спросить теперь о дѣйствіи желѣзныхъ дорогъ на народное хозяйство, то оно проявляется самымъ очевиднымъ образомъ въ ихъ вліяніи на формообразование нашего фондоваго рынка. Можно съ увѣренностью утверждать, что этотъ послѣдній въ сущности развился изъ торговли желѣзнодорожными акціями и облигаціями. Еще въ 1870 году половина всѣхъ продававшихся на берлинской биржѣ цѣнностей состояла изъ желѣзнодорожныхъ фондовъ (175 изъ 359). Такимъ образомъ, современное намъ банковое дѣло тоже получило значительную часть своихъ ресурсовъ отъ желѣзныхъ дорогъ.

Сказанное относится и къ крупной промышленности. Горная и машиностроительная отрасли промышленности обязаны своимъ подъемомъ, главнымъ образомъ, желѣзнымъ дорогамъ. Обѣ эти отрасли при своемъ возникновеніи въ Германіи еще опирались на англійскую индустрію. Баронъ фонъ-Реденъ въ своемъ извѣстномъ сочиненіи о нѣмецкихъ желѣзныхъ дорогахъ, представляющемъ собою изслѣдованіе по источникамъ, даетъ точный обзоръ свѣдѣній о происхожденіи паровозовъ, которые развѣзжали по Германіи въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія. Общее число этихъ паровозовъ было двѣсти сорокъ пять. Изъ нихъ сто шестьдесятъ шесть были привезены изъ Англій, двѣнадцать изъ Бельгій, двадцать девять изъ Сѣверной Америки и только тридцать восемь, то-есть, меньше одной шестой части, изъ Германіи. Эта зависимость отъ заграницы

оставалась неизмѣнной и въ отношеніи остальныхъ нуждъ желѣзнодорожнаго дѣла; такъ, напримеръ, годовой избытокъ ввоза желѣза въ предѣлы Таможеннаго союза—избытокъ, состоящій изъ «ковкаго, полосового и сыро-прокатнаго желѣза, желѣзнодорожныхъ рельсовъ, а также изъ сырой и выдѣланной стали», за промежутокъ времени съ 1842 до 1845 года въ среднемъ превышалъ (по даннымъ Дитерихи) одинъ милліонъ центнеровъ и стоилъ больше пяти милліоновъ талеровъ. Между тѣмъ, въ настоящее время (1900 годъ) вывозъ изъ Германской имперіи желѣзнодорожныхъ рельсовыхъ накладокъ, шпалъ, рельсовъ, осей, вагоновъ и платформъ, паровозовъ равняется 61,9 милліону марокъ, а ввозъ только 5,27 милліонамъ. Такимъ образомъ, германская индустрія производитъ гораздо больше подвижнаго состава, чѣмъ его требуется для внутренняго желѣзнодорожнаго движенія; въ настоящемъ году эта потребность опредѣлялась (согласно «Statistisches Jahrbuch») въ 171,6 милліоновъ марокъ. Мы можемъ измѣрить на этомъ основаніи, сколь значительный толчокъ должны были дать желѣзныя дороги развитію горной и машиностроительной отраслей промышленности благодаря поднятію спроса на продукты послѣднихъ. Недаромъ же изъ общихъ затратъ на желѣзныя дороги относятъ (Энгель) 19% на средства эксплуатаціи и 22% на полотно; слѣдовательно, согласно такому расчету, около 40% всего основнаго капитала желѣзныхъ дорогъ поступаетъ въ доходъ обѣихъ вышеупомянутыхъ вѣтвей крупной промышленности. Такимъ образомъ, эта доля составляетъ за послѣднія пятьдесятъ лѣтъ въ Германіи около 5000 милліоновъ марокъ. Намъ необходимо все это принять въ соображеніе, если мы хотимъ дать себѣ полный отчетъ въ народно-хозяйственномъ значеніи желѣзныхъ дорогъ, которое обыкновенно разсматривается лишь въ отношеніи вліянія послѣднихъ на развитіе транспортнаго дѣла.

Что касается такого вліянія, то, какъ я думаю, необходимо принять въ расчетъ, главнымъ образомъ, колоссальное повышеніе силового эффекта, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и количественной производительности труда; какъ то, такъ и другое обнаружилось съ усиленіемъ развитія желѣзныхъ дорогъ и съ одновременнымъ увеличеніемъ интенсивности ихъ эксплуатаціи. Другими словами, разница по сравненію съ прежнимъ состояніемъ дѣла заключается прежде всего въ массѣ товаровъ и людей, провозимыхъ при помощи новаго средства сообщенія.

Существуютъ различные методы для нагляднаго выраженія цифрами этого *soi disant* прогресса. Такъ, напримеръ, возможно сравненіе того количества товаровъ, которое въ состояніи провезти одинъ паровозъ, съ тѣмъ, которое можно нагрузить на ломовую фуру (въ послѣднюю эпоху ломового извоза на повозку, запряженную четверкой лошадей, можно было нагрузить, по мнѣнію фонъ-Редена на силу сто, сто двадцать центнеровъ). Въ начальный періодъ развитія желѣзнодорожнаго дѣла, тяга паровоза соответствовала грузу товарнаго поѣзда въ сорокъ вагоновъ по двѣ тонны (сорокъ центнеровъ) грузовой вмѣстимости каждый, то-есть, она равнялась восьмидесяти тоннамъ (тысячѣ шестистамъ центнеровъ); въ настоящее время разсматриваемое нами количество равно грузу товарнаго поѣзда въ сто вагоновъ по десяти тоннъ грузовой вмѣ-

стимости каждый; слѣдовательно, оно равно тысячѣ тоннѣ (или двадцати тысячамъ центнеровъ).

Можно также сравнивать абсолютную величину количества товаровъ или людей, перевезившихся до начала желѣзнодорожной эры, съ теперешними числовыми данными по тому же предмету. Такъ, на примѣръ, (по словамъ Редена), въ Прусскомъ королевствѣ почта перевезла въ 1831 году около 500000 человекъ, слѣдовательно, въ предѣлахъ нынѣшней Германской имперіи, пожалуй, одинъ миллионъ; напротивъ, въ концѣ столѣтія по желѣзнымъ дорогамъ Германіи проѣзжало уже почти въ тысячу разъ большее количество народа (число людей, перевезенныхъ здѣсь въ 1900 году, равнялось 848092000 человекъ).

Въ 1846 году (по словамъ Редена) 38349 лошадей перевозили людей и грузы по дорогамъ Таможенного союза. Мейценъ опредѣляетъ трудоспособность этихъ бѣдныхъ животныхъ круглымъ счетомъ въ сто тридцать миллионѣвъ tkm (то-есть, тоннѣ-километровъ); это значитъ, что вышеупомянутыя, лошади могли провозить одну тонну (двадцать центнеровъ) на разстояніи ста тридцати миллионѣвъ километровъ или сто тридцать миллионѣвъ тоннѣ на разстояніи одного километра. Въ противоположность этому, число тоннѣ-километровъ, провозенныхъ по германскимъ (ширококолейнымъ) желѣзнымъ дорогамъ въ 1900 году, равнялось 36911 миллионамъ, то-есть, почти тройной работѣ прежнихъ средствъ перевозки; въ то же время число тоннѣ-километровъ, перевезенныхъ по германскимъ узкоколейнымъ желѣзнымъ дорогамъ, составляетъ уже почти двѣ трети общаго количества грузовъ, перевезившихся помощью старыхъ транспортныхъ средствъ. слѣдовательно, при желаніи перевозить попрежнему лошадьми то количество грузовъ, которое перевозится въ настоящее время по желѣзнымъ дорогамъ, понадобилось бы для этого больше одиннадцати миллионѣвъ лошадей; между тѣмъ, общее количество лошадей, находившихся въ Германіи къ концу девятнадцатаго столѣтія, лишь немногимъ превосходило четыре миллиона. Поэтому для исполненія теперешней работы германскихъ желѣзныхъ дорогъ лошадьми, число послѣднихъ въ Германіи должно было бы увеличиться, по крайней мѣрѣ, въ четыре или пять разъ.

И все-таки это количество лошадей понадобилось бы только для перевозки товаровъ; съ другой стороны, его никогда не хватило бы на исполненіе работы паровыхъ лошадей въ другомъ отношеніи, именно въ вопросѣ о скорости. Само собою разумѣется, что послѣдняя, въ свою очередь, сильно увеличилась при перевозкѣ товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ. Губеръ (въ вышеуказанной книгѣ о происхожденіи современной организаціи сообщеній) сопоставилъ данныя относительно сроковъ доставки товаровъ отъ Фридрихсгафена на Боденскомъ озерѣ въ города, лежащіе на различныхъ разстояніяхъ отсюда; эти данныя относятся къ 1841 году, то-есть, къ эпохѣ наивысшаго развитія гужевого способа перевозки товаровъ. Число дней, нужныхъ для доставки товара изъ Фридрихсгафена въ Маннгеймъ и Майнцъ, равнялось шести, въ Гамбургъ—шестнадцать, въ Лейпцигъ—десяти, въ Миланъ—десяти, въ Геную—пятнадцать, въ Ливорно—двадцать четыремъ, въ Цюрихъ—четыремъ. Въ настоящее время сроки доставки сократились на половину или даже на третъ. Между тѣмъ, мо-

ментъ скорости играетъ, конечно, еще гораздо болѣе важную роль въ пассажирскомъ движеніи. Сравните продолжительные сроки путешествія на почтовыхъ, которые я привелъ въ первой главѣ, со всею извѣстной быстротой движенія скорыхъ поѣздовъ на тѣхъ же разстояніяхъ, и вы увидите разницу между прежнимъ и теперешнимъ положеніемъ дѣлъ.

Сношенія все болѣе и болѣе выигрывали въ точности по мѣрѣ того, какъ увеличивалась ихъ скорость (это было чрезвычайно важно, въ особенности, для перевозки товаровъ, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, говоря о самой торговлѣ). Даже курьерская почта добраго стараго времени ѣхала со скоростью, которая указывалась путевымъ расписаніемъ, а также «какъ Богъ на душу положитъ». Теперь же количество опозданій на германскихъ желѣзныхъ дорогахъ меньше 1%.

Наконецъ, доставка по желѣзной дорогѣ обходится даже дешевле, чѣмъ почтою или гужомъ. Разница между цѣнами за пассажирскій проѣздъ въ эпохи, предшествующую желѣзнымъ дорогамъ и въ современную намъ, оказывается не такъ велика. Такимъ образомъ, проѣздъ на курьерскихъ отъ Дрездена до Лейпцига стоилъ четыре талера, то-есть, двѣнадцать марокъ; цѣна каждаго мѣста въ наемной повозкѣ была два талера, то-есть, шесть марокъ. Эта послѣдняя сумма соотвѣтствуетъ приблизительно стоимости проѣзда во второмъ классѣ по желѣзной дорогѣ (6,90 марокъ), между тѣмъ, какъ проѣздъ въ третьемъ и четвертомъ классахъ стоитъ значительно дешевле, а именно: 4,60 и 2,30 марки. Но главное удешевленіе пассажирскаго движенія вытекало изъ сокращенія времени проѣзда. Путешествіе, совершаемое въ настоящее время за одно утро (слѣдовательно, безъ ночлега и продовольствія), требовало въ прежнее время отъ двухъ до трехъ дней, а потому и соотвѣтственно продолжительнаго путевого содержанія.

Однако, удешевленіе товарнаго движенія, вызванное желѣзными дорогами, гораздо важнѣе, такъ какъ оно несравненно значительнѣе, чѣмъ удешевленіе пассажирскаго движенія. Транспортъ товаровъ (особенно же тяжелыхъ) въ настоящее время нерѣдко обходится слишкомъ въ десять разъ дешевле прежняго. Подробныя вычисленія доказали слѣдующее: нѣкоторые товары, каковы каменный уголь, зерновой хлѣбъ, желѣзо, фрахтуются теперь по спеціальному тарифу III (2,2 пфеннига за одинъ тоннѣ-километръ) или даже еще дешевле (по исключительному тарифу); но за послѣднее время, предшествовавшее наступленію желѣзнодорожной эры, фрахтъ тѣхъ же товаровъ довольно часто стоилъ пятнадцать пфенниговъ за одну центнеръ-милю, то-есть, сорокъ пфенниговъ за одинъ тоннѣ-километръ; такимъ образомъ, теперешняя фрахтовая ставка соотвѣтствуетъ пониженію прежнихъ транспортныхъ издержекъ до одной восемнадцатой ихъ части. Энгель принимаетъ за среднюю фрахтовую ставку прежняго времени десять пфенниговъ за центнеръ и милю (то-есть, $26\frac{2}{3}$ пфеннига за тоннѣ-километръ); это приблизительно согласуется съ тѣми ставками, о которыхъ Реденъ сообщаетъ какъ о ставкахъ на нѣкоторые «распространенные товары». Правда, ставки, приводимыя Реденомъ, отчасти ниже, именно: отъ Берлина до Кенігсберга 0,8 зильбергроша, до Данцига 0,7 зильбергроша, до

Мемеля 1,04 зильбергроша и т. д.; надо, однако, вспомнить, что эти ставки относятся къ началу пятидесятих годов девятнадцатаго столѣтія, когда конкуренція желѣзныхъ дорогъ уже стала оказывать понижающее давленіе на тарифъ. Такимъ образомъ, по восточной дорогѣ въ Данцигъ центнеръ доставлялся уже за 0,33 зильбергроша на милю и т. д.

II. Гужевой транспортъ.

Однако, несмотря на безспорно преобладающее вліяніе желѣзныхъ дорогъ на транспортное дѣло истекшаго вѣка, было бы совершенно ошибочно полагать, будто съ появленіемъ желѣзныхъ дорогъ другія средства перевозки въ сухопутныхъ сношеніяхъ окончательно исчезли. Скорѣе вѣрно противоположное утвержденіе: именно, формы организаціи сношеній, существовавшія до желѣзныхъ дорогъ—почтово-пассажирское сообщеніе, гужевой извозъ, внутреннее судоходство,—распустились пыльнымъ цвѣтомъ только благодаря желѣзнымъ дорогамъ. Во всякомъ случаѣ, ни одно изъ названныхъ учреждений не имѣло раньше даже приблизительно того значенія, какое они получили въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ.

Начнемъ нашъ обзоръ съ сухопутнаго движенія людей и товаровъ. Въ этой сферѣ необходимо констатировать тотъ важный фактъ, что постройка германской сѣти столбовыхъ дорогъ идетъ болѣе скорымъ темпомъ лишь въ то время, когда желѣзныя дороги уже достигли высшаго расцвѣта. Мы узнали еще раньше, въ сколь отчаянномъ состояніи находились большія дороги въ началѣ прошлаго столѣтія. Правда, до сороковыхъ годовъ послѣдняго, то-есть, до наступленія желѣзнодорожной эры, произошло уже много улучшеній въ разсматриваемой нами области. Какъ-никакъ, а въ королевствѣ Пруссіи существовало цѣлыхъ 1312,6 миль государственнаго шоссе въ 1842 году; слѣдовательно, за время жизни одного человѣческаго поколѣнія, съ 1816 года, длина этого шоссе почти учетверилась. Между тѣмъ, только теперь-то и начинается настоящая эпоха оживленной постройки шоссе; за время жизни одного поколѣнія, до 1876 года, сѣть шоссе въ Пруссіи прежняго территориальнаго состава, расширяясь, достигаетъ длины въ 46454,9 километра, а все королевство обладало въ томъ же году 64978,0 километрами шоссе. Однако, шоссе все еще продолжаютъ строиться и за послѣдніе годы; такъ, длина сѣти шоссе въ 1891 году достигала 79143 километровъ, въ 1895 году—84957,5 километровъ, въ 1900 г.—95945 километровъ. Но эта столь сильно развитая сѣть шоссе, очевидно, служить, главнымъ образомъ, не для прогулокъ, а для экипажнаго сообщенія; понятно поэтому, что послѣднее въ настоящее время должно быть гораздо болѣе распространено, чѣмъ прежде. Каково же это современное намъ экипажное сообщеніе?

Прежде всего здѣсь рѣчь идетъ о пассажирскомъ движеніи, которое въ настоящее время совершается преимущественно въ частныхъ эки-

пажахъ. Безъ сомнѣнія, сравнительно съ прошлымъ, это движеніе скорѣе увеличилось, чѣмъ уменьшилось; конечно, сказанное относится къ движенію пассажировъ на близкомъ разстояніи, а не на далекомъ, то-есть, къ сообщенію между двумя сосѣдними селеніями или съ ближайшей желѣзнодорожной станціей.

Однако, и до сихъ поръ еще сохранилось значительное промысловое пассажирское движеніе черезъ всю страну. Намъ въ точности извѣстны только цифры почтовыхъ пассажировъ; изучая эти цифры, мы приходимъ къ констатированію слѣдующаго факта, который сперва поражаетъ насъ: въ 1900 году на почтовыхъ проѣхало въ Германіи почти вдвое большее количество людей, чѣмъ то случалось ежегодно до наступленія эпохи желѣзныхъ дорогъ. Намъ извѣстно, что въ 1834 году, послѣднемъ изъ предшествующихъ вышеупомянутой эпохъ, почта Прусскаго королевства перевезла 539030 человѣкъ (фонъ-Реденъ). Тогдашняя Пруссія охватывала собою немного больше половины теперешней имперской территоріи. Такимъ образомъ, мы смѣло можемъ предположить, что въ 1834 году прусская почта перевозила самое большее миллионъ людей. Между тѣмъ, въ 1900 г. это количество возросло до 3141926 человѣкъ, то-есть, какъ мы уже упомянули, увеличилось вдвое. Однако, сопоставленіе этихъ обѣихъ крайнихъ цифръ еще не даетъ намъ свѣдѣній о дѣйствительномъ развитіи почтово-пассажирскаго сообщенія. Именно въ развитіи этого послѣдняго не было постепенности до его современной высоты. Напротивъ, три миллиона пассажировъ въ 1900 г. представляютъ собою уже результатъ непрерывной убыли пассажирскаго движенія, обнаружившейся съ начала семидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Само собою разумѣется, что послѣ открытія эксплуатаціи первыхъ желѣзныхъ дорогъ пассажирское движеніе сперва быстро возросло. Цифровыя данныя относительно Германіи (добытыя тѣмъ же самымъ способомъ) выражаютъ нижеслѣдующее: въ 1840 году почта перевезла три миллиона человѣкъ, въ 1845 году—четыре съ половиною миллиона, въ 1855 г.—шесть миллионъ. Въ началѣ семидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія этотъ ростъ, повидимому, достигаетъ своего апогея (у меня нѣтъ цифровыхъ данныхъ относительно періода времени съ 1860 до 1872 года). Разсматриваемая нами величина въ 1873 году достигаетъ своего максимальнаго численнаго значенія—7417919 человѣкъ. Затѣмъ она уменьшается вплоть до 1890 г. Послѣ этого цифра, выражающая нашу величину, остается довольно постоянной; это постоянство, конечно, обусловливается, главнымъ образомъ, притомъ въ области баварскаго почтоваго вѣдомства, гдѣ горная почта играетъ болѣе значительную роль. Тѣмъ не менѣе, число поѣздокъ въ почтовыхъ экипажахъ непрерывно сокращалось. Такъ, средняя выручка за одну поѣздку (въ области имперскихъ почтовыхъ сообщеній) равнялась въ 1885 г. еще 1,15 маркъ, а въ 1900 году всего лишь восьмидесяти двумъ пфеннигамъ. Отсюда можно заключить, что почтовое сообщеніе оттѣсняется во все болѣе и болѣе узкую область, соотвѣтственно все возрастающему ступенію желѣзнодорожной сѣти.

У воротъ большихъ городовъ вступаетъ въ свои права новый способъ сообщенія, чудовищное развитіе котораго всецѣло относится къ девятнадцатому

столѣтію. Въ одной изъ первыхъ главъ настоящаго сочиненія я сдѣлалъ нѣкоторыя указанія на годы появленія извозчицѣй пролетки и омнибусовъ въ различныхъ нѣмецкихъ городахъ. Съ тѣхъ поръ, однако, какъ извѣстно, развитіе городскихъ наемныхъ экипажей сдѣлало быстрые успѣхи. Сила, съ какой происходитъ расширеніе этого дѣла, будетъ мною достаточно охарактеризована, когда я сообщу изъ «Статистическаго ежегодника нѣмецкихъ городовъ» («Statistisches Jahrbuch deutscher Städte») цифру извозчицѣй пролетокъ, общее число которыхъ въ сорока пяти городахъ составляло въ 1899 году 15410, и прибавлю къ этому число людей, перевезенныхъ трамваями; это число за тотъ же годъ выразилось цифрой 761448417, причемъ, однако, надо замѣтить, что число проѣздовъ по трамваю оказывается еще гораздо больше, такъ какъ въ вышеприведенной суммѣ каждый абонентъ считался только одинъ разъ. Какое возвышающее чувство при видѣ этихъ цифръ овладѣваетъ нами, внуками, когда мы вспоминаемъ, что во времена нашихъ дѣдовъ даже одинъ человекъ—или просто-таки никто въ Германіи—не пользовался счастьемъ прокатиться куда-нибудь два раза въ день въ такомъ прекрасномъ, большомъ стеклянномъ ящикѣ; здѣсь эстетическая потребность во все время поѣздки удовлетворяется всевозможными красивыми рекламными картинками, а требованія современной намъ гигиены—предупредительными надписями: «просить въ вагонѣ не плевать».

Но что же стало съ ломовымъ извозомъ «добраго стараго времени»? Или зададимъ болѣе общій вопросъ: что сдѣлалось съ гужевымъ транспортомъ товаровъ? Онъ отнюдь не исчезъ. Число людей, занимающихся ломовымъ извозомъ, въ настоящее время гораздо значительнѣе, чѣмъ въ началѣ истекшаго столѣтія. Сравнимъ только цифровыя данныя за 1895 годъ съ данными, относящимися къ срединѣ девятнадцатаго столѣтія (когда гужевой транспортъ товаровъ получилъ уже гораздо большее значеніе, чѣмъ въ началѣ прошлаго вѣка); тогда мы повсюду замѣтимъ сильный приростъ людей этой профессіи. Въ Прусскомъ королевствѣ въ 1846 году число людей, занимавшихся «извознымъ промысломъ въ городахъ и внѣ городовъ», было 18670, въ 1895 г. въ этомъ промыслѣ принимали участіе 50622 человека (отсюда исключень персоналъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и трамваяхъ), а одинъ только ломовой извозъ доставлялъ заработокъ 25426 человекамъ. Такимъ образомъ, рассматриваемое нами число, по крайней мѣрѣ, удвоилось. То же самое относится и къ другимъ областямъ Германской имперіи; числовыя данныя за 1843 и 1895 годы таковы: для Баварскаго королевства 2767 и 7989, для Саксонскаго королевства 4072 и 8976, для Баденскаго великаго герцогства 1381 и 2871. Интересныя статистическія данныя о движеніи по государственнымъ дорогамъ Саксоніи были впервые получены въ 1870 году, а недавно (въ 1899 году) были собраны новыя данныя; сопоставленіе тѣхъ и другихъ подтверждаетъ правильность предположенія о томъ, что гужевой транспортъ значительно расширился даже за время жизни послѣдняго поколѣнія. По сообщенію «Zeitschrift des Königlich-sächsischen statistischen Bureaus» («Журналъ королевско-саксонскаго статистическаго бюро») за 1901 годъ, общій результатъ работъ таковъ: сред-

нее количество упряжекъ, проѣзжавшихъ ежедневно по вышеупомянутымъ дорогамъ, въ 1870 году равнялось 76501, а въ 1899 году—106612. Въ 1870 году на каждую единицу протяженія приходилось около девятиста упряжныхъ экипажей, а въ 1899 г. это количество поднялось уже до 119,7. Такимъ образомъ, увеличеніе движенія составляетъ 39,5%.

Но само собою разумѣется, что ломовой извозъ въ теченіе девятнадцатаго столѣтія подвергся полному внутреннему преобразованію. Прежніе всего измѣнились его задачи: перевозка товаровъ на большихъ разстояніяхъ (за исключеніемъ, пожалуй, перевозки мебели, которая, впрочемъ, тоже большей частью совершается по желѣзной дорогѣ) уже не составляетъ предмета ломового извоза; напротивъ, этотъ предметъ ограничивается доставкой товаровъ отъ одного изъ двухъ близлежащихъ мѣстъ къ другому (въ настоящее время, какъ и пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, каждый вечеръ изъ воротъ большого города выѣзжаютъ крытыя повозки, направляясь въ сосѣдніе города, расположенные на разстояніи отъ пятнадцати до двадцати километровъ; въ данномъ случаѣ, благодаря краткости пути, гужевой транспортъ выгоденъ, такъ какъ онъ дѣлаетъ излишней двойную перегрузку, необходимую при отправкѣ по желѣзной дорогѣ); въ другихъ же случаяхъ ломовой извозъ превращается въ перевозку грузовъ внутри большихъ городовъ. Прежніе извозчики сопровождали высоко нагруженные крытые возы, развѣзая по далекимъ странамъ съ шавками, бѣжавшими съ боку возовъ; ихъ влуконъ мы снова встрѣчаемъ теперь, по большей части, на телѣжкахъ, телѣгахъ съ кирпичомъ, на повозкахъ общества перевозки кладей и тому подобныхъ экипажахъ, циркулирующихъ по улицамъ нашихъ большихъ городовъ. Изъ 56853 человекъ, которые въ 1895 году занимались въ Германіи ломовымъ извозомъ, 15139 человекъ, то-есть, болыне четверти, приходилось на двадцать восемь большихъ городовъ (другими словами, городовъ, насчитывающихъ свыше ста тысячъ жителей).

Другое великое измѣненіе ломового извоза въ девятнадцатомъ столѣтіи заключается въ томъ, что эта профессія преобразовалась изъ ремесленнической организаціи въ капиталистическую; впрочемъ, этотъ преобразовательный процессъ происходитъ въ совершенно подобной же формѣ и въ промыслѣ легковаго извоза.

Насколько намъ извѣстно, въ началѣ девятнадцатаго столѣтія перевозка товаровъ сосредоточивалась въ рукахъ мелкихъ и самостоятельныхъ ломовыхъ извозчиковъ, которые часто даже являются организованными въ цехи; каждый изъ такихъ возницъ, ведя дѣло за собственный рискъ и счетъ, находился обыкновенно въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ отправителями и получателями; онъ перевозилъ товаръ относительно небольшими количествами, что соответствовало жалкому состоянію дорогъ того времени. Въ этомъ отношеніи многое измѣнилось уже въ теченіе первой половины истекшаго вѣка, даже когда народно-хозяйственная функція все еще заключалась въ перевозкѣ товара на большія разстоянія. Ызда ускорилась, грузы увеличились; то и другое стало возможнымъ благодаря все большему и большему улучшенію дорогъ. «Согласно наблюденіямъ надъ многими нѣмецкими дорогами,—пишетъ около середины рассматриваемаго нами сто-

лѣтія баронъ фонъ-Реденъ,—средняя величина груза, приходящагося на одну лошадь, тридцать лѣтъ тому назадъ равнялась отъ десяти до шестнадцати центнеровъ; двадцать лѣтъ тому назадъ—отъ двадцати до двадцати восьми центнеровъ; въ самое послѣднее время она возросла до двадцати восьми и тридцати двухъ центнеровъ; нерѣдки теперь и четырехлошадныя упряжки, которыя въ состояніи везти отъ ста до ста двадцати центнеровъ». Въ то же время ѣзда сдѣлалась болѣе правильною. Относительно доставки товаровъ на большую ярмарку въ Франкфуртъ Кантеръ сообщаетъ, что въ 1815 году ломовыя телѣги отправлялись на нес одинъ разъ въ недѣлю, тогда какъ въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія эти поѣздки сдѣлались ежедневными; таково было положеніе дѣлъ въ самой прогрессивной части Германіи; въ другихъ же областяхъ этой страны мы открываемъ ежедневно отправляющіяся ломовыя повозки только двадцать лѣтъ спустя. Затѣмъ, однако, мы наблюдаемъ, какъ экономическая структура ломового извознаго промысла измѣняется примѣнительно къ обстоятельствамъ. Прежде всего, повидимому, появленіе болѣе крупнаго экспедитора губить мелкаго ремесленника-ломовика. «Насколько вообще экспедиторы (которые занимаются товарнымъ извозомъ исключительно на болѣе далекихъ разстояніяхъ) могутъ быть полезны для ломового извозчика, настолько же недобросовѣстные экспедиторы могутъ оказаться притѣснителями извозчика, дѣлающагося жертвой ихъ произвола» (фонъ-Реденъ). Сперва ломовой возница попадаетъ лишь въ косвенную зависимость отъ капитала. Вскорѣ, однако, экспедиторъ становится организаторомъ транспорта; извозчики поступаютъ къ нему на службу, а, въ концѣ концовъ, лошади и экипажи становятся собственностью купца, извозчикъ же нисходитъ до положенія наемнаго работника у этого послѣдняго. Такимъ образомъ, завершается процессъ образованія капиталистическаго транспортнаго предпріятія. Что касается западной Германіи, то Кантеръ снова даетъ намъ наглядное описаніе такого преобразовательнаго процесса въ этой части страны. Названный авторъ полагаетъ, что въ этой высоко развитой области товарообращенія правильная перевозка кладей уже съ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія сосредоточивалась въ рукахъ крупныхъ предпринимателей (мѣстопробываніе которыхъ было въ Оффенбахѣ, Кэлѣ (Kehl) и Фридрихсгафенѣ); это предприниматели замѣняли собою въ то время наши управленія желѣзныхъ дорогъ въ дѣлѣ отправки товаровъ.

Между тѣмъ, современный ломовой извозъ (въ большихъ городахъ) часто съ самаго же начала возникалъ въ видѣ крупно-капиталистическаго предпріятія, и, во всякомъ случаѣ (поскольку этотъ промыселъ еще сохраняетъ ремесленную организацію), онъ обнаруживаетъ безспорно сильную тенденцію къ превращенію въ капиталистическую форму. Изъ вышеупомянутыхъ 56853 человекъ, занимавшихся въ 1895 году ломовымъ извозомъ, всего лишь 13943 участвовали въ предпріятіяхъ, насчитывавшихъ отъ шести до пятидесяти человекъ служащихъ, и 5111—въ предпріятіяхъ съ числомъ служащихъ, болѣе пятидесяти въ каждомъ. Но въ то время, какъ число людей, работавшихъ въ мелкихъ предпріятіяхъ съ числомъ служащихъ, меньшимъ пяти въ каждомъ, увеличилось съ 1882 г. только на 5,1% (при одновременномъ сокращеніи числа

предпріятій на 5,5%), количество участниковъ въ предпріятіяхъ средней величины увеличилось за тотъ же промежутокъ времени на 119,9%, а число участниковъ въ крупныхъ предпріятіяхъ—на 328,4%.

Та же тенденція, какъ сказано, господствуетъ и въ легковомъ извозѣ. Въ этомъ промыслѣ крупная компанія извозчиковъ и наемныхъ каретъ ссаживаетъ съ козелъ все большее и большее количество мелкихъ промышленниковъ. Къ сожалѣнію, преобразованія въ этой области транспортнаго дѣла еще менѣе доступны точному цифровому выраженію, такъ какъ официальная статистика стала лишь съ 1895 г. проводить весьма желательное различіе между «содержаніемъ почты» и «легковымъ извознымъ заведеніемъ» («Posthalterei und Personenfuhrwerk»), съ одной стороны, и «предпріятіемъ трамвайнаго сообщенія» («Strassenbahnbetrieb») — съ другой. Предпріятіе послѣдняго рода, конечно, всегда могло зиждиться только на крупно-капиталистической основѣ. Въ самомъ дѣлѣ, мы видимъ, что въ этой отрасли извознаго промысла въ 1895 году только двадцать восемь человекъ работали въ предпріятіяхъ съ числомъ служащихъ, меньшимъ пяти въ каждомъ (вообще трудно понять, что представляютъ собою эти девять трамвайныхъ предпріятій); въ «предпріятіяхъ средней величины» (отъ шести до пятидесяти человекъ служащихъ) работали 1422 человека, и, напротивъ, въ предпріятіяхъ съ персоналомъ служащихъ, болѣе пятидесяти, работали 16867 человекъ.

III. Внутреннее судоходство.

Вліяніе желѣзныхъ дорогъ на развитіе внутренняго судоходнаго сообщенія отличается по существу отъ ихъ вліянія на формы гужевого транспорта; какъ мы видѣли, именно желѣзныя дороги и вызвали мощный подъемъ въ развитіи гужевого извоза и пассажирской почты; но эти послѣдніе, послѣ неожиданнаго процвѣтанія въ теченіе жизни одного поколѣнія людей, низошли до положенія скромныхъ служителей желѣзныхъ дорогъ; между тѣмъ, первый результатъ дѣйствія желѣзныхъ дорогъ на внутреннее судоходное сообщеніе былъ, безъ сомнѣнія, какъ-разъ обратный и очень пагубный для внутренняго судоходства. Періодъ человѣческой жизни, въ теченіе котораго гужевой извозъ и пассажирская почта, подъ вліяніемъ желѣзныхъ дорогъ, переживали дѣйствительную эпоху расцвѣта, былъ эпохой застоя и даже регресса въ сферѣ внутренняго судоходнаго сообщенія. Но затѣмъ случилось нѣчто неожиданное: приблизительно за три послѣднія десятилѣтія истекшаго вѣка внутреннее судоходное сообщеніе вступаетъ въ новый, все еще продолжающійся періодъ подъема и развивается въ форму транспорта, которая играетъ по отношенію къ желѣзнымъ дорогамъ не служебную, а равноправную роль.

Однако, прежде чѣмъ заняться болѣе точнымъ изслѣдованіемъ исторіи внутренняго судоходнаго сообщенія въ вѣкъ желѣзныхъ дорогъ, намъ слѣдуетъ вспомнить, что этотъ родъ сношеній уже пережилъ въ девятнадцатомъ столѣтіи періодъ расцвѣта, прежде чѣмъ желѣзныя дороги стали

развиваться въ Германіи. Сказанное, во всякомъ случаѣ, относится къ самой важной, рѣчной, области, которая одна только и могла въ то время приниматься въ соображеніе, именно—къ Рейну. Съ конца двадцатыхъ, а въ особенности съ тридцатыхъ и еще болѣе съ сороковыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія развивается судоходство по Рейну и его притокамъ, причемъ это развитіе совершается въ неслыханно блестящей формѣ, если принять во вниманіе скромные размѣры германскаго народнаго хозяйства того времени. Соглашеніе относительно судоходства по Рейну, состоявшееся 31 марта 1831 года, оказало, повидимому, благоприятное вліяніе. Хотя это соглашеніе еще не уничтожало пошлинъ, но все же оно устраняло всякія ограниченія, стоявшія на пути свободному сообщенію по Рейну: «права поворота» (die Umschlagsrechte) исчезали, привилегіи корабельныхъ цеховъ отмѣнялись.

Судя по быстрому проникновенію въ область судоходства новой формы организаціи труда—капиталистической, мы можемъ прежде всего констатировать оживленіе, наступившее въ этой области вслѣдъ за вышеописаннымъ положеніемъ вещей; капитализмъ сразу же вводитъ новую транспортную технику—пароходство. Въ началѣ разсматриваемаго нами столѣтія судоходство по Рейну и его притокамъ всецѣло сосредоточивалось въ рукахъ самостоятельныхъ мелкихъ корабельщиковъ-ремесленниковъ, которые, какъ уже было указано выше, объединялись въ цехи и обладали привилегіями; эти корабельщики занимались своимъ промысломъ, пользуясь техническими приемами бурлаченія (тяги бечевы) «ряда» лодокъ или баржъ.

Съ тридцатыхъ годовъ истекшаго столѣтія эта чисто-ремесленническая организація преобразовывается въ двухъ направленіяхъ. Подобно тому, что мы наблюдали въ ломовомъ извозѣ, капиталъ начинаетъ проявлять свою дѣятельность и въ области судоходства только тѣмъ, что старается организовать судоходное сообщеніе путемъ экспедиторства; именно, учреждаются судоходныя конторы, которыя должны служить посредниками между отправителемъ и шкиперомъ. Мѣстами эти посредническія конторы развиваются въ самостоятельныя предпріятія, по порученію которыхъ мелкіе судовщики занимаются своимъ промысломъ. Но вскорѣ подобное, такъ сказать, капиталистическое экспедиторство находитъ себѣ мощную опору въ предпріятіяхъ буксирнаго судоходства, которыя начинаютъ быстро увеличиваться въ числѣ съ конца тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія. Эти послѣднія предпріятія, какъ указываетъ само ихъ названіе, учреждаются (въ большинствѣ случаевъ на капиталистической основѣ, относительно широкой для того времени) сперва съ цѣлью за плату буксировать противъ теченія баржи частныхъ судовщиковъ (которые пока еще сохраняютъ свою самостоятельность).

Буксирное судоходство возникло, въ свою очередь, изъ самостоятельнаго пароходнаго сообщенія, которое вначалѣ должно было служить преимущественно цѣлямъ пассажирскаго движенія. Въ концѣ тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія существовало уже нѣсколько такихъ пароходныхъ обществъ, а именно: Рейнское общество пароходства въ Кельнѣ, основанное въ 1826 году (съ акціонернымъ капиталомъ въ 240000 талеровъ), Нидерланд-

ское акціонерное общество пароходства; Общество пароходства по нижнему и среднему теченію Рейна, учрежденное въ 1836 году (съ акціонернымъ капиталомъ въ 550000 талеровъ). Какъ я уже сказалъ, эти предпріятія должны были служить прежде всего цѣлямъ пассажирскаго сообщенія, но уже съ самаго начала они стали заниматься попутно и фрахтовыми операціями на своихъ собственныхъ пароходахъ. Подобныя операціи относились по своимъ размѣрамъ къ пассажирскому движенію, какъ одинъ къ двумъ. Такъ, напримѣръ, первое изъ вышеперечисленныхъ обществъ (по словамъ Фербера) перевезло въ 1830 г. 23777 человекъ вверхъ и 28803 человека внизъ по теченію рѣки; при этомъ оно получило за перевозъ 134635 талеровъ (тогда какъ въ 1827 году имъ было получено всего 55498 талеровъ); товаровъ же имъ было перевезено 111834 центнера вверхъ и 60002 центнера внизъ по теченію рѣки; за эту перевозку вышеназванное общество получило 74657 талеровъ (въ 1827 году эта сумма составляла всего лишь 23388 талеровъ). Между тѣмъ, съ конца тридцатыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія людямъ пришла въ голову мысль воспользоваться силою самодвижущихся пароходовъ для буксирования другихъ судовъ (первоначально, какъ я уже сказалъ, прежнихъ корабельщицкихъ барокъ), вмѣсто того, чтобы употреблять эту силу для перевоза грузовъ на самихъ пароходахъ. По свидѣтельству Боргіуса, второе изъ вышеперечисленныхъ обществъ—Нидерландское акціонерное общество пароходства—открыло первое правильное буксированіе (въ 1838 году). Въ 1842 году Рейнское общество пароходства также начинаетъ заниматься пароходнымъ буксированіемъ. Но въ то же самое время теперь развивается чисто-буксирное общество судоходства въ качествѣ новой формы пароходнаго предпріятія. Первымъ изъ такихъ обществъ явилось Кельнское общество буксирнаго пароходства, основанное въ 1841 году (съ акціонернымъ капиталомъ въ 412500 талеровъ); затѣмъ вскорѣ стали открываться одно за другимъ такіе же предпріятія въ Майнцѣ (въ 1842 году), въ Мангеймѣ (въ 1843 году), въ Амстердамѣ (въ 1843 году), во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ 1844 году), въ Рурортѣ (въ 1845 и 1846 годахъ) и въ Дюссельдорфѣ (въ 1846 году).

Внутреннее судоходство, основывающееся на капиталистическихъ началахъ, достигаетъ въ своемъ развитіи слѣдующей ступени (и начало этого процесса, въ большинствѣ случаевъ, бываетъ весьма раннимъ), когда общества буксирнаго судоходства привлекаютъ въ сферу своихъ операцій также фрахтовое дѣло, то-есть, когда они начинаютъ перевозить товары за собственный счетъ и въ собственныхъ баржахъ (послѣднія представляютъ собою уже значительный успѣхъ по сравненію съ прежними парусными судами самостоятельныхъ корабельщиковъ). Въ настоящемъ случаѣ притяженіе производить тягу. Этимъ замыкается тогда кругъ капиталистической организаціи. Ремесленническое судоходство обрекается на вымирание. Процессъ развитія, который я только-что изобразилъ въ главныхъ чертахъ на примѣрѣ рейнскаго судоходства, является вообще типическимъ для внутренняго судоходства. Онъ совершается одинаковымъ образомъ на Везерѣ и Эльбѣ, на Одерѣ и на Вислѣ, на Мозелѣ и Неккарѣ; при этомъ мы не въ состояніи точно ограничить во времени этапы вышеописан-

наго развитія. Единственно, что намъ извѣстно, такъ это слѣдующее: поглощеніе ремесленническаго судоходства капиталистическимъ завершилось на Рейнѣ и Эльбѣ быстрее, чѣмъ на остальныхъ водныхъ путяхъ Германіи; въ настоящее же время капиталистическая организація внутренняго судоходства почти всюду одержала побѣду (сообщая это, я тѣмъ самымъ предупреждаю мое дальнѣйшее изложеніе). Ниже я еще сдѣлаю нѣкоторые указанія на успѣхи названной организаціи, совершенные ею за самое послѣднее время. Пока же возвратимся къ тому пункту, до котораго мы прослѣдили развитіе судоходства по Рейну.

Какъ уже явствуетъ изъ приведенныхъ до сихъ поръ указаній, рейнское судоходство переживало блестящій періодъ подъема вплоть до сороковыхъ годовъ девятнадцатаго столѣтія.

Къ сожалѣнію, у насъ нѣтъ надежныхъ статистическихъ данныхъ, на основаніи которыхъ можно было бы доказать съ цифрами въ рукахъ быстрое расширеніе рейнскаго судоходства, происходившее въ теченіе вышеозначенныхъ десятилѣтій истекшаго вѣка. Тѣмъ не менѣе, нѣсколько рядовъ цифръ являются въ нашихъ глазахъ желательнымъ подтвержденіемъ вывода, полученнаго инымъ путемъ. Такимъ образомъ, чрезъ Маннгеймъ было провезено вверхъ по рѣкѣ (по словамъ Боргіуса) въ 1828 году 507323 центнера, а въ 1835 году—1014909 центнеровъ. Общество буксирнаго судоходства въ Маннгеймѣ, основанное въ 1843 г., перевезло вверхъ по рѣкѣ въ Кобленцъ всего 23542 центнера въ 1843 году, а въ 1846 году уже 292326 центнеровъ (свидѣтельство того же автора). Число людей, перевезенныхъ рейнскимъ обществомъ пароходства, поднялось съ 52580 человекъ въ 1830 году до 601982 человекъ въ 1852 году; за тотъ же промежутокъ времени количество товаровъ, перевезенныхъ тѣмъ же обществомъ, возросло съ 171836 центнеровъ до 472740 центнеровъ (фонъ-Реденъ). Количество каменнаго угля, спускающагося по Руру, составляло въ 1831 году 5,7 милліоновъ центнеровъ, а въ 1847 году уже 16,6 милліоновъ (показаніе того же автора). Хотя при сравненіи съ теперешнимъ сообщеніемъ эти цифры ничтожны, тѣмъ не менѣе, изъ нихъ можно заключить объ относительно необыкновенномъ подъемѣ судоходнаго сообщенія.

Но около середины столѣтія этотъ пышный расцвѣтъ сдѣлался жертвою убійственной изморози; конкуренція желѣзныхъ дорогъ сдѣлалась чувствительной. Жалобы стали раздаваться по всѣмъ угламъ и закоулкамъ. И, въ самомъ дѣлѣ, точное изслѣдованіе извѣстныхъ намъ цифровыхъ данныхъ относительно сообщенія доказываетъ, что около того времени судовое сообщеніе останавливается въ своемъ развитіи, то-есть, оно не измѣняется въ количественномъ отношеніи или даже идетъ назадъ. Если же принять въ соображеніе, какъ великъ былъ численный ростъ судоходныхъ предпріятій въ сороковыхъ, а отчасти еще и въ началѣ пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, то станетъ совершенно понятнымъ то состояніе нужды и стѣсненія, въ которомъ очутились, главнымъ образомъ, болѣе мелкіе судовладельцы. «Перевозъ... вызвалъ конкуренцію въ судоходномъ промыслѣ, которая истощаетъ силы... болѣе слабыхъ судовладельцевъ»,—писалъ въ 1854 г. фонъ-Реденъ, основываясь на отчетахъ Мюльгеймской торговой палаты. Приведемъ

здѣсь нѣсколько цифръ (изъ превосходнаго, оригинальнаго сочиненія фонъ-Редена). Въ Кельнѣ спускалось внизъ по теченію 1,5 милліона центнеровъ въ 1845 году и 1,18 милліона центнеровъ въ 1851 году, а сплавлялось оттуда же внизъ по рѣкѣ 0,3 милліона въ 1845 году и 0,27 милліона въ 1851 году. По свободному теченію Рейна за промежутокъ времени съ 1847 по 1852 годъ были отправляемы въ Везель ежегодно слѣдующія количества грузовъ въ милліонахъ центнеровъ: 0,60; 0,21; 0,38; 0,25; 0,37; 0,30; внизъ же по рѣкѣ за эти годы были отправлены слѣдующія количества грузовъ: 0,51; 0,49; 0,45; 0,52; 0,52; 0,46 милліона центнеровъ. За этотъ же промежутокъ времени судоходное сообщеніе по Липпе выразилось въ слѣдующихъ цифрахъ: 0,39; 0,16; 0,12; 0,12; 0,12; 0,13 милліона центнеровъ (вверхъ по рѣкѣ) и 0,71; 0,73; 0,56; 0,70; 0,71; 0,52 милліона центнеровъ (внизъ по рѣкѣ). Изъ Дуйсбурга было отправлено: въ 1850 году 0,497 милліона центнеровъ, въ 1851 году 0,458 милліона, въ 1852 году 0,309 милліона. Равнымъ образомъ отправка каменнаго угля по Руру достигаетъ своего апогея въ 1847 году, когда она составляетъ 16,7 милліоновъ центнеровъ; въ слѣдующіе годы она равняется: 13,5; 12,4; 16,1; 15,3 милліонамъ центнеровъ. Но, по всей вѣроятности, конкуренція желѣзныхъ дорогъ, собственно говоря, только и начинается съ пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія, потому что лишь въ это время ихъ сѣтъ начинается заканчиваться мало-по-малу. Однако, именно развитіе судоходнаго сообщенія по Одру показываетъ, какъ сильно желѣзныя дороги могли вредить судоходству. На этой рѣкѣ у Олау (Ohlau) прошли черезъ корабельный шлюзъ за пятилѣтіе съ 1843 по 1847 годъ 10,16 милліоновъ центнеровъ зафрахтованнаго товара, а за пятилѣтіе съ 1863 по 1867 годъ всего лишь 4,08 милліона центнеровъ («Statistisches Jahrbuch»). Въ концѣ 1846 года была достроена главная линія Верхне-Силезской желѣзной дороги; въ томъ же году по этому новому пути сообщенія было перевезено 1,44 милліона центнеровъ товара; напротивъ, въ 1856 году это количество равнялось уже 18,05 милліонамъ центнеровъ, а въ 1865 году—45,78 милліонамъ («Юбилейная записка» [Festschrift] за 1867 г.). Поэтому почти можно было думать, что желѣзныя дороги вытѣснили и внутреннее судоходство такъ же, какъ онѣ вытѣснили ломовыя телеги, развѣзжающія по странѣ. Вообще желѣзныя дороги считались просто-таки высшимъ средствомъ сообщенія, единодержавіе котораго составляетъ лишь вопросъ времени.

Послѣ этого наступилъ неожиданный поворотъ: внутреннее судоходство стало вновь находить себѣ горячихъ защитниковъ. Въ 1869 году въ Берлинѣ было учреждено «Центральное общество для поднятія нѣмецкаго судоходства по рѣкамъ и каналамъ» («Zentralverein für Hebung der deutschen Fluss- und Kanalschiffahrt»), задача котораго стояла въ пропагандѣ внутренняго судоходства. Успѣхъ дѣятельности этого общества оказался изумительнымъ: не только общественное мнѣніе по данному предмету радикально измѣнилось, такъ что судоходство по рѣкамъ, а въ особенности по каналамъ сдѣлалось популярно, но и въ дѣйствительности совершился подъемъ нѣмецкаго внутренняго судоходства въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій, подъемъ, котораго никто не рѣшился бы раньше предсказать.

На основании цифръ, которыя я сообщаю въ приложеніи за № 23, замѣствуя ихъ изъ официальной статистики, можно вывести заключеніе о могущемъ развитіи нашихъ средствъ сообщенія за послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Однако, не только сообщенія по внутреннимъ воднымъ путямъ Германіи очень замѣтно усилились за указанный промежутокъ времени (мѣстами они даже удесятились); но (хотя вполнѣ надежныхъ результатовъ сравненія мы не въ состояніи получить, такъ какъ статистика внутреннего судоходства не даетъ намъ указаній относительно количества сдѣланныхъ тоннъ-километровъ), по-видимому, развитіе внутреннего судоходства было болѣе интенсивнымъ и быстрымъ, чѣмъ развитіе желѣзнодорожнаго сообщенія. На этотъ выводъ указываютъ, по крайней мѣрѣ, тѣ цифры, которыя нѣсколько лѣтъ тому назадъ вычислилъ совѣтникъ строительнаго комитета Зимферъ (Sympher); я привожу эти результаты вычисленій, всецѣло полагаясь на авторитетъ ихъ автора, въ приложеніи за № 24. Правда, согласно этимъ даннымъ, доля участія внутреннего судоходства въ общемъ обращеніи товаровъ (что касается пассажирскаго движенія, то оно еще невелико во внутреннемъ судоходномъ сообщеніи) приблизительно оставалась безъ измѣненія за двадцатилѣтній промежутокъ времени, отъ 1875 до 1895 года (22%—21%). Тѣмъ не менѣе, если принять во вниманіе, что длина желѣзнодорожныхъ линій почти удвоилась въ теченіе этихъ двадцати лѣтъ, тогда какъ протяженіе внутреннихъ водныхъ путей осталось приблизительно то же (Зимферъ предполагаетъ даже, что оно совершенно не увеличилось), то станетъ ясно слѣдующее: сообщеніе по внутреннимъ воднымъ путямъ возросло гораздо быстрее, чѣмъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Но общія цифровыя данныя станутъ еще болѣе убѣдительными, когда мы ихъ дополнимъ имѣющимися у насъ указаніями относительно обращенія извѣстныхъ товарныхъ предметовъ по разнымъ отдѣльнымъ мѣстамъ. Такъ, на-примѣръ, ежегодная хлѣбная торговля Маннгейма за трехлѣтіе съ 1875 по 1877 годъ въ среднемъ распредѣлялась слѣдующимъ образомъ: по желѣзной дорогѣ привозилось 79953 тонны, а подвозъ по водѣ равнялся 73318 тоннамъ; въ противоположность этому, за трехлѣтіе съ 1896 по 1898 годъ ежегодный подвозъ водою того же товара равнялся въ среднемъ 832000 тоннъ, тогда какъ общій подвозъ по желѣзной дорогѣ составлялъ всего лишь 510263 тонны. (Эти вычисления получены на основаніи данныхъ Гейбаха въ трудахъ Общества социальной политики [Verein für Sozialpolitik], томъ 89, стр. 448).

Перевѣсъ воднаго транспорта надъ сухопутнымъ обнаруживается еще яснѣе въ пересылкѣ керосина. Между тѣмъ какъ Маннгеймъ за трехлѣтіе съ 1875 по 1877 годъ въ среднемъ получалъ ежегодно водою 6474 тонны керосина и 4146 тоннъ по желѣзной дорогѣ, въ концѣ столѣтія (средняя годовая получка за 1896—1898 годы) второе изъ приведенныхъ количествъ увеличилось незначительно (оно достигло 4851 тонны), тогда какъ доставка керосина водою поднялась до 120333 тоннъ.

Но что же привлекло вновь симпатіи дѣлового міра ко внутреннему судоходству, несмотря на несомнѣнные во многихъ отношеніяхъ недостатки этого средства сообщенія (вслѣдствіе періодическихъ перерывовъ сношеній, большей

медлительности ихъ и т. п.)? Очевидно, съ возрастаніемъ интенсивности сообщенія и конкуренціи два обстоятельства должны были пріобрѣтать все больше и больше значенія; это была, во-первыхъ, бѣлая грузоспособность внутреннего судоходства, которая можетъ оказаться важной, на-примѣръ, при чрезмѣрно обильномъ производствѣ угля (вспомнимъ о хроническомъ недокватѣ вагоновъ въ каменно-угольныхъ округахъ); но особенно важную роль въ этомъ случаѣ сыграла безусловно бѣлая дешевизна фрахта. Этотъ послѣдній моментъ доставилъ рѣшающее преобладаніе водному транспорту передъ сухопутнымъ, въ особенности со времени тяжелаго періода застоя, который охватилъ въ семидесятыхъ годахъ очень многіе отрасли германской крупной промышленности и торговли. Бѣлая дешевизна фрахта по водному пути основывается отчасти на самой technikѣ транспорта. По указаніямъ майора Курса, большая желѣзная буксирная лодка, которая плаваетъ въ настоящее время по Рейну, и вмѣстимостъ которой равна двумъ тысячамъ тоннъ, стоила въ 1897—1898 годахъ около девяноста или девяноста пяти тысячъ марокъ, включая сюда и стоимость ея оснащенія; слѣдовательно, одна тонна трюмового пространства такой барки стоитъ отъ сорока пяти до сорока восьми марокъ. Напротивъ, въ то же самое время ломовая телега вмѣстимостью въ десять тоннъ стоила около двухъ тысячъ четырехсотъ марокъ, такъ что одна тонна на телегѣ стоила двѣсти сорокъ марокъ. Къ этому надо прибавить, что рѣчное судно нуждается въ меньшей силѣ тяги: лошадь везетъ со скоростью одного метра въ секунду по рельсамъ горизонтальнаго желѣзнодорожнаго полотна пятнадцать тоннъ, а по горизонтальной поверхности воды—отъ шестидесяти до ста тоннъ. Отчасти же бѣлая дешевизна воднаго транспорта основывается на томъ, что заинтересованныя лица уплачиваютъ проценты по государственнымъ капиталамъ, затраченнымъ на регулированіе теченія рѣкъ и сооруженіе каналовъ, въ формѣ иного рода налоговъ, чѣмъ проценты на закладку желѣзныхъ дорогъ. Вычислили, что ежегодный расходъ одного только Прусскаго государства на содержаніе судоходныхъ путей превышаетъ почти на двадцать милліоновъ доходовъ, поступающихъ по этой статьѣ; между тѣмъ, какъ прусскія желѣзныя дороги приносятъ государству сотни милліоновъ чистой прибыли. Во всякомъ случаѣ, твердо установленъ тотъ фактъ, что въ настоящее время сообщеніе по водному пути обходится гораздо дешевле, чѣмъ по желѣзной дорогѣ: на каналѣ Эмсъ-Яде, длиною въ двадцать три километра, провозъ товаровъ въ тюкахъ стоитъ около 1,5 пфеннига за тонну и километръ (на прусскихъ же желѣзныхъ дорогахъ провозъ тонны на разстояніе одного километра стоитъ отъ шести до одиннадцати пфенниговъ); провозъ одного тоннъ-километра по Эльбингъ-Оберлендишскому водному пути къ Данцигу стоитъ отъ 1,9 до 2,6 пфенниговъ для дерева, провозимаго на баржахъ; на протяженіи между Штеттиномъ и Берлиномъ—отъ 1,0 до 1,6 пфеннига для дерева, отъ 2,1 до 3,3 пфенниговъ для товаровъ въ тюкахъ; между Магдебургомъ и Штеттиномъ отъ 2,1 до 2,6 пфенниговъ для товаровъ въ тюкахъ; между Бромбергомъ и Гамбургъ стоитъ отъ 1,4 до 1,9 пфеннига за одинъ тоннъ-километръ. Всѣ эти водные пути отчасти искусственны. Между тѣмъ, массовые товары перевозятся на вольныхъ большихъ

рѣкахъ какъ Эльба или Рейнъ, по тарифу отъ 0,8 до 0,6 пфеннига и даже еще болѣе низкому за одинъ тоннъ-километръ; тогда какъ (если не принимать во вниманіе исключительныхъ тарифовъ, которые, впрочемъ, и спускаются только до 1,5 пфеннига) ставки желѣзнодорожнаго тарифа (спеціальныя тарифы, III) равняются 2,2 пфеннигамъ. (Фрахтовыя ставки приведены по даннымъ майора Курса. Основательныя изслѣдованія Густава Зейбта въ «Schmollers Jahrbuch», томъ 26, за 1902 годъ, въ сущности приводятъ къ тѣмъ же цифрамъ).

Однако, внутреннее судоходство получило дѣйствительную возможность транспортировать грузы по столь низкимъ тарифнымъ ставкамъ только послѣ осуществленія ряда условий, среди которыхъ впереди всѣхъ стоитъ сооруже- ніе пригоднаго воднаго пути. Только за время жизни послѣд- няго поколѣнія людей всѣ германскія рѣки сдѣлались цѣлкомъ доступны со- общенію, и—что, кажется, еще важнѣе—онѣ приведены въ такое состояніе, ко- торое дѣлаетъ возможнымъ правильное судоходство по нимъ съ большими су- дами; въ самомъ дѣлѣ, выправленія рѣчныхъ руселъ и канализація рѣкъ отно- сятся почти исключительно къ послѣднимъ двадцати годамъ. Одно только Прус- ское государство израсходовало съ 1866 до 1897/98 года приблизительно одну треть милліарда марокъ (322,8 милліона) на приведеніе рѣкъ въ судоходное состояніе и на регулированіе ихъ теченія. Въ концѣ разсматриваемаго нами столѣтія огромное большинство германскихъ водныхъ путей было доведено до глубины, по крайней мѣрѣ, въ одинъ метръ, а значительная треть ихъ имѣетъ фарватеръ въ полтора и даже слишкомъ метра; по даннымъ «Статистическаго ежегодника» («Statistisches Jahrbuch»), изъ 14168,31 километровъ водныхъ путей въ 1900 году 2226,14 километровъ и мѣли фарватеръ въ 1,75 метра и глубже, 3012,95 километровъ—фарватеръ въ полтора метра, а 7075,43 киломе- тровъ—фарватеръ глубиною больше одного метра.

Кромѣ того, организація внутренняго судоходства должна была въ то же время и усовершенствоваться, чтобы имѣть возможность использовать для сообщенія вышеуказанныя благоприятныя усло- вія и успѣхи гидротехники. Объ этомъ озаботился капитализмъ, который снова начинаетъ интересоваться этой отраслью транспорта, пренебрегавшеюся въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій; въ семидесятыхъ годахъ истекшаго вѣка этотъ ин- тересъ проявляется спорадически, а въ восьмидесятыхъ и частью въ девяно- стыхъ—живо и настойчиво. Въ продолженіе только восьмидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія были основаны четырнадцать акціонерныхъ обществъ буксир- наго судоходства и товарнаго транспорта по внутреннимъ воднымъ путямъ, въ девяностыхъ же годахъ къ нимъ прибавилось еще шесть обществъ. Сверхъ того, уже существующія буксирныя и товарно-транспортныя компаніи почти сплошь увеличили свой капиталъ выпускомъ новыхъ акцій или заключеніемъ займовъ. Другія же изъ нихъ слились въ общества болѣе крупныя.

Примѣромъ первой формы капиталистическаго развитія является бре- славльское акціонерное общество—«Союзъ судовладѣльцевъ» («Rhederei verein- iger Schiffer»). Онъ былъ основанъ въ 1888 году съ капиталомъ въ семьдесятъ двѣ тысячи марокъ. Акціонерный капиталъ этой компаніи поднялся въ 1890 г.

до двухсотъ тысячъ марокъ, въ 1891 году до трехсотъ тысячъ, въ 1892 году до трехсотъ шестидесяти тысячъ, въ 1895 году до одного милліона марокъ, въ 1897 году до полутора милліона и въ 1899 году до двухъ милліоновъ. 27 апрѣля 1901 года акціонерный капиталъ компаніи повысился до 2750000 ма- рокъ, но послѣдній выпускъ акцій въ 750000 марокъ уже не могъ разойтись.

Для другого рода концентраціи капитала характерна исторія «Цѣппи» («Kette») — германскаго общества судоходства по Эльбѣ, находящагося въ Дрезденѣ. Эта компанія была основана въ 1869 году съ капиталомъ въ 2400000 ма- рокъ; въ 1877 году она купила общество фрахтоваго судоходства въ Юбигау, въ 1881 г.—общество пароходства на Эльбѣ и Гамбургско-Магдебургскую пароходную компанію. Для этихъ приобрѣтеній акціонерный капиталъ «Цѣппи» поднялся до 7200000 марокъ (въ 1893 году онъ снова спустился до 6450000 марокъ); это повышеніе акціонернаго капитала было осуществлено посредствомъ займа въ 1800000 марокъ.

Повидимому (какъ я уже замѣтилъ въ другомъ мѣстѣ), переходъ вну- тренняго судоходства къ капиталистической органи- заціи почти завершился въ концѣ девятнадцатаго столѣтія. Про- мышленная статистика 1895 года еще указываетъ намъ, правда, цѣлое множе- ство болѣе мелкихъ судоходныхъ предпріятій; для этого стоитъ лишь со- слаться на приложение за № 25, въ которомъ сопоставлены главнѣйшія дан- ныя. Однако, большая часть этихъ мелкихъ судовщиковъ, навѣрно, находится въ зависимости отъ крупныхъ компаній даже въ томъ случаѣ, когда первые еще представляютъ собою судовладѣльцевъ, которые занимаются своей про- фессіей на ремесленныхъ началахъ; эта зависимость можетъ выражаться то въ доставленіи капиталистическими компаніями тяги, нужной для поднятія судна противъ теченія, то въ пересылкѣ фрахтовъ, которая въ настоящее время со- вершается, главнымъ образомъ, черезъ посредство болѣе значительныхъ конторъ. Профессиональные судовщики-ремесленники занимаютъ въ отношеніи капитала то же самое положеніе, какъ мелкіе столярные мастера, работающіе на магазины.

Тѣмъ не менѣе, мы можемъ констатировать, что капитализмъ не создалъ ничего великаго въ дѣлѣ организаціи сообщений по внутреннимъ воднымъ пу- тямъ. Само собою разумѣется, что сила пара вошла во всеобщее употребленіе. На ряду съ этимъ, усовершенствованіе транс- портныхъ судовъ составляло предметъ особенныхъ заботъ. Новыя бу- ксирныя баржи, въ особенности на Рейнѣ, выстроены изъ желѣза или стали, а ихъ грузоспособность постоянно увеличивается. Между тѣмъ какъ въ 1877 г. изъ 16893 (рѣчныхъ) парусныхъ судовъ (общая вмѣстимость которыхъ равнялась 1396005 тоннамъ) только 1531 имѣли вмѣстимость отъ полутора до трехсотъ тоннъ, а 404 свыше трехсотъ тоннъ, въ 1897 году (изъ общаго количества 20360 судовъ вмѣстимостью въ 3266087 тоннъ) 2750 относились къ судамъ перваго рода и 2463—къ судамъ втораго рода, въ то же время число совсѣмъ маленькихъ барокъ, вмѣстимостью меньше двадцати тоннъ, сократилось за вышеуказанный промежутокъ времени (съ 1877 до 1897 года) съ 2251 до 1986 («Statistisches Jahrbuch»). Согласно выводамъ Густава Зейбта, полу-

чается слѣдующая картина, на которой главные черты вышеописанной эволюции выступают съ еще большей ясностью: особенно большія суда вмѣщали: на Рейнѣ—въ 1840 г. четыреста тоннъ, въ 1880 году восемьсотъ тоннъ и въ 1900 г. двѣ тысячи тоннъ; на Эльбѣ—въ 1840 году полтораста тоннъ, въ 1880 году шестьсотъ тоннъ и въ 1900 восемьсотъ тоннъ; на Одерѣ максимальная вмѣстимость судна въ вышеуказанныя три даты равнялась семидесяти пяти, полтораста и четыреста пятидесяти тоннамъ.

Но затѣмъ одинъ принципъ современного транспорта, который впервые нашелъ себѣ примѣненіе въ Америкѣ, сталъ все болѣе и болѣе распространяться и въ Германіи; я имѣю въ виду принципъ «свободнаго разлива» или транспортированія жидкостей въ такъ называемыхъ цистернахъ, безъ предварительной укупорки ихъ въ отдѣльные сосуды. Мнѣ кажется, что этотъ родъ транспорта особенно способствовалъ расцвѣту внутренняго судоходства. Очевидно, въ самомъ дѣлѣ, что при пересылкѣ товара массою большой пловучій сосудъ представляетъ значительныя преимущества по сравненію съ желѣзнодорожнымъ вагономъ, уступающимъ цистернѣ по величинѣ; къ тому же лишь при массовой пересылкѣ въ цистернѣ мы въ состояніи воспользоваться съ выгодой всѣмъ тѣмъ искуснымъ аппаратомъ, при помощи котораго совершается механическое перенесеніе грузовъ изъ одного помѣщенія въ другое (патерностеры, насосы, атвудовы и спускныя машины). Вслѣдствіе этого мы и видимъ, что въ настоящее время по водному пути стараются перевозить преимущественно тѣ товары, которые можно пересылать массою или въ цистернѣ; сюда относятся: каменный уголь, руда, хлѣбъ въ зернѣ, керосинъ.

Такимъ образомъ, внутреннее судоходство въ его новой крупно-капиталистической формѣ, повидимому, въ состояніи, дѣйствительно, конкурировать на равныхъ началахъ съ желѣзными дорогами; при этомъ вопросъ о тарифномъ соперничествѣ между водными и желѣзнодорожными путями сообщенія (играющей случайную роль въ исторіи Германіи) сводится къ вопросу о значеніи частной индустрии, какъ конкурента, по отношенію къ учрежденію государственной монополіи—къ желѣзной дорогѣ, и потому мы можемъ его совсѣмъ здѣсь не разсматривать. Въ самомъ дѣлѣ, вовсе не касаясь означеннаго вопроса, можно считать значительной экономической выгодой для страны, если въ послѣдней развивается такое учрежденіе, которое стремится использовать въ качествѣ путей сообщенія, главнымъ образомъ, естественныя водныя пути—дары природы. И не подлежитъ сомнѣнію, что возродившееся къ новой жизни внутреннее судоходство сыграло немаловажную роль въ хозяйственномъ подъемѣ Германіи, совершившемся въ теченіе жизни послѣдняго поколѣнія людей.

IV. Морское судоходство.

Въ самомъ началѣ девятнадцатаго столѣтія морское судоходство Германіи сохраняло почти неизмѣнными тѣ же формы, которыя въ немъ выработались на исходѣ среднихъ вѣковъ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда величина судна не допускала

чисто-ремесленнической организаціи судоходства, арматорство или примыкало къ торговлѣ въ качествѣ побочнаго промысла купца (правильнѣе говоря, въ качествѣ вспомогательной операціи), или же, когда оно составляло предметъ самостоятельнаго промысла, удерживалось въ формѣ товарищескаго или пайщицкаго арматорства, организованнаго болѣе или менѣе капиталистически. По свѣдѣніямъ извѣстнаго гамбургскаго арматора Сломана, которыя онъ сообщаетъ въ воспоминаніяхъ о своей жизни, «за небольшими исключеніями» самостоятельнаго арматорства не существовало еще даже въ тридцатыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія. «Значительные (торговые) дома,—пишетъ Сломанъ,—имѣли всегда одно или нѣсколько судовъ; и я почти склоненъ думать, что обладаніе послѣдними, по общераспространенному воззрѣнію, было необходимо для положенія означенныхъ торговыхъ предпріятій». Нашъ авторъ прибавляетъ, что въ Бременѣ самостоятельный арматорскій промыселъ уже былъ болѣе развитъ въ то время. Кромѣ того, такого рода арматорство основывалось на совмѣстной дѣятельности нѣкотораго количества «пайщиковъ» («Partner») или товарищей, одинъ изъ которыхъ обыкновенно являлся капитаномъ корабля. «Этотъ послѣдній часто бралъ на себя инициативу образованія арматорскаго предпріятія, въ которомъ онъ прежде всего находилъ для себя прочное положеніе; родственники и друзья ссужали его деньгами, нужными для взноса его доли капитала, что гарантировало его отъ болѣе или менѣе легкой возможности быть прогнаннымъ съ мѣста. Корабельные маклера, поставщики провіанта, страховщики и другіе участники въ предпріятіи, которые зарабатывали деньги судоходнымъ промысломъ, также вносили деньги въ предпріятіе. Равнымъ образомъ и судостроитель часто долженъ былъ принимать участіе въ дѣлѣ, если только онъ брался за постройку судна, чтобы имѣть заработокъ по своей специальности» (Э. Фиттеръ).

Въ девятнадцатомъ столѣтіи арматорство прежде всего дѣлается самостоятельнымъ. Правда, и въ настоящее время еще вовсе не рѣдки случаи, когда большіе торговые дома, находящіеся въ портовыхъ городахъ, посылаютъ въ море свои собственные корабли. Но, все-таки, эти случаи представляютъ собою исключеніе; правиломъ же является отдѣльность торговаго предпріятія отъ арматорскаго.

Между тѣмъ, арматорство, какъ самостоятельный промыселъ, привело въ своемъ развитіи (что и можно было ожидать) къ образованію чисто-капиталистической организаціи. Я имѣю въ виду слѣдующее: появленіе современнаго намъ крупнаго арматорскаго промысла означаетъ постепенное отступленіе назадъ лично-техническаго момента въ организаціи, увеличивающееся овеществленіе отношеній, съ которыми мы уже познакомились въ другихъ областяхъ экономической жизни, какъ съ выраженіемъ чисто-капиталистическаго формообразованія.

Мы видѣли, что первоначально арматорское предпріятіе возникаетъ изъ соединенія имущества частныхъ лицъ, которыя или имѣютъ близкое отношеніе къ судоходству, или сами занимаются этой профессіей. Въ настоящее время подобная заинтересованность специалиста, подобная, такъ сказать, узко-профессіональная окраска встрѣчается по большей части еще тамъ, гдѣ арма-

торством занимаются отдельные лица. Однако, это имѣетъ мѣсто обыкновенно только въ арматорскихъ предпріятіяхъ средней величины и въ болѣе мелкихъ, особенно же въ предпріятіяхъ паруснаго судоходства; въ обѣихъ главныхъ гаваняхъ Германіи частныя предпріятія составляютъ только небольшой процентъ всѣхъ судоходныхъ предпріятій вообще; такъ, въ Бременѣ всего около одной пятой части арматорства находится въ рукахъ отдельныхъ арматоровъ или, можетъ-быть, арматоровъ-товарищей (въ области паруснаго судоходства). Все же остальное арматорство организовано въ той формѣ, которая развилась изъ товарищескихъ или отдельныхъ арматорскихъ предпріятій и замѣстила ихъ собою; я имѣю въ виду здѣсь форму акціонернаго общества. Но, очевидно, это послѣднее отличается отъ прежнихъ арматорскихъ предпріятій на паяхъ, главнымъ образомъ, безличнымъ характеромъ паевъ. Прежній арматорскій пай былъ неотчуждаемъ; обладаніе имъ устанавливало длительную связь между пайщикомъ и кораблемъ, въ судьбахъ котораго первый являлся заинтересованнымъ. Между тѣмъ, акція—это бумага на предъявителя, которая въ большинствѣ случаевъ имѣетъ известную цѣнность въ биржевой торговлѣ. Держатели акціи мѣняются и уже болѣе не находятся въ личномъ отношеніи къ какому-либо отдельному судну.

Эмилю Фитгеру мы обязаны самымъ новѣйшимъ, превосходнымъ изслѣдованіемъ о современномъ морскомъ судоходствѣ, опубликованномъ въ «Запискахъ Общества социальной политики» («Schriften des Vereins für Sozialpolitik»), томъ 103; этотъ авторъ показалъ, какъ въ теченіе послѣднихъ десятилѣтій акціонеры судоходныхъ компаній, мало-по-малу, измѣняютъ свой характеръ; тогда какъ первоначально капиталъ даже болѣе крупныхъ арматорскихъ предпріятій образовывался въ самихъ приморскихъ городахъ, въ настоящее время внутреннія области страны и даже заграница начинаютъ принимать все больше и больше участія въ составленіи этого капитала; крупные берлинскіе банки берутъ на себя выпускъ займовъ и новыхъ акцій, которыя или разсѣиваются по всему земному шару, или же остаются въ портфеляхъ значительныхъ банковыхъ учреждений. Недаромъ представители этихъ послѣднихъ уже засѣдаютъ въ совѣтахъ правленія крупныхъ судоходныхъ предпріятій; такимъ образомъ, и въ разсматриваемой нами сферѣ хозяйственной жизни достигнута наивысшая ступень капиталистической организаціи—организація вполне абстрактная и совершенно безличная.

Можно видѣть, однако, какое плодотворное дѣйствіе оказываетъ на арматорство вышеописанный ходъ развитія дѣла. Въ дѣйствительности только теперь широкій потокъ капитала устремился въ эту область экономической жизни. Достаточно бросить взглядъ на цифровыя данныя приложенія № 26, чтобы получить представленіе о мощности капиталистическаго расширенія нѣмецкаго морского судоходства во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія. Въ 1839 году старикъ Сломанъ вызываетъ къ жизни первое гамбургское пароходное общество («Ганзейское нѣмецкое общество»—«Hanseatische deutsche Gesellschaft»), весь акціонерный капиталъ котораго равнялся приблизительно тремстамъ тысячамъ марокъ, помещеннымъ въ банкъ; сынъ Сломана

сообщаетъ намъ по этому поводу слѣдующее: «Всѣ въ Гамбургѣ были изумлены, какъ могъ мой отецъ рѣшиться подписать въ пользу предпріятія сумму, равную семидесяти пяти тысячамъ марокъ». Въ концѣ же истекшаго вѣка бюро «Веритасъ» насчитывало въ Германіи 115 судоходныхъ обществъ, снаряжающихъ въ море желѣзные парусныя суда, и 256 пароходныхъ компаній; изъ нихъ одни только двадцать девять акціонерныхъ обществъ съ акціонернымъ капиталомъ, превосходящимъ миллионъ марокъ для каждого, имѣли почти свыше полмилліарда марокъ капитала, помещенныхъ въ судоходномъ промыслѣ. Разсмотрѣвъ даты основанія и увеличенія капиталовъ отдельныхъ судоходныхъ обществъ,—даты, приведенныя мною въ обзорѣ послѣднихъ, мы также можемъ приблизительно убѣдиться въ постепенномъ движеніи вверхъ въ настоящее время капитализма, организующаго морское судоходство.

Между тѣмъ, подробное изученіе цифръ даетъ намъ еще больше; именно, оно намъ показываетъ, какъ на ряду съ тенденціей капитализма къ расширенію въ данной сферѣ помещенія капиталовъ обнаруживается с и л ъ н а я тенденція къ концентраціи, параллельная первой. Почти всѣ общества увеличиваютъ свои капиталы съ теченіемъ времени; главнымъ же образомъ, это относится къ болѣе крупнымъ и самымъ крупнымъ изъ нихъ. Послѣднія, каковы, напримѣръ, Гамбургско-американская компанія пароходства и Сѣверо-германскій ллойдъ (der Norddeutsche Lloyd), совершенно готовы поглотить наибольшую часть всего арматорства ихъ области. Еще двадцать лѣтъ тому назадъ флотъ Сѣверо-германскаго ллойда заключалъ въ себѣ едва лишь какую-нибудь пятую часть всего бременскаго флота (18,4%); въ концѣ же истекшаго столѣтія первый почти равнялся половинѣ второго (46,3%). Оба величайшія судоходныя предпріятія Бремена владѣли въ 1882 г. немного больше одной пятой части судовъ бременскаго флота (21,2%); тогда какъ въ 1900 г. общее количество ихъ судовъ составляло три пятыхъ (61,4%) послѣдняго (согласно свѣдѣніямъ Бременской торговой палаты). Положеніе вещей въ Гамбургѣ отличается лишь немногимъ отъ бременскаго. Между тѣмъ, намъ легко убѣдиться въ экономической необходимости подобнаго развитія, какъ только наше вниманіе обратится на новыя формы судоходнаго промысла, создавшіяся подъ вліяніемъ капитализма въ теченіе жизни двухъ послѣднихъ поколѣній людей.

Быстрое численное увеличеніе наличности судовъ германскаго флота въ теченіе этого времени представляетъ собою только соответствующее техническое выраженіе капиталистическаго расширенія предпріятій. По вычисленіямъ Къяера (Къаег) и по свѣдѣніямъ бюро «Веритасъ», нетто-вмѣстимость германскихъ морскихъ судовъ равнялась круглымъ счетомъ въ 1850 году полмилліону тоннъ, въ 1870 году милліону и въ 1900 году двумъ милліонамъ тоннъ. Такимъ образомъ, германскій торговый флотъ выдвигается на третье мѣсто среди флотовъ другихъ націй; въ настоящее время только американскій и англійскій флоты превосходятъ по величинѣ германскій (причемъ англійскій въ пять разъ больше послѣдняго!). Само собою разумѣется, что въ дѣлѣ этого подъема львиная часть достается Бремену и Гамбургу. Бременскій флотъ возросъ съ девяноста девяти судовъ вмѣстимостью въ 14600 ре-

естровых тонн-нетто въ 1825 году до четырехсотъ двухъ судовъ вмѣстимостью въ 541796 реестровыхъ тоннъ въ 1900 году; гамбургскій флотъ увеличился за то же время съ 286 судовъ вмѣстимостью въ 61540 реестровыхъ тоннъ до 793 судовъ вмѣстимостью въ 988854 реестровыхъ тонны. Такимъ образомъ, гамбургское арматорство въ настоящее время заключаетъ въ себѣ почти половину всего состава германскихъ судовъ. И даже больше того: подъемъ германскаго арматорства вообще не коснулся значительной части нѣмецкихъ гаваней, именно, гаваней Балтійскаго моря. Слѣдовательно (въ силу причинъ, съ которыми мы еще ознакомимся ниже), произошла замѣтная перемѣна положенія между судоходствомъ Сѣвернаго моря и судоходствомъ Балтійскаго моря по отношенію къ важности ихъ значенія. Строго говоря, нѣмецкій арматорскій промыселъ, развитіе котораго въ его цѣломъ мы покажемъ прослѣдили, имѣетъ двѣ исторіи: во-первыхъ, исторію самаго блестящаго расцвѣта (въ бассейнѣ Сѣвернаго моря) и, во-вторыхъ, исторію печальнаго увяданія (въ Балтійскомъ бассейнѣ).

Въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, востокъ, одаренный скудно уже самою природою, весьма мало развитъ у себя нѣмецкую культуру. Подумаемъ только о значеніи, въ противоположность всеобщему подъему, того факта, что наличный составъ судовъ прусскихъ прибалтійскихъ провинцій въ 1900 году былъ ниже, чѣмъ въ 1825 году (85315 реестровыхъ тоннъ въ первомъ случаѣ и 87000 реестровыхъ тоннъ во второмъ)! И звѣзда балтійскаго арматорства все болѣе и болѣе меркнетъ съ каждымъ годомъ, несмотря на арматорство Любека и голштинскихъ гаваней, несмотря даже на все великолѣпіе современной Германской имперіи. Наличность кораблей балтійскаго флота достигаетъ своего максимума въ 1875 году, когда число судовъ равняется 2109, а ихъ общая вмѣстимость 470914 тоннамъ; затѣмъ эти числа быстро убываютъ, спускаясь далеко ниже половины вышеприведеннаго максимальнаго значенія. Въ 1900 году балтійскій флотъ Германіи численно уменьшился съ двухъ тысячъ кораблей до восьмисотъ сорока, а количество его тоннъ до 218750 (Имперская статистика).

Оторвемся теперь отъ этой картины разоренія и будемъ разсматривать въ послѣдующемъ изложеніи процессъ внутренняго совершенствованія судоходнаго промысла,—процессъ, обусловливаемый капитализмомъ. Судоходство одинаково совершенствовалось, хотя, пожалуй, и не въ соотвѣтствіи съ его географическимъ значеніемъ, какъ на Сѣверномъ морѣ, такъ и на Балтійскомъ. Въ этомъ и заключается своего рода уравненіе условій общаго развитія.

Увеличеніе размѣровъ судна являлось предметомъ главныхъ стремленій. Конечно, для этой цѣли требовалось соотвѣтственное увеличеніе нужды въ транспортѣ. Въ самомъ дѣлѣ, при неразвитости обмѣна большое судно менѣе выгодно, чѣмъ маленькое, такъ какъ, вслѣдствіе долгихъ стоянокъ (въ ожиданіи полной нагрузки), большой корабль утрачиваетъ выгоду, доставляемую экономіей на его трюмовомъ пространствѣ. Поэтому маленькое судно являлось исключительно преобладающимъ въ морской торговлѣ еще лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, и не только по техническимъ соображеніямъ (мелковод-

ность, неисправное состояніе гаваней и тому подобное), но также въ силу экономическихъ основаній.

Увеличивающаяся эмиграція, а въ послѣдствіи и усилившееся движеніе путешественниковъ доставили необходимую массу пассажировъ (ежегодное среднее количество эмигрантовъ поднялось: въ Гамбургѣ съ 6424 человекъ за пятилѣтіе съ 1846 по 1850 годъ до 24746 за десятилѣтіе съ 1851 по 1860 годъ, въ Бременѣ же съ 11185 человекъ за десятилѣтіе съ 1832 по 1841 годъ до 30805 за пятилѣтіе съ 1847 по 1851 годъ и, наконецъ, до 39618 въ послѣдующемъ пятилѣтіи); ростъ товарообмѣна, развитіе котораго намъ предстоитъ еще прослѣдить, доставилъ количество товарныхъ грузовъ, нужное для быстрой нагрузки даже большихъ кораблей. Поэтому арматоры воспользовались всѣмъ этимъ и стали переходить къ судамъ все большей и большей величины. Съ 1841 года статистика Гамбурга содержитъ точныя данныя относительно величины гамбургскихъ судовъ. Согласно ея указаніямъ, средняя вмѣстимость судна равнялась: за время съ 1841 по 1845 годъ 187 реестровымъ тоннамъ, за время съ 1871 по 1875 годъ 469 реестровымъ тоннамъ и за время съ 1896 по 1900 годъ 1120 реестровымъ тоннамъ; въ самомъ же 1900 году средняя величина вмѣстимости судна равнялась 1233 реестровымъ тоннамъ. При этомъ еще слѣдуетъ принять во вниманіе, что самыя большіе корабли начинаютъ составлять все болѣе и болѣе большую часть флота. Изъ 988656 реестровыхъ тоннъ, которыя представляли собою общую вмѣстимость гамбургскаго флота въ 1900 г., 854744 тонны приходилось на суда вмѣстимостью свыше тысячи реестровыхъ тоннъ, 511600 тоннъ, слѣдовательно, далеко больше половины общаго количества на суда вмѣстимостью свыше двухъ тысячъ реестровыхъ тоннъ. Среди же самыхъ большихъ судовъ преобладаютъ гигантскія. Такое судно, какъ пароходъ Ллойда «Императоръ Вильгельмъ II», вмѣщаетъ 19500 реестровыхъ тоннъ (брутто); то-есть, его вмѣстимость больше вмѣстимости всего бременскаго флота въ 1825 году (которая составляла 14600 реестровыхъ тоннъ), и, навѣрно, она въ четыре раза больше вмѣстимости флота могущественнаго ганзейскаго города въ средніе вѣка; кромѣ того, этотъ пароходъ вмѣщаетъ приблизительно половину того, что вмѣщалъ гамбургскій флотъ въ сороковыхъ годахъ девятнадцатаго столѣтія (39670 реестровыхъ тоннъ), который состоялъ тогда изъ 211 судовъ. Итакъ, одинъ великанъ поглотилъ сто пять карликовъ. Сначала эта тенденція къ увеличенію обнаружилась безъ радикальнаго измѣненія судоходной техники; въ теченіе первыхъ десятилѣтій она касалась почти исключительно парусныхъ судовъ, которыя до недавняго времени далеко оставляли за собою пароходы. Еще въ 1880 году парусный флотъ Германіи превосходилъ (по вмѣстимости) почти въ пять разъ ея пароходный флотъ. Именно въ означенномъ году германскій парусный флотъ достигъ апогея въ своемъ развитіи; онъ имѣлъ въ это время за собою славное прошлое, проведенное имъ въ непрерывномъ совершенствованіи, начиная съ эпохи пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія.

И только лѣтъ двадцать (а въ обѣихъ большихъ гаваняхъ Сѣвернаго моря, можетъ-быть, лѣтъ тридцать) тому назадъ капитализмъ призналъ нужнымъ перемѣнить всю обстановку; онъ счелъ выгоднымъ водворить новую технику судоход-

ства, замѣняя парусное судно паровымъ. Все болѣе и болѣе начинаетъ обнаруживаться стремленіе ускорить обращеніе капитала, а какъ всякому извѣстно, сокращеніе транспорта играетъ рѣшающую роль въ вопросѣ объ осуществленіи вышеупомянутого стремленія. Германскій пароходный флотъ увеличивается съ 1880 года въ восемь разъ, тогда какъ вмѣстимость паруснаго флота понижается почти на половину. Этотъ скорый преобразовательный процессъ обнаруживается еще яснѣе въ развитіи гамбургскаго и бременскаго флотовъ. Паровой флотъ Гамбурга состоялъ въ 1870 году изъ тридцати семи небольшихъ судовъ общей вмѣстимостью только въ 32450 реестровыхъ тоннъ, тогда какъ парусный флотъ того же города имѣлъ 473 судна вмѣстимостью въ 191131 реестровую тонну; за промежутокъ времени съ 1870 до 1880 года паровой флотъ увеличился въ три раза, а съ тѣхъ поръ онъ удваивается въ теченіе каждаго пятилѣтія; именно его вмѣстимость послѣдовательно получаетъ такіа значенія: 99, 188, 373, 745 тысячъ реестровыхъ тоннъ. Въ 1900 г. паровой флотъ Гамбурга составляетъ больше трехъ четвертей общаго количества судовъ названнаго порта; при этомъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что транспортная способность парохода въ настоящее время оцѣнивается почти въ четыре раза выше провозоспособности паруснаго судна.

Въ заатлантическомъ мореплаваніи паровое судно уже теперь является почти полнымъ господиномъ положенія; тогда какъ въ европейскихъ моряхъ парусное судно еще сохранило нѣсколько болѣе значенія; такъ, по крайней мѣрѣ, обстоитъ дѣло въ Бременѣ. Здѣсь вмѣстимость паровыхъ судовъ равнялась въ 1900 году 87,14% общей вмѣстимости пришедшихъ въ гавань кораблей; при этомъ среди судовъ европейскаго плаванія вмѣстимость пароходовъ составляла 74,10% общей вмѣстимости, а среди заокеанскихъ судовъ вмѣстимость пароходовъ равнялась 97,02% общей вмѣстимости.

Съ переходомъ отъ паруснаго судна къ паровому совершается почти параллельно замѣна деревяннаго судна желѣзнымъ или стальнымъ; мы уже раньше оцѣнили значеніе этого процесса по другому поводу.

Пароходъ же совершенствуется, главнымъ образомъ, вслѣдствіе непрерывнаго усиленія его машинъ. Завоеванія, сдѣланныя въ этой области за послѣднія десятилѣтія, граничатъ съ чудеснымъ. Люди полагали пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, что совершили нѣчто неслыханное, когда снабдили неуклюжаго великана «Great Eastern» тремя тысячами лошадиныхъ силъ; въ настоящее время колоссальныя быстроходныя паровыя суда имѣютъ на своемъ борту машины въ сорокъ тысячъ лошадиныхъ силъ. Индикаторная сила гамбургскихъ пароходовъ въ 1900 г. составляла около 655707 лошадиныхъ силъ, то-есть, примѣрно столько же, сколько было лошадиныхъ силъ во всѣхъ неподвижныхъ паровыхъ машинахъ Прусскаго королевства середины семидесятыхъ годовъ истекшаго вѣка.

Въ соотвѣтствіи съ усовершенствованіемъ самого судна произошло значительное улучшеніе механизма нагрузки и разгрузки кораблей. Въ наше время главное вниманіе обращается на развитіе этого меха-

низма до высшей степени работоспособности; это достигается тѣмъ, что къ механизму приспособляютъ краны и наклонныя плоскости для спусканія грузовъ, прокладываютъ желѣзнодорожные рельсы въ непосредственной близости къ набережной и тому подобное; такимъ образомъ, судно стоитъ въ гавани минимумъ нужнаго времени, а потому оно можетъ быть употребляемо для цѣлей дѣйствительнаго транспортированія въ теченіе болѣе долгаго срока. Не меньшимъ успѣхомъ увѣнчались старанія устранить препятствія, затрудняющія судоходство; къ послѣднимъ относится, на примѣръ, перерывъ судоходнаго періода, причиняемый замерзаніемъ гаваней; теперь это препятствіе уничтожено введеніемъ ледоколовъ. Въ началѣ прошлаго столѣтія гамбургское судоходство еще очень часто обрекалось льдомъ на бездѣйствіе; такъ, подобное вынужденное бездѣйствіе судоходнаго промысла въ Гамбургѣ продолжалось въ среднемъ ежегодно за пятилѣтіе съ 1816 по 1820 годъ въ теченіе 56 дней (15,3% общаго числа дней), за пятилѣтіе съ 1821 по 1825 годъ—43 дня (11,8% общаго числа дней), за пятилѣтіе съ 1826 по 1830 годъ—72 дня (19,7% общаго числа дней), и такъ далѣе. Только съ 1850 года это число праздныхъ дней становится меньше 10% общаго числа дней въ году, и лишь съ 1876 года оно исчезаетъ совсѣмъ: судоходство совершается безпрепятственно круглый годъ.

Здѣсь, однако, мы уже затронули пунктъ, который имѣетъ рѣшающее значеніе въ дѣлѣ новоорганизации судоходнаго промысла; именно мы коснулись его интенсификаціи. Все стремленіе нашего времени направлено на ускореніе приѣмовъ нагрузки и выгрузки, на ускореніе рейсовъ, благодаря все большому и большому повышенію работоспособности пароходовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ—также на увеличеніе числа рейсовъ и, въ особенности, на установленіе ихъ правильности.

Въ 1880 году морскимъ сношеніямъ Гамбурга служили сорокъ двѣ правильныя линіи, въ 1885 году ихъ было шестьдесятъ шесть, въ 1890 году—девятностю пять, въ 1895 году—сто три и въ 1900 году—сто восемнадцать. Три четверти пароходныхъ сообщений уже приняли форму правильно поддерживаемыхъ рейсовыхъ линій.

Между тѣмъ, необходимыя экономическіе результаты подобнаго развитія судоходства совершенно ясны. Прежде всего транспортныя средства были увеличены до чудовищныхъ предѣловъ, благодаря расширенію наличнаго состава судовъ, благодаря переходу къ паровому судну (какъ уже было мною упомянуто, провозоспособность послѣдняго оцѣнивалась до 1885 года въ три раза больше провозоспособности паруснаго судна; теперь же первую считаютъ вчетверо больше второй; согласно этому слѣдуетъ всѣ цифровыя данныя, относящіяся къ пароходу, умножить на четыре, если имѣютъ въ виду сравнить ихъ съ прежними); наконецъ, колоссальное увеличеніе транспортных средствъ обязано своимъ происхожденіемъ и ускоренію рейсовъ. Дѣйствіе этой послѣдней причины обнаружилось затѣмъ естественнымъ и непосредственнымъ образомъ въ томъ, что она создала возможность соотвѣтственно болѣе скорого перемѣщенія и тѣмъ самымъ впервые сдѣлала осуществимыми опредѣленные транспорты (вспомнимъ только о перевозкѣ живого скота и объ артистическихъ турнѣ). Но, помимо перехода къ паровому

судну и усовершенствованія самого судоходства, ускоренію рейсовъ способствовали въ одинаковой мѣрѣ завоеванія науки о мореплаваніи и другіе успѣхи техники, а также не въ малой степени и прорытіе канала чрезъ Суэцкій перешеекъ. Вслѣдствіе этого рейсы особенно значительно сократились въ сообщеніи съ Индіей и восточной Азіей. Въ настоящее время пароходъ изъ Гамбурга или Бремена проходитъ меньше чѣмъ въ три недѣли разстояніе, которое парусное судно въ началѣ девятнадцатаго столѣтія проходило въ четыре мѣсяца и дольше. Однако, и переѣздъ черезъ Атлантическій океанъ совершается теперь въ промежутокъ времени, въ шесть и еще большее число разъ кратчайшій, чѣмъ прежде. Франклинъ переѣзжалъ въ Европу еще въ теченіе сорока двухъ дней; первый пароходъ «Саванна» находился въ пути двадцать шесть дней на томъ разстояніи, которое теперь проходитъ современными быстроходными паровыми судами въ пять дней.

Увеличеніе надежности и вѣрности транспорта, обусловленное, главнымъ образомъ, переходомъ къ пользованію пароходами, имѣло особенно важное значеніе для развитія сообщений. Теперь только явилась возможность считаться, какъ съ вѣрнымъ фактомъ, съ доставкой въ опредѣленный день посылки. Отнынѣ непрерывное морское сообщеніе являлось впервые обезпеченнымъ на круглый годъ. По величинѣ премій, которыя были временно повышены обществами страхованія на морѣ, возможно судить о томъ, какъ сильно увеличилась вѣрность морского транспорта въ теченіе послѣднихъ ста лѣтъ. Въ Гамбургѣ средняя величина страховыхъ премій равнялась въ 1814 году еще 3,5%, а затѣмъ понизилась до 1,5% въ 1850 году, до 1,2% въ 1870 году, до 0,9% въ 1890 году и до 0,79% въ 1900 году.

Однако, важнѣе всего слѣдующее обстоятельство: морской транспортъ сталъ не только болѣе производительнымъ, быстрымъ, надежнымъ и вѣрнымъ, но прежде всего онъ сталъ также дешевле, гораздо дешевле, чѣмъ раньше. Всѣ компетентные судьи согласны между собою въ этомъ приговорѣ. Въ приложеніи за № 27 я сообщаю таблицу, заимствованную Эмилемъ Фитгеромъ изъ торговой корреспонденціи въ «Weserzeitung» изъ Глазго отъ 7 февраля 1896 г. Достаточно одного взгляда на ея цифровыя данныя, чтобы убѣдиться въ слѣдующемъ: съ 1874 по 1896 годъ судової фрахтъ почти по всѣмъ направленіямъ спустился до половины, а часто даже до третьей или четвертой части прежней стоимости.

И, какъ въ сущности само собою разумѣется, слѣдствіемъ всего этого должно было явиться мощное расширеніе самого судоходнаго сообщенія, разъ только мы допустили здѣсь наличность движущихъ силъ, которыя стремятся къ своему проявленію въ капиталистическомъ хозяйствѣ. Читатель найдетъ всѣ относящіеся сюда цифровыя данныя въ приложеніи за № 28. Изъ нихъ онъ увидитъ, что судоходная торговля Гамбурга (ввозъ) поднялась за время жизни двухъ поколѣній людей съ 232 до 8041 тысячи тоннъ, то-есть, возросла въ тридцать пять разъ; судоходная торговля Бремена за пятьдесятъ лѣтъ увеличилась въ десять разъ, а судоходная торговля Германской имперіи утроилась за время существованія послѣдней.

V. Почта.—Заключительныя замѣчанія.

Наконецъ, скажемъ еще нѣсколько словъ о томъ собирательномъ учрежденіи, какимъ является современная почта.

Какъ ни велико во всѣхъ отношеніяхъ экономическое значеніе почты, однако, его подробное разсмотрѣніе мало касается экономиста. Исторія организаціи почтовыхъ сношеній въ девятнадцатомъ столѣтіи въ сущности относится къ области административнаго и государственнаго права или государственной исторіи; во всякомъ же случаѣ она принадлежитъ исторіи финансовъ, которая, вѣдь, не входитъ въ содержаніе нашего обзора. Въ самомъ дѣлѣ, съ начала истекшаго столѣтія почта представляетъ собою во всѣхъ нѣмецкихъ странахъ или государственное учрежденіе, или монополию, даваемую государствомъ, какъ, на примѣръ, имперская почта Турна и Такенса. Вслѣдствіе этого я въ правѣ быстро покончить съ нею (даже еще быстрее, чѣмъ я это дѣлаю!) и ограничиться указаніемъ на нѣкоторые результаты ея, которые особенно важны въ экономическомъ отношеніи (ихъ значеніе для другихъ отраслей хозяйственной жизни я отчасти уже успѣлъ оцѣнить, отчасти же еще подвергну ихъ оцѣнкѣ въ дальнѣйшемъ изложеніи моего предмета).

Какъ извѣстно, сущность почты, на ряду съ собираніемъ мелкихъ товаровъ и ихъ доставкой, состоитъ, главнымъ образомъ, въ организаціи передачи извѣстій. Поскольку различныя транспортныя средства, служащія пассажирскому и товарному сообщенію, въ состояніи способствовать осуществленію вышеозначенныхъ задачъ почтовой организаціи, исторія послѣдней является тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ исторіей уже извѣстныхъ намъ транспортныхъ учреждений (желѣзныхъ дорогъ, судоходства и тому подобнаго). Кромѣ того, однако, передачи извѣстій служатъ два специфическія средства сообщенія—телеграфы и телефоны, техническое развитіе которыхъ намъ уже извѣстно.

При этихъ обстоятельствахъ главная дѣятельность почтоваго вѣдомства можетъ заключаться всегда лишь въ организаціи и расположеніи отдѣльныхъ актовъ сообщенія, въ учрежденіи мѣстъ сбора всякаго рода корреспонденціи, и такъ далѣе. Для опредѣленія того, что было сдѣлано въ этомъ отношеніи, особенно же во второй половинѣ девятнадцатаго столѣтія, мы должны еще разъ припомнить тотъ фактъ, что сообщеніе извѣстій въ Германіи должно было вплоть до середины прошлаго вѣка чувствительно страдать еще отъ совершенно неслыханной пестроты тарифовъ и путей передачи, а равнымъ образомъ отъ высокихъ тарифныхъ ставокъ (до 1844 г. простое письмо внутри Пруссіи еще могло стоить девятнадцать зильбергрошей!). «То обстоятельство, что почтовые вѣдомства нѣмецкихъ государствъ держатся въ отношеніи почтовой службы различныхъ принциповъ, а также повышеніе платы за доставку корреспонденціи, вызванное соединеніемъ различныхъ тарифовъ за доставку почтовыхъ посылокъ, которыя переправляются изъ одной нѣмецкой области почтовыхъ сношеній въ другую,—все это создало препятствія и затрудненія для внутреннихъ сношеній въ Германіи; отсюда явилась мысль о необходимости для нѣмецкихъ почтовыхъ вѣдомствъ

войти въ соглашение относительно выработки простого и дешеваго тарифа для платы за доставку корреспонденции, а также относительно однородных административных нормъ». Такъ гласило официальное сообщеніе еще въ 1850 г.; какъ извѣстно, это сообщеніе дало поводъ къ заключенію въ этомъ же году почтоваго договора между Пруссіей и Австріей. Затѣмъ большинство остальныхъ нѣмецкихъ государствъ присоединились уже въ теченіе послѣдующихъ лѣтъ къ вышеназванному почтовому договору; такимъ образомъ, число различныхъ почтовыхъ областей въ Германіи, «къ счастью, понизилось до семнадцати» въ концѣ пятидесятихъ годовъ девятнадцатаго столѣтія.

Соотвѣтственно этому за время жизни людей двухъ послѣднихъ поколѣній мы сдѣлались свидѣтелями нижеслѣдующихъ новшествъ:

1. удешевленіе, объединеніе и упрощеніе платы за доставку писемъ.

Теперь мы ежедневно имѣемъ дѣло съ открытымъ письмомъ въ пять пфенниговъ и почтовой маркой, покупаемой за никкелевую монету; намъ кажется въ настоящее время совершенно естественнымъ, что письмо съ одной и той же суммой почтовой оплаты, будучи брошено въ почтовый ящикъ, отправляется какъ въ Россію, такъ и въ Англію или Китай; поэтому намъ трудно представить себѣ то состояніе пестроты и дороговизны тарифовъ, досадной приплаты и тому подобнаго, которое мы только-что описали.

2. Введеніе дешевой и единообразной доставки посылокъ отнынѣ уже почти во всѣхъ культурныхъ странахъ.

3. Учрежденіе трансфертнаго обращенія по почтѣ въ формѣ почтовыхъ переводовъ, заказовъ, наложеннаго платежа и тому подобнаго.

4. Почта приняла на себя книгопродавческія функціи въ видѣ пересылки газетъ.

И какъ вѣдь быстро разрослась та сѣть, которую почта и ея вспомогательныя операціи раскидываютъ надъ страной! Припѣвъ народной пѣсни «Kein Dörfchen so klein, muss ein Hammerschmied darinnen sein» *) уже давно отсталъ отъ экономическаго развитія страны; и если бы мы хотѣли привести его въ соотвѣтствіе съ формами современныхъ намъ сношеній, то его слѣдовало бы перестроить въ такой стихъ:

Kein Dörfchen so klein,

Kehrt täglich doch der Postbote ein **).

Къ числу предметовъ, выставленныхъ въ Чикаго, германскому имперскому почтамту принадлежали, между прочимъ, четыре большія стѣнные карты; онѣ изображали наглядно степень частоты почтовыхъ и телеграфныхъ конторъ Германской имперіи, существовавшихъ въ концѣ 1872 и въ концѣ 1892 года. Эти карты переданы въ уменьшенномъ масштабѣ въ «Статистиче-

*) Нѣтъ столь малой деревушки,
Гдѣ не жилъ бы кузнецъ.

**) Нѣтъ столь малой деревушки,
Куда не заходилъ бы ежедневно почтальонъ.

скомъ сборникѣ германскаго имперскаго управленія почтъ и телеграфовъ за 1893 гражданскій годъ» («Statistik des Deutschen Reichspost- und Telegraphenverwaltung für das Kalenderjahr 1893»). Нѣтъ ничего болѣе поучительнаго, какъ взглянуть на эти карты; онѣ обнаруживаютъ намъ на однихъ картахъ еще много бѣлыхъ мѣстъ; большая часть мѣстъ окрашена въ матовый цвѣтъ и только немногія въ темный; между тѣмъ, на другихъ картахъ вся поверхность является окрашенной, и темные квадраты встрѣчаются во множествѣ. Если же мы, вмѣсто 1892, возьмемъ 1900 г., то прогрессъ развитія сѣти окажется еще разительнѣе, какъ это видно изъ приложенія за № 29. Та же таблица содержитъ, равнымъ образомъ, цифровыя данныя, указывающія на увеличеніе сообщеній. Въ дополненіе прибавлю еще слѣдующее: въ 1842 году въ Прусскомъ королевствѣ приходилось на единицу его населенія около 1,5 письма, въ 1851 году — около трехъ писемъ. Это какъ-разъ та степень развитія сообщеній, которая существуетъ въ настоящее время въ Болгаріи (2,8), Греціи (3,5), Босніи (5,9), Румыніи (3,4), въ Россіи съ Сибирью вмѣстѣ (3,6), въ Сербіи (3,5), Финляндіи (2,3) и въ подобныхъ же полуварварскихъ государствахъ. Напротивъ, въ Германіи въ 1900 году на одного жителя приходилось сданныхъ на почту писемъ, закрытыхъ и открытыхъ, 45,5 печатныхъ произведеній и т. п. 41,4, вообще же почтовыхъ посылокъ 92,9.

Телеграфы (государственные) были открыты для публичнаго пользованія вообще лишь въ концѣ пятого и въ началѣ шестого десятилѣтія прошлаго вѣка; это открытіе послѣдовало: въ Пруссіи въ 1849 году, въ Баваріи и Саксоніи въ 1850 году, въ Вюртембергѣ и Баденѣ въ 1851 году, въ Ганноверѣ въ 1852 г., въ Мекленбургѣ-Шверинѣ и Брауншвейгѣ въ 1854 году, въ Ольденбургѣ въ 1855 году и т. д. Въ 1872 году въ Германской имперіи было 4038 телеграфныхъ конторъ, или 22,1 на квадратный километръ, а въ 1900 году, напротивъ, 24456, или 133,6 на квадратный километръ. Общее количество телеграммъ, посланныхъ по имперскимъ и государственнымъ телеграфнымъ линіямъ, возросло съ 12165954 въ 1872 году до 46008795 телеграммъ въ 1900 году. Въ настоящее время на сто жителей въ Германіи приходится 68,5 телеграммъ, во Франціи же 109, а въ Великобританіи 216,5. Болѣе слабое развитіе въ этомъ отношеніи отчасти, объясняется, конечно, значительнымъ распространеніемъ телефона, относительно котораго приложеніе за № 30 доставляетъ намъ искомое заключеніе.

Развитіе телефоновъ за короткое время ихъ существованія граничить съ баснословнымъ. Въ 1881 году только семь мѣстъ въ Германской имперіи имѣли телефонныя сѣти; тогда какъ въ 1900 году это число равнялось 15333; число телефонныхъ аппаратовъ равнялось въ 1881 году 1504, а въ 1900 г. — уже 289647; провода городскихъ телефоновъ имѣли въ 1881 году 3179 километровъ длины, а въ 1900 году уже 611368 километровъ. Равнымъ образомъ и телефонныя сношенія значительно возросли за послѣднія двадцать лѣтъ. Въ 1884 году существовали всего двадцать двѣ соединительныхъ станціи между различными мѣстами Германской имперіи; въ 1900 году это число возросло уже до 2797; длина проводовъ у первыхъ равнялась 1140 километрамъ, а у вторыхъ 221723 километрамъ. Въ началѣ двадцатаго столѣтія изъ Берлина можно гово-

рять по телефону съ 1607 мѣстами въ Германіи и 74 за границей, изъ Гамбурга же—съ 1097 мѣстами въ Германіи и 73 за границей.

Посѣщеніе главной телеграфной конторы въ Берлинѣ, вновь учрежденной въ 1902 году, даетъ намъ вѣрное представленіе о могуществѣ современныхъ намъ телеграфныхъ сношеній. Главная берлинская телеграфная контора служитъ посредствующимъ звеномъ не только для всего телеграфнаго сообщенія столицы и примыкающихъ къ сѣти пригородовъ—Шарлоттенбурга, Шёнеберга, Риксдорфа, Вильмерсдорфа и т. д., но также для значительной части телеграфнаго сообщенія Европы и Азии. Германія, расположенная въ сердцѣ Европы, образуетъ собою, такъ сказать, передаточную станцію для телеграфнаго сообщенія большей части европейскихъ государствъ. Равнымъ образомъ линіи, пересѣкающія Европу и выходящія изъ ея предѣловъ, отчасти проходятъ черезъ Берлинъ, какъ, напримѣръ, телеграфъ изъ Лондона въ Тегеранъ. Поэтому около двухъ третей работы берлинскаго телеграфнаго вѣдомства приходится на передаточное сообщеніе. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ явилась необходимость въ соответственномъ расширеніи главнаго зала берлинской центральной телеграфной конторы. Поверхность этого зала при его перестройкѣ была доведена до 44×38 метровъ. Въ немъ находится около ста шестидесяти аппаратовъ Юза, и къ нимъ присоединены еще аппараты Морзе; такъ что въ одномъ залѣ поставлено около трехсотъ шестидесяти аппаратовъ. Новая центральная станція съ коммутаторами, выработанными телефонной техникой, можетъ соединить каждый аппаратъ съ каждымъ проводникомъ. Здѣсь соединяется не меньше четырехсотъ пятидесяти проводовъ, при помощи которыхъ возможно сноситься по телеграфу приблизительно съ пятью тысячами мѣстъ. Выстукивающіе аппараты, въ количествѣ около восьмидесяти, находятся въ особомъ залѣ. Главный залъ помѣщается на уровнѣ земли; лѣстница ведетъ въ служебныя помѣщенія главной телеграфной конторы; выше же, еще на одну лѣстницу, находятся служебныя помѣщенія главной телефонной конторы.

* * *

Я не могу заключить этой главы объ организаціи сношеній, не сдѣлавъ еще нѣсколько замѣчаній болѣе общаго содержанія.

Спрашивается, во-первыхъ, по какой причинѣ Германія опередила другія націи почти во всѣхъ отрасляхъ, именно системы сообщеній? Я, дѣйствительно, думаю, что у насъ наилучшая почта, наилучшія желѣзныя дороги, самыя большія и производительныя судоходныя общества въ мірѣ. Почему? Конечно, потому, что мы имѣли гениальныхъ организаторовъ въ родѣ Мейера и Стефана. Но мнѣ кажется, что главная причина здѣсь все-таки иная: именно пугдѣ характерная особенность нѣмецкой народности—порядокъ, дисциплина, вѣрность долгу—не можетъ проявиться такъ сильно, какъ въ современной организаціи сношеній. Между тѣмъ, эти качества образуютъ элементы, изъ которыхъ въ настоящее время составляются такія формы организаціи, какъ почта или желѣзныя дороги, гдѣ онѣ хорошо функционируютъ. А этихъ качествъ—мы можемъ утверждать съ увѣренностью—не перейметъ отъ насъ ни одна нація. Къ тому же

почта и желѣзныя дороги въ ихъ теперешней формѣ представляютъ собою въ сущности только штатскіе отряды нашей арміи. Это обстоятельство выражается, на самомъ дѣлѣ, въ томъ, что и почта, и желѣзныя дороги не только завѣдуются государствомъ, но, кромѣ того, управляются у насъ, въ Пруссіи, за послѣднее время по преимуществу генералами. При такомъ управленіи коммерческая сторона тарифныхъ и подобныхъ имъ вопросовъ, можетъ-быть, иногда и страдаетъ; но зато именно военный способъ поддерживать, какъ слѣдуетъ, дисциплину и порядокъ, на которыхъ, главнымъ образомъ, основывается всякое современное намъ учрежденіе, организующее сношенія. Въ другомъ мѣстѣ нашего сочиненія мы еще опѣнимъ тѣ результаты, которые вытекаютъ для формообразованія современнаго общества изъ того факта, что арміи чиновниковъ, служащихъ въ большихъ государственныхъ учрежденіяхъ по организаціи сообщеній въ Германіи, заключаютъ въ себѣ три четверти милліона человекъ; эти люди стоятъ на вытяжку, держа руки по швамъ, когда съ ними говоритъ «начальникъ».

Хотя, какъ я часто указывалъ, наше изложеніе не касается финансоваго хозяйства, однако, я хотѣлъ бы обратить здѣсь вниманіе читателя только на одно обстоятельство; я имѣю въ виду то выдающееся значеніе, которое большія организаціи сообщеній съ ихъ излишками доходовъ получили для государственныхъ финансовъ не столько въ Германской имперіи, сколько въ ея союзныхъ государствахъ. Излишки доходовъ имперскаго почтово-телеграфнаго вѣдомства не играютъ черезчуръ значительной роли въ имперскомъ хозяйствѣ. Эти излишки составляли въ 1899 году 51,8 милліонъ марокъ при бюджетѣ расходовъ въ 1960,6 милліоновъ марокъ; въ 1900 году излишки равнялись всего 25,3 милліонамъ марокъ при общихъ расходахъ въ 2197,3 милліоновъ марокъ. Напротивъ, прусскіе финансы, напримѣръ, всецѣло зависятъ отъ результата доходовъ желѣзныхъ дорогъ. За послѣдніе годы эти доходы въ Пруссіи составляли отъ пятидесяти до шестисотъ милліоновъ марокъ, то-есть, всякій разъ значительную четверть общихъ поступлений. Извѣстно, что подобнаго рода сплетеніе желѣзно-дорожнаго хозяйства съ финансами союзныхъ государствъ и создало одну изъ труднѣйшихъ проблемъ экономической и финансовой политики Германіи.

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ.

Промышленность.

1. Общій обзоръ.—Ростъ значенія промышленнаго производства.

Какъ мнѣ кажется, ходъ развитія промышленной жизни нашего столѣтія характеризуютъ три великихъ ряда явленій.

Во-первыхъ, сильный численный ростъ класса людей, занимающихся промышленностью какъ профессією; этотъ ростъ происходитъ вдвое скорѣе, чѣмъ

ростъ самого населенія; во-вторыхъ, сюда относится отбѣсненіе ремесленной организаціи промышленности капиталистическою организаціею; наконецъ, въ-третьихъ, самъ промышленный капитализмъ переходитъ къ высшимъ формамъ организаціи предпріятій и техники; это является слѣдствіемъ неслыханно сильной концентраціи капиталовъ и по своему вліянію на народное хозяйство равносильно мощному повышенію индустріальной производительности какъ въ качественномъ, такъ и въ количественномъ отношеніяхъ.

Сперва мы бросимъ бѣглый взоръ на первую изъ названныхъ тенденцій—на сильный ростъ класса людей, занимающихся промышленностью какъ профессіей.

Въ Прусскомъ королевствѣ въ 1846 году десять профессиональных промышленныхъ рабочихъ приходилось на каждыхъ сто двадцать два жителя страны, въ 1871 году—уже на каждыхъ девяносто три, а въ 1895 году (средняя величина отношенія для всей Германской имперіи)—уже всего на каждыхъ шестьдесятъ пять. Такимъ образомъ, около середины девятнадцатаго столѣтія изъ жителей Пруссіи круглымъ счетомъ каждый двѣнадцатый человѣкъ былъ промышленнымъ производителемъ, въ началѣ столѣтія, можетъ-быть, каждый пятнадцатый; тогда какъ къ концу вѣка, каждый шестой или даже пятый житель Германской имперіи зарабатывалъ себѣ средства существованія промышленнымъ трудомъ. Общія цифры за 1882 и 1895 годы были слѣдующія.

Въ области германской индустріи (включая сюда горное дѣло и строительный промыселъ) числилось:

Годъ	Число главныхъ предпріятій	Число людей, занимающихся промышленными профессіями	Число промышленныхъ работниковъ вообще, приходящееся на 1000 елиницъ населенія (по даннымъ промышленной статистики)
1882	2270339	5933663	336,9
1895	2146672	8000503	361,4

Чѣмъ объясняется это своеобразное явленіе? Тотъ фактъ, что мы, нѣмцы, все болѣе и болѣе изготовляемъ продукты индустріального производства для чужихъ націй (которыя, въ свою очередь, занимаются, вмѣсто насъ, земледѣліемъ),—этотъ фактъ не можетъ, какъ принято думать, служить намъ объясненіемъ—ни полнымъ, ни частичнымъ. Скорѣе будетъ правильнѣе утверждать, что этотъ ростъ вызывается, главнымъ образомъ, ростомъ потребности въ промышленныхъ продуктахъ, происходящихъ въ собственной странѣ. Правда, часть теперь болѣе многочисленныхъ, чѣмъ прежде, промышленныхъ производителей является новой только въ статистикѣ, а не въ дѣйствительности. Именно можно доказать, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія, и особенно быстро въ теченіе его послѣдней трети, совершается непрерывное сокращеніе домашняго самостоятельнаго производства, еще значительно распространеннаго, какъ мы видѣли, въ началѣ столѣтія. Потребность въ промышленныхъ продуктахъ даже крестьянской среды,

не говоря уже о семьяхъ городскихъ жителей, въ настоящее время лишь въ ничтожно-малыхъ размѣрахъ удовлетворяется путемъ домашняго печенья, убоя скота, выдѣлки кожи, пряденья, тканья, шитья обуви, одежды и т. д. Наоборотъ, можно выставить въ качествѣ правила, что все нужное закупается на рынкѣ или заказывается самостоятельному промышленнику. Такимъ образомъ, извѣстный трудъ еще лѣтъ сто или пятьдесятъ тому назадъ совершался семьею въ качествѣ побочнаго промысла, а потому статистикъ и не думалъ относить его къ «промышленной дѣятельности» (занимавшіяся этимъ трудомъ семьи по большей части причислялись, повидимому, къ сельско-хозяйственному населенію); въ настоящее время тотъ же самый трудъ образуетъ содержаніе опредѣленной промышленной профессіи, и отнынѣ статистика относитъ его къ промышленности. Таково первое основаніе, въ силу котораго область промышленной дѣятельности увеличилась (въ данномъ случаѣ только кажущимся образомъ) въ теченіе девятнадцатаго столѣтія.

Однако, это увеличеніе произошло и въ дѣйствительности, и именно по многимъ причинамъ. Оно было вызвано прежде всего ростомъ богатства. Въ настоящее время, ради дѣйствительнаго или мнимаго повышенія жизненныхъ наслажденій, мы употребляемъ множество благъ, излишнихъ по сравненію съ тѣми, которыя мы употребляли лѣтъ сто тому назадъ; весьма значительная часть этого излишка создается промышленностью или, правильнѣе говоря, проходитъ черезъ сферу послѣдней и только уже послѣ того дѣлается пригодной для употребленія. Необходимо помнить, что все, обыкновенно обозначаемое нами общимъ названіемъ матеріальной культуры, основывается на промышленныхъ продуктахъ или, вѣрнѣе говоря, необходимо предполагаетъ матеріальную обработку; сюда относятся: улучшеніе и украшеніе нашихъ жилищъ, одежды и нарядовъ; наше развлеченіе предметами искусства и литературы и зрѣлищами всякаго рода; усовершенствованіе путешествій, ухода за больными, сумасшедшими и заключенными въ тюрьмахъ; усовершенствованіе врачебнаго искусства (подумаемъ о медицинскихъ инструментахъ!) и гигиены; устройство канализаціи и освѣщенія. Несомнѣнно, однако, что обработка вещества находитъ себѣ болѣе широкое поле примѣненія при изготовленіи этихъ безчисленныхъ предметовъ, чѣмъ при добавочномъ трудѣ, направленномъ на добычаніе сырыхъ веществъ, идущихъ на предметы матеріальной культуры. Равнымъ образомъ, трудъ, посвященный добычанію пищевыхъ средствъ, далеко не нуждается въ повышеніи, равномъ повышенію обрабатывающаго труда, потому, что пищевыя средства сами отнюдь не столь дифференцированы и утончены, какъ продукты промышленнаго производства. Слѣдовательно, въ силу указанной причины, число промышленныхъ тружениковъ, даже въ изолированномъ государствѣ, должно было бы расти быстрѣе числа производителей сырыхъ веществъ и пищевыхъ средствъ (конечно, при томъ условіи, что производительность сельско-хозяйственнаго труда повышается!).

Надо прибавить, что въ наше время Германія, какъ мы еще увидимъ, получаетъ въ большомъ количествѣ изъ-за границы тѣ сырыя вещества, которыя она обрабатываетъ, и которыя нѣкогда производились ея

самую; таковы, напимѣръ, пакля, воскъ, шерсть, дерево, шкуры; кромѣ того, она употребляетъ теперь въ большемъ количествѣ, чѣмъ раньше, сырыя вещества экзотическаго происхожденія, какъ-то: хлопкъ, джутъ и тому подобныя. А это обстоятельство, какъ очевидно, въ свою очередь увеличиваетъ еще сильнѣе число промышленныхъ производителей, такъ какъ производители обрабатываемыхъ сырыхъ веществъ причисляются къ сельско-хозяйственнымъ работникамъ уже не собственной страны, какъ было прежде, а къ заграничнымъ. Понятно, Германія должна покупать получаемыя ею изъ-за границы сырыя вещества, расплачиваясь за нихъ отчасти произведеніями своей индустріи (что она и дѣлаетъ на самомъ дѣлѣ); въ этомъ заключается новое основаніе къ увеличенію числа промышленныхъ производителей. Наконецъ, правы также въ слабой степени и представители ходячаго мнѣнія, когда они утверждаютъ, что на наши промышленные продукты мы покупаемъ себѣ за границей пищевыя средства, добывавшіяся нами прежде въ нашей собственной странѣ; мы еще докажемъ въ послѣдствіи съ цифрами въ рукахъ вѣрность и этого утвержденія.

Но я долженъ упомянуть еще объ одной, самой важной причинѣ, благодаря которой постоянный ростъ промышленныхъ производителей является необходимымъ; причемъ этотъ процессъ въ данномъ случаѣ обходится безъ всякой международной торговой связи и можетъ происходить въ «замкнутомъ», «изолированномъ» государствѣ; и даже условіе, предполагающее, что производительность сельско-хозяйственного труда повышается, оказывается лишнимъ. Эта причина заключается въ томъ измѣненіи способовъ удовлетворенія потребностей, которое произошло въ девятнадцатомъ столѣтіи; оно возникло подъ вліяніемъ своеобразнаго развитія экономической техники, подъ вліяніемъ того замѣненія организованной матеріи неорганизованной, которое мы смогли констатировать въ качествѣ основной черты общей технической эволюціи. Мы видѣли, въ сколь значительныхъ размѣрахъ особенно желѣзо находить себѣ въ настоящее время примѣненіе вмѣсто дерева, пакли, кожи и другихъ веществъ организованной матеріи (относительно повышенія производства желѣза и стали за послѣднія десятилѣтія мы можемъ почерпнуть свѣдѣнія изъ приложенія за № 31); мы видѣли также, въ сколь сильной степени паръ и электричество замѣнили собою животныхъ двигателей, а равнымъ образомъ, какъ растительное топливо замѣнено мертвыми лѣсами минувшихъ геологическихъ эпохъ; намъ извѣстно, какъ значительно растительные и животные продукты вытѣснены изъ употребленія химически приготовленными веществами, особенно же красками, а также лѣкарствами, лакомствами и т. п. Очевидно, однако, что всѣ эти процессы должны были, въ свой чередъ, вызвать ростъ промышленнаго производства; желѣзо, изъ котораго теперь строятся корабли, мосты, дома, обрабатывается безчисленнымъ множествомъ «индустріальныхъ» рабочихъ, между тѣмъ какъ дерево пѣкогда добывалось рабочими на лѣсныхъ промыслахъ; люди, рубившіе лѣсъ на топливо, также были лѣсопромышленными рабочими, тогда какъ каменный уголь добывается индустріальными рабочими. Разведеніе лошадей, когда-то служившихъ для передвиженія экипажей, составляло задачу людей, которые занимались сельскимъ хозяйствомъ и скотовод-

40684